

ГАЛОЎНАЕ ўПРАЎЛЕННЕ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ
І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ ВІЦЕБСКАГА АБЛЫКАНКАМА
ДЗЯРЖАЎНАЯ ўСТАНОВА
«ВІЦЕБСКАЯ АБЛАСНАЯ БІБЛІЯТЭКА ІМЯ У.І. ЛЕНІНА»
ўСТАНОВА КУЛЬТУРЫ «ВІЦЕБСКІ АБЛАСНЫ КРАЯЗНАЎЧЫ МУЗЕЙ»
ўСТАНОВА АДУКАЦЫІ «ВІЦЕБСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ўНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ П.М. МАШЭРАВА»
КАФЕДРА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Т. 1

*Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай
канферэнцыі, прысвечанай 170-годдзю
з дня нараджэння М.Я. Нікіфароўскага*

5 лістапада 2015 г., Віцебск

Мінск 2016

УДК 947 (Р476.5)
ББК 63.3 (4 Бей-Вит)5
В54

Рэцэнзенты:

кандыдат педагагічных навук, прарэктар па навукова-метадычнай
работе дзяржаўнай установы адукацыі «Інстытут культуры Беларусі»

А. В. Прадзеіна,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі
і турызму ўстановы адукацыі «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт»

С. А. Шыдлоўскі,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры ўсеагульнай
гісторыі і сусветнай культуры ўстановы адукацыі «Віцебскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя П. М. Машэрава» Г. М. Якаўлева

Рэдакцыйная калегія:

Т. М. Адамян (гал. рэд.), В. М. Камендантава, Л. І. Рагачова,

А. М. Дулаў, М. В. Півавар,

В. А. Шышанаў, Д. В. Юрчак, А. М. Васілеўская,

В. М. Аўсяннікава, Н. В. Фенчанка

Віцебскі край : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай
В54 канферэнцыі, прысвечанай 170-годдзю з дня нараджэння М. Я. Нікіфа-
роўскага, 5 лістапада 2015 г., Віцебск / Галоўнае ўпраўленне ідэалагіч-
най работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама,
Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна»,
Установа культуры «Віцебскі абласны краязнаўчы музей», Устано-
ва адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава»,
Кафедра гісторыі Беларусі ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. –
Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2016. – Т. 1. – 351 с.

ISBN 978-985-7039-99-9

У т. 1 штогадовага выдання «Віцебскі край» увайшлі матэрыялы Міжна-
роднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 170-годдзю з дня на-
раджэння М. Я. Нікіфароўскага, якая адбылася 5 лістапада 2015 г. у ДУ «Віцеб-
ская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна».

Выданне адрасавана гісторыкам, музейным супрацоўнікам, архівістам,
краязнаўцам, бібліятэкарам, педагогам, усім, хто цікавіцца гісторыяй роднага
краю.

УДК 947 (Р476.5)

ББК 63.3 (4 Бей-Вит)5

ISBN 978-985-7039-99-9

© Дзяржаўная ўстанова «Віцебская
абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», 2016

© Дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная
бібліятэка Беларусі», 2016

ПРАДМОВА

Матэрыялы зборніка адкрываюць штогадовую серыю выданняў «Віцебскі край» і прысвечаны 170-годдзю з дня нараджэння Мікалая Якаўлевіча Нікіфароўскага.

Мікалай Якаўлевіч Нікіфароўскі (17.05.1845–10.06.1910) – беларускі этнограф, фалькларыст, кразнаўца. Ём апублікавана каля 20 даследаванняў, якія сталі каштоўнай крыніцай для вывучэння матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў.

«Очерки Витебской Белоруссии» ў 8 частках М.Я. Нікіфароўскага, што выдаваліся з 1892 па 1899 г., характарызавалі становішча розных груп насельніцтва Віцебшчыны. Падрабязныя этнаграфічныя звесткі пра матэрыяльную культуру і гаспадарчую дзейнасць сялян Віцебшчыны ўтрымліваюцца ў найбуйнейшым даследаванні па матэрыяльнай культуры беларусаў XIX ст. «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов быта» (1895). У працы Нікіфароўскага «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах, местах... Витебской Белоруссии» (1897) апублікаваны 2307 разнастайных народных прыкмет, павер'яў, абрадаў, забабонаў, звестак па народнай медыцыне, казак, легенд.

Фальклорны зборнік «Белорусские песни-частушки» (1911), які пабачыў свет ужо пасля смерці Мікалая Якаўлевіча, з'яўляецца першым буйным зборнікам прыпевак і ўтрымлівае 2356 прыпевак, сабраных М.Я. Нікіфароўскім і яго карэспандэнтам з 1860 па 1905 г.

Разам з тым спадчына М.Я. Нікіфароўскага яшчэ недастаткова вывучана, цэлы шэраг даследаванняў беларускага этнографа вядомы толькі вузкаму колу спецыялістаў.

5 лістапада 2015 г. у ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна» адбылася Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя, прысвечаная 170-годдзю з дня нараджэння М.Я. Нікіфароўскага. Яе арганізатарамі выступілі Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна, Віцебскі абласны кразнаўчы музей, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава. Для ўдзелу ў канферэнцыі было падана больш за 70 заявак ад кразнаўцаў, гісторыкаў, супрацоўнікаў музеяў, бібліятэк, вышэйшых навучальных устаноў Беларусі, Расіі, Украіны, Латвіі, Азербайджана.

Даклады, што прагучалі на канферэнцыі, сталі асновай дадзенага зборніка. Яго матэрыялы згрупаваны па пяці раздзелах: «Жыццё і даследчая дзейнасць М.Я. Нікіфароўскага», «Гістарычнае кразнаўства», «Літаратурнае кразнаўства. Этнаграфія. Фалькларыстыка», «Культурна-асветныя ўстано-

вы ў сістэме сучаснага краязнаўства», «Рэлігійнае жыццё: гісторыя і сучаснасць». Шырокая тэматыка дакладаў, якія былі прадстаўлены на секцыях, закранае розныя пытанні краязнаўства, этнаграфіі, фалькларыстыкі.

Прадстаўленыя ў зборніку матэрыялы могуць быць выкарыстаны як для вывучэння і папулярызацыі багатай спадчыны Мікалая Якаўлевіча Нікіфароўскага, так і ў навукова-даследчай рабоце краязнаўцаў, гісторыкаў, педагогаў, студэнтаў.

ЖЫЦЦЁ І ДАСЛЕДЧАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ М.Я. НІКІФАРОЎСКАГА

Арпенцьева М.Р. (г. Калуга, Россия)

ФОЛЬКЛОР КАК КОМПОНЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Историческая память – система передаваемых из поколения в поколение исторических фактов и мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Иногда рассматривается как измерение коллективной (или социальной) памяти. Близко к ней и понятие «культурная память», под которой понимается система базовых представлений общества о прошлом, закрепленное в памятниках культуры и социальной традиции. Источники формирования исторической памяти многообразны – текстовая традиция, включая широкий круг нарративных источников, коммеморации (праздники, посвященные историческим событиям, дни памяти и т. п.) и многое другое. Историческая память – область междисциплинарных исследований. Исследованиями исторической памяти занимаются историки, социологи, этнографы и философы. Многочисленные и разные по видам, формам и темпам культурные изменения исторической памяти и истории в целом объединяются в понятие «культурная динамика», которое подразумевает как изменения внутри культуры, так и во взаимодействии разных культур. Культурная динамика описывает изменения или модификацию культуры во времени и пространстве посредством независимых открытий и целенаправленных реформ; культурных заимствований (стихийного или целенаправленного подражания) и культурной межгрупповой и стратификационной диффузии (стихийного обмена в процессе контакта культур), а также культурной трансмиссии – обучения. Культурная трансмиссия – процесс, благодаря которому культура передается от предшествующих поколений к последующим через целенаправленное или стихийное обучение. Решением этих проблем занимается не так много ученых, среди которых, например, в Беларуси, одним из известных исследователей был Н.Я. Никифоровский, в том числе в сотрудничестве с П.В. Шейном и Е.Ф. Карским [1; 3; 4; 20]. Он занимался сбором самого разного этнографического материала, прежде всего его интересы касались духовной культуры белорусов, их мифов и поверий, ритуалов и сказаний [1; 3; 4; 9; 12].

В современной фольклористике, развивающей идеи В.Я. Проппа [13; 14; 15], используется феноменологический подход к изучению народных (фольклорных) текстов (легенд и сказаний, причитаний и других фольклорных

композиций), в том числе – народных классических и современных утопий и антиутопий («преодоление рабства») [16; 17; 18]. Если сравнить их с работами Н.Я. Никифоровского и его коллег [10; 12; 20], можно увидеть те же попытки описать состояние народа после отмены крепостничества, переживание народом значимых событий, представление о прошлом и будущем, ритуалах, направленных на гармонизацию отношений человека с пространствами и временами его жизни [1; 8; 9; 12].

Н.Я. Никифоровский отметил важность понимания «потусторонних» оснований жизнедеятельности человека: описывая «нечисть» как невидимых врагов человека, которые, в отличие от видимых (нашествия завоевателей, голод, эпидемии), окружают его от рождения и до смерти и являются более грозными, чем реальные [8; 9]. Они властвуют над умами людей, передаваясь из поколения в поколение как бесспорное правило жизни, которому надо следовать безо всяких сомнений и оговорок, или – защищаться – ритуалами и иными способами – без оговорок. В любом случае, важным моментом становится внимание к «знакам» [10; 11; 12]. Анализируя их и связанные с ними поверья, Н.Я. Никифоровский стремился осуществить их классификацию по категориям, отражающим современное ему представление о фольклорных жанрах, главным критерием выделения которых является «соответствие реальной действительности» [6; 11]. Так, приметы определяются им как «суеверное толкование и взгляд на действия и явления, существующие на самом деле», а поверья – как «превратное верование в действительные предметы, или же верования в предметы, действия и явления, созданные вымыслом» [11, с. 1]. Далее, он стремился рассматривать «всю область суеверно-предрассудочных положений» «без различия между приметами и поверьями», хотя и, со ссылкой на В.И. Даля, ввел еще один критерий «достоверности: “языческий” характер текстов», отмечая, что такие тексты при их «освещении лучом христианства» оказываются «нелепыми, бессмысленными сказаниями» [11, с. 2]. Языческим текстам противостоят «напоминающие» или «на самом деле» являющиеся «поучительными примерами (притчами), которыми окольно, иносказательно слушатель поучается тому, чего нельзя было сказать ему прямо». Есть и «заведомо» иносказательные верования, которые «могут быть приравнены то к загадкам, то к пословицам и поговоркам». Он обращал внимание и на ненаучную, непохожую на собирательную «народную терминологию» (так, все «приметы и поверья», «суеверные обряды и обычаи», а также «легендарные сказания» «известны под общим простонародным названием “бабских забобонов”»). В этом смысле интересна идея сравнить народную и научную фольклористики, различия их взглядов на мир и предназначение фольклора: в первом случае фольклор есть компонент повседневности, воспитания и передачи опыта, структурирования времени и налаживания отношений, во втором – компонент культуры, ее истории и будущего, отражающий концепции человека и мироздания.

Н.Я. Никифоровский также рассматривал прагматический аспект бытования текстов (выделяя «сказания», которые для своей выгоды могут быть использованы «проходимцами», а также «памятники верования», которым «кроме мошеннических мероприятий нет иного имени» [11, с. 2]. Другой рамочной конструкцией служил жизненный цикл человека, представленный исследованием «дitia “од спычатку” до конца “блазноцтвы”», молодежи обоего пола, брака, зрелости и болезней, старости и недомоганий, кончины человека. В сферу его интересов также входили будничная и святочная жизнь дома и вне дома (повседневность и праздничность, начало и завершение жизни), явления природы и духа (в том числе «нечистого»), календарные, природные циклы, предвестники будущего и «исторические предания» [6; 11].

Как известно, в современной фольклористике фольклорные тексты рассматриваются как языковые структуры, функционирующие в народном быту, их изучение связано как с филологией, так и этнографией и историей [14]. Опираясь на традицию В. Проппа, который заложил основу структурализма в фольклористике, он и другие ученые изучали и изучают структуры фольклора, отмечая, что именно в фольклоре структуры обнаруживаются наиболее явно: фольклор формализован, как вообще вся традиционная народная культура, больше, чем тексты философские или художественно-исторические. Фольклор одновременно пронизан символикой и «форматирован». По его мнению, одно из важных направлений исследования народных текстов связано с постмодернизмом и теорией культурного критицизма. Постмодернизм отмечает, что ученые воспринимали фольклорный текст как «первичную структуру», существующую на уровне народной культуры, сознания народа. Однако сторонники литературного критицизма и постмодернистской ориентации полагают, что речь идет о совместном порождении: фольклор – это тексты, которые порождены одновременно и представителем народа – информатором, и тем профессионалом, который их записывает. Исследователь организует, редактирует, интерпретирует, а иногда и «досочиняет» что-либо, чтобы «уложить» в свою «предконцепцию». Такого рода саморефлексия – понимание своего вклада в фольклор – очень важна: необходимость учета «возмущающего влияния наблюдателя» и импровизаций исполнителя-информатора сказывается уже в момент исполнения, особенно в «разговорных» жанрах, типа «причитаний» и т. д. Контакт с исполнителем помогает «добиться» «естественного» текста: воздействие собирателя нужно учитывать изначально. Оно не обесценивает фольклор, как и другие этнографические данные. Кроме того, важно изучение в сравнении фольклора и иных текстов и культурных артефактов. Работы в этнографии структурализма связаны с возможностью и необходимостью учитывать «тринарность» структуры «оппозиций» архетипических структур в этнических текстах: «симметрия бинарной оппозиции предполагает некую ось, вокруг которой эти оппозиции располагаются, поэтому это одновременно и тринарная структура», культурная «конструкция» опирается на конкретные

историко-социальные факторы. Текстовая структура далеко не всегда объяснима из нее самой, сверткостекстовые и внетекстовые – обрядово-бытовые и идеологические – очень важны: структура держится извне [13]. Кроме того, не нужно объяснять каждый текст, но общие закономерности текстов. Культурализм, как и этнография в целом, это – культуроведческая наука. Роль подробностей высвечивается лишь на фоне общих закономерностей, в единстве. Кроме того, важно подчеркнуть идеологическую, мировоззренческую составляющую исследований фольклора [10; 12], с которой связан его интерес к будущему человечества, его утопиям и антиутопиям, их проявлению в фольклоре разных этнических и социокультурных групп, ритуалам и деритуализациям.

Исследования фольклора показывают, что в процессе исследования исторической памяти необходимо опираться на представление о «тринарности» структур сознания, роли общественных процессов в формировании и развитии идеологий индивидов и групп, и, кроме того, на представление об организующей роли исследователя как интерпретатора функционирующих в сообществе текстов. В процессе нарушенной культурной трансмиссии (нарушений исторической памяти) ценностный мир человека не успевает приспосабливаться к изменениям в социально-бытовой сфере [21]. Р. Райт назвал это также «ловушками прогресса»: краткосрочное усовершенствование, которое в долгосрочном периоде превращается в регресс или культурный коллапс [2; 22]. Коллапс сложных сообществ, связанный с нарушениями исторической памяти причинными и следственными отношениями, определяют как внезапное разрушение цивилизации, так и растянутый во времени, постепенный упадок сообществ. Часто коллапс или распад связаны с децентрализацией власти, структурной реорганизацией, сопровождающей смену идеологий. При этом государство с развитием цивилизации все больше начинает выступать в роли надсмотрщика, превращающего в фарс образование, науку, культуру, человека и его отношения, в том числе – регулирует «фольклор», вбрасывая в сообщество с помощью СМИ необходимые ему идеи, идеологии. Происходит создание «поп-арта» как замены фольклора, культуры тривиализированным кичем, имитирующим и адаптирующим модернизм, служит преобразованию элитарной культуры в «массовую», омассовление элитарности, при котором кич становится синонимом «лжекультуры», симулякра культуры: массовой дешевой продукцией, поданной в упаковке элитарности. Даже фольклор обретает «товарные свойства», преобразуется не только формально, но и содержательно. Массовость и связанное с ней бескультурье выступают как основы рекламируемой глобализации и, затем, как правило – принудительной мондиализации, а с нею – потери фольклора как отдельной, самостоятельной реальности. Фольклор теряет «поэтику», обретая «прагматику». Перспективы противостояния – в текстах великих мыслителей и в фольклоре, собирающем истинно народную мудрость, опыт совладания с самыми страшными, трагическими событиями. Согласие верить в симулякры, лишенная достоинства и безнравственная жизнь,

ненависть и потребительство приводят человека и его окружение на разные ступени рабства, – что хорошо показано исследователями исторического и современного фольклора [2; 7]. Фольклор убеждает: быть человеком среди других людей – необходимое условие выживания человека, его рода, его нации, всего человечества. Историческая память – важная часть жизни гармоничного сообщества: в той мере, в какой она не утрачена, сообщество способно не повторять ошибок и трагедий прошлого. Исследование народной памяти, помимо восстановления этого прошлого, имеет прямую перспективистскую функцию, функцию профилактики [6; 12]. В этой перспективистской функции видится основная ценность исследований народной культуры, фольклора, быта и жизни в целом, в том числе работ Н.Я. Никифоровского.

В его работах были предвосхищены многие более поздние попытки структурировать фольклор, в том числе его духовно-нравственное содержание, как непосредственного участника процесса воспитания и культурной трансмиссии. Важно отметить, что этнографические исследования, обращенные к анализу мировоззренческих, идеологических аспектов человеческого бытия, являются, по сути, «пограничными»: с социологическими, социально-политическими. Сами по себе перспективы исследования фольклора и других «памятников» и примеров народной культуры, связаны именно с интеграцией наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Байбурин, А. К.** Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 242 с.
2. **Бодрийяр, Ж.** Симулякры и симуляция : [пер. с фр.] / Ж. Бодрийяр. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. **Бондарчик, В. К.** Николай Яковлевич Никифоровский : очерк жизни и деятельности / В. К. Бондарчик, И. Г. Чигринов. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 104 с.
4. **Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі.** Віцебская вобласць / рэдкал.: С. В. Марцэлеў [і інш.]. – Мінск : БСЭ імя П. Броўкі, 1985. – 496 с.
5. **Кун, Г.** Возвращение из преисподней / Г. Кун // Историк и художник. – 2007. – № 2. – С. 161–176.
6. **Кушкова, А.** Предметно-тематический указатель к сборнику Н. Я. Никифоровского «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» / А. Кушкова // Антропологический форум. – 2009. – № 11. – С. 1–47.
7. **Недорога, В. А.** Перспективизм / В. А. Недорога // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – М. : Мысль, 2001. – Т. 3.
8. **Никифоровский, Н. Я.** Нечистики : свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. – Витебск, 1908. – 102 с.
9. **Никифоровский, Н. Я.** Нечистики / Н. Я. Никифоровский // Призраки / сост. Ю. Медведев. – М. : Русская книга, 1997. – Т. 8. – С. 387–456.
10. **Никифоровский, Н. Я.** Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н. Я. Никифоровский. – М. : Книга по Требованию, 2011. – 466 с.

11. **Никифоровский, Н. Я.** Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губернская Типо-Литография, 1897. – 344 с.
12. **Никифоровский, Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска / Н. Я. Никифоровский. – Минск : Польша, 1995. – 149 с.
13. **Пропп, В. Я.** Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. –Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
14. **Пропп, В. Я.** Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2006. – 620 с.
15. **Пропп, В. Я.** Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – М. : Наука, 1989. – 233 с.
16. **Чистов, К. В.** Преодоление рабства. Фольклор и язык «остарбайтеров» 1942–1944 : [сборник] / К. В. Чистов [и др.]. – М. : Звенья, 1998. – 196 с.
17. **Чистов, К. В.** Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) : [монография] / К. В. Чистов – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 528 с.
18. **Чистов, К. В.** Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. / К. В. Чистов. – М. : Наука, 1967. – 341 с.
19. **Чистов, К. В.** Фольклор. Текст. Традиция / К. В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.
20. **Шейн, П. В.** Крепостное право в народных песнях : из собрания П. В. Шейна // Русская старина. – 1886. – Т. 49, № 2. – С. 483–492 ; № 3. – С. 667–678.
21. **Ogburn, W. F.** Social change with respect to culture and original nature / W. F. Ogburn. – Oxford : Delta, 1966. – 210 p.
22. **Wright, R. A.** Short History of Progress / R. A. Wright. – New York : Carroll & Graf Publisher, 2004. – 320 p.

***Вінаградава Н.М.** (в. Вымна, Віцебскі раён)*

МАЛАЯ РАДЗІМА М.Я. НІКІФАРОЎСКАГА – ВЁСКА ВЫМНА

Вымна з ваколіцамі... ёсць
найпрыгажэйшыя, найцудоўнейшыя
мясціны Віцебскай Беларусі,
гэта мае родныя мясціны...
М.Я. Нікіфароўскі

Добры дзень, шаноўнае спадарства! Сёння а восьмай гадзіне раніцы я села ў рэйсавы аўтобус, які паспяхова давёз мяне з радзімы М.Я. Нікіфароўскага, вёскі Вымна, у горад Віцебск. Мне вельмі прыемна, што мая заяўка на ўдзел у міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 170-годдзю з дня нараджэння даследчыка, краязнаўца М.Я. Нікіфароўскага, была прынята, і мяне сюды запрасілі. Сваё выступленне я хачу пачаць з уласнага верша, які, дарэчы, быў напісаны да дня нараджэння нашага выдатнага земляка і па шчаслівай выпадковасці майго аднавяскоўца.

Ён нарадзіўся ў сялянскай хаце.
Бацькі сялянамі былі,
Любоў да слова, як да маці,
Яму ў спадчыну далі.
Яго калыску калыхалі
Вятры, забыўшыся шчырых сноў,
І хвалі возера шапталі
Пяшчотай беларускіх слоў.
Зямля вымнянская прымала
І першы дзень, і першы крок,
На скрыпцы долечка іграла
Пра лёс хлапца, нібы прарок.
Гады мінаюць, нібы таюць
Сняжынкi на цяпле рукі,
Трымаў яго вучнёўскі сшытак
Усе песні, што пяюць жанкі.
Легенды, казкі і загадкі
Знайшлі ў ім прытулак свой.
Але не ўсё было так гладка,
А ён не думаў пра спакой,
Так шчыраваў сабе сумленна,
Не наракаючы на лёс,
І памяць пройдзеных стагоддзяў
Сваім нашчадкам ён прынёс.
Гадзіны чорныя зацмення
Прайшлі... Ды помніць месяц май
Імя, якое нам пакінуў
Нікіфароўскі Мікалай.

17 мая 1845 г., калі хуткакрылыя ластаўкі, вярнуўшыся на радзіму з вы-
раю, вілі пад страхой гняздо, у адной вясковай хаціне, якая стаяла на пагорку
недалёка ад возера, бабуля-павітуха прымала на свет нованароджанае дзіця...
З'яўленне на свет хлопчыка ў тагачаснай сям'і лічылася шчаслівай падзеяй.
А для сям'і Нікіфароўскіх яшчэ і ўцехай для бацькоў, Якава і Ксеніі, бо дзеці,
якія нарадзіліся раней, на жаль, памерлі.

У той жа дзень немаўля было ахрышчына выпадковымі сустрэчнымі
ў мясцовай Свята-Георгіеўскай царкве. Але нельга не ўлічваць і той нема-
лаважны факт, што з першых хвілін свайго жыцця маленькі Мікалай ужо
сутыкнуўся з паданнем, якое бытуе ў в. Вымна з даўніх часоў. З пакалення
ў пакаленне мясцовымі жыхарамі перадаецца павер'е пра смерць, якая ведае
ўваход у хату праз дзверы. Але і яе можна заблытаць, калі нованароджанага
несці на хрышчэнне ў царкву не праз дзверы, а праз разабраную ў хаце столь.

Так было і зроблена з маленькім Мікалаем. Ахрысціўшы хлопчыка, яго зноў такім жа чынам вярнулі ў родную хату. І вось верыць тут прыкметам ды павер'ям ці не – мяркуйце самі, але дзеці, народжаныя ў сям'і Нікіфароўскіх пасля Мікалая, заўчасна больш не паміралі...

Колькі на зямлі людзей – столькі лёсаў,
І крыжыце жыццё іх на белыя і чорныя палосы...
Хтосьці запальвае новыя ў небе світанкі...
Хтосьці моўчкі сядзіць і гартае свае спадзяванкі...
Кожны робіць свой выбар на свеце, паверце,
Каму зоркай свяціць, а каму растварыцца ў Сусвеце...

Ішлі дні за днямі, падростаў хлопчык Міколка. Яго маці, як ужо пазней пра яе з любоўю напіша Нікіфароўскі, «тая святая жанчына Ксенія Давыдаўна...», заўсёды клапацілася, каб яе дзеці мелі адукацыю, і галоўнай уцехай Міколкі сталі кнігі. Яго першымі педагогамі былі адстаўны салдат, свяшчэннік, манах, адлічаны гімназіст. Але настаўнікам жыцця для Мікалая назаўсёды засталася маці. Гэта яна прывівала сыну любоў да народных песень, павер'яў, прыкмет, легендаў, да традыцыйнай культуры, што ў далейшым вызначыла яго шлях служэння свайму народу.

Нядоўга давялося жыць на вымнянскай зямлі... Бацька згубіў пасаду панамара мясцовай царквы і пачаў п'янстваць. І праз 6 год, у 1851 г., сям'я Нікіфароўскіх вымушана была пераехаць у в. Веляшковічы Лёзненскага павета.

Прыемна ўсведамляць, што праз шмат год Нікіфароўскі, калі ўжо быў дасведчаным збіральнікам фальклору, прыедзе на сваю малую радзіму і занатуе скарбы духоўнай культуры сваёй роднай вёскі. Бярэш у рукі, напрыклад, кнігу «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах...», выдадзеную ў 1897 г. (на сённяшні дзень кошт адрэстаўрыраванага выдання складае прыкладна 1300 еўра), разгортваеш і знаходзіш прыкметы і павер'і, запісаныя ў в. Вымна ў сярэдзіне XIX ст. Так, нядаўна разам з членамі аб'яднання па інтарэсах «Юны экскурсавод» мы зачыталіся адной паэтычнай легендай «Возникновение горы», у якой распавядаецца пра змея (цмока), які лятаў па вёсках і хапаў людзей; яго потым звязалі і пачалі засыпаць зямлёй, але ўсе спробы здаліся няўдалымі, і за ноч зямля была раскідана зноў. «Среди общего безобразия нашелся прохожий, который предложил запрячь черного петуха в лапоть и три раза привести земли и высыпать на змея. Так и сделали, и змей перестал шевелиться».

Мне гэтае паданне раскажвала бабуля год 40 таму. А гара тая таксама стаіць па сённяшні дзень і завецца Змеявішча. Пра яе існуе яшчэ і легенда, дзе згадваецца вайна 1812 г. З'яўленне гары звязваюць з перамогай

французаў, якія наносілі яе шапкамi ў гонар знамянальнай для сябе падзеі. У Нікіфароўскага такой легенды няма. І нам толькі застаецца меркаваць: як жа гэта ўсё было раней?

Але вымнянскія нястомныя краязнаўцы вельмі зацікавіліся паходжаннем гары. Так з'явілася на свет вучнёўская даследчая праца «Рэальнае і міфалагічнае ў паданнях пра гару Змеявішча», у якой юныя даследчыкі выставілі гіпотэзу і шукалі яе пацвярджэння. Цікавым у гэтай працы з'яўляецца і тое, што Нікіфароўскім паданне запісана праз тры дні (сімвалічна!) пасля свята Купалля, 26 чэрвеня 1889 г. Не забываецца і сённяшняя моладзь на даўнішнія славянскія святы. Купальскай ноччу гарыць незвычайным агнём кола на гары Змеявішча, а хлопцы і дзяўчаты, пабраўшыся парна за рукі, пераскокваюць праз вогнішча... І цешыцца сэрца: шануюцца ўсё ж традыцыі на вымнянскай зямлі!

А паданне пра ўзнікненне гары і сапраўды паэтычнае. Яно натхніла мяне на стварэнне вось гэтага верша.

Паданне пра Змеявішча

У слаўным Вымнянскім краі,
Дзе зоры пяюць на світанні,
Дзе ў возеры неба тоне,
Багата легенд і паданняў.

Зямляк наш Нікіфароўскі
Запісваў усё рупліва,
Што людзі яму казалі
Пра розныя цуды і дзівы.

Побач з прырэчным лугам
Стаіць гара Змеявішча.
Зімою засыпана снегам,
А восенню вецер свішча.

У гэтай гары незвычайнай
Гісторыя дзіўная ёсць...
З'явіўся тут Змей страшэнны,
Нязваны, няпрошаны госць.

Бясчынствы тварыў заўзятая,
Хапаў і старых, і малых,
Пакуль яго не звязалі,
Прызваўшы ўсіх святых.

Зямля, што вазілі людзі,
На Змея лажылась цяжарам,
Але за ноч да драбінкі
Усё размятала пачвара.

Гэтай сізіфавай працы
Меліся ўжо адцурацца,
Але тут з'явіўся прахожы
З пеўнем, запрэжаным у лапаць.

Тры разы прывёз зямелькі –
Суцішыўся Змей страшэнны,
І болей не варушыўся –
Зрабіўся гарою даўжэзнай.

Гэта гара і сягоння
(Хоць кустамі і пазарастала)
Стаіць на тым самым месцы,
Бачная з-за прагала.

Злой навальнічнай ноччу
Змея вокам маланка блішча...
А гара гэта так і завецца,
Як і даўней,
Змеявішча.

Давайце завітаем у Вымнянскі дзіцячы сад – сярэдняю школу. Яшчэ на ганку мы звяртаем увагу на шыльду, якая ўстаноўлена на будынку школы ў чэрвені 1995 г. у гонар 150-годдзя з дня нараджэння нашага славутага земляка.

А калі зазірнуць у гісторыка-краязнаўчы музей «Вымнянскі край – калыска таямніц», то вашай увазе адкрыецца экспазіцыя «Залатая скарбніца фальклору», прысвечаная Мікалаю Нікіфароўскаму. Менавіта з гэтай экспазіцыі і пачынаецца цікавае падарожжа ў мінулае і сучаснае в. Вымна.

Побач з экспазіцыяй прыталіся нячысцікі. Такімі іх убачыў вучань нашай школы і юны краязнавец Ілья Марозаў пасля азнаямлення з кнігай М.Я. Нікіфароўскага «Нячысцікі, звод прастанародных у Віцебскай Беларусі паданняў пра нячыстую сілу».

Ёсць тут Люцыпар – галоўны сярод нячысцікаў, у мінулым анёл, а зараз закуты на 12 ланцугоў чорт, Ваўкалак – пярэварацень, які можа прымаць аблічча як ваўка, так і чалавека, Дамавік – станючы прадстаўнік нячыстай сілы, які «ад чарцей адстаў, а да людзей не прыстаў», Русалка – няшчас-

ная прыгажуня, Палявік – шкоднік палявой гаспадаркі чалавека, Лесавік – распараджальнік лесу, які можа паспрыяць у паляванні таму, хто згаджаецца прадаць яму душу, Кладнік – уладальнік незлічонага багацця, але надта худы, у яго срэбным кашальку валяецца толькі скарынка хлеба, Аржавень – насельнік багны, з вельмі тоўстым жыватом і худымі нагамі. І гэта толькі нязначная частка ўсіх нячысцікаў, якія суправаджаюць чалавека ўсё жыццё.

Вымавіўшы традыцыйнае «свят-свят-свят» і зрабіўшы некалькі крокаў наперад, мы апынёмся з вамі ў «Беларускай хаце».

На першы погляд нічога незвычайнага. Але давайце падыдзем бліжэй. Вось жорны. «А што ж такога дзіўнага?» – скажаце вы. А вось што...

Пяць год таму, калі на месцы былой сядзібы Нікіфароўскіх пачалося будаўніцтва аграэкасядзібы «Малінкі Аўтфітэрс», а гасцявы дом ставіўся непасрэдна на падмурку хаты Нікіфароўскіх, рабочыя знайшлі пад слоём зямлі вось гэтыя самыя жорны. А гаспадар Дзмітрый Грыцюк перадаў іх у наш музей. І сёння гэты дарагі для нас экспанат займае сваё пачэснае месца ў школьным музеі.

Нагістарычным падмурку зараз узвышаецца гасцявы дом аграэкасядзібы. Акурат 15 кастрычніка 2015 г. ажылі на сядзібе Нікіфароўскага «нячысцікі». Гэта самадзейныя артысты школы па ўласным сцэнарыі інсцэніравалі для гасцей з Латвіі пастаноўку з удзелам вымнянскіх нячысцікаў.

А ў верасні ў прыдзвінскім лесе нібы са старонак кнігі Нікіфароўскага «Нячысцікі» сышлі Русалка, Кікімара, Лесавік, Цмок, Мара – так каманда Вымнянскай школы паказала сябе ў конкурсе мастацкай самадзейнасці на раённым турыстычным злёце ўстаноў адукацыі Віцебскага раёна. Строгая судзейская калегія аднадушна аддала першае месца вымнянцам.

Шчыра захоўваюць і аднаўляюць на радзіме Нікіфароўскага народныя і рэлігійныя святы. Гэта Купалле і Гуканне вясны, Дажынкі і Вялікдзень, а асабліва Калядкі. Вось дзе прастора для фантазіі!

А ведаеце, на якой вуліцы часцей за ўсё заканчваецца калядаванне? Вядома, на вуліцы Нікіфароўскага. Гэта вуліца з’явілася ў вёсцы ў 1995 г., якраз у 150-гадовы юбілей з дня нараджэння Мікалая Якаўлевіча. Жывуць на гэтай вуліцы самыя заможныя і старанныя гаспадары. Затое і пачастункаў у калядоўшычкаў на гэтай вуліцы зашмат. «Хрыста слаў, Хрыста слаў, мяне бацька паслаў, матка не паслала, дайце кусок сала!» – такія калядныя песні спявалі ў нашай мясцовасці яшчэ ў XIX ст., так вучыла мяне спяваць мая бабуля Агрыпіна Ільінічна, а бабулю – яе маці. А я навучыла сваіх дзяцей, а як падрасце ўнук – дык і яго навучу.

Нястомны кругаварот падзей, як вечны рухавік, нясе нас у будучыню. Але хіба забыўшыся на карані свае, народныя традыцыі, дасціпную мудрасць былых пакаленняў, мы з вамі можам «людзьмі звацца»? На гэта пытанне кожны павінен адказаць не толькі сабе. Паважаць традыцыі – значыць паважаць не толькі сябе, але і свой род, сваю зямлю, сваю радзіму.

Любіць не на словах, а так, як любіў свой народ выдатны сын сваёй зямлі Мікалай Нікіфароўскі, і не проста любіў – пакінуў нашчадкам сваім багаццейшую спадчыну. Вось! Бярыце! Карыстайцеся! Не забывайцеся! Памнажайце!

Мая вёсачка...

Мой прывабны куток! Мая вёсачка Вымна!
Што яшчэ прыгажэй ёсць на гэтай зямлі?
Я на горцы Карнілінай ёю люблюся
І ўдыхаю гаючыя пахі раллі.
Старажытны куток, мая вёсачка Вымна!
Манастыроў мury напамінак аб тым,
Што слаўтую спадчыну прадзеда кінупі,
Што зямля гэта верна служыць усім.
Сведка гэтага – працы вядомыя,
Што пакінуў слаўты змяляк наш пра гэты куток.
Сёння поўняцца сэрцы вялікай удзячнасцю,
Бо напісаны вёсачкай нашай у гісторыі новы радок.

Н. Шаўчэнка

Нікіціна Л.К. (в. Заронава, Віцебскі раён)

ВЫКАРЫСТАННЕ СПАДЧЫНЫ М.Я. НІКІФАРОўСКАГА Ў МУЗЕЙНАЙ СПРАВЕ НА ПРЫКЛАДЗЕ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЯЎ ВІЦЕБСКАГА РАЁНА

2015 год – год 170-годдзя з дня нараджэння і 105-годдзя са дня смерці выдатнага этнографа і фалькларыста М. Нікіфароўскага, ураджэнца Віцебскага раёна. Спадчына вучонага, педагога вывучаецца і папулярнынецца ў Віцебскім раёне. Што зацікавіла даследчыкаў-педагогаў у творчасці М. Нікіфароўскага? Яго праца «Нарысы прастанароднага жыцця-быцця ў Віцебскай Беларусі і апісанне прадметаў ужытку» (1895) – буйнейшае даследаванне матэрыяльнай культуры і вытворчай дзейнасці беларусаў XIX ст., у прыватнасці сялян Віцебшчыны. Пры стварэнні этнаграфічных экспазіцый музеяў калегам рэкамендавана знаёміцца з гэтай працай.

«Простанародныя прыкметы і павер’і, прымхлівыя абрады і звычаі, легендарныя паданні пра асобы і мясціны» (1897) – праца, якая змяшчае 2307 народных прыкмет, павер’яў, забабонаў, абрадаў, звычаяў, апісанняў сродкаў народнай медыцыны і ветэрынарыі, а таксама сказы і паданні пра асілкаў, даюць інфармацыю для адроджэння традыцыйнай культуры нашага краю.

З фальклорных прац М. Нікіфароўскага зацікавіў першы буйны зборнік беларускіх прыпевак «Беларускія песні-частушкі» (1911), выдадзены ўжо пасля смерці збіральніка. Тут змешчаны 2356 частушак, сабраных М. Нікіфароўскім і яго карэспандэнтам у 1860–1905 гг. Прыпеўкі – любімы фальклорны жанр у вёсцы. Студэнтам ВНУ падчас фальклорнай практыкі прапануецца сабраць пэўную колькасць песенных адзінак. Загляніце, што запісана Нікіфароўскім, і параўнайце з тым, што ведаюць сучасныя носьбіты фальклору. Таксама Мікалай Якаўлевіч – укладальнік зборнікаў «Простанародныя загадкі» (1898), «Нячысцікі. Збор простанародных у Віцебскай Беларусі паданняў пра нячыстую сілу» (1907, 2-е выд. Віцебск, 1995), «Напаўпрыказкі і напаўпрыслаўкі» (1928).

У Вымне Нікіфароўскі нарадзіўся, у школьным музеі яму прысвечана экспазіцыя. Навучэнцамі і педагогамі школы праводзіцца даследчая праца па вывучэнні спадчыны знакамітага земляка. А вось народны гісторыка-этнаграфічны музей «Гісторыя Заронаўскага краю» мае цэлую музейную залу, прысвечаную... «нячысцікам» Нікіфароўскага. У 2014 г., святкуючы 90-годдзе ўтварэння Віцебскага раёна, райвыканкам прыняў рашэнне адкрыць міфалагічную залу па старонках «Нячысцікаў» Нікіфароўскага ў падвале Заронаўскага музея. Там пасяліліся Вадзянік, Ціхоня, Русалка, Ягіня, Паветрыкі, Ліхаманка, Цмок, Зюзя, Вогнік, Лясун, Чорны Змей. Зала інтэрактыўная, бо не толькі можна ўбачыць там нячысцікаў маляваных, у выглядзе лялькі, але і пачуць іх галасы. Дапаўняе эмацыянальны фон і святло ў падвальной зале. Нячысцікі падзелены на дзве групы: водна-балотныя (Вадзянік, Русалка, Ціхоня, Цмок) і наземна-падземныя (Ягіня, Вогнік, Ліхаманка, Лазнік, Чорны Змей, Шэшкі, Лесавік, Зюзя, Жыжаль). Нячысцікі могуць ператварацца ў любыя прадметы, жывыя істоты. Вось пра каго распавядаецца ў музейным падвале:

Аржавень – брудна-руды, з тоўстым жыватам і тонкімі, як сцябліна хвашча, нагамі і з іржавымі прыліпамі да ўсяго яго покрыва. Жыве ў аржавенні (балота, пакрытае ржою). Больш спакойны, чым яго браты Багнік і Балотнік – вечныя халасцыякі.

Багнік – жыве ў багне, у тарфяным балоце. Ён ніколі не з’яўляецца на паверхні, толькі бурбалкамі ды зрэдку мелкімі агенчыкамі выдае сваю прысутнасць.

Балотнік – страшны таўстун, без вачэй, у тоўстым слоі гразі і прыліпшых водарасцях, смаўжах, жуках.

Вадзянік – стары сярэдняга росту, з доўгімі валасамі, бліскучай скурай, расплывістым тварам, азызлым пузам, доўгімі непрапарцыянальнымі нагамі. Жыве ў адкрытай чыстай вадзе, часам апякуе чалавека бескарысліва, як Дамавік. Сярод вадзянікаў – Вірнік і Ціхоня. Вірнік жыве ў рухомай вадзе (віры), а Ціхоня ў стаячай (азёрах і сажалках). Баяцца свісту і попелу, старыя халасцыякі. На адзін вадаём – адзін Вадзянік.

Ваўкалак (Пярэварацень) – чалавек, ператвораны ў ваўка ці іншую жывёлу, птушку і нават у нежывы прадмет (паваротны рубель). Ці сам, ці яго насільна ператвараюць.

Вешчыца (Кікімара) – жыве на паверхні печы або ў падпечку. Калі набывае цялесны воблік, можна пазнаць па такіх асаблівасцях: немата, касаво-касць, непрапарцыянальнасць форм, заіканне, благая памяць і розум.

Дамавік – беларус яго ўяўляе ў вобразе змяі. Жыве на печы, пад печку ці ў іншых забудовах.

Жыжаль – бог агню. Яго стыхія – пажары. Пачвара ў чорным адзенні з чырвонымі валасамі, вочы-іскры.

Кладнік – гаспадар кладу. Зрэдку падымае клад для праветрывання. Вось самы час для кладашукальнікаў.

Лознікі – бясшкодныя і зусім малыя. Такія гуллівыя чарцяняты.

Лазнік – сядзібны нячысцік не можа цярэць гультаяў. Не пераносіць несвоечасовых наведвальнікаў лазні і палохае іх рознымі гукамі.

Ліхаманка – усіх іх існуе 77 (ірадава племя), многія вераць, што гэта 77 мух. Яны трапляюць у ежу і травяць так чалавека.

Лесавік – Лясун, жонка яго Ляшуха – збівае падарожнага з належнага кірунку. Яго можна падмануць, апрагнуўшы адзенне навыварат. Пазнаць сярод людзей яго можна па вачах: правае вока нерухомае і большае за левае. А дзіця ў іх нараджаецца страшнай пачварай.

Люцыпыр (Анчыпыр) – гігант з буйнымі формамі, многа ваżyць. Яго ўсе баяцца. Жалезная карона прыбіта цвікамі да чэрапа. У правай лапе з магутнымі кіпцюрамі нешта нахштальт жалезных вілаў. З ноздраў і пашчы выдыхае чырвоныя доўгія пукі промняў. Запёрты ў змрочным пекле за 12 дзвярамі, 12 замкамі, прыкаваны 12 ланцугамі. Без Люцыпыра не творацца ніводная чартоўская справа. Ад злосці падае ў знямоце ад велікоднага звону. І ўсё, што ён парваў, становіцца цэлым.

Русалка – выключна прыгожая асоба жаночага полу, блакітныя шклянныя вочы. Валасы русыя да самых каленяў, падобныя на пасмачкі асакі.

Чорт (Нячысцік) – прымае чалавечы воблік: носіць цесную куртку, вузкія панталоны, чаравікі з высокімі абцасамі, капаюш, які хавае твар нячысціка.

Шэшкі – вольныя нячысцікі, радасныя чарцяняты. Вёрткія, рухавыя. Сышчыкі, разведчыкі. Хаваюць прадметы, якія чалавек потым доўга шукае.

Ягіня (Баба Яга) – лятае не толькі ў ступе, але і на лапаце, граблях, мятеле і мыліцы (кастыль). Яга ўсіх ведзьмаў цётка.

Цмок (Смок, Чмок) – лянiвы, тоўсты, фанабэрысты змей. Але самы чысты, у лазню ходзіць, штодзень мыецца. На сямейных людзей не нападае. Рэдка чапляецца да простых вясковых людзей. Затое парушальнікі грамадскіх абавязкаў – першыя іх ахвяры.

Рэзідэнцыю Прыдзвінскага Дзеда Мароза ў гэтым годзе таксама «наведваюць» героі-нячысцікі Нікіфароўскага. Педагогамі Віцебскага раёна напісаны

сцэнар «Навагоднія прыгоды нячысцікаў у Прыдзвінскім лесе». Там будуць «злыднічаць» Шэшкі, Чорт, Кладнік, Ляшуха, Цмок, Лазнік. І паказваць міфалагічную казку будуць педагогі школ Віцебскага раёна.

Спадчына М. Нікіфароўскага вывучаецца і на ўроках беларускай літаратуры. Тэма «Міфы Бацькаўшчыны» для прыдзвінскіх школьнікаў не мінае творчасці земляка, фалькларыста і этнографа. Мае ўрокі, якія праводзіла падчас працы настаўніцай, ператвараліся ў міні-спектаклі, дзе фальклорных герояў дзеці для сябе выбіралі самі, касцюмы майстравалі па апісанні і «ажыўлялі». Дамашнія заданні вучні выконвалі па гэтай тэме ў выглядзе цацкі-нячысціка. Так цэлая калекцыя сабралася. Вось цяпер частка з іх пасялілася ў падвале нашага музея.

Радзіма ганарыцца сваім вучоным. Акрамя вывучэння яго спадчыны названы яго імем вуліца ў Вымне. А ў аграгарадку Ноўка адкрыта алея славы, дзе ўвекавечаны восем найбольш выбітных людзей Прыдзвіння. У тым ліку і М.Я. Нікіфароўскі.

Ураджэнец Віцебшчыны, усе свае навуковыя працы ён прысвяціў народнай культуры Беларускага Падзвіння. Удзячныя нашчадкі ганарацца сваім земляком і з цікавасцю вывучаюць яго спадчыну.

Півавяр М.В. (з. Віцебск)

ВИТЕБШЧИНА ЛЕГЕНДАРНАЯ. ВАНДРОЎКА ПА МЯСЦІНАХ, АПИСАНЫХ У ТВОРАХ М.Я. НИКИФАРОВСКАГО

Нарадзіўшыся ў паўночна-ўсходняй частцы Віцебшчыны, М.Я. Нікіфароўскі быў «кроўю і зямлёю» гэтага краю, усё жыццё збіраў этнаграфічную і фальклорную спадчыну гэтай зямлі, сваімі творамі стварыў своеасаблівую энцыклапедыю духоўнага і матэрыяльнага жыцця рэгіёна. Звесткі, сабраныя М.Я. Нікіфароўскім, з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для сучасных даследчыкаў і больш за сотню гадоў не страцілі сваёй актуальнасці. Амаль кожны даследчык этнаграфіі і фальклору Беларусі і ўсходняга славянства ў сваіх працах выкарыстоўвае ці спасылаецца на працы нашага выдатнага земляка.

У сучасным турызме асаблівую цікавасць і прыцягальнасць маюць маршруты, распрацаваныя на аснове легенд і паданняў у незвычайныя і містычныя месцы. У барацьбе за кліента, наведванне такіх месцаў выглядае больш прыцягальным, а значыць і больш паспяховым для тураператараў. Уяўляюць цікавасць таксама і месцы, звязаныя з жыццём і дзейнасцю выдатнага этнографа (культурнае, экалагічнае, антрапалагічнае асяроддзе).

Такім чынам, мэтай даследавання з'яўляецца збор звестак і распрацоўка маршрутаў, звязаных з асобай М.Я. Нікіфароўскага, з акцэнтам на наведванне месцаў, прывязаных да легенд і паданняў, запісаных даследчыкам, і ўвядзенне іх у інфармацыйную сферу асоб, звязаных з турыстычным бізнесам.

Паданні Нікіфароўскага

Легенды і паданні, запісаныя М.Я. Нікіфароўскім, дайшлі да нас у некалькіх крыніцах. Першая – тыя кнігі і артыкулы, якія сам даследчык выдаў ці апублікаваў пры жыцці. Другая – савецкія выданні, у якіх матэрыялы былі надрукаваны пасмяротна. Напрыклад, кніга «Легенды і паданні», выдадзеная ў 1983 г. пад рэдакцыяй М.Я. Грынבלата і А.І. Гурскага [1]. Легенды і паданні, запісаныя М.Я. Нікіфароўскім, змешчаны пад нумарамі 551, 568, 582, 701, 740.

Большасць паданняў М.Я. Нікіфароўскі запісаў у месцы свайго пражывання – паўночна-ўсходняй частцы Віцебшчыны. Усходняя частка Віцебскага, паўночна-заходняя частка Лёзненскага раёнаў. Яны знаходзяцца блізка ад горада, аднак лёгкадаступнымі іх не назавеш. Трапіць у в. Вымна, напрыклад, можна толькі на аўтобусе. У дачны сезон сесці ў аўтобус вялікай групай досыць праблематычна. Дабрацца ў адпаведную частку Лёзненскага раёна яшчэ складаней. Спачатку трэба добрацца да Лёзна, а потым чакаць аўтобуса на в. Веляшковічы і наваколлі. Выклікае цікавасць на ўласныя вочы пабачыць тыя мясціны, дзе адбываліся містычныя падзеі, якія знайшлі сваё адлюстраванне ў запісаных М.Я. Нікіфароўскім легендах. Звернемся да некалькіх паданняў, якія змешчаны ў зборніку «Легенды і паданні».

Экскурсія ў Вымна

Гара «Змяівец». Адным з найцікавейшых паданняў, запісаных М.Я. Нікіфароўскім і вартых уключэння ў турыстычныя маршруты, на нашу думку з'яўляецца паданне пра змея. Яно прыводзіцца ў кнізе «Легенды і паданні», укладзенай Грынבלатам пад нумарам 568.

Калі верыць паданню, у даўніну на роўнай, але балоцістай лугавіне жывуць страшыдла-змеі. Ён прычыняў шмат шкоды навакольным вёскам, і іх жыхары вырашылі гэтага змея знішчыць. Сабраўшыся разам, яны змаглі яго злавіць, але забіць не ўдалося. Моцную зачараваную скуру не брала ні шабля, ні вілы, ці агнястрэльная зброя. Тады людзі вырашылі яго закапаць. Навазіўшы у калёсах зямлі, яны засыпалі змея. Аднак калі ён пачаў звывацца, уся зямля ссыпалася з яго. Такое паўтаралася некалькі разоў. Сяляне прыйшлі ў роспач. Тут да іх падыйшоў нейкі немясцовы чалавек. Ён прапанаваў ім сваю дапамогу і сказаў, што зробіць усё сам. Для гэтага ён патрабаваў, каб яму прынеслі чорнага пеўня. Зрабіўшы адмысловую вупраж, ён упрог пеўня ў лапаць, у які насыпаў зямлі. Падганяючы пеўня, ён прывёз лапаць да змея і высыпаў зямлю на яго. Змей страшна застагнаў і застыў. Незнаёмец прывёз

другі лапаць і, калі высыпаў на змея, то раскіданая раней зямля сама пачала насоўвацца на гадзіну. Пасля трэцяга высыпанага лапця над пачварай утварылася высокая і доўгая гара, якая па форме нагадвала абрысы змея.

Гара Змяінец, ці Змяёўка, ёсць і зараз. Месца знаходзіцца на палове дарогі ад в. Вымна да в. Котава Віцебскага раёна. У пойме р. Вымнянка, на левым беразе, непадалёк ад в. Сінякі і даўняга карчомнага ўрочышча знаходзіцца вялізны холм. Ён стаіць у 300 м ад дарогі Вымна – Котава, каля павароту на в. Тадуліна. Вышыня – 6–7 м. Даўжыня – некалькі соцень метраў. Мае стромкія, крутыя схілы. Верагодна марэна. Зарасла бярозай, вольхай шэрай. Некалькі пашкоджана ў 1970-я гг., калі бралі пясок на будаўніцтва дарогі. Большасць мясцовых называе «Змяівец». Патлумачыць назву не могуць, але сцвярджаюць, што зямлі на гару нанасілі французы шапкамі (мяшкамі) у 1812 г. Кажуць, што на ёй рос добры чабор. На нашу думку, у даўніну на гары знаходзілася капішча змяінаму бажаству, аб чым ускосна сведчыць назва і паданне.

Скарыстаўшыся нагодай, экскурсію можна працягнуць і наведаць навакольныя вёскі, у якіх таксама маюцца вельмі цікавыя турыстычныя аб'екты.

У экскурсіі ў Вымна ёсць яшчэ некалькі месцаў цікавых для наведвання. Гэта Тадулінскі Успенскі манастыр. Уніяцкі манастыр быў заснаваны каля 1743 г. трокскім ваяводаю князем Тадэвушам Агінскім і яго жонкай княгіняй Ізабэлай. У 1799 г. расійскія ўлады ліквідавалі ў Віцебску базыліянскі манастыр, пры якім быў пабудаваны вялізны Успенскі сабор і існаваў калегіум, а манахаў перавялі ў Тадулінскі манастыр. Са скасаваннем уніі на Полацкім царкоўным саборы ў 1839 г. манастыр таксама быў пераведзены ў праваслаўе. Канчаткова гэта адбылося ў 1842 г. Аднак прыйшоў у заняпад. Адраджэнне пачалося з 1888 г., калі ён стаў жаночым. Яно звязана з дзейнасцю першай ігуменні Арыстаклеі (мірскае імя – Любоў Пятроўна Раеўская). Да пачатку XX ст. тут пражывала больш за 50 сёстраў. Вялася вялікая гаспадарка. Штогод для віцебскага жаночага духоўнага вучылішча ў Віцебску ад манастыра дасылалася 2 тыс. залатых рублёў, шмат прадуктаў харчавання. Пры манастыры было адкрыта двухкласнае жаночае вучылішча і ўзорная школа пры ім, выпускніцы якога маглі экстэрнам здаваць экзамены на атрыманне пасведчанняў настаўніц вясковых школ. Пасля 1917 г. бальшавікамі манастыр быў зачынены. На аснове гаспадаркі быў створаны калгас. У гады вайны большасць памяшканняў зруйнавана. У 2011 г. па рашэнні Сіноду Беларускай Праваслаўнай Царквы пачалося аднаўленне Свята-Прачысценскага жаночага манастыра ў в. Слабада. Ігуменнай прызначана манахіня Іларыя (Болт).

Галоўнай святыняй манастыра была cudатворная ікона Прасвятой Багародзіцы, напісаная ў 1748 г. і падараная манастыру Агінскімі. Абраз быў пакрыты меднай пазалачонай рызай, вакол знаходзіліся 34 выявы змянога жыцця Багародзіцы. Унізе размешчаны надпіс на лацінскай мове, што

ў перакладзе азначае: «Святая Марыя Тадулінская, праслаўленая чудамі ў Віцебскай губерні S. Maria Tadulinensin, Miraculis Clarissimein Palatinatu Vitebscen Si». Святыня шанавалася, але была канфіскавана ў 1922 г. разам з іншым царкоўным начиннем і лічыцца страчанай.

У манастыры захоўваўся і другі шануемы абраз – Св. Мікалая. Ён быў перанесены ў Тадуліна ў 1799 г. з Успенскага базылійскага сабора. Штогод да іконы на свята Міколы веснавога ладзіўся хросны ход, а пасля быў вялікі кірмаш. Больш падрабязна варта падрыхтавацца скарыстаўшы артыкулы, змешчаныя на старонцы, прысвечанай Свята-Успенскаму жаночаму манастыру [3].

Ад Змяіўца да в. Тадуліна каля двух кіламетраў. Праз р. Вымнянку можна перайсці па мосце. Зусім невялічкая ручаіна ў гэтым месцы павялічвае свае памеры шырынёй да чатырох метраў. У вёсцы да вайны быў калгас «Свободный труд». Нягледзячы на назву Тадулінскі, манастыр па цяперашнім адміністрацыйным падзеле знаходзіцца на паўднёвай ускраіне в. Слабада. Ад Тадуліна да яе трэба будзе прайсці з тры кіламетры па беразе возера. Цяпер на ўзвышшы, дзе быў манастыр, знаходзіцца хваёвы барок.

Выклікаюць цікавасць і некаторыя іншыя аб'екты ў наваколлях в. Вымна. За вёскай **Котава** амаль адразу мост праз р. Вымнянку, але вады ў рэчышчы няма. З левага боку на ўзгорку могілкі. Ёсць старыя, адзін помнік датуецца 1914 г. Хаваць пачалі з 1970-х гг. З правага боку вадасховішча памерамі 150х30 м утварылася на месцы кар'ера, у якім бралі пясок. А раней стаяла царква. Парушылі, здаецца, да вайны. Калі капалі, то пабурылі склеп, у якім стаяла труна бацюшкі. Іконы і іншыя рэчы, што знайшлі, быццам бы аддалі ў Віцебскі абласны краязнаўчы музей. Цяпер тут знаходзіцца адна магіла. Старая, з чорнага мармуру, але шыльда адбіта. Агароджа новая, пафарбавана, расце спірэя, стаіць вянок. Мясцовы расказаў, што тут пахавалі сям'ю, якую растралілі і спалілі немцы за сувязь з партызанамі, але пахавалі ў ранейшую, што з помнікамі. За Котава дарога вядзе на в. Прывольная (раней Сапуны) і на в. Бальшухі. Далей дарогі няма, пачынаецца Смаленшчына.

Вярнуўшыся да в. **Вымна**, варта палюбавацца жывапіснымі краявідамі. На беразе возера. Досыць маляўніча, асабліва калі глядзець з высокіх пагоркаў. Вельмі прыгожы від, калі пад'язджаеш да мястэчка па дарозе, што вядзе з Віцебска і за колькі соцень метраў бачыш, што вёска ляжыць у лагчыне, каля возера, а з вышыні халма бачна ўся, як на далоні. Захаваліся панскія дамы – вялікі і малы (флігель). Цэгла ў іх вельмі добрай якасці і эфектна выглядае. Ёсць помнік савецкім салдатам-вызваліцелям, магіла Героя Савецкага Саюза А.Я. Углоўскага. Калі экскурсія прыпадзе на будні дзень і будзе працаваць школа, варта наведаць гісторыка-краязнаўчы музей [2].

Другую экскурсію, ці паход нядзельнага адпачынку, варта зрабіць у Лёзненскі раён. У асноўным усе аб'екты знаходзяцца каля в. Веляшковічы. Некаторыя месцы захаваліся, некаторых вёсак ці фальваркаў больш не існуе. У кнізе «Легенды і паданні» змяшчаюцца наступныя легенды.

Легенда **пра Царкавішча** (пад нумарам 551). Каля Веляшковіч была царква, якую разбурыў асілак. Цяпер (на год запісання падання) там знаходзяцца царкоўныя могілкі.

Паданне **аб царкве** (пад нумарам 582), што ўвайшла ў зямлю. За тры кіламетры ад Веляшковіч, па дарозе, якая вядзе на Янавічы, знаходзілася в. Гарадок. У легендзе зафіксавана, што пастушок, які пасвіў скаціну, заўважыў шпіц царквы, якая калісьці правалілася пад зямлю, але забаяўся і пабег у вёску. Пакуль ён прывёў людзей, то шпіц схаваўся.

Легенда **пра Бабаўшчынскі пограб** (пад нумарам 740). Знаходзіўся каля фальварку Бабаўшчына, што ў трох вярстах ад Веляшковіч. Разбойнікі пабудавалі пограб для таго, каб хаваць нарабаваныя багацці і мець прытулак. Пайшоўшы на промысел, яны кожны раз моцна замыкалі дзверы, завальвалі іх жорнамі і засыпалі зямлёй. Сам пограб і ўваход замаўлялі чароўнай замовай.

Аднаго разу разбойнікі абрабавалі караван багатага купца. Разам з багаццямі яны захапілі ў палон купецкую дачку. Па скарге бацькоў на пошукі разбойнікаў быў высланы атрад царскіх войскаў, які злавіў шайку. Даведаўшыся, дзе разбойнікі хаваюць нарабаванае і дзе яны схавалі купецкую дачку, іх пакаралі смерцю. Але ўвайсці ў пограб ніхто не змог, бо як толькі салдаты, якія раскопвалі ўваход у пограб, даходзілі да каменя, якім ён быў завалены, раптоўна засыналі і самі становіліся ахвярамі, бо ўпаўшы ў выкапаную яму іх засыпала зямля. Ужо і былі чутны крыкі дзяўчыны, якая прасіла яе вызваліць, але ні аднаго разу не атрымалася адчыніць дзверы і ўвайсці ў пограб. Дзяўчына так і загінула. Кажуць, што дзеля таго, каб увайсці ў заговораны пограб, трэба было знайсці другі камень з жорнаў і прыкласці яго да таго каменя, якім быў завалены ўваход. Пазней бацькі дзяўчыны яго знайшлі, але было позна. Ён знаходзіўся ў падмурку Гарадоцкай царквы.

Наяўнасць у легендзе «ахвяры» – дзяўчыны, якая так і не выратавалася, дазваляе меркаваць, што на кургане, дзе быў «пограб» знаходзілася капішча. Можна меркаваць, што час ад часу на ім маглі прыносіць і чалавечыя ахвярападнашэнні. Мажліва ў часы Сярэднявечча тут было паселішча ці гарадзішча. Для наведвання турыстаў такі аб'ект надзвычай цікавы, таму што маецца цікавае паданне, прывязанае да пэўнага месца.

На жаль, наладзіць нам экскурсію ў Веляшковічы не атрымалася. Удакладніць месцы наведвання і іх стан у бліжэйшым будучым не ўяўляецца магчымым. Плануем зрабіць гэта вясной наступнага года.

Для турысцкіх наведванняў прыярытэтнымі з'яўляюцца месцы, пра якія захаваліся цікавыя паданні, але з улікам таго, што на гэтых месцах нешта захавалася з мінулых часоў. Значным фактарам з'яўляецца магчымасць таго, што да іх проста дабрацца. У першую чаргу гэта паданні, якія лакалізуюцца ў наваколлях Вымна і Веляшковіч.

Напрыканцы адзначым, што гэта далёка не ўсе цікавыя аб'екты, звязаныя з жыццём і творчасцю выдатнага этнографа. У далейшым варта глыбей пазнаёміцца з працамі М.Я. Нікіфароўскага, зрабіць новыя паходы на месцы, якія згадваюцца ў кнігах, месцы, звязаныя з яго жыццём, і распрацоўваць комплексныя маршруты. Сярод тых прац, якія пакінуў нам даледчык, экскурсаводам, настаўнікам, навукоўцам, студэнтскай і навуковай моладзі варта азнаёміцца з найбольш каштоўнымі на нашу думку, якімі з'яўляюцца «Очерки Витебской Белоруссии» (1892–1897), «Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (1895), «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (1897), «Странички из недавней старины г. Витебска» (1899), «Священные предметы и отношение к ним простонародья Витебской Белоруссии» (1903), «Белорусские песни “частушки”, собранные Н.Я. Никифоровским» (1911) і інш.

ЛІТАРАТУРА

1. **Легенды і паданні** / склад.: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.
2. **Тадулінскі** монастырь // Свято-Успенский монастырь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uspenie.by/tag/тадулинский-монастырь/>. – Дата доступа: 21.10. 2015.
3. **Историко-краеведческий музей** // ГУО «Вымнянская детский сад – средняя школа Витебского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vymno.of.by/museum>. – Дата доступа: 21.11.2015.

Подлинский А.М. (г. Витебск)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ РАБОТЫ НИКОЛАЯ НИКИФОРОВСКОГО

За два десятка лет самостоятельной научной деятельности Николай Яковлевич Никифоровский (1845–1910) подготовил около 20 работ по этнографии, фольклору и истории Витебщины. Среди них – хорошо известные исследования, такие как «Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (Витебск, 1895), «Просто-

народные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (Витебск, 1897), «Очерки Витебской Белоруссии» (Москва, 1899), «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (Вильно, 1907), «Простонародные загадки» (Витебск, 1898), «Белорусские песни-частушки» (Вильно, 1911), «Полупословицы и полупоговорки, употребляемые в Витебской Белоруссии» (Вильно, 1911) и др. Эти работы достаточно подробно изучены и описаны в книгах, посвященных творчеству ученого: Бондарчик В.К., Чигринов И.Г. «Николай Яковлевич Никифоровский» (Минск, 1960) и Пятроўская Г.А. «Пачынальнік беларускага народазнаўства М.Я. Нікіфароўскі» (Минск, 1991). Я же коснусь двух небольших работ Николая Яковлевича, практически малоизвестных.

Статья «Сельскошкольное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застаёт его реформа 19 февраля 1861 г. (Воспоминания бывшего ученика)» была опубликована в 67-м и 71–76-м номерах газеты «Витебские губернские ведомости» за 1893 год. Оказавшись по каким-то делам в деревне Войхань (современное название – Новые Войханы) Городокского уезда (ныне Городокский район Витебской области), Николай Яковлевич заинтересовался открытой в ней шесть лет тому назад церковно-приходской школой. Ему подробно рассказали о зарождении, развитии и настоящем положении школы. Увиденное в ней настолько контрастировало с тем, как он учился грамоте сам, что испытал в детстве. Никифоровский там же, в Войханах, стал писать воспоминания. В этой работе Николай Яковлевич рассказал о том, кто и как учился во времена его детства, то есть в 1850-е – начале 1860-х годов, о том, кто и как учил, какие условия существовали для учебы и даже форму оплаты учительского труда, которую он назвал «гонораром». Обычно обучение осуществляли более или менее грамотные люди, нередко священники или другие служители культа, не имевшие, как правило, никакой специальной педагогической подготовки. Учеба проходила без всяких программ, причем так, как это считал необходимым учитель. Что касается оплаты труда, то она производилась чаще всего натурой. Родители приносили учителю продукты питания и даже одежду. В денежном отношении заработная плата колебалась в пределах от рубля до пяти в год, что по тем временам было суммой немалой, едва ли возможной для бедных сельских жителей. Неудивительно, что такие церковно-приходские школы, как в Войханах, Н. Никифоровскому показались более высокой ступенью обучения, что, в общем-то, соответствовало истине.

В своем материале Николай Яковлевич затронул еще очень важную для того времени тему: почему далеко не все дети крестьян обучались грамоте. «Как это ни грустно, – писал он, – но и теперь еще приходится выслушивать уверение в косности, неразвитости и вообще умственной бедности простолюдина Витебской Белоруссии, которая (умственная бедность) не позволяет ему выйти над прадедовской жизнью и прочее. Основанное, несомненно, на

частных проявлениях, поверхностном знакомстве с бытом и жизнью местного простолюдина, уверение в умственной бедности его приняло, однако, вид чуть ли не аксиомы. Возражать ли, разубеждать ли в противном? Думается – и опыт много раз указал – что это не верно». Кстати, жизнь и деятельность самого Николая Яковлевича тоже это убедительно доказали.

После публикации в «Витебских губернских ведомостях» материал «Сельскошкольное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застает его реформа 19 февраля 1861 г.» был издан в Витебске отдельной книгой.

«Из обширной области терракотовых произведений гончарные произведения занимают если не последнее, так, по крайней мере, весьма и весьма скромное место. За некоторыми изытиями, житейское местонахождение и служба их в доме – кухня, угол кладовой; место приобретение – базарный задворок, ни к чему путному непригодная лавчонка там же; место производства – опять же городской, местечковый или деревенский, но неизбежно окраинный позадок, дабы грязное производство, как и сам неряшливо обставленный производитель не томили чужого глаза; в заключении, горничный воз по внешнему виду величественный, на житейском языке стал символом пустоты, малоценности, а физический двигатель такого воза – всегда медленно тянущаяся лошадка, последышем на службе человеку, давно вошедшем в полунасмешливое присловье: «На ней (захудалой, ленивой лошади) только горшки возить». Таким лирическим вступлением начинается еще одна практически неизвестная даже специалистам статья Н. Никифоровского «Гончарные терракоты Витебска по археологическим находкам», опубликованная в четырех номерах (135–138) газеты «Витебские губернские ведомости» за 1897 год. В том же году эта работа была издана в виде брошюры (отдельного оттиска) в губернской типо-литографии за счет, скорее всего, самого автора. Это издание – настоящая библиографическая редкость. Ее единственный в Беларуси экземпляр хранится в отделе редкой книги библиотеки Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Судя по сводному каталогу «Книга Беларуси» (Мн., 1986), и в бывшем СССР таких изданий насчитывается всего два экземпляра и оба в Литве: в Научной библиотеке Вильнюсского государственного университета и в Центральной библиотеке Академии наук Литвы. На витебском экземпляре работы Н. Никифоровского рукой автора сделана надпись: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Игнатовичу усердный дар автора. 27 янв. 1898 г., Витебск». Выявив эту брошюру в библиотеке Витебского государственного университета, я сделал и первую публикацию о ней 27 апреля 2002 г. в газете «Народное слово» – «Хранить вечно». Тогда же предпринял попытку выяснить, каким образом это редкое издание оказалось в этой библиотеке. Выяснилось, что оно в конце 1950-х гг. поступило сюда вместе с библиотекой Витебского художественно-педагогического училища, а в последнюю –

в 1946 г. От кого и как — установить не удалось. Можно предположить, что находился раритет в уцелевшей в годы войны части библиотеки учебного заведения. Или он был передан сюда самим А. Игнатовичем либо его наследниками.

«Прогрессируя на пути терракотовых усовершенствований, производители древних глиняных изделий достигли в этой области наивысших улучшений, до которых, пожалуй, не в состоянии дойти последующее гончарное производство, — пишет Н. Никифоровский. — Существенным здесь являлось отличное приготовление чистой, беспримесной глины, которая проходила следующую обработку прежде, чем поступала на изделие: мастера копали глину осенью и приблизительно на полгода оставляли ее на открытом месте, где бы она могла подвергаться действию морозов, ветров, влиянию солнечных лучей и вообще атмосферным воздействиям; потом ее очищали от растительных остатков, прилипов, мельчали и просеивали, как муку. В таком виде глина была готова для теста. При надобности мастера расстилали глину на каменном или деревянном помосте, защищенном вокруг, в виде ящика, смачивали ее водою и долго месили обнаженными ногами, пока она не превращалась в тесто, напоминавшее сгущенный растительный экстракт (паста). Когда тесто оказывалось достаточно вымешенным, его поливали водою до совершенного разжижения и, взбалтывая жижу, медленно пропускали таковую по слегка наклоненным желобам в отдельные приемники, причем песок и измельченные камни оставались на дне желобов, растительные остатки тщательно извлекались, и в приемники поступала возможно чистая глиняная жижа. Отстоявшаяся здесь в течение нескольких дней жижа-глина давала однообразную массу, как тесто, вполне готовую для гончарных изделий. Эти же последние, окрепшие и подсохшие под навесом, вне воздействия солнечных лучей и сквозного ветра, в продолжении десяти суток обжигались потом в горне при высокой температуре. Неудивительно после сего, что, пролежав в земле века и тысячелетия, древние гончарные изделия, как цельные, так и обломки их, остаются неизменно твердыми, звонкими, как и в те дни производства. «К слову примолвить: лишенные такой заботливой обработки, современные гончарные изделия не выдерживают и слабого сравнения со своими древними сородичами. Пробыв в земле какой-нибудь десяток лет, особенно во влажном грунте, они раскисают здесь и, если родовой цвет их совпадает с цветом грунта, то недавние служители нуждам человека бесследно сливаются с приютившей их землею. Тоже видится в глиняных буграх, роковым образом вырастающих около гончарных заведений из обломков неудавшихся изделий: остается целым лишь обрабатываемый материал — глина, но не произведения из нее. И это еще лишний раз свидетельствует об упадке современного гончарного производства <...>, в то же время лишний раз уверяет нас, что извлекаемые при витебских раскопках терракоты, каковыми мы их видим в музейных хранилищах, имеют за собою почтенную седую древность».

Коснувшись вопроса археологических раскопок («в памятное нам время в Витебске не производилось специальных археологических раскопок»), автор замечает, что «при частных и даже общественных предприятиях» они «бывали далеко не малочисленные и приходились они в местах заведомо исторических». Он описывает их, называя конкретные места, но объясняя их необходимостью, например, строительством или укладкой водопроводных труб и т. д. При этом частенько были уничтожены некоторые изделия из глины, порою очень древние, которые, без сомнения, имели большой научный интерес. Не оглашая фамилий местных собирателей («мы не располагаем правом оглашать имена уважаемых коллекционеров»), Николай Яковлевич тем не менее называет одного из них, «популярного не только в Витебске», «известного антиквария» Вячеслава (Вацлава) Петровича Федоровича (1848–1911), музей которого «составляет плод долголетних трудов». «При этом нам существенно важно то, что почтенный антикварий, не щадя средств и своих слишком скромных досугов от неустанной деятельности присяжного поверенного, собрал и коллекционировал исключительно витебские гончарные находки в разных местах города и в различные сроки добытые при раскопках», – писал он. Кратко рассмотрев изготовление изделий из глины в древности, автор перешел к прошлому местного края и тому, как здесь выпускали подобные изделия. Описывая местные амфоры – высокие глиняные сосуды с двумя ручками у тонкого горлышка, он отмечает их схожесть с привезенными. «Тождество раскопочных терракотов Киева и Витебска поразительно: там и здесь гончарные произведения отличаются приземистостью формы, брюхатостью, с толстыми ушками и ножками при некоторых из них, причем произведения Витебска изящнее, полированное киевских, – пишет Н. Никифоровский. – Эту последнюю рознь можно объяснить тем, что пока Киев переживал великокняжеские распри и воследовавшее за ними монгольское разорение, Витебск продолжал мирное движение, сообщенное ему раньше, и чару горя испил позже, когда объявился под своим именем, когда сделался свидетелем столкновения Москвы с Литвою, стал исторической «опорою Речи Посполитой». Автор делит имеющиеся в его распоряжении образцы древних изделий (в основном из коллекции В. Федоровича и музея статистического комитета) на несколько групп (отделов): жертвенные, похоронные, стряпные, питьевые, религиозные (языческие и христианской эпохи), военные, этнографические, нумизматические, ископаемые, мануфактурные, изразцовые (кафельные) и т. д. По каждому из них делается полное описание, для наглядности даются ссылки на таблицы, которых в этом экземпляре брошюры, к сожалению, нет (не сохранились). Некоторые из замечаний, сделанных Н. Никифоровским, достаточно любопытны. Например, рассматривая многочисленные терракоты, относящиеся к группе питьевых сосудов, автор утверждает, что они «дают право утверждать, что незапамятный витеблянин любил отвести душу бражничаньем, отправляя последние

и компанейским путем и одиночного попойкою. Для первого у него имелись двуручные братины, а на последний случай – однорукая кружка». Говоря о редко встречающейся обиходной посуде, называя причины этого явления («спешность погребения и другие скрытые от нас причины»), автор утверждает, что они вынуждали пользоваться той же жертвенною посудой и на похоронные нужды. «Обычай хоронить с покойником наиболее любимые им при жизни предметы, несомненно, практиковался и здесь, – писал Н. Никифоровский, – и легко могло быть, что вчерашние курильница, кровавая мисочка, употреблявшаяся при жертвованном испрошении здоровья больному, возврата жизни умирающему, ныне отправлялась с ним в могилу или для умиловивления загробных божеств, или с предметами еды и питья, потребными в замогильном пути». Затронул Николай Яковлевич и вопрос о посуде для... денег. «На предмет хранения в земле и вообще копления денег соорудилась специальная посуда, – рассказывает он, – нечто в роде копильниц».

Отдавая должное В. Федоровичу и его собранию, автор выражает «искренние пожелания на предмет дальнейшего преуспеяния музея, роста вполне заслуженной его популярности», а также высказывает вполне понятное желание, чтобы в дальнейшем о каждом музейном предмете имелись сведения о точном месте их нахождения, глубине, обстановке, времени и т. д.

Малоизвестные труды Н. Никифоровского двумя перечисленными не исчерпываются. Не сомневаюсь, что со временем найдутся желающие заняться и остальными.

Пушкина О.И. (г. Витебск)

Н.Я. НИКИФОРОВСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

Актуализация исследования культурного наследия наших предков детерминирована многочисленными проблемами современности, наиболее значимыми из которых являются глобализация и утрата культурной идентичности. Незнание или легкая поверхностная информация о картине мира наших предков, их системе ценностных ориентаций приводит к тому, что современные молодые люди с большим интересом копируют популяризированные масс-медиа западноевропейские образы, одновременно имплицитно впитывают и ценности чуждой нам культуры. Большинству современной молодежи хорошо известны вампиры и оборотни, которые приобрели особую популярность после выхода так называемой «Вампирской саги», часто вспоминаются образы Франкенштейна, Фредди Крюгера и т. п. Популярность приобретает и заимствованный в западной культурной традиции

праздник Хэллоуин. Утрата знаний и интереса к своим корням, безусловно, может привести к полной потере культурной идентичности. Необходимо использовать все накопленные знания о мировоззрении наших предков и приложить максимальные усилия для их продвижения в нашей современной культуре. Важную роль в достижении данной цели могут сыграть материалы, накопленные исследователями прошлых лет.

Исследование феномена мифа в системе научного знания начинается в середине XIX в. Одним из первых мыслителей данного периода, обратившим внимание на уникальность мифа как формы конструирования и отображения картины мира, стал И.Г. Гердер. Он интересовался мифологией как народной мудростью, воссоздающей национальное своеобразие. Ф.В. Шеллинг завершил формирование романтической мифологии, обратив внимание на значимость символического в мифе. Сказку как одну из наиболее древних форм культуротворческой деятельности человека открыли немецкие ученые Я. и В. Гримм, увидевшие в ней отражение древнейшей мифологии. Ко второй половине XIX в. в Западной Европе сложились две школы исследования мифа. Сторонники первой опирались на достижения сравнительно-исторического языкознания и основывались на реконструкции древней индоевропейской мифологии. Главными представителями данной школы являются немецкие ученые А. Кун, В. Шварц, английский ученый М. Мюллер и др. Вторая – антропологическая (эволюционистская) – сформировалась в Англии и явилась итогом первых научных исследований сравнительной этнографии. Ее главным объектом исследования стали племена и народы, ведущие первобытный образ жизни, в сопоставлении с цивилизованными народами. Основными представителями данной школы являлись Э. Тайлор, Г. Спенсер и др., которые отождествляли мифологию со своеобразной рациональной «первобытной наукой», которая с развитием собственно науки стала пережитком. На рубеже XIX–XX вв. феномен мифологического мировосприятия исследуют все больше и больше ученых.

Целенаправленное изучение славянского, в том числе русского, украинского и белорусского мифологического наследия в Российской империи стало проводиться в XIX в. Одним из первых систематических исследований русского народного календаря как регулятора духовной и практической жизни, включившего в себя поверья, сказания, обычаи и обряды, является труд И.П. Сахарова «Сказания русского народа» (1836). В 1849 г. выходят «Мифы славянского язычества» Д.О. Шеппинга – члена королевского Копенгагенского общества северных изысканий древности. И.И. Срезневский в середине XIX в. опубликовал несколько работ, посвященных исследованию святилищ и обрядов языческих богослужений древних славян, с целью сохранения данных о них. В этот же период В.И. Даль издает «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа», где были собраны и обобщены этнографические и фольклорные материалы о русской демонологии без детального

анализа. Большой вклад в изучение мифологического наследия восточных славян внесли представители мифологической школы А.Н. Афанасьев и А.А. Потебня. В 1869 г. Л.Н. Майковым было издано одно из наиболее полных собраний русских заговоров, включающих около 400 заговоров, молитв и заклинаний. В начале XX в. вышел в свет объемный труд С.К. Смирнова, в котором анализировалась духовная культура восточных славян и были выделены несколько стадий становления двоеверия.

Считаем необходимым акцентировать внимание на том, что многие исследователи, изучавшие мифологию восточных славян, не проводили различий между особенностями русских, белорусских и украинских верований, определяя их все как «русские». Также недостаточно внимания уделялось и низшей мифологии, или демонологии.

В сферу низшей мифологии входят мифологические существа, не имеющие божественного статуса, различные демоны и духи. В тех регионах, где становление христианства на ментальном уровне было весьма длительным, сохранялось почитание языческих божеств в качестве низших духов [1], что позволяло священнослужителям называть их демонами. Этим обусловлено частое отождествление низшей мифологии и демонологии. Демонология (от др.-греч. δαίμων, то есть божество, дух, гений, и от др.-греч. λόγος, то есть слово, рассуждение, наука) – общее название разнородных мифов о демонах. В христианской традиции демонами считаются падшие ангелы, а в славянской мифологии это низший раздел, система мифологических персонажей: демонов, духов, людей с демоническими свойствами. Славянская демонология затрагивает все сферы славянской традиционной культуры, объясняя все происходящее в мире влиянием демонов: атмосферные и природные явления, посмертное существование человека на «том свете», хозяйственную деятельность и семейную жизнь, судьбу человека, причины болезней и подобное.

Одним из первых исследователей, изучавших культурное наследие белорусов, собирателей народных верований является Н.Я. Никифоровский. Он родился 5 (17) мая 1845 г. в деревне Вымно возле Витебска в семье пономаря. Получил начальное образование, пел в архиерейском хоре. Получал образование в Витебском духовном училище. В 1861 г., как лучший ученик училища, был переведен в Витебскую семинарию. Будущий священнослужитель должен был знать все особенности религиозного мировоззрения простых людей, крестьян, жизнь которых ежедневно была наполнена различными приметами. Он пересылал собранные фольклорно-этнографические материалы П.В. Шейну, которые тот публиковал в своих изданиях.

Самостоятельно изданными трудами Н.Я. Никифоровского стали «Очерки Витебской Белоруссии» (8 ч., 1892–1898), «Очерки простонародного житья-бытья Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (1895), «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (1897).

Многое из того, что касается белорусского культурного наследия, было сделано Н.Я. Никифоровским впервые. Он первым осознанно стал записывать короткие выражения – припевки, собранные им в сборник «Белорусские песни-частушки» (1911), им же был издан и первый сборник загадок «Простонародные загадки» (1898). В его работах в результате всестороннего исследования и глубинного знания быта белорусской деревни была раскрыта максимально полно вся панорама будних и праздничных забот простых людей, живших по традициям, довольно архаичным, доставшимся от предыдущих поколений и свято почитаемым.

Впервые Н.Я. Никифоровский осуществил и систематизировал описание народной белорусской демонологии, основываясь на легендах и преданиях, собранных в его труде «Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (1907) [2].

Н.Я. Никифоровский в своем труде представляет строго упорядоченную систему нечистиков. Естественно, что на формирование иерархии в ней оказало влияние христианство, поэтому возглавляет ее сам *Люцытыр* – глава бесовской силы и распорядитель злых деяний в мире, падший ангел, низринутый с первозданной высоты. После него исследователь характеризует *пекельников*, основной деятельностью которых являются поддержание огня в аду и мучение грешных душ. Следует отметить, что данные образы демонов в народном сознании максимально сохранили связь с христианством.

Остальных Н.Я. Никифоровский разделяет на три группы: существующих повсюду свободных нечистиков; человекоподобных нечистиков, которые прикованы своей деятельностью к одному и тому же месту; демоноподобных существ.

Свободные нечистики очень многочисленны, в первую очередь за счет своей плодовитости. Они распространены повсеместно и стремятся нанести вред человеку, физический или моральный. *Шешки* – юркие бесовские ищейки, которые ищут людей с греховными мыслями. *Касны*, в отличие от шешек, действуют коллективно «... и не отстают от жертвы, пока не доканают ее» [2, с. 29]. К данной группе также относятся молчаливые *шатаны*, спесивые, опрятные, предусмотрительные *цмоки* (чмоки), невидимые *паралики* (паралюши), наносящие больший вред телу, а не душе, *поветрики*, действующие группами и отличающиеся спорадическим характером деятельности. Безвольные, малоспособные, часто служащие у других на побегушках *прахи* и справедливые и опытные *кадуки*, которые, в отличие от остальных, не трогают безвинную жертву.

О возникновении второй группы нечистиков – человекоподобников – не сложилось однозначной точки зрения. По одной версии, ими стали единомышленники сатаны. Свергаемые с неба, они попадали в разные места на земле, многие из них, попав к людям, со временем обезвредили свое отношение к ним либо даже стали им благодетельствовать, как усадебные нечи-

стики. Вторая версия предполагает, что человекоподобниками стали гордые строители Вавилонской башни, и наложенное на них проклятье застало их там, где они находились в этот момент времени – в доме, поле, лесу и т. д., поэтому они не забывают об отдаленной родственной связи с людьми. Согласно третьей версии, данная группа нечистиков появилась в результате порочных связей свободных нечистиков с безнравственными женщинами. Для всех человекоподобников характерна следующая закономерность: чем ближе у них связь с домом и людьми, тем больше им свойственны охранительные функции; чем дальше от дома и людей, тем более дикой становится их натура.

Всех человекоподобников Н.Я. Никифоровский разделял на *усадебных* и *внеусадебных нечистиков*. К первым он относил домовых (домовиков, домников), хлевников, гумеников (евников, осетников), пунников, банников (лазников), полуночников, еретников, мар. Ко вторым – полевиков, леших (лешуков, лесовиков, пущевиков), кладников и кладовиков, водяников, болотников, багников, оржавеников, лозников, русалок. В данных образах прослеживается культ предков, наиболее ярко выраженный в образе домового. Согласно народным представлениям, зачастую усадебными человекоподобниками становились души умерших некрещеных детей. В представлениях о внеусадебных нечистиках четко прослеживаются свойства нашим предкам поклонение и почитание природы и, одновременно, осознание ее небезопасности, величия и мощи. На наш взгляд, именно данный аспект восприятия природы практически исчез из сознания современного человека благодаря доминированию рационализма и развитию науки и техники.

Отдельную категорию нечистиков – *демоноподобников* – составляют те, кто внешне похож на обычных людей, но их сущность и их действия являются демоническими, небезопасными для всего их окружающего. Они довольно малочисленны, поскольку большинство из них приобретают демонические черты и свойства осознанно, так как немногие из людей на это решаются, страшая скорбного окончания жизни. Ведьмаки и ведьмы, а также оборотни все свои способности получили в результате сговора с нечистой силой. К данной категории Н.Я. Никифоровский отнес колдунов и колдуний, несмотря на то, что за ними признавались и действия, полезные для людей.

На наш взгляд, используя современные методы исследования культуры относительно богатого наследия, собранного Н.Я. Никифоровским, представляется возможным выявить душевное и духовное богатство наших предков, проанализировать строго систематизированную и логически выверенную систему явлений в их картине мира. Данный подход также будет способствовать более глубокому пониманию не только прошлого, но и настоящего нашей культуры, что будет содействовать более точному прогнозированию ее развития, позволив сохранить уникальную самобытность культурного наследия белорусов в эпоху глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Иванов, В. В.** Низшая мифология / В. В. Иванов // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : Большая Российская Энциклопедия, 2000. – Т. 2 : К–Я. – С. 215–217.
2. **Никифоровский, Н. Я.** Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Издатель Н. А. Паньков, 1995. – 85 с.

Рагачова Л.І. (з. Віцебск)

**ПА СТАРОНКАХ ВЫДААННЯЎ АДЗЕЛА КРАЯЗНАЎСТВА:
ФАЛЬКЛОРНА-ЭТНАГРАФІЧНЫЯ ДОСЛЕДЫ
М.Я. НІКІФАРОЎСКАГА Ў «МАТЕРИАЛАХ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БЫТА И ЯЗЫКА РУССКОГО
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ» П.В. ШЭЙНА**

Краязнаўчая дзейнасць з'яўляецца адным з прыярытэтных кірункаў у рабоце бібліятэк. Ад года ў год узрастае ўвага карыстальнікаў Віцебскай абласной бібліятэкі да гісторыі свайго краю, сваіх каранёў. Шматлікія базы даных краязнаўчага кірунку, у якіх змешчана разнастайная інфармацыя як пра сённяшні дзень Прыдзвіння, так і далёкае мінулае, змястоўная карта-тэка артыкулаў «Краязнаўства», фонд аддзела краязнаўчай літаратуры і бібліяграфіі служаць добрай дапамогай у папаўненні ведаў пра Віцебшчыну. Вялікую цікавасць выклікаюць разнастайныя дакументы XIX – пачатку XX ст. У фондзе аддзела краязнаўчай літаратуры і бібліяграфіі маецца 231 выданне гэтага перыяду. Акрамя таго, разнастайныя выданні перыяду XIX – пачатку XX ст. уваходзяць у паўнатэкставую базу даных «Витебщина: документальное наследие».

Паколькі этнаграфія як навука цесна звязана і з гісторыяй, і з мовазнаўствам, і з прыродазнаўчымі навукамі, фактычна кожны з дакументаў нашай калекцыі ў пэўнай ступені можа служыць крыніцай для этнаграфічных даследаванняў.

Нагодай для правядзення канферэнцыі стала 170-годдзе з дня нараджэння нашага земляка, этнографа, фалькларыста М.Я. Нікіфароўскага, і ў артыкуле ўвага будзе засяроджана на фальклорна-этнаграфічных даследах М.Я. Нікіфароўскага, якія ўвайшлі ў «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П.В. Шэйна. У фондзе аддзела маюцца т. I, ч. II; т. II; т. III гэтага выдання, т. I, ч. I – у электронным выглядзе. Крыніцай разгляду фальклорна-этнаграфічных даследаў М.Я. Нікіфароўскага стануць менавіта гэтыя выданні.

У працы грамадскага дзеяча, краязнаўцы У.К. Стукаліча «Н.Я. Никифоровский. 1845–1910 годы», выдадзенай у Вільні ў 1910 г., шмат увагі надаецца супрацоўніцтву П.В. Шэйна і М.Я. Нікіфароўскага. У.К. Стукаліч падкрэслівае, што да сістэматычнага назірання за навакольным побытам М.Я. Нікіфароўскі прыступіў задоўга да свайго знаёмства з П.В. Шэйнам. Яшчэ ў духоўнай семінары ён пачынае збіраць матэрыял па старажытных народных вераваннях і забабонах, што захаваліся ў сялянскім побыце. Але, безумоўна, сустрэча з Шэйнам паўплывала на Нікіфароўскага, і на доўгія гады ён стаў адным з самых плённых карэспандэнтаў П.В. Шэйна.

Як вядома, менавіта ў Віцебску Павел Васільевіч Шэйн пачаў збіраць беларускі фальклор, ім была распрацавана спецыяльная памятка для запісу песень, якую ён назваў «Просьба». Гэтая памятка тыражом у 600 экз. разышлася па ўсім Паўночна-Заходнім краі. Як карэспандэнт М.Я. Нікіфароўскі перадаў у распараджэнне П.В. Шэйна вялізную колькасць этнаграфічных матэрыялаў, толькі частка з якіх была выкарыстана П.В. Шэйнам, астатняе трапіла ў архівы Акадэміі навук. У.К. Стукаліч адзначае таксама, што большая частка сабранага і выдадзенага П.В. Шэйнам паступіла да яго менавіта ад Нікіфароўскага: **«Надо отдать справедливость тут и П.В. Шейну, обязанный в области белорусской этнографии Н.Я. Никифоровскому, он не только не скрывал этого, но прямо указывал на Н.Я. Никифоровского, как на ближайшего своего сотрудника, как на человека глубокого, серьезного и основательного, способного трезво и критически наблюдать окружающую жизнь...»**

У т. I, ч. I «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях» П.В. Шэйна (1887) можна знайсці павер'і, звязаныя з радзінамі, хрэсьбінамі, і прыкметы-перасцярогі для цяжарных жанчын, павер'і, забабоны і прыкметы, звязаныя з дзяцінствам, запісаныя ў Віцебскай губерні М.Я. Нікіфароўскім, некаторыя з якіх існуюць і па наш час. «Дзіця нельга браць задам, бо яно вырасце ўпартым» [2, с. 16], «Калі дзіця спужаецца якую-небудзь жывёлу, то ў апошняя, калі яна вядомая, як прычына спужання, адрываюць пучок валос (ці поўсці) і абкурваюць імі спорчанае дзіця...» [2, с. 16–17], «Ні адна маці не дазволіць калыхаць калыску, калі ў ёй не ляжыць дзіця. Качанне пустой калыскі вядзе да смерці дзіцяці» [2, с. 17].

Вельмі цікава і падрабязна апісана калядная гульня «Жаніцьба Цярэшкі» [2, с. 99–105].

У апісанні «талакі» [2, с. 201–202] М.Я. Нікіфароўскі вызначае так званыя «навозныя талокі», што збіраліся з мэтай вывезці на парное поле гной, і талокі, што збіраліся на жніво і касьбу. Пры гэтым даследчык адзначае, што найбольш вясёлымі былі звычайна «навозныя талокі», суседзі нават крыўдзіліся, калі не атрымоўвалі на іх запрашэнне. «Зацялёпа» – той, хто вярнуўся апошнім з поля, ён не вячэрае разам з усімі, а пільнуе запражоных

коней, ён нешта накштальт выратавальнай ахвяры. Цікава, што гэтае абазначэнне асобы ўжываецца на Віцебшчыне па сённяшні дзень і ім называюць чалавека, які робіць нешта вельмі марудна.

Расказваючы пра старажытныя абрады Віцебскай губерні, М.Я. Нікіфароўскі падрабязна спыняецца на зажынках, дажынках, у аповедзе пра якія ён падкрэслівае цікавыя асаблівасці правядзення абрадаў.

Жніцы адпраўляюцца да дому гаспадара павольным крокам і дарогаю спяваюць доўгую песню. Калі на іх шляху сустрэнецца «свойскій» чалавек, то галоўная жніца здымае са сваёй галавы вянок і надзявае яго на «свойскага», спатканага ёй чалавека. У той жа час усе жніцы становяцца вакол палоннага і працягваюць свой шлях да таго часу, пакуль ён не дасць ім выкупу, што звычайна складаецца з грошай ці якой-небудзь рэчы. У такім выпадку вянок здымаецца з яго галавы і ён атрымлівае свабоду [2, с. 263–264]. За святочны стол маглі сесці не толькі жніцы, але і чужыя людзі, што прыйшлі паназіраць за ўрачыстым абрадам.

У т. I, ч. II «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (1890) П.В. Шэйна змешчаны вясельныя, паграбальныя, памінальныя абрады, галашэнні. Матэрыялы М.Я. Нікіфароўскага пра вяселлі ў Віцебскай губерні [3, с. 40–47] і Навагрудскім уездзе Гродзенскай губерні [3, с. 218–234] яскрава дапаўняюць іншыя матэрыялы раздзела. На Віцебшчыне з дня заручын маладых жаніха бярэ пад сваю апеку знахар, якога ніхто не ведае і які незаўважна ўсюды крочыць за жаніхом да завяршэння вясельных урачыстасцяў. Аўтар адзначае, што асоба знахара наўмысна бывае схавана ад чужых людзей; часта і сам жаніх даведваецца пра свайго нябачнага апекуна толькі па завяршэнні ўсяго таго, што так лёгка можа наклікаць якое-небудзь няшчасце на маладых. У Віцебскай губерні такія асобы маюць вялікае значэнне ў вясельных справах; удалы выбар знахара складае немалаважны клопат бацькоў жаніха і нявесты [3, с. 41]. Асаблівая ўвага надавалася і таму, дзе будзе адбывацца вясельнае снеданне і яго часткі. «На якой бы блізкай адлегласці не знаходзіліся б дамы маладых, але ў Віцебскім уездзе адразу пасля вянца ўсе пазджане закусваюць у выбраным і абавязкова *гаспадарскім* доме, на пастаяльным двары, і толькі ў надзвычайных выпадках – у карчме, аддаючы перавагу аднак апошняй і багадзельні, калі такая ёсць» [3, с. 44].

У раздзеле «Пахаваўчыя абрады» П.В. Шэйн змясціў матэрыялы з успамінаў М.Я. Нікіфароўскага і патлумачыў у зносках, што аўтар успамінаў – сын мясцовага дыякана. М.Я. Нікіфароўскі піша, што «...то вольнымі, то паднявольнымі шляхамі я назіраў тады жыццё “парафіян” ва ўсіх яго праявах на радзінах, хрысцінах, вясельях, ігрышчах, пахаваннях, памінаннях нябожчыкаў і іншых выпадках, як будзённых, так і тых, што выходзілі за межы будзённасці». У том пададзены змястоўны матэрыял М.Я. Нікіфароўскага пра пахавальны абрад [3, с. 507–521]. У гэтым жа

раздзеле, як дапаўненне да раней апісанага, змяшчаюцца прыкметы, што прадракаюць смерць [3, с. 579–581], апісанне галашэнняў [3, с. 633–637].

Цікавым для вывучэння традыцый памінання продкаў на Віцебшчыне з’яўляецца матэрыял, у якім распавядаецца пра дзяды. М.Я. Нікіфароўскі дае тлумачэнне паняццю «дзяды» і адзначае, што ў Віцебскай губерні дзедаўскія дні «былі вядомыя пад назваю «дзяды», якіх тут у годзе чатыры: *першыя дзяды, тоўстая субота* (перад загавеннем на масляную), *Велікодныя дзяды, радыніца* (у аўторак Фамінога тыдня, *Траецкія дзяды* (у суботу перад Троіцыным днём) і астатнія дзяды, *Змітраўка* (субота перад 26 кастрычніка). Назва – «*першыя дзяды*» не паказвае главенства гэтага дня над іншымі, а толькі парадак... Галоўнымі дзядамі лічацца Велікодныя і Змітраўскія (у Віцебскім уездзе)» [3, с. 593–595].

На Змітраўскія дзяды за памінальным сталом уся сям’я ўспамінае не толькі самыя маленькія выпадкі з жыцця тых, каго памінаюць, іх словы і настаўленні, але іх фізічныя асаблівасці, накітавалі радзімак і г. д. І канечне, у гэтай гутарцы няма месца аповедам пра адмоўныя бакі *дзядоў*. Ежа, што была пакінута для *дзядоў*, пасля аддавалася жабракам ці чыстай дамашняй жывёле. У гэты ж дзень ездзілі ў госці да родзічаў, гасцілі часам да трох дзён [3, с. 598–600]. Пра *першыя дзяды* М.Я. Нікіфароўскі піша, што яны былі вельмі падобныя да Змітраўскіх па памінальнай ежы і па парадку ежы, і адзначае, што ў восеньскія і зімовыя дзяды магілы родных наведвалі рэдка, а калі наведвалі, то без памінальнай ежы. Увесь памін пакідалі дома. У гэтыя дні няродныя паміж асобы не ездзяць адзін да аднаго ў госці [3, с. 612].

Велікодныя дзяды, Раданіца, бываюць у аўторак на Фаміным тыдні. Хаця большасць сем’яў паспела наведаль дарагія магілы памерлых яшчэ ў велікодныя дні, пахрыстасаваліся з роднымі катаннем свяцонага яечка па магіле, уваткнулі вербачку, калі гэта не было зроблена ў вербніцу. На Раданіцу гаспадыня гатуе «*двакія травы*»: для дамашняга снедання – юшку, клёцкі і кашу, што мае значэнне куцці, – і бліны, драчаны, сочні, ляпні, рознае печыва – для памінальнай ежы на могілках. Да апошняй ежы прыбаўляюцца і рэшткі ад велікоднага свяцонага, асабліва сыр і яйкі. У гэты дзень памінае *дзядоў* адбываецца менавіта на могілках, пры гэтым кожны з членаў сям’і спачатку катае па магілах родных, сяброў і суседзяў свяцонае яечка са словамі «Хрыстос уваскрос!». На магіле расцілаюць палатняную хустку (*шенотпну, шенотку*), гаспадыня ставіць на яе абрадавую ежу [3, с. 618–621]. *Траецкія дзяды*, ці *Пятроўскія*, маюць падабенства з *Раданіцай*, таму што памінае адбываецца не дома, а на магіле. У гэты дзень на могілкі прыносяць зялёныя яйкі, яны несвяцонныя і не катаюцца па магілах, а з’ядаюцца пасля малітвы і галашэння, за выключэннем аднаго, што застаецца на магіле для бедных. Як новае даследчык адзначае, што гэтыя дзяды ў некаторых мясцінах Гарадоччыны адбываюцца менавіта ў сам Троіцын дзень, у асноўным жа яны праходзяць напярэдадні [3, с. 628–629].

У т. II «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П.В. Шэйна (1893), дзе сабраны казкі, анекдоты, легенды, паданні, успаміны, прыказкі, загадкі, прывітанні, пажаданні і інш., сярод іншых доследаў М.Я. Нікіфароўскага змешчана апавяданне пра цэрквы, што пайшлі пад зямлю [4, с. 422–424]. Даследчык адзначае, што такія аповеды *занадта* распаўсюджаны ў Віцебскім (былым Суражскім) уездзе. Цяжка нават знайсці такі ўзвышак, пра які не хадзіла б народнае паданне, як пра месца, дзе ў незапамятныя часы стаяла царква, якая знікла пад зямлёю з усімі, хто ў ёй маліўся. Такая царква павінна з цягам часу выйсці на паверхню і заняць сваё ранейшае месца, якое нават праз гады не зарастае лесам. У гэтым жа раздзеле змешчаны паданні «Зарастаючыя азёры» [4, с. 435] і «Бабаўшчынскі пограб» [4, с. 447].

Том III «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», які выйшаў у свет ужо пасля смерці П.В. Шэйна, прысвечаны апісанню жытла, адзення, ежы, заняткаў нашых продкаў. У прадмове адзначана, што тут змешчана шмат вельмі каштоўных этнаграфічных матэрыялаў. Мы можам убачыць шмат спасылак менавіта на М.Я. Нікіфароўскага ў раздзеле пра ежу беларусаў. Цікаваць выклікаюць тлумачэнні назваў мясцовых страваў. Трэці том змяшчае характарыстыку беларускай карчмы ў Віцебскай губерні, якая была складзена М.Я. Нікіфароўскім у 70-я гады XIX ст. [5, с. 106–111]. Даследчык адзначае, што карчма цікавая не сваім знешнім выглядам, а ўнутраным жыццём. Мясцовы карчмар абавязкова спытаецца ў кожнага: хто ён, адкуль, куды і за чым? І таму ён заўсёды ведае шмат пра жыццё ўсіх і кожнага і можа быць дапамогай для сваіх кліентаў у розных важных справах. Карчма доўгі час была своеасаблівым вясковым клубам, і даследчык з сумам адзначае, што з развіццём пагалоўнага п'янства яна ўжо губляе сваю ролю і сваё грамадскае значэнне.

«Расказ сялянкіна Віцебскай губерні пра залом» [5, с. 233–234], «Ваўкалакі» [5, с. 253–255], «Малочнае чарадзеяства» [5, с. 494–496], запісаныя М.Я. Нікіфароўскім забабоны, прыкметы і павер'і, яскрава адлюстроўваюць моцную веру нашых продкаў у чарадзеяства і чараўнікоў. Падрабязней пра гэта можна даведацца з асобных прац М.Я. Нікіфароўскага.

Як бачым, «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П.В. Шэйна, безумоўна, могуць служыць добрай крыніцай для вывучэння спадчыны М.Я. Нікіфароўскага.

На доследы М.Я. Нікіфароўскага спасылаюцца многія з сучасных даследчыкаў беларускай этнаграфіі і фальклору, сабранае ім мы можам сустрэць і ў кнігах серыі «Беларуская народная творчасць», і ў разнастайных этнаграфічных зборніках. Але ж лепей за ўсё вывучаць спадчыну даследчыка па арыгінальных крыніцах. З прыжыццёвых выданняў М.Я. Нікіфароўскага ў фондзе аддзела краязнаўчай літаратуры і бібліяграфіі Віцебскай абласной бібліятэкі

маюцца складзеныя ім «Очерки простонародного жытця-бытця в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности: этнографические данные с географическим видом Витебской губернии и четырьмя чертежами в тексте» (1895), «Нечистики: свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (1908). У электронную калекцыю дакументаў «Витебщина: документальное наследие» ўваходзяць наступныя выданні даследчыка: «Очерки Витебской Белоруссии» (ч. 1 (1892), ч. 2 (1892), ч. 4 (1894)); «Сельско-школьное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии» (1893); «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (1897); «Простонародные загадки» (1898); «Странички из недавней старины» (1899); Стукалич В.К., Никифоровский Н.Я. «Странички из недавней старины города Витебска» (1900); «Освященные предметы и отношение к ним простонародья Витебской Белоруссии» (1903); «На ниве противораскольнической миссии» (1904). «Виленский временник» (1907) змяшчае працу М.Я. Нікіфароўскага «Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе». У электроннай калекцыі знаходзіцца таксама праца В.К. Стукаліча «Н.Я. Никифоровский, 1845–1910 гг.».

Мікалай Якаўлевіч Нікіфароўскі пакінуў пасля сябе багатую спадчыну, якая, на вялікі жаль, да нашага часу ўсё яшчэ недадаткова вывучана. Былі перавыдадзены «Странички из недавней старины города Витебска: воспоминания старожила» (1995) і «Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (1995). Безумоўна, гэтага недадаткова, і хочацца спадзявацца, што ў XXI ст. багатая спадчына нашага славутага земляка нарэшце стане даступнай для шырокага кола чытачоў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Материалы** для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. – СПб. : Тип. императорской Академии наук, [1887–1902]. – Т. 1 : Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях : [в 2 ч.] : Ч. 1. – 585 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 41, № 3).

2. **Материалы** для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. – СПб. : Тип. императорской Академии наук, [1887–1902]. – Т. 1 : Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях : [в 2 ч.] : Ч. 2. – 708 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 51, № 3).

3. **Материалы** для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. – СПб. : Тип. императорской Академии наук, [1887–1902]. – Т. 2 : Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. – 715 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 57).

4. **Материалы** для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. — СПб. : Тип. императорской Академии наук, [1887–1902]. — Т. 3 : Описание жилища, одежды, обуви, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. — 535 с. — (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 72, № 4).

5. **Стукалич, В. К.** М. Я. Никифоровский, 1845–1910 гг. / В. К. Стукалич. — Вильна, 1910. — 32 с.

Сусед-Виличинская Ю.С., Скоринов В.В. (г. Витебск)

КООРДИНАЦИЯ РАБОТЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ Н.Я. НИКИФОРОВСКОГО

Термин «аутентичный фольклор» не очень часто используется в методической литературе, поэтому смысл этого понятия нередко искажается. Понятие «аутентичный» происходит от греческого *authentikos* и означает настоящий, правильный, соответствующий оригиналу [6].

Исходя из этого, главным направлением работы фольклорного коллектива должен являться местный материал из первоисточников. Как известно, этнографические районы Витебщины выступают центром северо-белорусской культуры, которая имеет глубокие общеславянские традиции и вместе с этим определяется ярко очерченными региональными особенностями. Как отмечает З.Я. Можейко, фольклорное наследие Витебщины изучено в целом довольно основательно [1]. Широко известны общественности научно-исследовательские работы и этнофольклорные сборы Я. Борщевского, Н.Я. Никифоровского, Н.Н. Никольского, Е.Р. Романова, С.П. Сахарова, П.В. Шейна, А.А. Шлюбского. Именно их работы могут стать основой для изучения аутентичного фольклора Витебщины.

Н.Я. Никифоровский вошёл в историю фольклористики как выдающийся собиратель народно-поэтических богатств, вдумчивый исследователь устной поэзии, народных обычаев и обрядов, составитель фольклорно-этнографических материалов. С 60-х гг. XIX в. он изучал быт и культуру Беларуси, более 20 лет был корреспондентом П.В. Шейна, с 90-х гг. XIX в. выступал с самостоятельными работами, опубликовал 20 исследований по этнографии и истории Витебщины.

Н.Я. Никифоровский был одним из первых фольклористов не только в Беларуси, но и в России, который начал интересоваться и записывать такой своеобразный для того времени, новый, не всеми учеными признанный

жанр устного народного творчества, как частушки. В сборнике «Белорусские песни-частушки», изданный в Вильнюсе в 1911 г. уже после смерти Николая Яковлевича, содержится 2356 частушек. Каждый текст так или иначе паспортизирован. Частушки систематизированы по географическому принципу: по деревням, селам, уездам, губерниям. Также разнообразно и тематическое содержание частушек.

Следует отметить, что частушки не имеют возрастных ограничений. Их мелодические и ритмические особенности как музыкального жанра не представляют сложности. А малая форма частушки позволяет с минимальными временными затратами и физиологическими усилиями формировать аутентичную манеру исполнения.

Рассмотрим возможности реализации этнофольклорного наследия Н.Я. Никифоровского в контексте координации работы учреждений образования и культуры различных типов: Гимназия № 1 г. Витебска (Образцовый фольклорный коллектив «Зорачкі»), Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (фольклорный коллектив педагогического факультета «Вясёлка»), Шумилинская детская школа искусств (семейный ансамбль «Чароўныя музыкі»).

В ГУО «Гимназия № 1 г. Витебска» на протяжении 25 лет плодотворно работает детский фольклорный коллектив «Зорачкі». Самый первый состав коллектива насчитывал сорок одного ученика в возрасте от 5 до 11 класса. Эта цифра запомнилась в связи с экскурсионной поездкой, которой наградили «Зорачак» за конкурсное выступление «Запрашаем на вячоркі». Юным фольклористам даже посвятили частушку, которую исполнили на торжественной линейке «Последний звонок» вместе с другими частушками:

Наши «Зорачкі» поют,
Поспевают там и тут.
Поощрить мы их решили –
В Минск поездкой наградили.

Задачи «Зорачак» формулируются следующим образом:

1. Освоение семейных художественных ценностей каждого участника коллектива.
2. Воспитание подрастающего поколения не только на традициях всей Беларуси, но и на традициях Поозерья.
3. Использование аутентичного фольклора Витебщины.

Решение всех этих задач требует не только осознания истоков традиционной культуры, процессов ее становления и развития, но и предусматривает создание определенных психолого-педагогических условий для освоения традиций белорусского народа в процессе жизнедеятельности современных гимназистов [4].

Результатом исследовательской деятельности учащихся гимназии в рамках экспедиции «Наш край. Славутыя імёны Бацькаўшчыны» явился реферат «Першапачынальнік беларускага народназнаўства М.Я. Нікіфароўскі» (8 класс), исследования «Рейтинг популярности П.В. Шейна и Н.Я. Никифоровского среди учащихся 5–6-х классов» (Михаил Ш., Константин А., ученики 5 «А» класса), «Нечистая сила как элемент народной культуры и художественной литературы» (Анастасия Г., ученица 6 класса).

А благодаря исследованию учеников 7 класса Александра Д. и Егора Д. в репертуаре фольклорного коллектива появились частушки, записанные Н.Я. Никифоровским в 1903 г. в Полоцком повете Витебской губернии [5].

– Татулечка, родненькі,
Купі платок модненькі,
Ды як можа памадней,
Любіць віцебскі Андрэй [2, с. 64; 3, с. 48–49].

– Божа, божа, божа мой,
Хто прыгожы, ды не мой,
А хто брыдкі, абшарпаны,
Гэта мабыць, мой каханы [2, с. 60; 3, с. 45].

– Не судзіце, добры людзі,
Што я абшарпаўся.
Мой татулька такі быў,
Я па ім удаўся [2, с. 56; 3, с. 43].

Обратим внимание на то, что частушки как жанр народного творчества не потерял свою актуальность и сегодня. Так, фольклорный коллектив «Вясёлка» педагогического факультета ВГУ имени П.М. Машерова также исполняет частушки, записанные Н.Я. Никифоровским. Однако в силу возрастных особенностей и приобретённого багажа знаний студенты более артистично, эмоционально и осознанно разыгрывают частушечные диалоги. А музыкальное сопровождение было представлено в двух вариантах: фонограмма (–1) и «живой звук» (баян, скрипка, цимбалы, белорусские народные музыкально-шумовые инструменты).

Для того, чтобы выступление фольклорных коллективов стало ещё ярче, для аккомпанемента был приглашён оригинальный семейный ансамбль «Чароўныя музыкі». Были созданы партитуры для многих белорусских народных песен из репертуара фольклорных коллективов, в том числе и для частушек.

Прежде, чем описывать процесс создания партитуры, остановимся на составе семейного ансамбля «Чароўныя музыкі». Это цимбалы «Прима-1», цимбалы «Прима-2», баян, баян-бас и ударные инструменты.

Общеизвестно, что басовая партия в любом музыкальном произведении составляет его своеобразный фундамент. Для этого используются гитара-бас или контрабас. В данном случае, нижние голоса партитуры были расписаны для баяна-бас. Поддержка мелодии частушек, а также вступление для них предназначалось для баяна, что подчеркнуло красоту и гармоничность музыкального сопровождения.

Партия цимбал «Прима-1» иногда совпадает с партией баяна, в некоторых случаях меняет ритмический рисунок аккомпанемента, что в целом придаёт звучанию национальный колорит. Партия цимбал «Прима-2» ведёт гармоническую линию, используя, в основном, консонансы (ч.8, м.6, м.3) и, в частности, на окончании малой фразы, диссонансы (м.2, б.2). Также партия цимбал «Прима-2» держит и гармоническую педаль. Этого легко добиться, используя такой приём звукоизвлечения, как тремоло.

Безусловно, кульминационной точкой музыкального сопровождения является партия ударных инструментов: бубен, треугольник, коробочка и колокольчики. Это делает каждый куплет частушек интереснее и насыщеннее.

Таким образом, можно констатировать факт неподдельного интереса к этнофольклорному наследию Н.Я. Никифоровского и его творческой реализации на различных уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мажэйка, З. Я.** Песні беларускага Паазер'я / З. Я. Мажэйка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 494 с.

2. **Никифоровский, Н. Я.** Белорусские песни-частушки / Н. Я. Никифоровский. – Вильна, 1911.

3. **Прыпеўкі** / уклад. тэкстаў, уступ. арт. і камент. І. К. Цішчанкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 432 с.

4. **Сусед-Виличинская, Ю. С.** Фальклорная спадчына Віцебшчыны ў рэпертуары сучаснага фальклорнага калектыву / Ю. С. Сусед-Виличинская // Мастацтва і асоба = Искусство и личность = Art and the person : матэрыялы Міжнар. навук. канф., г. Мінск, 22–23 лют. 2012 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал.: Т. С. Багданава [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2012. – С. 210–213.

5. **Сусед-Вілічынская, Ю. С.** Выкарыстанне этнафальклорнай спадчыны М. Я. Нікіфароўскага ў вучэбна-выхаваўчай дзейнасці навучэнцаў гімназіі / Ю. С. Сусед-Вілічынская // Народная культура Віцебшчыны : матэрыялы навук.-практ. канф. «Працэсы мадэрнізацыі народнай культуры і вопыт устаноў культуры і адукацыі Віцебшчыны па захаванню традыцый», 26–27 мая 2005 г. : [прысвяч. 160-годдзю М. Я. Нікіфароўскага] / рэдкал. Л. Вакар [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2007 г. – С. 232–233.

6. **Тлумачальны слоўнік беларускай мовы** : у 5 т. / пад рэд. К. Крапівы. – Мінск : БСЭ, 1977. – Т. 1 : А–В. – 608 с.

Н.Я. НИКИФОРОВСКИЙ КАК ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ «ГОНЧАРНЫХ ТЕРРАКОТ ВИТЕБСКА»

В плодотворной деятельности Николая Яковлевича Никифоровского остается малоизвестным еще одно направление – его обращение к археологической керамике Витебска.

В 1897 г. в четырех номерах (№ 135–138) «Витебских губернских ведомостей» была опубликована статья «Гончарные терракоты Витебска по археологическим находкам» без указания автора. Она не осталась незамеченной. Уже в следующем, 1898 г., в журнале Императорского Московского Археологического общества «Археологические известия» появилась рецензия на эту работу, в которой автору ставилось в вину, что статья «написана не вполне подходящим к сюжету “высоким штилем”, почти половина ее занята вступлением, и цель ее, по-видимому, прославить частный музей известного антиквария Вяч. Петр. Федоровича, на таблицы которого автор непрерывно ссылается». Но все-таки критик не мог не отметить, что «статья не лишена и научного интереса; а главное для нас – она свидетельствует о той глубокой симпатии, которую повсеместно внушают в последнее время археологические раскопки и коллекционерство» [4, с. 81].

В 1897 г. статьи из «Губернских ведомостей» были изданы отдельным оттиском в виде брошюры с указанием имени автора Николая Яковлевича Никифоровского [7].

В XX в. эта работа была востребована узким кругом специалистов, прежде всего археологами [1, с. 103; 5, с. 3]. Они отметили ценность информации о земляных работах, проводимых в исторической части Витебска [1, с. 103], а также, что «Н.Я. Нікіфароўскі першым з этнографіў спецыяльна даследаваў непаліваную і паліваную кераміку, што была знойдзена ў Віцебску» [5, с. 3].

Известные экземпляры издания «Гончарные терракоты Витебска по археологическим находкам» не содержат иллюстраций, на которые идет постоянная ссылка в тексте.

Однако в фондах УК «ВОКМ» были выявлены двенадцать фотографий таблиц с выставленной на полках пронумерованной керамикой – бытовой и архитектурно-декоративной. Впервые две из них (под музейными номерами ВОКМ н/в 7271/6, 8) с таблицами II и III были опубликованы в 2012 г. в «Віцебскіх старажытнасцях» с аннотацией «Фотографии археологической керамики музея В. Федоровича» [9, с. 160]. По таблицам удалось определить находки с Замковой горы. В 2013 г. опубликованы фотографии всех двенадцати таблиц [10, с. 265–269], но уже под музейными номерами ВОКМ

КП 026119/7, 9–19. Разница учетных номеров объясняется тем, что фотографии в 1986 г. были переведены в научно-вспомогательный фонд, а затем в 2012 г. обратно возвращены в основной фонд.

Как оказалось, фотографии таблиц I, II, III (ВОКМ КП 026119/12, 11, 13) и есть те иллюстрации, которые использовал и на какие ссылался в своей книге Н.Я. Никифоровский.

Несомненно, что одним из факторов, вызвавших интерес Никифоровского к «археологическим терракотам», стала книга И.А. Хойновского «Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г.» [8]. Эта книга позволила Николаю Яковлевичу взглянуть на состояние археологического изучения Витебска, которое не шло ни в какое сравнение с Киевом и приводило к тому, что в местных музеях было так мало витебских находок, дающих возможность глубже познать историю города, а также начать исследование витебской керамики.

В начале работы Никифоровский дает информацию о проведенных в исторической части Витебска в XIX в. земляных работах [7, с. 5–6]. Эти сведения и сегодня позволяют проследить, как изменялся рельеф в исторической части города, в каких местах сохраняется переотложенный грунт и откуда он попал, что важно для работы современных археологов.

В 1897 г. Н.Я. Никифоровский с сожалением отмечал, что «...насколько нам известно, в памятное нам время в Витебске не производилось специальных археологических раскопок, хотя раскопки при частных и даже общественных предприятиях бывали далеко не малочисленными и приходились они в местах заведомо исторических» [7, с. 5]. Особенно масштабными и памятными стали «земляные работы, связанные с постройкой прекрасного здания для мужской гимназии с западной стороны Замковой горы и таковые же работы при постройке не менее прекрасного здания Окружного суда, с восточной стороны горы» [7, с. 5–6]. Но и они не являлись специальными археологическими раскопками, так как не были похожи на археологические работы в Киеве.

«Не припоминая специальных археологических раскопок в Витебске», Никифоровский не смог «вспомнить и лиц, подобно И.А. Хойновскому¹, при киевских частных раскопках, направлявших деятельность раскопщиков, неотступных блюстителей работ, усердных надзирателей за всем, что извлекалось из раскапываемых мест и носило следы человеческой обработки. Только этим может быть объяснена сравнительная бедность археологических находок, имеющих в местном гражданском музее, как и в музейных складах частных любителей Витебской старины» [7, с. 6].

¹ И. Хойновский во время раскопок вел дневник раскопок, тщательно фиксируя место и глубину каждой находки, то есть составлял полевые паспорта каждой находки.

Предметом и объектом изучения Никифоровский выбирает археологическую керамику, найденную при земляных работах в Витебске, но без изразцов².

В гражданских витебских музеях того времени – музее при Губстаткомитете и церковно-археологическом – нужных материалов Николай Яковлевич не нашел.

«Обильные данные по витебским терракотам» он получил в частном музее В.П. Федоровича и в качестве иллюстраций воспользовался фотографиями трех витрин с бытовой керамикой, отмечая, что «при обзоре музейных предметов весьма важным подспорьем служат фотографические таблицы, прекрасно передающие наиболее типичные предметы. На таблицах под временными № (I, II, III) фотографированы исключительно гончарные терракоты» [7, с. 7].

В пространном вступлении, подвергнувшись критике, Никифоровский фактически пересказывает, иногда дословно, раздел «Гончарное искусство, жертвенные и похоронные сосуды» книги И.А. Хойновского [8, с. 52–57]. По Хойновскому [8, с. 53–54] он воспроизводит описание технологии замеса глины, историю появления глиняной посуды и гончарного круга [7, с. 8–9].

Такой подробный экскурс в прошлое, на наш взгляд, понадобился Никифоровскому для того, чтобы попытаться осветить вопрос происхождения кривичей и их предков, заселивших витебские земли, и определить исторические связи витебской керамики.

Подражая Хойновскому, сделавшему вывод, что «под скандинавским влиянием родилось киевское гончарное искусство» [8, с. 56], Никифоровский ставит вопрос о культурной принадлежности витебской керамики.

Он отмечает, что «тождество раскопочных терракот Киева и Витебска поразительно: там и здесь гончарные произведения отличаются приземистостью форм, брюхатостью, с толстыми ушками и ножками при некоторых из них, причем произведения Витебска изящнее, полированное киевских» [7, с. 13]. Причину схожести он видит во влиянии так называемого скандинавского стиля. Учитывая то, что Витебск располагался на торговом пути «из варяг в греки», на месте одного из переходов из бассейна Двины в Днепр, Никифоровский предположил, что «в продолжительный период от нашествия готов до конца великого переселения народов, когда разобщились сношения Киева с Грецией и заградился торговый путь к варягам, безымянный Витебск, как пристанный пункт на этом пути, мог быть передатчиком скандинавского стиля в Киев, при позаимствовании такого для себя» [7, с. 13].

² Вероятно, специальную работу по витебским изразцам должен был написать В.П. Федорович, а бытовая керамика была отдана на рассмотрение Н.Я. Никифоровскому. С этой целью предположительно для иллюстративных таблиц были сфотографированы (с масштабными линейками) полки с выставленной на них и сгруппированной по определенному принципу керамикой. Первые три полки (таблицы) – бытовая керамика; остальные – изразцы, плитки пола, архитектурные элементы [10, с. 265–269].

Вопрос о датировке рассматриваемой керамики Никифоровский оставляет открытым: «К какому возможно-приблизительному времени отнести производство и житейское употребление гончарных терракот, вызвавших настоящую заметку, за неимением на это точных данных, приходится оставить вопросом, на который не дают ответа немые остатки древности» [7, с. 10]. Однако Никифоровский уверен, что рассматриваемые витебские «гончарные терракоты» не могут относиться ко временам «столкновений Москвы с Литвою», когда Витебск стал исторической «опорою Речи Посполитой», потому что «Витебск не переживал тогда мирного движения, а был “опорным” пунктом разорительных движений с разных сторон» [7, с. 13]. «Но при первом же знакомстве с гончарными терракотами замечается, что все они подлежали обработке на гончарном кружале, исключая тех частей, кои естественно не поддаются обработке во время верчения кружала, как, например, ножки, ушки, носики и орнаментные добавки к изделиям» [7, с. 10].

Проанализировав сегодня представленную на таблицах (не всегда четкого качества) керамику (из того, что хорошо просматривается), можно сделать вывод, что основная ее часть, за редким исключением, относится к XVII–XVIII вв. Один горшок (табл. II: 21) и миска (по определению Никифоровского) со знаком креста на донце (табл. III: 17), вероятно, курганного типа могут быть отнесены, возможно, к XI–XIII вв. Среди предметов бытовой керамики на трех таблицах один (табл. II: 20) – скорее всего горшковый (мисковый) изразец XV–XVI вв.

Имея в своем распоряжении 67 предметов, размещенных на трех витринах, Никифоровский предпринял попытку классифицировать их по функциональному назначению, распределив по следующим семи группам: *жертвенная, погребальная, поваренная, питьевая, консервная посуда*, а также *«копильницы»* и *«смешанные терракоты»*.

I. Жертвенные терракоты (табл. I: 14, 15, 22, 23; табл. II: 7, 9, 13, 14; табл. III: 17, 18).

Никифоровский находит схожесть витебских предметов (особенно табл. I: 15) с киевскими жертвенными сосудами [8, табл. XIV: 102–103]. Скорее всего, и название предметов этой группы он позаимствовал у И.А. Хойновского.

Согласно современной классификации бытовой керамики, часть из выделенных Никифоровским в этой группе предметов (табл. II: 7, 9) являются светильниками и подсвечниками [2, с. 314–315, рис. 208]. В фондах УК «ВОКМ» хранятся такие же светильники (фото 5) и подсвечники, восстановленные реставраторами по витебским археологическим фрагментам [3, с. 129]. Зачастую такие светильники и подсвечники находят во время раскопок около культовых зданий.

Никифоровский, повторяя идеи Хойновского о «мисочках на стоянках, на которых, вероятно, приносились и ставились перед идолами приношения» [8, с. 57], пытался объяснить назначение этих предметов (фото 5) следующим образом: «При пользовании такими сосудами незапамятный витеблянин че-

ствовал и умилоствовал своих ныне затерявшихся богов: ставил перед ними лакомые яства и напитки, курил благовония, а наиболее религиозный прибавлял к сему клоки собственных волос, обрезанные ногти, или же наполнял сосуды собственной кровью...» [7, с. 15].

Что касается предмета под № 15 в табл. I, то это чернильница. Аналогичные ему предметы (один из них почти целиком сохранившийся; фото 6) были обнаружены при раскопках Витебска во второй половине XX в. [6, рис. 11].

II. Жертвенная керамика для похоронных нужд (табл. II: 20, 21; табл. III: 8, 11, 12; 17, 18).

В эту группу Никифоровским включены прежде всего предметы маленьких размеров: «О житейском употреблении таких горшочных малюток не может быть и речи. Однако не игрушечная потребность и не избыток досужества руководили мастером при такой тщательной обработке горшочных малюток: полагая на изделие отлично приготовленную глину, делая стенки сосудов возможно тонкими, во всех частях равномерными, отглаживая их на кружале и снаружи и изнутри, отдельный мастер желал угодить высшим потребностям – службе сосудов человеку по ту сторону гроба ... Именно в них, при похоронах, ставилась в могилу то дневная, то любимая покойником пища и питье, или же они полагались в могилу на предмет стряпных надобностей в загробном бытии, как дополнение хозяйственного скарба» [7, с. 16–17].

Имея в распоряжении иллюстративные таблицы, можно заметить, что сюда попали, скорее всего, курганные горшки (табл. II: 21; табл. III: 17), а также предмет, очень похожий на горшковый (мисковый) изразец (табл. II: 20).

III. Поваренная посуда (табл. II: 2, 3, 8, 19; табл. III: 1–4).

В эту группу Никифоровский выделил «объемистые черепки не менее объемистых когда-то горшков да сковородные обломки с ножками при них (табл. II: 19; табл. III: 1), как и самые ножки, отделенные от своих мест» (табл. III: 3, 4).

Обращает внимание Николай Яковлевич и на различные типы полых ручек сковородок для деревянных насадок – круглые (табл. II: 2, 3), плоские (табл. II: 8). Отдельно выделяет длинные массивные ручки без деревянного насада (табл. III: 1).

Не остался незамеченным Никифоровским и богатый внешний декор – «узорчатость» предметов этой группы в виде различных горизонтальных поясков, лент, зигзагов, произведенных вдавливанием резца при кружальной обработке [7, с. 17]. Он считал, что такая «орнаментировка придавалась горшкам потому, что один и тот же сосуд с готовым кушаньем в нем, наравне со сковородкою или правильнее – плошкою, состоял и столовой посудой» [7, с. 17].

IV. Питейные сосуды (табл. I: 7, 16, 18, 19, 20, 21, 25, 27, 28; табл. I: 8, 9, 10, 27; табл. II: 2, 3, 4, 6, 11, 17; табл. III: 5, 16).

Питейные сосуды наиболее многочисленные в рассматриваемой коллекции. Это цилиндрические сосуды, некоторые из них заужены в центральной части

(в современной литературе их называют куфли [2, с. 305]), но есть и усеченно-конические. Никифоровский обратил внимание, что в коллекции представлены как одноручные, так и двуручные сосуды, последние он называет братины, приписывая их употребление для «компанейского бражничества». Одноручные же сосуды служили для «одионой попойки» [7, с. 17]. В фондах ВОКМ хранятся аналогичные изделия (фото 4), найденные во второй половине XX в. при археологических раскопках и земляных работах на территории Витебска.

Обращается внимание и на формы ручек сосудов для питья – круглые (табл. I: 16; табл. III: 5) и в виде прямой скобы (табл. I: 8, 9, 10, 27).

Автор предпринял попытку проследить пропорции имеющихся в его распоряжении питьевых сосудов (куфлей) и пришел к выводу, что диаметр дна никогда не превышает диаметр устья куфли.

Кроме сосудов для питья в эту группу Никифоровский включил и сосуды для хранения напитков и жидкостей. К ним он отнес «местные амфоры» (табл. III: 16) – пузатые гляки «с тонкой шейкой, заканчивающейся иногда рыльцем (носом)» и глиняные баклажки с ушками и без них» (табл. II: 4) [7, с. 19]. Служили они одним и тем же надобностям – хранению и перемещению дорогих напитков, масел, благовонных жидкостей, лекарственных снадобий и прочего [7, с. 19].

Носики (рыльца) к «глякам» (табл. I: 7 ; табл. II: 2, 6, 11, 17) мало чем отличаются от тех же частей современных «гляков», замечал Никифоровский. Среди них по форме и величине он выделил два. Первый – треугольный, слегка загнутый книзу, носик в 7 ½ см длины (табл. I: 7).

Целый сосуд – рукомойник с близким по аналогии носиком был найден в Витебске при археологических раскопках на Нижнем замке [2, с. 306, рис. 193:43; 3, с. 323].

Второй – округлый «носик» «с загибными наружу краями дл. 6 ¼ см при диаметре отверстия жерла в 4 см (табл. II: 3). Он сработан вручную и помещался сбоку неизвестного питьевых сосуда» [7, с. 19].

Одним из украшений таблиц с керамикой является целая баклажка (табл. II: 4), найденная при копании фундамента для дома Ниренштейна на Замковой улице [9, с. 160–161].

Интересны рассуждения Никифоровского о назначении баклажки: «Давний путник наливал в баклажку подкрепляющий напиток, давний воин не расставался с нею во время войны и мира по той же причине. А может быть, здесь хранилось лекарственное снадобье давнего врача, губительное питье врагу, благовонное снадобье щеголя – как знать!?» [7, с. 19].

Во время раскопок в исторической части Витебска были обнаружены фрагменты баклажек, но, к сожалению, целой пока не найдено.

V. Консервные сосуды (табл. I: 3, 6).

В эту группу Никифоровский выделил те изделия, которые не попадали ни под одну из выше названных групп. Отличительной особенностью их было

тесто с добавками раздробленных раковин и «белыми блесточками и крупинками» на поверхности и на изломе – непропорциональная величине сосуда легкость. Имеющиеся в таблицах два черепка свидетельствуют о крупногабаритных размерах емкостей, а их «скважистость», по предположению Николая Яковлевича, невозможна для хранения жидкостей и могла применяться для хранения хозяйственных запасов и транспортировки их на продажу [7, с. 20].

В коллекции археологии УК «ВОКМ» имеются фрагменты и целые сосуды, похожие на описанные Никифоровским, но такие свойства керамика приобрела ввиду пребывания сосудов в огне пожара. Среди них есть фрагменты крупногабаритных емкостей, применявшихся в качестве тарной посуды.

VI. Копильницы (табл. III: 13, 16).

В эту группу выделены специальные сосуды «для копления денег» – копилки, а по терминологии Никифоровского «копильницы». В таблицах запечатлены две «копильницы» (табл. III: 13, 16), одна из которых фрагментированная.

VII. Смешанные терракоты (табл. I: 24, 26; табл. III: 7, 14).

В отдельную группу отнесены «смешанные терракоты, единичные экземпляры которых представлены на таблицах». Это четыре предмета. Один из них, по определению Никифоровского, «часть образка Св. Девы с Младенцем» (табл. III: 7) подтреугольной формы размерами 10х12 см. Можно предположить, что это осколок лицевой пластины изразца или настенного медальона.

Второй предмет – изящная, реалистично выполненная головка собаки с отломанной шейкой (табл. III: 14).

Третий и четвертый предметы – фрагменты антропоморфных игрушек в виде трехсантиметровой головки человека (табл. I: 24) и фрагмента верхней части туловища – плечей с надломленными руками (табл. I: 26).

Выделив в отдельную группу эти предметы, Никифоровский однако не видел в них «археологической ценности, подобно перечисленным в первых шести группах, так как местное производство их и давность подлежат сомнению», но все они были найдены в Витебске [7, с. 21].

В заключение своего обзора «гончарных терракот» Н.Я. Никифоровский высказывает пожелание о необходимости иметь «данные о точном местонахождении извлеченных из земли предметов – глубине, обстановке, времени...» [7, с. 22]. Он не оставляет надежды, что когда-нибудь музеи Витебска «при добровольных вкладах жертвователей» откроют свои двери «для общественного обзора».

Работа «Гончарные терракоты Витебска по археологическим находкам» Н.Я. Никифоровского, насколько нам известно, первый опубликованный опыт изучения именно витебской керамики.

Ознакомившись с коллекцией гончарной керамики частного музея В.П. Федоровича, состоящей исключительно из витебских находок, он предложил классификацию бытовой керамики на поваренную посуду, питьевую

и консервную. Это соответствует современной типологии керамической посуды и делению ее по функциональному назначению на кухонную, столовую, тарную [2, с. 297].

Благодаря таблицам иллюстраций, выявленным в фондах УК «ВОКМ», работа Никифоровского приобрела завершённую форму и представит ещё больший интерес для исследователей и простых читателей.

Работа сохранила и донесла до нас информацию о витебских находках, а также помогла выявить и восстановить атрибуцию некоторых хранящихся в фондах предметов довоенного собрания ВОКМ.

Как удалось установить, сегодня в археологической коллекции музея хранятся копилка, маломерный горшочек и глян (ВОКМ КП 734; КП 740; КП 733). Они запечатлены в Табл. III под номерами 15, 8 и 16. Эти предметы (фото 4–6) Н.Я. Никифоровский держал в руках, снял с них размеры и описал в своей работе, что помогло их идентифицировать.

Таким образом, мы узнали ещё о трёх предметах, связанных с деятельностью Н.Я. Никифоровского.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев, Л. В.** К истории топографии древнейшего Витебска / Л. В. Алексеев // Советская археология. – 1964. – № 1. – С. 99–111.
2. **Археалогія** Беларусі : у 4 т. / [рэдкал.: М. В. Біч і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 1997–2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш. ; пад рэд. В. М. Ляўко]. – 2001. – 597 с.
3. **Археалогія і нумізматыка** Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – 702 с. : іл.
4. **Библиография** // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. – Москва, 1898. – № 1. – С. 81.
5. **Здановіч, Н. І.** Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 183 с.
6. **Левко, О. Н.** Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 127 с.
7. **Никифоровский, Н. Я.** Гончарные terracottas Витебска по археологическим находкам / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губернская типо-литография, 1897. – 23 с.
8. **Хойновский, И. А.** Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. : археолого-историческое исследование / И. А. Хойновский. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1893. – 78 с.
9. **Шарковская, Н. Ю.** Артефакты с Замковой горы из собраний Витебских музеев / Н. Ю. Шарковская // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. – Мінск, 2012. – С. 155–195.
10. **Шарковская, Н. Ю.** Коллекция «Kafly» собрания Вацлава Федоровича / Н. Ю. Шарковская // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф. – Мінск, 2013. – С. 263–276.

**«ТАМ И СЯМ В ЧЕРТЕ ГОРОДА»:
ГОРОДСКАЯ СРЕДА БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX в.**

Плодотворные изыскания Н.Я. Никифоровского по истории города Витебска, запечатленные в его работе «Странички из недавней старины города Витебска. Воспоминания старожила» [5], фактически положили начало научным исследованиям в той сфере, которую сегодня принято обозначать как этнография города. Обращение Николая Яковлевича именно к бытовому аспекту жизни витеблян, содержательный и увлекательный рассказ о повседневности городских обывателей оказались весьма удачными. Богатая фактура, изложенная живым языком, стала основой описаний городского пространства, особенностей бытового уклада чиновников и представителей других групп городского населения, нравов обитателей отдельных местностей города. Колоритные очерки городской жизни в разделах «По городским улицам», «На городских бульварах», «В общественных садах», «Там и сям в черте города» по прошествии более чем 100 лет, не утратили ни художественной литературной привлекательности, ни научной ценности. Многие подходы, примененные Н.Я. Никифоровским к показу городского быта, впоследствии использовались при выработке методологии этнографического изучения городов Беларуси и остаются актуальными в начале XXI в.

Цель данного исследования – выявление наиболее значимых характеристик городской среды белорусских губерний Российской империи начала XX в. – периода, хронологически следующего за описанным знаменитым ученым Н.Я. Никифоровским в книге, посвященной Витебску и изданной в 1899 г. Анализ городской среды позволяет запечатлеть атмосферу городской жизни, приблизиться к пониманию исторического образа города Беларуси в конкретные эпохи.

Историографический блок темы представлен как обобщающими трудами по этнографии города, ставшими итогом анализа быта горожан Беларуси в советский период [2], так и современными изданиями, например, публикациями во 2-м томе серии «Нарысы гісторыі культуры Беларусі» [6; 7]. Источниковый пласт формируется в основном за счет отдельных историко-краеведческих работ начала XX в. и материалов местной периодической печати, некоторых архивных документов, данных статистических источников.

Городская среда представляет собой совокупность пространства города и его вещественного насыщения, она включает не только городские кварталы, улицы, площади, жилые и зеленые зоны, объекты архитектуры, торговли, транспорта, но также и сферу взаимодействия жителей города друг с другом, то есть их контакты в рамках разнообразных занятий, сфере отдыха и развлечений.

Начало XX в. стало исключительно важным этапом в развитии городской среды в белорусских губерниях Российской империи. Именно в этот период она впитывает в себя ряд новационных элементов, значительно преобразуется внешне и расширяет свои функции. Причиной этих перемен явилось ускорение социально-экономического развития ряда городов, оживление финансово-банковской деятельности, приток капиталов. Интенсификации городской жизни способствовало развитие путей сообщения, в первую очередь, железных дорог, и ряд иных исторических факторов.

Заметной чертой в обновлении городского пространства явилось некоторое изменение темпа и ритма городской жизни. При этом, если в малых провинциальных городах скорость событий и интенсивность чередования картин повседневности увеличивались лишь эпизодически, в связи с важными вехами в истории края и страны в целом, то в больших и жизнеспособных уездных и тем более губернских городах старые устои нарушались стремительно. Здесь наблюдалось постоянное и неуклонное нарастание темпов различных отраслей деятельности и, соответственно, результативность в преобразении городской среды была более существенной и ярче выражена. Любопытно, что городская среда пополнилась новыми звуками (клаксоны автомобилей, звуки граммофонов, грохот трамвая), которые в ряде случаев вызывали недовольство горожан.

Городская среда пополнилась новыми объектами – зданиями театров, банков, вокзалов, синемаграфов, учебных заведений, почтово-телеграфных контор, мостами новых конструкций. Возросла этажность зданий, особенно в центральных кварталах, расширилось возведение доходных домов, казарм, повышенные цены на городскую землю привели к значительному уплотнению застройки, города прирастали новыми кварталами.

Активизация образа жизни и возросшая мобильность потребовали разветвления сети пунктов общественного питания – трактиров, кофейных, чайных, ресторанов. Владельцы питейных заведений и пунктов питания красноречиво заверяли посетителей в исключительной полезности своих услуг и высоком качестве обслуживания. «Во вновь открытой турецкой булочной, кондитерской и кофейне имеются разные печения, кондитерские изделия в большом выборе, а также свежие молочные продукты», – убеждали жителей Брест-Литовска в августе 1912 г. хозяева, по их мнению, «посетители... останутся вполне довольны» [3]. Особую сферу бытового обслуживания составляли отели, порядок их деятельности, как и ресторанных заведений, регламентировался, в том числе и санитарными нормами. Количество гостиниц в оживленных уездных городах и губернских центрах динамично возрастало. Расширялась аптечная сеть, появлялись новые медицинские заведения.

Некоторым переменам подвергся визуальный образ города. Так, и прежде присутствовавшие во внешнем оформлении зданий и других объектов

городской среды рекламные знаки и вывески к кануну Первой мировой войны широко заполнили все свободные площади на фасадах зданий, городские жители неоднократно жаловались на засилье рекламы в городском пространстве. Рекламные щиты и вывески отличались друг от друга цветом, формой, способом изготовления. Учитывая неграмотность многих городских жителей, рекламные знаки должны были и без прочтения информационных надписей указывать посетителям на вид заведения, тип товара и пр., поэтому были популярны, например, фигурные вывески с изображением продуктов, одежды, обуви, посуды, которые можно было приобрести в данном магазине и т. д. Вывески различных мастерских отличались более низким качеством исполнения, чем в крупных торговых объектах, но они были более выразительными. Так, на вывесках ремонтных мастерских изображали ремонтируемые либо изготавливавшиеся в них предметы – велосипеды, ботинки, подковы, кованые решетки и пр. Окна в торговых заведениях, выходявшие на главные улицы городов, расширяли с целью использования их в качестве витрины для демонстрации товара. Декоративное оформление витрин не предусматривалось, считалось, что следует выставлять как можно больше товаров, чтобы витрина выглядела богаче. В витринах обувных магазинов выставляли большие изображения ботинка, часы с надписью «верное время», как правило, были неотъемлемым элементом магазина часов и т. д. Рекламные вывески размещали на фасадах домов в несколько ярусов. Доски с надписями, например, таблички практиковавших частным образом портных, врачей, учителей музыки и языков завершали картину перенасыщения улиц информационными потоками.

Виды городов Беларуси начала XX в., известные по историко-краеведческим описаниям современников и фотоматериалам, дополнились элементами улучшенного благоустройства. Новые типы освещения улиц и зданий, новые виды городского транспорта, появление и распространение телефонной связи повлекли за собой коррективы в предметной среде. Возводятся столбы для крепления коммуникаций, по улицам прокладываются рельсы для движения конки и трамвая, все чаще востребованным становится вывешивание городских часов в общественных местах. Вовлечение в городскую среду автомобилей также повлияло на формирование городского пространства. Для их проезда, как и передвижения других транспортных средств, постепенно расширяли и выпрямляли городские улицы. Новые акценты в городской планировке были сделаны на привокзальные площади, паромходные пристани и пр. Улучшилось дорожное покрытие, стали использоваться новые материалы для замощения. Попытки наладить систему канализации и снабжение горожан водопроводной водой также внесли новизну в функционирование городского организма. О происходивших изменениях в городской среде писали местные газеты, например, о начале электрификации Гродно современники отзывались следующим образом: «По некоторым улицам го-

рода и на парадной площади уже расставлены столбы и протянуты провода для электрического освещения...» [4]. Электричество стало применяться также и для украшения внешнего вида городов в праздничные дни, так, по вечерам в особые даты на улицах зажигали иллюминацию, нарядные вензеля, флаги, зелень подсвечивали лампочками и фонариками.

Увлечение спортом привело к необходимости благоустройства треков и иных сооружений. Летом 1913 г. газеты сообщали: «В Гомеле ... спортивная площадка за треком каждый день занята «Спортом», тренирующимся против киевлян... Несколько местных легких атлетов довольно аккуратно посещают трек, стараясь «выпрыгнуть» выше своего рекорда...» [1].

Ряд городских территорий был специально благоустроен для организации досуга жителей, закладывались новые скверы, украшались зеленые зоны. Общественные и частные сады наполняются скульптурными изображениями, витиеватыми беседками, добротными верандами, здесь устраиваются скамейки, буфеты, летние театры. Повсеместно для прогулок жителей в городской черте преобразуются пустыри, склоны рек и других водоемов.

Важной чертой городской среды являлось обязательное присутствие в ней сельскохозяйственного сектора, оно проявлялось в разных формах. В городах региона содержали фруктовые сады и возделывали огороды на территории приусадебных участков, пригороды по внешнему облику и качеству жизни соответствовали сельским поселениям. Регулярно осуществлялось общение с жителями сельской местности как в самой черте города – с прибывающими в города на заработки крестьянами, на ярмарках и пр., так и при выезде горожан на загородный отдых, на дачи.

Характерным признаком развития городской среды Беларуси в начале XX в. можно считать усиление контрастов в образе жизни представителей отдельных имущественных и сословно-профессиональных групп. Особенно явственно это обстоятельство проявилось в тех городах, которые быстро укрупнились и испытали мощные импульсы в своей хозяйственной жизни. Ветхие здания и первоклассные особняки, созданные архитекторами в соответствии с индивидуальными проектами, лавки со скудным ассортиментом товаров и роскошные магазины соседствуют в городской среде.

Значительные различия все чаще проступали в облике отдельных зон городской среды: административно-общественных, промышленных, жилых, рекреационных. Так, были подобны друг другу в разных городах центральные городские площади с казенными зданиями, официальность накладывала отпечаток на их облик. В жилых зонах постройки дифференцируются по классу и уровню комфортности. Все более уверенно занимает свое место в нише строительства массовое жилье.

Таким образом, значимость исследований Н.Я. Никифоровским городской среды Витебска позволила пролонгировать эту научную линию в последующие эпохи и содействовала разностороннему раскрытию темы в со-

временных работах. Сегодня городская среда губернских и уездных городов Беларуси представляется как сложный организм, выполнявший в первую очередь функции обеспечения бытовых потребностей городского социума и отражавший характерные черты городского образа жизни в поселениях черты еврейской оседлости. Городская среда Беларуси начала XX в. как лакмусовая бумажка высвечивала уровень развития бытовой культуры и степень удовлетворенности бытовых запросов горожан разных этноконфессиональных, половозрастных и сословно-профессиональных групп горожан.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гомельская** копейка. – 1913. – 3 июня. – С. 3.
2. **Грамадскі** быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
3. **Наша** заря. – 1912. – 29 авг. – С. 1.
4. **Наше** утро. – 1912. – 23 июня. – С. 3.
5. **Никифоровский, Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска. Воспоминания старожила / Н. Я. Никифоровский. – Минск : Полымя, 1995. – 149 с. – (Литературные памятники Беларуси).
6. **Яшчанка, А. Р.** Добраўпарадкаванне і сфера паслуг у канцы XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; А. І. Лакотка, В. Г. Дранкевіч, В. М. Бялявіна [і інш.] ; А. І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 206–235.
7. **Яшчанка, А. Р.** Побит гараджан Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы ; А. І. Лакотка, В. Г. Дранкевіч, В. М. Бялявіна [і інш.] ; А. І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 152–205.

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Азееў А.Р. (г. Магілёў)

ДАКУМЕНТЫ МАГІЛЁўСКАГА ДЗЯРЖАўНАГА ўНІВЕРСІТЭТА ІМЯ А.А. КУЛЯШОВА ЯК КРЫЊЦА ПА ВЫВУЧЭННІ ГІСТОРЫІ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫХ І КУЛЬТУРНЫХ ПРАЦЭСАў XX ст.

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова (МДУ) – маладая навучальная ўстанова, якая рыхтуе спецыялістаў ужо больш за стагоддзе. Парадокс папярэдняга сказа тлумачыцца тым, што за сваю векавую гісторыю ўстанова мела розныя назвы і нарэшце ў 1997 г. стала ўніверсітэтам. За 100 гадоў дзейнасці яе 10 назваў мяняліся 12 разоў. Яна насіла чатыры розныя ганаровыя імёны. У гісторыі ўніверсітэта, як у люстэрку, адбіліся асаблівасці палітычных і культурных працэсаў, перамены адукацыйнай палітыцы ў XX–XXI стст.

Пачалася гісторыя ўстановы ў 1913 г., калі быў адкрыты настаўніцкі інстытут. З нагоды супадзення даты адкрыцця інстытута і трохсотгоддзя дынастыі Раманавых калектыў спрабаваў, праўда няўдала, дабіцца прысваення навучальнай установе звання «Раманаўскі». Манархічная састаўляючая ў навучальна-выхаваўчай рабоце ўстановы ярка прасочвалася і надалей. Інстытут не называўся хрысціянскім, але ва ўсім выяўлялася праваслаўная дамінанта. Фармальна нацыянальных абмежаванняў для паступаючых не было, але з-за канфесійнай прыналежнасці яны фактычна існавалі. Інстытут стаў першай адмысловай педагагічнай установай з трохгадовым тэрмінам навучання ў губерні і, дзякуючы самаадданай працы супрацоўнікаў, не прыпыніў сваёй дзейнасці ні ў гады Першай сусветнай вайны, ні ў рэвалюцыйных умовах 1917 г., ні падчас Грамадзянскай вайны.

Комплекс дарэвалюцыйных дакументаў настаўніцкага інстытута захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі [10]. У 45 адзінках захоўвання яго фонду маюцца пратаколы педагагічных саветаў, перапіска, цыркуляры, распараджэнні, у тым ліку і сакрэтныя, прашэнні і правілы на паступленне, аб'явы аб часе і парадку ўступных экзаменаў, дапушчэнні да іспытаў на званне настаўніка, асабістыя справы выкладчыкаў, гаспадарчая і фінансавая дакументацыя, праграмы выкладання прадметаў, праект будаўніцтва будынка для інстытута і іншыя цікавыя дакументы. На жаль, гэтыя дакументы ахопліваюць пераважна 1909–1914 гг. Матэрыялаў 1917–1918 гг. захавалася надзвычай мала. Пры вывучэнні апошніх гадоў важную ролю іграе кніга зыходзячых даку-

ментаў інстытута. Сярод іншага яна даказвае, што інстытут працягваў працаваць, набіраць студэнтаў на першы курс, нягледзячы на тое, што ў сакавіку 1918 г. горад быў заняты польскімі ўзброенымі фарміраваннямі, якіх у маі змянілі германскія войскі, і пераўтварыўся напрыканцы года ў педагагічны інстытут.

А вось біяграфіі выкладчыкаў настаўніцкага інстытута да апошняга часу заставаліся практычна невядомымі. Дзе нарадзіліся, працавалі, чым захапляліся, які паслужны спіс і погляды мелі? На ўсе гэтыя пытанні не маглі даць адказы архіўныя дакументы Беларусі. Знаходкі фармулярных спісаў, прашэнняў аб пераводах ды іншых дакументаў 2011–2012 гг. у фондзе «Упраўленне Віленскай вучэбнай акругі 1775–1919» Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва дазволілі праліць святло на многія старонкі біяграфій першых супрацоўнікаў і дзейнасць самой установы [6]. Пошукі ў архівах С.-Пецярбурга паказалі, што важнай крыніцай па вывучэнні біяграфій з’яўляюцца і асабістыя справы студэнтаў, перш-наперш С.-Пецярбургскага ўніверсітэта [11]. Так, фотаздымкі выкладчыкаў гісторыі і геаграфіі Я. Бычкова, матэматыкі Я. Аляхновіча былі намі выяўлены менавіта там.

Выкладчыкі і студэнты інстытута актыўна ўдзельнічалі ў рэвалюцыйных падзеях 1917–1918 гг. Актыўным сябрам Магілёўскага Беларускага Камітэта быў настаўнік матэматыкі Я. Аляхновіч. Ад імя педагагічнай рады інстытута ён у снежні быў дэлегаваны на гістарычны Усебеларускі з’езд 1917 г. Нацыянальна арыентаваная частка супрацоўнікаў інстытута падтрымала ідэю незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі. Дакументы аб іх дзейнасці маюцца ў Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва, у аддзеле рукапісаў Літоўскай цэнтральнай акадэмічнай бібліятэкі Урублеўскага і Літоўскім цэнтральным дзяржаўным архіве [2; 7; 12].

У гады Грамадзянскай вайны інстытут паслядоўна называўся: Магілёўскі педагагічны інстытут (1918–1919), Магілёўскі інстытут народнай адукацыі (1919–1921), Магілёўскі практычны інстытут народнай адукацыі (1921–1923 (?), Магілёўскі практычны інстытут народнай адукацыі імя Х Усерасійскага З’езда Саветаў (?–1923). «Імя Х Усерасійскага з’езда Саветаў» было першым і самым палітызаваным імем у гісторыі нашай установы. З’езд у снежні 1922 г. прызнаў своечасовым аб’яднанне савецкіх рэспублік у СССР. Але на ім была вызначана і шырокая праграма развіцця народнай адукацыі. Вострыя фінансавы, сацыяльна-эканамічны крызісы пасля Грамадзянскай вайны прывялі да закрыцця інстытута ў 1923 г.

Вывучэнню гэтага перыяду доўгі час замінала амаль поўная адсутнасць крыніц. Асобныя дакументы, якія захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве грамадскіх аб’яднанняў Магілёўскай вобласці і Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, не давалі магчымасці сістэмнага вывучэння гісторыі

інстытута [8]. Толькі знаходка ў Гомельскім дзяржаўным архіве пратаколаў пасяджэнняў Педагагічнага савета (спр. 970) і іншых дакументаў інстытута паспрыяла яго даследаванню [5].

Адроджаны ў 1930 г. інстытут у 1933–1936 гг. насіў імя буйнога гісторыка-марксіста, савецкага дзяржаўнага, партыйнага і грамадскага дзеяча Міхаіла Мікалаевіча Пакроўскага. Але ў сярэдзіне 1930-х гг. «школа Пакроўскага» была абвешчана «базай шкоднікаў, шпіёнаў і тэрарыстаў». Не абышлі рэпрэсіі студэнтаў і выкладчыкаў інстытута. Толькі ў 1936/37 навучальным годзе «з інстытута было вынята і асуджана на розныя тэрміны органамі НКВД шэсць чалавек, знята з працы за варожыя, контррэвалюцыйныя выступленні сем чалавек» [3, с. 129].

Дакументаў 1930-х гг. захавалася надзвычай мала, бо яны не былі здадзены ў архівы да Вялікай Айчыннай вайны. Публікацыя ў 2008 г. зборніка «Гісторыя Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1913–1940 гг.): дакументы і матэрыялы...» спрыяла выяўленню дакументальных крыніц у Дзяржаўным архіве грамадскіх арганізацый Магілёўскай вобласці [3].

У 1940 г. пры падрыхтоўцы да святкавання дзесяцігоддзя адраджэння інстытута ўстанове было прысвоена імя героя сацыялістычнага будаўніцтва, вядомага даследчыка Арктыкі Івана Дзмітрыевіча Папаніна. Але пасля смерці І. Сталіна ў ходзе кампаніі па развянчання «культу асобы» перайменаваўся вобласці, гарады, установы і арганізацыі, «якім прысвоены імёны яшчэ жывых дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў». Хаця Папанін не належаў да ліку сталінскіх папчэнікаў, якія былі зняты са сваіх пасадаў, яго імя стала ахвярай унутрыпартыйнай барацьбы.

Пасляваенная гісторыя ўстановы ў дакументах адлюстравана значна паўней. У архіве Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова, Дзяржаўным архіве грамадскіх арганізацый Магілёўскай вобласці і Дзяржаўным архіве Магілёўскай вобласці ўтрымліваецца вялізны комплекс цікавых крыніц. Да стагадовага юбілею ўстановы ў 2013 г. найбольш характэрныя і цікавыя з якіх былі сабраны ў зборніку «Гісторыя Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1944–1978): дакументы і матэрыялы...» [4].

З апублікаваных дакументаў бачна, што ідэйна-палітычная работа ў пасляваенны час па-ранейшаму была ў цэнтры ўвагі калектыву педінстытута. У адпаведнасці з распараджэннем Міністра вышэйшай адукацыі СССР у 1947 г. было арганізавана вывучэнне біяграфіі Леніна і Сталіна студэнтамі ўсіх курсаў. На агульным сходзе 9 верасня 1948 г. партарганізацыі слухалі пытанне: «Пра вынікі сесіі АН БССР і задачы партарганізацыі па прапагандзе вучэння Мічурына-Лысенкі» [4, с. 57, 72–75]. Адною з самых эмацыянальных палітычных кампаній, у якіх давялося ўдзельнічаць калектыву інстытута, стала абмеркаванне рашэння Пленума ЦК КПСС «Аб злачынных антыпартыйных і антыдзяржаўных дзеяннях Берыі». На агульным закрытым партыйным сходзе партарганізацыі ад 16 ліпеня 1953 г. камуністы далучыліся

«да гнеўнага голасу нашага народа», асудзілі «контррэвалюцыйную дзейнасць Берыі» [4, с. 129–133].

Антыпартыйную групу Малянкова, Кагановіча, Молатава і прымкнуўшага да іх Шапілава асудзілі на закрытым партыйным сходзе 6 ліпеня 1957 г. У падобным ключы 21 лістапада 1957 г. быў асуджаны «культ Жукава». Практыка падобных абмеркаванняў існавала і ў наступныя дзесяцігоддзі. Так, 29 ліпеня 1960 г. члены партыі абмеркавалі закрыты ліст ЦК КПСС «Аб павышэнні рэвалюцыйнай пільнасці» і пастанавілі правесці ў верасні падобны сход для студэнтаў і работнікаў усяго калектыву [4, с. 190–193]. Удзел у падобных кампаніях паказваў лаяльнасць калектыву і асобных яго членаў уладзе.

Святаванні шматлікіх юбілейных дат савецкай гісторыі з сярэдзіны 1960-х гг. кожны раз становіліся своеасаблівымі палітычнымі кампаніямі, у якіх былі задзейнічаны працоўныя калектывы краін СССР. Да кожнай партыйнай, савецкай, камсамольскай юбілейнай ці проста круглай даты ў інстытуце распрацоўваліся шматлікія мерапрыемствы па прыстойнай сустрэчы свята. Важнай палітычнай кампаніяй стала абмеркаванне ў 1977–1978 гг. калектывам інстытута праектаў Канстытуцыі СССР і Канстытуцыі БССР.

У 1978 г. калектыў Магілёўскага педагагічнага інстытута рыхтаваўся адсвяткаваць 60-годдзе навучальнай установы. Савет Міністраў БССР 8 верасня прыняў пастанову «Аб увекавечанні памяці народнага паэта Беларусі А.А. Куляшова». Яна прадпісвала прысвоіць імя паэта Аркадзя Куляшова (1914–1978) Магілёўскаму дзяржаўнаму педагагічнаму інстытуту. Па сведчанні тагачаснага рэктара інстытута Я.П. Кудрашова рашэнне аб наданні навучальнай установе імя паэта было прынята «зверху», без абмеркавання ў працоўным калектыве. Нягледзячы на адсутнасць ініцыятывы «знізу», трэба прызнаць, што з пункту гледжання савецкай ідэалогіі і практыкі, падставы для надання новага імя педагагічнаму інстытуту былі амаль бездакорныя: Аркадзь Куляшоў – народны паэт БССР, беларус, ураджэнец Магілёўшчыны, савецкі патрыёт, які да таго ж пазбег рэпрэсій і меў практычна ідэальную біяграфію.

Імя паэта аказалася шчаслівым. З часу прысваення імя Куляшова развіццё інстытута паскорылася. У сярэдзіне 1980-х гг. інстытут тройчы становіцца пераможцам Усесаюзнага спаборніцтва сярод педагагічных ВНУ СССР. Развіццё навучальнай установы ў 1980–90-я гг. лагічна прывяло да пераўтварэння 30 чэрвеня 1997 г. Магілёўскага педагагічнага інстытута ва ўніверсітэт. Пасля атрымання статусу ўніверсітэта навучальная ўстанова, якая доўгі час была поліпедагагічнай, пачала падрыхтоўку спецыялістаў не толькі для школы, але і для іншых галін народнай гаспадаркі. Сёння ўніверсітэт з’яўляецца буйнейшай навучальнай установай г. Магілёва і працягвае развівацца.

Дакументы МДУ імя А.А. Куляшова з'яўляюцца важнай крыніцай па вывучэнні гісторыі грамадска-палітычных і культурных працэсаў XX ст. Яны адлюстроўваюць тыя каласальныя змены, якія ўстанова перажыла разам з беларускім грамадствам за стагоддзе сваёй гісторыі. Іх месцазнаходжанне ў архівах падказвае накірункі пошуку крыніц пры вывучэнні гісторыі і іншых навучальных устаноў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Архіў** Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Пратакты Магілёўскага дзяржаўнага інстытута імя А. А. Куляшова.

2. **Беларускі** дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Фонд 3 : Калекцыя дакументаў аддзела рукапісаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні. – Воп. 1. – Спр. 136, 137.

3. **Гісторыя** Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1913–1940 гг.) : дакументы і матэрыялы / аўт.-склад.: А. Р. Агееў, К. М. Бандарэнка, В. П. Клімковіч ; пад агульн. рэд. К. М. Бандарэнкі. – Магілёў, 2008. – 216 с.

4. **Гісторыя** Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1944–1978) : дакументы і матэрыялы / аўт.-склад.: А. Р. Агееў, К. М. Бандарэнка, В. П. Клімковіч ; пад агульн. рэд. К. М. Бандарэнкі. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2013. – 316 с.

5. **Дзяржаўны** архіў Гомельскай вобласці. – Фонд 60 : Отдел народного образования исполнительного комитета Гомельского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГубОНО), г. Гомель РСФСР. – Воп. 1. – Спр. 969, 970, 1811.

6. **Літоўскі** дзяржаўны гістарычны архіў. – Фонд 567 : Управление Виленского учебного округа 1775–1919. – Воп. 17.

7. **Літоўскі** цэнтральны дзяржаўны архіў. – Фонд 582 : Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі.

8. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 42 : Министерство просвещения (Минпрос) БССР. – Воп. 1.

9. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 3 : Отдел народного образования Исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Западной коммуны, г. Смоленск. – Воп. 3. – Спр. 6.

10. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 2258 : Могилевский учительский институт попечителя Виленского учебного округа, г. Могилев Могилевского уезда Могилевской губернии.

11. **Цэнтральны** гістарычны архіў Санкт-Пetersбурга. – Фонд 14 : Императорский Петроградский университет (1819–1918).

12. **Цэнтральная** бібліятэка Акадэміі навук Літвы. Аддзел рукапісаў. – Фонд 21 : Фонд Віленскага беларускага музея.

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.А. МАНИСА

Историю нашей родины невольно можно сравнить с широкой полноводной рекой, истоки которой теряются в глубине седых веков, а история Полоцка – ее живой ручеек.

Н.А. Манис

Эти теплые слова о Полоцке принадлежат Николаю Александровичу Манису – известному полоцкому краеведу, заслуженному учителю БССР, общественному деятелю и патриоту своей родины.

Родился Н.А. Манис 17 декабря 1912 г. в семье учителя немецкого языка в Варшаве Царства Польского, входившего в состав Российской империи. Когда началась Первая мировая война, маленький Николай и его родители эвакуировались в Подмоскovie, а затем на шесть лет переселились в Сибирь [1]. В 1922 г. они переехали на родину матери в д. Росица Верхнедвинского района БССР. В 1927 г. Николай окончил Освейскую семилетнюю школу, а с 1927 по 1930 г. учился в Полоцком педтехникуме. В 1932–1936 гг. молодой учитель продолжил обучение в Белорусском государственном университете на физико-математическом факультете [1].

Во время Великой Отечественной войны Николай Александрович занимал должность командира взвода Полоцкого истребительного отряда, был начальником отдела снабжения горуправы полоцкого подполья. В числе партизанской группы Сухова и Артемьева 3-й Белорусской партизанской бригады с октября 1942 по декабрь 1943 г. исполнял обязанности заведующего разведывательным отделением, политического пропагандиста. За активное участие в партизанском движении был удостоен высоких медалей: «Партизану Отечественной войны I степени»; «За доблестный труд в Великую Отечественную войну», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

С наступлением мирного времени свои воспоминания Николай Александрович опубликовал на страницах газет «Віцебскі рабочы» и «Бальшавіцкі сцяг». Статьи «Полоцк возрождается» и «За цябе, Беларусь!» посвящены партизанскому движению на Полотчине, оккупационному режиму и освобождению города от немецко-фашистской армии, а также восстановлению разрушенного народного хозяйства в послевоенные годы.

Однако истинный интерес к краеведению у Николая Александровича проявился позднее, когда он начал встречаться с очевидцами и участниками революционных событий начала XX ст. Многочисленные публикации краеведа на страницах местных и региональных газет воссоздавали картины Полоцка накануне первой русской революции: «Небольшой уездный город,

в котором имелось всего 1854 домов, со слаборазвитой промышленностью, представленной 8 фабрично-заводскими предприятиями. Однако здесь уже существовала ячейка РСДРП(б), и поэтому рабочие Полотчины вступили в революцию, имея свою организацию» [5].

С позиции исторического материализма Н.А. Манис анализировал причины назревания революционной ситуации на примере Полоцка, выдвигая на первый план социальную незащищенность пролетариата (жесткую эксплуатацию, безработицу, тяжелые условия труда).

Ценнейшую информацию о жизни и деятельности полоцких большевистских революционеров И.В. Бабушкина, А.Ф. Боярском, С.А. Анучина, А.А. Вашнева, М.С. Хомутова, К.Ф. Готовского, А.Г. Бейлина, Я.Ф. Фабрициуса можно получить из книги Н.А. Маниса «Память о них жива в Белоруссии» [2].

Н.А. Манис принял активное участие в создании важного источника по изучению истории города – книги «Полоцк: исторический очерк» издательства АН БССР. Авторству краеведа принадлежат 10 параграфов, объединенных двумя главами, охватывающими период истории Полоцка от отмены крепостного права до начала Великой Отечественной войны [3].

Архивные материалы и воспоминания первых комсомольцев Полотчины, а также когда и как возникла первая комсомольская организация на Полотчине, кто были ее первые руководители, можно найти в исследовании Н.А. Маниса «Рожденный в огне революции», которое он подготовил в честь 60-летия комсомола Беларуси в 1980 г.

Николая Александровича интересовало все, что связано с историей города. Так, например, однажды ему попался сборник рассказов военного корреспондента «Правды» П. Кузнецова. Эпизод о форсировании Западной Двины в Полоцке заинтересовал краеведа. Он начал собирать информацию об участниках операции. Результаты поисковой работы показали, что 3 июля 1944 г. произошло одно из самых ярких событий Великой Отечественной войны. Подвиг 23 гвардейцев 158-го стрелкового полка лейтенанта А. Григорьева содействовал успешному освобождению города частями Красной армии. Памятник с увековеченными именами гвардейцев стоит сейчас на берегу Западной Двины.

В начале 90-х гг. прошлого столетия в центре научных интересов Маниса становятся знаменитые полочане, которые внесли значимый вклад в развитие мирового и отечественного просвещения, науки, культуры: Франциск Скорина, Евфросиния Полоцкая, Симеон Полоцкий, а также ученые Б.Р. Галеркин, С.П. Сахаров, художник С.А. Сорин, герой обороны Порт-Артура во время русско-японской войны Р.И. Кондратенко, поэт П. Бровка и многие другие.

Свои краеведческие материалы Н.А. Манис не только публиковал в печатных изданиях, но и использовал в лекциях на заседаниях Совета город-

ского отделения Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (являясь руководителем секции пропаганды знаний о памятниках истории и культуры) на вечерах встреч с ветеранами гражданской и Отечественной войн.

Сегодня в фондах НПИКМЗ насчитывается около 600 предметов, переданных в разные годы самим Николаем Александровичем и его родными (после его смерти в 1996 и 2013 гг. материалы передавались женой и сыном). Это книги, газеты, документы, фотографии, листовки, плакаты, а также личные документы и награды. Среди них к наиболее ценным и редким предметам относятся книги и брошюры «Полоцко-Витебская старина», «Полотчина», «Уголок немецкой оккупации», «Полоцкий князь Всеслав» С.П. Сахарова, «Борьба за кастрычнік у Полоцку» Н.М. Пруслина, «Общие сведения по Витебской губернии за 1906 год». Под руководством Н.А. Маниса были составлены списки участников Великой Отечественной войны микрорайона Новка. Эти ценные сведения дополнили коллекцию материалов о Великой Отечественной войне.

Долгие годы своей жизни (с 1947 по 1976 г.) Н.А. Манис посвятил педагогической работе, занимая различные должности от учителя математики до директора средней школы. С 1962 по 1972 г., он был директором новой школы № 13 г. Полоцка. Свое увлечение краеведением и туризмом Н.А. Манис пытался привить своим воспитанникам. Школьное самоуправление принимало активное участие в благоустройстве захоронений времен Великой Отечественной войны. В школе начал работать клуб «Интернациональная дружба». Ежегодно учащиеся ездили в поселок Ямской Артемовской области Украинской ССР, жили в местной школе, знакомились с этнографией края. Украинские школьники приезжали в г. Полоцк с ответным визитом. Увлекательные рассказы об истории родного города, известных личностях Полоцка слушали ученики на встречах с почетным гражданином г. Полоцка, краеведом И.П. Денисом, организованные директором.

Умер Николай Александрович в 1996 г. и похоронен в Полоцке, в городе, который он искренне любил и приложил немало стараний к изучению его истории. Благодаря его краеведческому наследию, мы сегодня знаем о революционных событиях в Полоцке, первых комсомольцах нашего города, подвигах героев Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Заслужаныя** настаўнікі // Памяць: Полацк : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. С. С. Чарняўская ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2002. – С. 726.

2. **Манис, Н. А.** Память о них жива в Белоруссии : [о борцах за Сов. власть в Белоруссии] / Н. А. Манис. – Минск : Полымя, 1988. – 143 с.

3. **Манис, Н. А.** Победа Великого Октября и защита его завоевателей / Н. А. Ма-

нис // Полоцк : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; П. Т. Петриков (отв. ред.). – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1987. – С. 128–158.

4. **Манис, Н. А.** По пути социалистического строительства / Н. А. Манис // Полоцк : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; П. Т. Петриков (отв. ред.). – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1987. – С. 159–185.

5. **Манис, Н. А.** От реформы до февральской революции / Н. А. Манис // Полоцк : ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; П. Т. Петриков (отв. ред.). – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1987. – С. 95–120.

6. **Маніс, М. А.** Час барацьбы і выпрабаванняў / М. А. Маніс // Памяць: Полацк : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; склад. С. С. Чарняўская ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2002. – С. 317–329.

Атапин В.Б. (г. Витебск)

ВИТЕБСКИЕ РУЧЬИ

В одной из газет была опубликована статья о Витебске под названием «Город семнадцати ручьев». Столь очевидное умаление количества водотоков вызвано тем, что в сетевой «Витебской энциклопедии» (<http://vitebsk.com>) их столько и указано. На самом деле ручьев в городе вдвое больше, только с названиями существует более 25 ручьев. Правда, мало кому известны эти названия.

Причин тому много: и уничтожение самих водотоков, и исчезновение коренных витеблян, но главное – утрата значения ручьев. Из источников воды и пограничных черт они превратились в помеху движению. Прогресс не стоит на месте и, наверное, городу семи холмов предстоит со временем стать плоским, как нынешняя площадь Победы.

Чтобы это случилось позже, следует названия ручьев знать, это тоже история. Обнаружить их можно на исторических картах Витебска и окрестностей, в Экономических примечаниях к планам генерального межевания, описаниях земельных владений, содержащихся в купчих документах, опубликованных в Историко-юридических материалах, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской (вып. 1–32). Начнем с самых известных, обозначенных на плане Витебска 1904 г.

Первый – Дунай. Ручей не самый длинный – чуть более километра, но овраг его один из самых больших в городе, которого оврагами не удивишь: около 40 м в глубину и 140 м в ширину. Особенно любопытно его название. Как написано во втором томе этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Никиты Ильича Толстого, в славянской духовной традиции Дунай – это «обозначение мифологизированного водного про-

странства, границы между своим и иным миром, дороги в рай». Еще интереснее названия улицы и слободы, которые дал Дунай. Почему Задунавская, а не Задунайская? А потому что название улицы произведено не от слова Дунай, а от наиболее архаичной его формы женского рода – Дунав.

Седой языческой древностью веет от каньона витебского Дуная. Когда идешь между вздымающимися в небо обрывами, кажется, что спускаешься к центру земли. Наверняка, здесь когда-то было языческое капище. Не следует забывать о том, что именно на Эридан (так называли Западную Двину древние греки) отправился Геракл, чтобы узнать у прекрасных речных нимф путь к саду Гесперид. И как раз в Эридан упала колесница Фазтона, сына Гелиоса-Солнца, не справившегося с крылатыми огнедышащими конями отца.

У Дуная есть притоки. Один из них называется ручей Задунавский (Задунинский), он впадает в Дунай возле Витебского областного диагностического центра, а ранее протекал вдоль улицы Труда от парка 40-летия ВЛКСМ, охватывая городок Витебской академии ветеринарной медицины.

В районе Летнего амфитеатра в Дунай впадает Гапеев ручей, который, протекая под улицей Правды и Московским проспектом, берет начало за стадионом Витебского государственного университета (ВГУ) имени П.М. Машерова. Свое название ручей получил от деревни Гапеевщина, находившейся на том месте, где сейчас Московский проспект пересекает ручей в районе Центрального рынка, который во время долгого строительства назывался Могилевским.

У Гапеева ручья, в свою очередь, есть небольшой левый приток, впадающий в него возле 5-й Коллективной улицы. Этот ручей носит название Драничный, созвучно названию деревни Драницы, когда-то находившейся в микрорайоне Юг-5, со стороны которой он и течет.

Гапеев ручей брал начало в болоте, располагавшемся южнее стадиона ВГУ имени П.М. Машерова. Из этого же болота вытекал Дейков ручей, впадающий в Лучесу. Его русло в своем начале совпадало с проспектом Победы, потом шло мимо гимназии № 8, где оно и сейчас заметно в виде сохранившихся высоких берегов, выходило на улицу Воинов-Интернационалистов, совпадая с ней, и соединялось с Лучесой между Речной и Набережной улицами. Эти два ручья с болотом создавали естественный оборонный пояс на дальних подступах к средневековому Витебску. Судя по всему, именно они описаны в мемуарах А.П. Ермолова как овраги в тылу русской армии в 1812 г., мешавшие передвижениям войск. Впоследствии эти ручьи стали границей Витебского аэродрома, теперь уже бывшего и располагавшегося в нынешнем районе Юг-5 и частично в районах Юг-1, Юг-2 и Юг-6.

Был и третий ручей, вытекавший из этого болота. Через территорию не сохранившихся улиц Сокольников ручей пересекал Московский проспект недалеко от Витебского государственного технологического университета. К сожалению, и ручья уже нет, и название его не известно.

Еще один ручей, называвшийся Пилатовым или Замковым, был рукавом Дуная и протекал в низине, где сейчас расположены Летний амфитеатр и торговый центр Марко-сити, в просторечии называемый «Пирамида». Правда, существует мнение, что перемычка, соединявшая площадь Свободы и проспект Фрунзе, некогда существовала, а Дунай впадал в Двину самостоятельно. Считается, что в оборонительных целях между Дунаем и Витьбой был прокопан ров, и Нижний замок оказался на острове, образованном Двиной, Витьбой, Дунаем и Замковым ручьем.

Южнее Замкового ручья и до устья Лучесы в Двину с левой ее стороны впадало три ручья, названия которых пока не известны. Овраг одного из них сохранился за бывшим кинотеатром, а ныне торговым центром «Беларусь». Большая часть ручья засыпана, ранее он пересекал всю площадь Победы. Овраг второго безымянного ручья проходит вдоль улицы 8-я Чкалова. Вместе с предыдущим они служили границами еврейского кладбища. За вторым ручьем на высоком берегу Двины находилось Царское кладбище, отдельные захоронения которого остались до сих пор. Третий ручей, начинаясь из пруда, бывшего раньше на территории нынешнего Витебского областного клинического роддома, перед впадением в Двину огибал гостиницу «Ветразь».

Ниже Лучесы есть безымянный ручей в поселке Тарный и речка Добрейка, за которой город пока кончается.

Если двинуться от Витьбы вверх по левой стороне Двины, нам встретится в живописном, но исподволь засыпаемом овраге, ручей Слизкий. Раньше он начинался прямо на площади Ленина. Любопытно, что русло его действительно покрыто слизью. Далее в конце улицы Грибоедова – еще один безымянный ручей, а за ним течет ручей Песковатик с притоком Сутоки. Далее – ручей Прудок между городским пляжем и парком Мазурино, а также ручей Поповик, которым парк Мазурино заканчивается. В конце XVIII в. в устье ручья находилась деревня Поповики, сейчас на ее месте расположены дачные участки.

Ручьи правобережья начнем рассматривать сверху от Тирасполя, и первым будет Рыбенец, идущий вдоль улицы Данукалова. В конце XVIII в. на нем была плотина с мельницей. Ниже, в районе улицы Лермонтова, расположен ручей без названия, раньше в его верховьях находилась деревня Киселевичи, а сейчас улица Транспортная. Возле Чепинской слободки впадает ручей Суровец, имеющий приток Подтереба.

Далее между 18-й Городокской и Известковой улицами впадает в Двину Святец, названный так по деревне Святцы, через которую он протекал в районе нынешней улицы Супруна. Сейчас над ним красуется церковь преподобной Евфросинии Полоцкой.

Ниже находится Яновский ручей, русло которого под улицами Титова и Ленинградской, автопарком № 4 находится в коллекторе, а выйдя из под земли между улицами Известковой и Мичурина, устремляется к Двине. На

современных картах Яновский ручей начинается возле Старо-Семеновского кладбища, на немецкой карте 1944 г. его русло проложено значительно южнее – до улицы Евдокии Лось. На самом же деле его течение можно проследить и выше, в канавах, идущих вдоль улиц. Возле стадиона «Локомотив» он соединяется с Крутым ручьем, который прорезает Юрьеву гору, сюда же впадает и сток из Свято-Георгиевского источника. В хитросплетениях канав, прорытых между усадьбами, а главное – по направлению течения в них, разобраться нелегко, но можно предположить, что изначально Крутой ручей впадал в Яновский, хотя сейчас они представляют собой единый водоток. Крутой ручей своим руслом отделяет Юрьеву горку от южной ее части, которая называется Загорянская горка. Яновский ручей, судя по названию, мог, как и Дунай, иметь культовое значение, связанное с празднованием Купалья.

Устье следующего ручья, впадающего в Двину, находится возле Смоленского железнодорожного моста, почти напротив устья Лучесы. Он назывался Лопатин ручей и служил границей земель Свято-Троицкого Маркова монастыря. Кроме упомянутого выше устья от ручья мало что сохранилось, ранее он вытекал из пруда, расположенного на месте детского сада № 76 (ул. Горбачевского, д. 36).

Еще один ручей на территории Маркова монастыря назывался Пилипов и отделял монастырские земли от вклинившихся в его владения земель, принадлежавших помещице Левицкой, а ранее – судье Самуилу Старосельскому. С противоположной стороны имение Левицкой, которое называлось Езовнево, отделял от монастырских земель ручей Крутовец. Он начинался в нынешнем сквере возле дворца культуры «Первомайский» (бывший ДК «Витебскдрев»), почти у самого перекрестка улиц М. Горького и 39-й Армии, которая тогда называлась 3-я Социалистическая, и тек в глубоком овраге к Двине. Сейчас овраг засыпан, а ручей выходит из коллектора под южным углом ограды Витебской ТЭЦ. Ручей служил границей земель вышеупомянутой Левицкой и хутора, принадлежавшего Маркову монастырю. Этот монастырский хутор, включающий в себя территорию нынешнего района «ДСК», назывался Шидловщина.

Западной границей монастырских земель служил ручей Червенец. Он до сих пор несет свои воды из заказника «Дымовщина» и впадает в Двину у речного порта. Червенец отделял Шидловщину от владений помещиков Липских с деревнями Дуброва и Плисы. Первая из них позже назвалась Орехово и вошла в городскую черту в качестве улицы Ореховской. Вторая деревня – Плисы – исчезла с лица земли, о ней напоминает лишь большая поляна и пруд на западной окраине ботанического заказника «Чертова борода» у самой кольцевой дороги.

Чрезвычайно интересно название этого ручья. Словом «червень» в белорусском языке называется месяц июнь. Менее известно еще одно значение этого слова – древнерусское название органического красителя красного цвета,

который приготавливали из насекомого червеца (лат. coccus). Червеца добывали в июне, отсюда название месяца. Почему так называется ручей? Возможно, на его берегах были места добычи. Червенец заменил пурпур, секрет выделения которого был утрачен при падении Константинополя в 1453 г. В свою очередь червенец после открытия Америки был заменен кошенилью. Но в период между этими датами он занимал чрезвычайно важное место в хозяйственной жизни и ценился намного дороже золота. Любопытно и то, что ручей, текущий из того же заказника Дымовщина в противоположную сторону и впадающий в Дейковское озеро, окруженное дачными участками, называется очень похоже – Червичный. На нем стояла небольшая деревня Червинка.

У самого Червенца имеются притоки. Один впадает в него неподалеку от деревни Овселево и называется Хлюстовкой. А до этого русло Хлюстовки долго петляет между улицами Кировского поселка, образуя несколько прудов. Берет же начало ручей неподалеку от трамвайного кольца по улице Титова, правда, в верхнем течении он канализирован. Второй называется Бирюковка.

Последний из притоков Двины – Бабица – впадает в реку за городом возле Подберезья, но течет вдоль улицы Гагарина, образуя несколько больших сильно заросших, но живописных прудов. Начало он берет восточнее деревни Андроновичи.

У Витьбы кроме Дуная на территории города есть и другие притоки. Один из них называется Кривец. Он берет начало в Тулово, протекает под улицей Лазо и впадает в Витьбу рядом с железнодорожным мостом через нее. Другой – Питомка – начинается за Билево, поблизости от городского полигона коммунальных отходов, огибает с востока Тулово и впадает в Витьбу неподалеку от водохранилища Тулово, с которым сообщается посредством канала. Оба эти притока в значительной степени канализированы.

Есть в Витебске притоки и у Лучесы, верховья которой доходят почти до самого Днепра, она была одним из ответвлений пути «из варяг в греки». По ней везли купцы из Балтики в греческую землю янтарь, в который, согласно мифам, превратились слезы сестер Фазтона, оплакивавших своего брата.

Об одном из них – Дейкове ручье – речь шла выше. Название второго правого притока, текущего от Витебского городского клинического роддома № 2 в районе Медцентр, а раньше бравшего начало в районе телезавода, не сохранилось. Зато два левых притока названия имеют – Баканец и Макрица. Первый из них впадает в районе переулкa Крупской, ранее он служил южной границей фольварка Хартов, в пределах которого были кладбище и Николаевская церковь, впоследствии здесь располагалась архиерейская дача и храм Евфросинии Полоцкой. Севернее Баканца впадал в Лучесу ручей Макрица, точно определить его очертания в настоящее время не удалось.

Работа по выявлению витебских ручьев и их названий не завершена. Краеведов и заинтересованных людей ждут новые открытия.

**ВЫТВОРЧАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ПОЛАЦКАЙ КРАВЕЦКАЙ АРЦЕЛІ
«БЕЛКУСТАР» У ПЕРЫЯД ІНДУСТРЫЯЛІЗАЦЫІ
(КАНЕЦ 20-х – ПАЧАТАК 30-х гг. XX ст.)**

XIV з'ездам ВКП(б), што адбыўся ў снежні 1925 г. у Маскве, было прынята рашэнне аб правядзенні палітыкі індустрыялізацыі. Дадзеная палітыка прадугледжвала ажыццяўленне вытворчых задач і паляпшэнне ўмоў народа ў культурным і жыццёвым плане. У першым пяцігадовым плане індустрыялізацыі ў БССР (1928–1932) асноўная ўвага надавалася харчовай і лёгкай прамысловасці. Гэта было зроблена ў сувязі з тым, што мясцовай сыравіны, такой як лён, воўна, было дастаткова, кадры былі практычна падабраныя: амаль у кожным горадзе дзейнічалі майстэрні па шыцці адзення, жыхары гарадоў мелі дома швейныя машыны, на якіх шылі і рамантавалі адзенне, бялізну. Развіццё лёгкай прамысловасці падчас індустрыялізацыі павінна было належным чынам забяспечыць узрастающую патрэбу грамадства ў тканінах і адзенні, якія б адпавядалі новым тэндэнцыям у модзе паслярэвалюцыйнай краіны.

Не быў выключэннем і Полацк, які з'яўляўся на той момант адным з буйных прамысловых цэнтраў БССР. Так, яшчэ з 16 мая 1925 г. у Полацку пачала дзейнічаць кравецкая прамыслова-кааперацыйная арцель «Белкустар» [9, арк. 148]. У пратаколе першай нарады кустарна-прамысловых арцелей горада ад 20 лютага 1926 г. яна згадана як «1-я швейная» арцель [20, арк. 821]. З 1930 па 1932 г. арцель уваходзіла ў склад Полацкага акружнага саюза кустарна-прамысловай кааперацыі (Акркустпрамсаюза – з 22 сакавіка па 29 жніўня 1930 г.) і Полацкага раённага саюза кустарна-прамысловай кааперацыі (Райкустпрамсаюза – з 29 жніўня 1930 г. па жнівень 1932 г.), якія, у сваю чаргу, падпарадкоўваліся Беларускаму саюзу кустарна-прамысловай кааперацыі (Белкустпрамсаюзу) [8, арк. 534; 17, арк. 523; 22, арк. 71]. Ва ўласнасці арцель мела некалькі будынкаў. Праўленне арцелі «Белкустар» размяшчалася па вул. Бухарына 23/18, Полацк (недалёка ад Базарнай плошчы – зараз тут знаходзяцца магазін «Юбилейный» і гарадскі фантан) [5, арк. 42; 16, арк. 344].

Асноўным напрамкам дзейнасці арцелі з'яўлялася шыццё адзення. Па стане на 1 кастрычніка 1929 г., колькасць членаў арцелі налічвала 88 чалавек [21, арк. 171]. У наступныя гады яна толькі павялічвалася і на 1 студзеня 1932 г. складала ўжо 355 працаўнікоў [21, арк. 171]. Такое павелічэнне атрымалася за кошт зліцця іншых арцеляў горада з арцеллю «Белкустар». Так, 1 кастрычніка 1929 г. да арцелі «Белкустар» далучылася панчошная арцель «Чырвоная працаўніца» [8, арк. 21 адв.]. У тым жа годзе да «Белкустар» далучылася арцель шапачнікаў [1, с. 4]. З 15 кастрычніка 1930 г. спыніла сваю

дзейнасць кравецкая арцель надомнікаў «Эканомія», у сувязі з чым арцелі «Белкустар» прапанавалася ўладкаваць былых працоўных «Эканоміі» на сваім прадпрыемстве [6, арк. 12 адв.].

Вытворчая дзейнасць арцелі «Белкустар» ажыццяўлялася ў агульных цэхах. На працягу 1928–1932 гг. назвы цэхаў, згодна з архіўнымі дакументамі, змяняліся, іх колькасць вагалася. Так, на 1 снежня 1930 г. іх было 8: мужчынскі, бялізна, дзіцячы, адзежны, белашвейны, шапачны, закройны, кушнерскі (праводзіў аперацыі па падборцы і апрацоўцы скурак пушных звяроў з наступным вырабам з іх розных дэталей футравых вырабаў. – *Аўт.*); прыём заказаў; панчошны [9, арк. 513]. Са студзеня 1931 г. пры арцелі па вул. Бухарына 23/18 былі адчынены фарбавальня і хімічная чыстка. У фарбавальню і хімічную чыстку прымалася ад насельніцтва першасная сыравіна (сялянскае сукно, рознае палатно, пражы, шэрсць, шоўк, плюш, аксаміт) і другасная (касцюмы, паліто і сукенкі, як у пашытым, так і ў распоратым выглядзе) [3, с. 4]. На вул. Карла Маркса ў тым жа годзе была адчынена майстэрня арцелі, якая прымала заказы ад насельніцтва з матэрыялаў заказчыка на пашыў рознай жаночай, дзіцячай і мужчынскай бялізны, сукенак, кашуль і інш. [2, с. 4]. Па стане на 1 студзеня 1932 г. арцель «Белкустар» складалася з 10 цэхаў: белашвейна-масавы, белашвейна-заказны, закройная, грамадзянскі заказы, заказы пры ЗВК (закрыты ваенны кааператыў – установа па размяркоўванні харчовых і прамысловых тавараў сярод ваеннаслужачых. – *Аўт.*), паліто-штанны, панчошны, кушнерскі, шапачна-масавы, шапачна-заказны [19, арк. 35].

Назвы цэхаў праліваюць святло на спецыфіку іх дзейнасці. Так, масавыя цэхі выраблялі прадукцыю па дзяржаўных заказах з пастаўкай матэрыялаў, а заказныя цэхі працавалі з заказамі ад насельніцтва па вырабе рэчаў з матэрыялаў заказчыка. Праўленне арцелі «Белкустар» у дачыненні да заказных цэхаў абяцала, што дапаможныя матэрыялы, такія як падкладка, вата, гузікі і іншае, па магчымасці пры пашыве будуць давацца прадпрыемствам [4, с. 4].

Раскройны цэх як працаваў на асабістае прадпрыемства, так і забяспечваў кроём іншыя арцелі: «Чырвоны Пагранічнік» (в. Бабынічы Полацкага раёна), «Лекерт» (в. Юхавічы Расонскага раёна), «Чырвоная Іголка» (в. Ула Бешанковіцкага раёна) [6, арк. 27; 7, арк. 168]. Раскрой адзення праводзіўся па стандартных лякалах (дэталі, часткі вырабу, выкананыя на паперы, кардоне, якія служаць асновай для раскрою матэрыялу для пашыву адзення і інш. – *Аўт.*) [13, арк. 21].

Вытворчая дзейнасць цэхаў была заснавана як на падзеле працы, калі адну рэч выраблялі некалькі краўцоў, так і на адсутнасці такой дыферэнцыяцыі. У апошнім выпадку ўсю працу ад пачатку і да канца здзяйсняў адзін майстар. Згодна з архіўнымі матэрыяламі падзел працы ў арцелі быў характэрным толькі для масавых цэхаў [19, арк. 182].

Заробак членаў арцелі залежыў ад колькасці і віду зробленага адзення. Белкустпрамсаюз даводзіў да ведама арцеляў памер заробку па швейнай вытворчасці як для заказных, так і для масавых цэхаў. Так, па стане на 1930–1931 гг., для працаўнікоў масавых цэхаў выраб аднаго пінжака мужчынскага каштаваў 4 р. 15 кап., штаноў галіфэ – 1 р., паліто жаночага на ваце з кайне-рам – 4 р. 75 кап., спадніцы касцюмнай – 1 р., кашулі жаночай – 15 кап., сукенкі з саціна – 1 р. і інш.; для заказных цэхаў: пінжака суконнага – 6 р. 23 кап., буркі – 7 р. 75 кап., кажуха – 4 р., жакета жаночага суконнага – 3 р. 50 кап., паліто жаночага дэмісезоннага – 6 р. [13, арк. 18–19 адв.]. Таму сярэднямесячны заробак рабочых арцелі вагаўся. Так, па даных на снежань 1931 г., кравец арцелі за месяц працы атрымліваў ад 25 да 173 р., рабочая белашвейнага цэха – ад 41 да 75 р., закройшчык – ад 100 да 150 р., шапачнік – ад 89 да 148 р., панчошніца – ад 25 да 97 р. [18, арк. 627–629].

Масавы і заказны пашыў адзення, шапак, вязанне панчоха ажыццяўляліся на швейных, панчошна-трыкатажных, кятлёвачных (кетляванне – закрыццё адкрытых петляў пры вязанні. – *Аўт.*) машынах. Паступленне машын на вытворчасць здзяйснялася двума шляхамі: 1) цэнтралізаванай пастаўкай праз заяўкі прадпрыемства; 2) асабістымі машынамі членаў арцелі (пры паступленні на працу запісваліся ў інвентар арцелі на падставе статута) [5, арк. 20; 11, арк. 24]. Пры выхадзе з членаў арцелі забраць з сабой машыну не ўяўлялася магчымым [5, арк. 10]. Згодна з архіўнымі дакументамі на 1 лістапада 1931 г. колькасць машын на вытворчасці налічвала 228 адз. [19, арк. 3]. Сярод вытворчага інвентару арцелі, акрамя машын, згадваюцца электрычныя і спецыяльна-белашвейныя прасы (для далікатных вырабаў, напрыклад ніжняй бялізны. – *Аўт.*), электрычныя і ручныя нажніцы, прэс і інш. [10, арк. 24–24 адв.].

Вытворчая дзейнасць полацкай кравецкай арцелі «Белкустар» у перыяд, які разглядаецца, была арганізавана на падставе прамыслова-фінансавых планаў прадпрыемства (квартальных і гадавых). У канцы 20-х – пачатку 30-х гг. XX ст. выкананне дадзеных планаў арцеллю здзяйснялася з пераменным поспехам, пра што сведчаць архіўныя дакументы. Так, у пратаколе ад 17 кастрычніка 1930 г. аднаго з пасяджэнняў сяброў арцеляў Полацка было занатавана, што «праца членаў арцеляў і выкананне прамфінплана па арцелі “Белкустар” залежаць ад таго, наколькі арцель поўнасю забяспечана матэрыяламі: Арцель “Белкустар” не выканала прамфінплан, таму што былі недахопы ў таварах» [6, арк. 20]. Адной з прычын невыканання прамфінплана з’яўляўся недахоп сыравіны. Як адзначала кіраўніцтва арцелі і ў 1931 г.: «БПС (Белкустпрамсаюз. – *Аўт.*) няправільна размяркоўвае сыравіну, напрыклад: сыравіну для трыкатажа, пасылае аднолькава Полацку, Дрысе, інш., калі розная колькасць рабочых. Сыравіны для трыкатажа няма» [15, арк. 28]. Адна з дакладных запісак старшыні арцелі т. Верабейчыка ілюструе становішча з паступленнем сыравіны ў арцель у 1932 г.: «Праўленне арцелі “Белкустар” даводзіць да

ведама Праўленне Полацкага Райпрамсаюза аб тым, што ў Красавіку месяцы Белашвейна-масавы цэх не працаваў 5 дзён, за адсутнасцю сыравіны, таксама Каргузны цэх, які налічвае каля 12 асоб, не працуе ўвесь Красавік месяц за адсутнасцю сыравіны, што значна адбіваецца на выкананні прамфінплана, нягледзячы на тое, што Праўленнем арцелі былі прыняты ўсе крокі для таго, каб перакінуць больш кваліфікаваную рабсілу на давальчаскую сыравіну (сыравіну, якая пастаўляецца арцелі. – *Аўт.*)...» [19, арк. 244].

Яшчэ адной важнай прычынай невыканання прамфінплана з'яўлялася працоўная дысцыпліна. «Распутства ў выкананні працоўнай дысцыпліны, якое наглядаецца ў частцы арцеляў, як частыя ўходы з працы, выпіўкі і п'янства ў час працы (Салідарнасць, Белкустар)... і сімуляванне хваробы ў большай часткі арцеляў, асабліва ў гігіене, у значнай ступені зрываюць выкананне прамфінплана...», – адзначаў у сваёй прамове ў 1930 г. старшыня праўлення Полацкага Райкустпрамсаюза Л.М. Сорын [6, арк. 8].

Тым не менш за гады індустрыялізацыі вытворчасць полацкай кравецкай арцелі «Белкустар» значна разгарнулася, асартымент вырабаў быў дастаткова шырокім. Цэхі прадпрыемства выпускалі мужчынскую, жаночую і дзіцячую бялізну (кашулі, кальсоны, распашонкі і інш.), жаночыя сукенкі і спадніцы, паліго, штаны, шапкі, жакеты, спецвопратку (фуфайкі, шаравары, касцюмы), жаночыя і дзіцячыя панчохі, шкарпэткі і інш. [7, арк. 186; 19, арк. 152–157, 160]. Павелічэнне вырабу жаночых панчо было вынікам запатрабаванасці ў іх з-за модных тэндэнцый, якія распаўсюджваліся сярод савецкіх жанчын. Так, у 20-я гг. XX ст. узнікла мода на загарэлую скуру, што значна павысіла папулярнасць панчо.

Вырабы кравецкай арцелі можна было набыць у полацкіх крамах, арцель таксама пастаўляла прадукцыю паводле дзяржаказаў [14, арк. 135, 144].

Аднак якасць прадукцыі не заўсёды адпавядала запатрабаванай. Як прыклад – акт аб якасці шапак, складзены 7 снежня 1930 г., у якім адзначана: «1. Шапка зімняя футравая – вушанка, футра – хамяк. 2. Мех парваны, канцы не абрублены... 3. Шапка бязь пафарбаваная, колер хакі – камсамольская. Сцяжок кепскі, сцяжок акалышка крывы, два сцяжкі ў акалышку строчаны чорнымі ніткамі, адзін сцяжок ніткамі колеру хакі, канцы не абрублены...» [13, арк. 42]. У адносінах да някаснага пашыву адзення быў зроблены акт Белкустпрамсаюза ад 6 студзеня 1931 г.: «1. Костюм мужск. двойка, шевіот костюмн., размер 48: а/ Рукава не правільна вставлены. б/ Правый рукав на 1 сант. длиннее левого... ж/ В брюках костюма одна калоша длиннее на 1 см... к/ Петли гульфика плохо обметаны... 3. Рубаха нижняя мужская, размер 4: а/ Размер не соответствует стандарту. б/ Пуговицы плохо пришиты. в/ Петли плохо обметаны. г/ Утюжка плохая...» [13, арк. 23]. У сувязі з гэтым для паляпшэння якасці прадукцыі пры арцелі «Белкустар» быў «выдзелен спецыяльны кантралёр, які быў абавязаны правяраць і адказваць за якасць прадукцыі» [13, арк. 21].

Такім чынам, у выніку ўваходжання ў склад больш дробных швейных прадпрыемстваў полацкая кравецкая арцель «Белкустар» у канцы 20-х – пачатку 30-х гг. XX ст. стала самай буйной арцеллю па пашыве адзення ў горадзе. Узбуйненне арцелі паўплывала на асартымент вырабаў – ён павялічыўся. Аднак якасць прадукцыі арцелі «Белкустар» не заўсёды адпавядала запатрабаванай.

Вытворчая дзейнасць арцелі «Белкустар» адбывалася на падставе дзяржаўнага і асабістага заказаў ад прыватных асоб. У разглядаемы перыяд вытворчая дзейнасць арцелі была арганізавана на падставе прамфінпланаў, выкананне якіх ажыццяўлялася з пераменным поспехам. Аднымі з галоўных перашкод у выкананні прамфінпланаў з’яўляліся недахоп сыравіны і парушэнне працоўнай дысцыпліны на прадпрыемстве. Трэба зазначыць, што кіраўніцтвам арцелі прымаліся меры для вырашэння гэтых пытанняў.

ЛІТАРАТУРА

1. Аб’вешчэнне // Чырвоная Полаччына. – 1929. – № 11. – С. 4.
2. Аб’вешчэнне // Чырвоная Полаччына. – 1931. – № 35. – С. 4.
3. Аб’вешчэнне // Чырвоная Полаччына. – 1931. – № 4. – С. 4.
4. Аб’вешчэнне // Чырвоная Полаччына. – 1931. – № 95. – С. 4.
5. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 1.
6. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 12.
7. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 13.
8. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 16.
9. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 22.
10. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 23.
11. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 24.
12. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 28.
13. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 29.
14. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 31.
15. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 32.
16. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 37.
17. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 45.
18. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 47.
19. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 343. – Воп. 1. – Спр. 51.
20. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 421. – Воп. 1. – Спр. 28.
21. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 1050. – Воп. 1. – Спр. 7.
22. Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. – Фонд 1050. – Воп. 1. – Спр. 16.

**КІРЫЛА ЦІМАФЕЕВІЧ АНІКІЕВІЧ:
КРАЯЗНАВЕЦ, ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛАГ**

Сярод даследчыкаў мінулага Сенненшчыны асаблівае месца належыць Кірылу Цімафеевічу Анікіевічу (другая палова XIX – пачатак XX ст.), і колькі б ні мінула часу, пераўзысці яго дасягненні будзе амаль немагчыма. Анікіевіч перш за ўсё вядомы як аўтар працы «Сенненский уезд Могилевской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картою уезда, схемою двух озер и рисунками в тексте» [1]. Можна смела сказаць, што гэта першае манументальнае даследаванне Сенненшчыны.

На жаль, аб жыцці і навуковай дзейнасці Кірылы Цімафеевіча вельмі мала звестак. Вядома, што нарадзіўся ён у сельскай мясцовасці, магчыма, у в. Чуцькі, бо менавіта там найбольш распаўсюджана прозвішча Анікіевіч [2, с. 2]. Але ёсць меркаванне, што радзімай даследчыка стаў горад Сянно.

Кірыла вучыўся ў Сенненскім павятовым двухкласным вучылішчы, дзе працаваў настаўнікам некаторы час вядомы беларускі этнограф, фалькларыст і археолаг Еўдакім Раманавіч Раманаў [4, с. 64].

Скончыўшы Полацкую настаўніцкую семінарыю, Анікіевіч пераязджае ў Магілёў, дзе працуе настаўнікам народнага вучылішча [3, с. 25]. У 1897 г. Кірыла Цімафеевіч уладкоўваецца на дзяржаўную службу. З 1902 г. ён займае пасаду памочніка начальніка газетнага стала канцылярыі губернатара. Пачынаючы з 1912 г., губернскі сакратар Анікіевіч – справавод у аддзяленні сялянскага пазямельнага банка ў Магілёве. Верагодна, некаторы час ён працаваў у Губернскім статыстычным камітэце, дзякуючы чаму, меў свабодны доступ да шырокага кола інфармацыі, якую выкарыстаў у кнізе.

Кірыла Цімафеевіч вывучаў побыт беларускіх сялян, запісваў фальклор, вёў археалагічныя раскопкі, быў пастаянным карэспандэнтам Е.Р. Раманава ў час яго працы над «Беларускім зборнікам» (вып. 1–9, 1886–1912) – своеасаблівай энцыклапедыяй побыту беларусаў дарэвалюцыйнага часу [5, с. 11].

Асноўная праца Анікіевіча «Сенненский уезд Могилевской губернии» ўбачыла свет у Магілёве ў 1907 г. Ідэйную накіраванасць даследавання вызначаюць словы эпіграфа: «Хто не хоча ведаць сваёй Айчыны, той не заслугоўвае называцца яе сынам». Праца краязнаўцы складалася з 4 раздэлаў.

Першы прысвячаўся фізіка-геаграфічнаму апісанню павета. Там былі паказаны асаблівасці рэльефу, клімату, глебы [1, с. 1]. Другі раздзел утрымлівае звесткі пра гістарычнае мінулае края, археалагічныя дадзеныя, рэлігійныя адносіны ў павеце [1, с. 60]. Звесткі па культуры і быце насельніцтва Сенненшчыны згрупаваны аўтарам у трэцім раздзеле кніжкі. Прыводзячы падрабязныя звесткі аб колькасці насельніцтва павета па саслоўным, кан-

фесійным і этнічным складзе, Анікіевіч апісаў жыллё, адзенне, сямейнае і грамадскае жыццё сялян, занятакі насельніцтва. Ён прыхільна ставіўся да народа, выхад з цяжкага становішча бачыў у павышэнні яго адукацыі і правядзенні зямельных рэформ у рамках існаваўшага ладу [1, с. 95]. Асобны раздзел працы прысвячаўся апісанню цэнтра павета, горада Сянно, а таксама найбольш значных павятовых мястэчак. Ніводны аб'ект не застаецца па-за ўвагай аўтара: касцёл Святой Тройцы некалькі ўзвышаўся над Замкавай гарой; манументальны Свята-Мікалаеўскі сабор – на гарадской плошчы [1, с. 133].

Дзякуючы шматлікім фотаілюстрацыям, можна ўбачыць кожны куток сенненскай зямлі. Мы можам толькі здагадвацца, чаго каштавалі для Анікіевіча рэдкія ў тыя часы паслугі фатографа. Для нас гэтыя здымкі прадстаўляюць неацэнную каштоўнасць.

Другое нараджэнне праца Кірылы Цімафеевіча набыла дзякуючы Эдуарду Іванавічу Зелентаву, які зрабіў факсімільнае выданне і разаслаў яго па школах, арганізацыях, установах, аматарам роднага краю [2, с. 3].

На сённяшні дзень матэрыялы кнігі – ці не адзіная грунтоўная крыніца ведаў пра мінулае Сенненшчыны, а таксама Бешанковіцкага, Чашніцкага раёнаў Віцебскай вобласці і Крупскага раёна Мінскай вобласці. Да гэтага часу шмат жыхароў Сенненшчыны з захапленнем чытаюць яго кнігу. Мы павінны шанаваць памяць свайго земляка, таму неабходна паставіць яму помнік ці памятны знак на радзіме.

ЛІТАРАТУРА

1. **Аникиевич, К. Т.** Сенненский уезд Могилевской губернии : опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картою уезда, схемою двух озер и рисунками в тексте / К. Т. Аникиевич. – Могилев : Губернская Типография, 1907. – 150 с.
2. **Бандарэвіч, В.** Юбілей забытай кнігі – 2007 год / В. Бандарэвіч // Голас Сенненшчыны. – 2007. – 23 лістап. – С. 2–3.
3. **Белорусская ССР** : краткая энциклопедия : в 5 т. / редкол.: И. П. Шамякин [и др.]. – Минск : Белорус. сов. энциклопедия, 1978–1982. – Т. 5 : Биографический справочник / редкол.: И. П. Шамякин [и др.]. – 1982. – 740 с.
4. **Памяць.** Сенненскі раён : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. С. В. Шайко ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Паліграффармленне, 2003. – 616 с.
5. **Півавар, М. В.** Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. : даведнік / М. В. Півавар. – Віцебск : Віцебская абласная друкарня, 2006. – 176 с.

ЛЕПЕЛЬСКОЕ ПЕХОТНОЕ УЧИЛИЩЕ (1940–1957)

Деятельность военных училищ Красной Армии на территории Беларуси в предвоенный период – тема неисследованная, историография насчитывает всего несколько изданий научно-популярного характера, статей в сборниках и периодике. Сведения не включены даже в отраслевые энциклопедии и справочники, за исключением Объединенной Белорусской военной школы (Минское пехотное училище). Исследование выполнено с целью частично восполнить данный пробел и посвящается автором 75-летию Лепельского пехотного училища (далее ЛПУ).

Сформировано в соответствии с Директивой Наркома Оборона СССР Военному Совету БОВО № 4/2/103004 от 31.12.1939 г. на фонде частей 164 стрелковой дивизии по штату № 19/10 численностью 1600 человек [4]. Статус: среднее, курс обучения 2 года, готовило командиров взводов пехотных стрелковых подразделений с присвоением звания «лейтенант». В предвоенный период действовали курсы по подготовке инструкторов-истребителей танков.

Период формирования: 01.–02.1940 г.; начальник полка Зайцев М.И., военком, зам. начальника по политчасти, полковой комиссар Мельников Я.М. Место: в/г Боровка Лепельского округа. Расположение: три 3-этажные казармы (ныне корпуса ДРОЦ «Жемчужина»), штаб, занимавший подъезд доса № 7, клуб, столовая, стадион (плац), учебно-полевой лагерь и полигон уд. Раковицы на южном берегу о. Бобрица. В распоряжении офицерского состава и их семей был жилой фонд из шести 4-этажных досов. До 10.1939 г. здесь дислоцировалась 16-я мехбригада БВО. Курсантами стали военно-служащие, призванные на срочную службу, гражданская молодежь, студенты Лепельского педтехникума [7, с. 202–203]. Кроме этого, один батальон из состава Минского пехотного училища им. М.И. Калинина (поступившие в сентябре – октябре 1939 г.) в нач. 1940 г. был передислоцирован в Боровку, где уже находились два батальона. После перепрофилирования Минского пехотного училища в танковое, в соответствии с приказом НКО от 28.03.1941 г., готовить командиров взводов для пехотных частей продолжило ЛПУ.

По воспоминаниям Вербицкого В.В. (1922 г. р.), курсанта 1940–1941 гг., было три батальона (по 700 чел.), рота младших лейтенантов, которых готовили на 6-месячных курсах из лиц, отслуживших срочную службу. В Боровке было 2–3 выпуска младших лейтенантов.

В начале мая 1941 г. училище перевели в Череповец Вологодской обл. Перед этим один выпуск был сделан в Боровке, следующий – в Череповце 10.06.1941 г. Сам В.В. Вербицкий окончил курс 20.08.1941 г. [7, с. 202–203].

Переименования: Череповецкое пехотное училище (Директива ГШ РККА от 05.05.1941 г., в связи с передислокацией); ЛПУ (Приказ НКО СССР № 0337 от 03.09.1941 г., сохранение прежних наименований в связи с временным передислоцированием) [10]; Череповецкое пехотное училище (с 09.1947 г.); Лепельское военное общевоинское училище (по 10.1957 г.).

Нам удалось разыскать двух курсантов, выпускников 06.1941 г. Из воспоминаний полк. Мазаника Н.А. (1922 г. р.; запись от 01.11.2011 г.): «В сентябре 1939 года я поступил в Минское пехотное училище. В январе 1940-го передислоцировались в Боровку. Ходили в ботинках с обмотками, гимнастёрках, шинелях и будёновках. Ежедневная физзарядка в любую погоду проходила на берегу озера Щибот. Из вооружения были винтовки, пулемёты и 45-мм артиллерийские пушки.

В начале мая погрузились в эшелоны на ст. Лепель и выехали в Череповец. 12 июня я получил назначение в часть под Ленинград. Вскоре грянула война...».

Выписка из Акта выпускных экзаменов на курсанта

Череповецкого пехотного училища тов. Мазаника Николая Александровича

№п/п	предметы	оценка	№п/п	предметы	оценка
1	тактика	хорошо	10	военно-инженерное дело	отлично
2	история ВКП(б)	хорошо	11	артиллерия	отлично
3	огневая подготовка	хорошо	12	авто-бронетанковое дело	хорошо
4	инстр.-метод. подготовка	хорошо	13	связь	отлично
5	военная топография	отлично	14	конная подготовка	отлично
6	строевая подготовка	хорошо	15	администрация	хорошо
7	физическая подготовка	хорошо	16	иностранные языки	отлично
8	уставы	хорошо	17	санитарная подготовка	—
9	военно-химическое дело	отлично	18	дисциплина	отлично

Верно. Зав. делопроизводством учебного отдела: (подпись) [9].

Из воспоминаний полк. Герасименко М.Г. (1920 г. р.; запись от 27.11.2011 г.): «В январе 1940 года наш батальон перевели из Минского пехотного училища в Боровку в Лепельское пехотное училище. Добирались в товарных вагонах-теплушках. С собой были лишь ранцы и винтовки Мосина, матчасть была сосредоточена в Боровке заранее. В столице остались наши офицеры – МПУ продолжало готовить по ускоренной программе на 3-х и 6-ти месячных курсах командиров взводов.

Разместились в просторной казарме. В остальных двух проживали курсанты, набранные из гражданских, в т. ч. из студентов и красноармейцев срочной службы – 1-й и 2-й батальоны. Мы считались второкурсниками, они – первокурсниками. Столовая размещалась рядом, кормили очень хорошо. Штаб училища занимал весь подъезд ближайшего к казармам

доса. Здесь же хранилось знамя училища, в сопровождении торжественного караула его выносили на общие построения и в праздничные даты на стадион.

Было три батальона по 300 чел., общее число курсантов составляло не менее 900 чел. Весь день был расписан по минутам, запомнились «купания» в полном военном снаряжении в боровских озёрах во время частых маршбросков. Занятия проводились в поле, на территории бывших танковых боксов, на стрельбище, а в классах лишь по спецпредметам: немецкому языку, артиллерии и др. Дллись они по 10 часов, из них 2 часа отводилось на самоподготовку. Из учебников помню лишь уставы, лекции читались под запись. Мы несли службу в карауле, охраняли артсклады, водонапорную башню, электростанцию, КПП, штаб, пост № 1 – Знамя.

Первый выпуск боровских курсантов состоялся 11 июня 1941 года в Череповце в соответствии с Приказом НКО № 00272 от 10.06.1941 г., 1-й и 2-й батальоны продолжили учёбу. В тот же день были сформированы команды по 20–30 чел. и мы убыли в части. Распределение состоялось в Ленинградский, Белорусский и Закавказский ВО» [3].

Начальники ЛПУ: Зайцев М.И., полк., назначен приказом НКО № 01071 (11.03.1940–16.02.1943) [5]; Павлюченков А.А., гв. полк. (на 22.12.1944–08.10.1945); Котельников В.П., ген.-майор (08.1946–06.1948); Потапов, ген.-майор (на 10.1949–03.1951) [13]; Карпельюк А.И., ген.-майор (на 1951–1957).

ЛПУ разместили на окраине Череповца, недалеко от ж/д моста, на территории Ирдоматского сельсовета. Командный состав и курсанты прибыли 09.05.1941 г. Все офицеры и старшины преподавательского состава были кадровыми военными, многие имели боевой опыт участников финской кампании 1939–1940 гг. Эвакуировались с семьями, жены офицеров стали работать на вольнонаемных должностях при училище. Курсанты обучались в летнем лагере в Торове [9]. В июне 1941 г. в Вологде был сформирован 343-й запасной полк, в состав которого входило ЛПУ. В училище обучалось немало череповчан [8].

Основной акцент делался на подготовку мл. командиров, которые после 2–3 месяцев обучения сержантами отправлялись на фронт. В 1941–1942 гг. срок обучения не превышал 3 месяца, появились группы, в которых вновь готовили (по сокращенной программе) командиров взводов. Зачисляли в стрелковые, минометные, пулеметные роты. Проучившихся 7 месяцев выпустили командирами пулеметного взвода в звании лейтенанта.

С 01.1943 г. срок обучения увеличили до года. В начале лета 1943 г. из недоучившихся курсантов формировали маршевые роты и отправляли на фронт рядовыми.

В училище оставались роты, сформированные в январе 1943 г. из 17-летних курсантов, призванных в армию после ускоренного завершения СШ.

В январе – марте 1944 г. состоялся выпуск лейтенантов. В августе 1943 г. прошел дополнительный призыв, прибыли бойцы для прохождения 6-месячных курсов. В январе 1944 г. они сдали экзамены на командира взвода. До 10.1957 г. училище готовило общевойсковых командиров [9].

В 1942 г. ЛПУ произвело 12 выпусков – 2697 офицеров – командиров взводов, на укомплектование гв. частей отправлено 2700 курсантов [6].

За период войны (на 02.1943 г.) передано в действующие части 4189 человек среднего комсостава. На 27.09.1945 г. офицерский состав ЛПУ составлял свыше 130 человек [13].

По воспоминаниям выпускника 1949 г., ген. армии А.Д. Лизичева, после войны командный и преподавательский состав составляли в основном опытные офицеры-фронтовики. В 1946–1956 гг. по штату было 2 курсантских батальона 2-ротного состава. В перечень выпускных экзаменов входило 9 предметов. Среди родственных учебных заведений оно славилось хорошей подготовкой выпускников [1]. По воспоминаниям ген.-полк. В.А. Вострова, выпускника 1951 г., курсантами становились юноши с хорошими и отличными производственными характеристиками, рекомендациями и путевками райкомов комсомола, были и те, кто прошел бои и войны, имели награды [2].

На основании директивы Главнокомандующего Сухопутными войсками МО СССР от 31.07.1957 г. и приказа Командующего войсками СевВО от 07.09.1957 г. в г. Череповце на базе реформированного Лепельского общевойскового училища было создано Череповецкое военное училище связи [14]. Курсанты, окончившие 2-й курс, были переведены в Ленинградское офицерское суворовское училище и Петрозаводское военное училище.

На протяжении всей истории училища на Боевом Знамени учреждения в названии значился г. Лепель [11].

Выпускники – Герои Советского Союза: Баландин М.Ф., лейтенант; Гушин П.Ф., лейтенант; Евстафьев Г.А., полк.; Заседателев В.В., гв. полк.; Никитин А.С., гв. ст. лейтенант; Прокатов В.Н., сержант; Смирнов С.И., подполк.; Туровец Н.И., полк.; Фефилов П.П., гв. ст. лейтенант.

Известные выпускники: Калинин Н.В., ген.-полк., командующий ВДВ; Распопов А.А., ген.-майор, начальник Военного института физической культуры и спорта; Улямаев С.Х., ген.-майор, начальник Омского высшего общевойскового командного училища; Шахнович В.В., ген.-лейтенант, национальный Герой Сомали, гл. военный советник в Сомали, Анголе; Титов И.М., ген.-лейтенант, начальник ПУ Главного командования Сухопутных войск СССР; Лизичев А.Д., ген. армии, начальник Главного ПУ СА и ВМФ; Омеличев Б.А., ген.-полк., 1-й зам. начальника ГШ ВС СССР; Востров В.А., ген.-полк., гл. военный советник в Афганистане; Ефимов Ф.А., поэт, критик, переводчик и др.

На протяжении 17-летней истории ЛПУ внесло достойный вклад в подготовку офицерских кадров для армии, многие командиры, преподаватели и выпускники приняли участие в разгроме фашистской Германии, а в послевоенный период проходили службу практически во всех военных округах СССР и за его рубежами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **В Череповецком** пехотном // Служение Отечеству : книга о генерале армии А. Д. Лизичеве / Ю. С. Устинов. – Москва : Святигор, 2003. – С. 50–82.
2. **Востров, В. А.** Мы – вологодские / В. А. Востров // Служение Отечеству : книга о генерале армии А. Д. Лизичеве / Ю. С. Устинов. – Москва : Святигор, 2003. – С. 464–501.
3. **Герасименко, М. Г.** Воспоминания / М. Г. Герасименко // Личный архив автора.
4. **Директива** НКО СССР Военному совету БОВО об изменении плана организационных мероприятий на 1940 г. // Российский государственный военный архив. – Фонд 40442. – Оп. 2а. – Д. 135. – Л. 8–10.
5. **Зайцев** Михаил Иванович (полковник) : учетно-послужная карта // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.
6. **Книга** памяти Вологодской области : в 35 т. / Вологод. обл. Совет нар. депутатов ; сост. В. П. Сумароков. – Вологда : Вологодский ГПИ, 1999. – 35 т. – С. 48.
7. **Мазаник, Н. А.** Воспоминания / Н. А. Мазаник // Личный архив автора.
8. **Памяць**: Лепельскі раён : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: В. Я. Ланікіна [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1999. – 640 с. : іл.
9. **Подосёнов, А. Н.** Из истории Череповца в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А. Н. Подосёнов // VII краеведческие Чечулинские чтения. – Череповец : Объединение библиотек, 2008. – С. 52–57.
10. **Российский** государственный военный архив. – Фонд 4. – Оп. 11. – Д. 65. – Л. 458.
11. **Лепельское** военно-пехотное училище : по воспоминаниям ветеранов Великой Отечественной войны. «Автограф времени» – 76 // Череповецкий информационный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cpv.ru/modules/myhistory/item.php?itemid=112>. – Дата доступа: 12.10.2015.
12. **Лепельское** военно-пехотное училище // Форум Поисковых Движений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=54406.0>. – Дата доступа: 12.10.2015.
13. **Общедоступный** электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.podvignaroda.mil.ru/>. – Дата доступа: 12.10.2015.
14. **Череповецкий** военный инженерный институт радиоэлектроники // Совинформбюро [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sovinformburo.com/organization/detail/?item_id=1432&type=0. – Дата доступа: 12.10.2015.

**ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ: А.А. РЕДИК –
АВТОР ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК О ВЕЛИКИХ ЛУКАХ (1887)**

В 1887 г. в Великих Луках в типографии Вульфа Ароновича Вязьменского (купца 1-й гильдии) вышла в свет книга «Город Великие Луки Псковской губернии. Исторические заметки». В подзаголовке к книге указано, что источниками для ее создания послужили «Городские поселения» (издание Министерства внутренних дел), «Псковские губернские ведомости» 1876 г., «Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде» М.И. Семевского, а также архивные справки местных учреждений.

Составителем «Исторических заметок» являлся член Великолуцкой городской управы Анатолий Александрович Редик (1842–1902). Надо отметить, что ему удалось в популярной и доступной форме кратко изложить почти всю историю древнего русского города на Ловати, а также дополнить повествование описанием Великолуцкой крепости. Именно поэтому «Исторически заметки» остаются интересными и востребованными для многих поколений великолучан, привлекают внимание современных ценителей истории родного края, хотя ни разу не переиздавались и давно стали библиографической редкостью.

Незаурядной личностью был и автор книги о Великих Луках. Современникам и потомкам он запомнился своей активной и разнообразной общественной деятельностью.

Анатолий Александрович Редик родился 25 декабря 1842 г. Получил юридическое образование, работал присяжным поверенным (то есть адвокатом) в окружном суде. В последней четверти XIX – начале XX столетия имя дворянина А.А. Редика неоднократно встречается в различных справочниках, издаваемых в Псковской губернии: «Памятной книжке Псковской губернии» и «Вестнике Псковского губернского земства» [1].

На протяжении 21 года А.А. Редик являлся гласным (то есть депутатом) городской думы, 10 лет членом городской управы, 5 лет председателем ревизионной комиссии. Кроме этого, А.А. Редик на протяжении многих лет был начальником Великолуцкого пожарного общества охотников, членом Попечительного совета женской гимназии, депутатом, а позднее директором правления Общества взаимного кредита Великолуцкого уездного земства [3].

В период «Великих реформ» 1860–70-х гг. России была сформирована система органов местного самоуправления. В 1870 г. по городовому положению, введенному правительством Александра II, в состав городского управления входили городские избирательные собрания, городская дума и городская управа. Дума решала вопросы, касающиеся городского хозяйства и благосостояния города. В состав Великолуцкой городской думы входил

городской голова и гласные (депутаты) из разных сословий. Состоя в чине губернского секретаря, А.А. Редик несколько раз избирался гласным Великолуцкой городской думы, начиная с 1880 г. и без перерыва вплоть до своей кончины в 1902 г. Что касается городской управы, то это был исполнительный орган городской думы в дореволюционной России, возглавляемый городским головой. Управа приводила в исполнение решения думы и заведовала городским хозяйством. С 1884 г. А.А. Редик – член городской управы, в течение нескольких лет исполнял обязанности заместителя городского головы (1884–1993) [4].

Находясь на этих должностях, Анатолий Александрович приложил немало усилий для решения многочисленных проблем городского хозяйства, культуры и образования. И судя по всему, делал это не без успеха, так как заслужил уважение и признательность горожан.

Среди других общественных обязанностей А.А. Редика выделим и участие в деятельности Великолуцкого пожарного общества охотников, устав которого был утвержден Министерством внутренних дел 28 января 1873 г. Все действительные члены Общества делились на две команды: для действий при пожарных трубах и команду охранителей для спасения и хранения имущества на пожаре. Возглавлял Общество председатель. На начальника охотников возлагались обязанности ежемесячно проводить практические занятия с командой. Именно эту должность некоторое время во второй половине 1880-х гг. занимал А.А. Редик. На пожаре он являлся главным распорядителем. Пожарное общество охотников располагалось во дворе дома Великолуцкого уездного земства, имело в своем распоряжении обоз, 5 служителей, 5 лошадей, а также необходимое количество помощников. Во время служения А.А. Редика городская пожарная команда и пожарное общество охотников, исходя из своих возможностей, успешно справлялись с поставленными задачами. Ущербы от пожаров, в отличие от других районов, были небольшие [6].

Много усилий приложил А.А. Редик и для развития женского образования в городе, входя в состав попечительного совета Великолуцкой женской прогимназии. Прогимназия была основана в 1879 г. на средства губернского и уездного земств и г. Великие Луки. Она состояла из четырех классов, к которым в 1882 г. присоединили педагогический класс для подготовки сельских наставниц. В 1883 г. в ней обучалось 92 ученицы от 7 до 15 лет. Попечительный совет учреждения в 1878 г. состоял из 40 человек. По словам М.И. Семевского, он включал «Целую толпу “попечителей”, из коих большинство при том ничего не жертвовало на заведение». В 1881 г. их численность была сокращена до 10. К тому же, в 1883 г. в прогимназии возник конфликт из-за вопроса о подборе директором педагогических кадров. В разрешении сложившейся ситуации принимал участие член попечительского совета М.И. Семевский, который писал: «Так или иначе, уладится и теперь

дело в родном мне городе. Попечительный совет благодаря вниманию к гимназии со стороны местных земства и городского управления составится из лиц, которые внесут мир в дело, для успешного развития которого наиболее всего нужно разумное спокойствие». Именно в этом направлении с 1888 по 1895 г. и работал в попечительском совете Анатолий Александрович Редик [3].

В 1901 г. уже набравший общественный вес А.А. Редик был избран директором Общества взаимного кредита, после чего вошел в торгово-промышленную элиту города. Общество взаимного кредита представляло собой вид кредитного учреждения. Согласно Высочайше утвержденному Мнению Государственного Совета «Об учреждении частных кредитных установлений» от 31 мая 1872 г. члены Общества, имеющие свободные деньги, вносили их с выгодой в общественную кассу; нуждающиеся в деньгах брали необходимую сумму, платя сравнительно небольшой процент. Общество взаимного кредита уездного земства было ориентировано на землевладельцев и крестьян [3].

Необходимо подчеркнуть, что большинство общественных должностей отправлялись А.А. Редиком бесплатно.

Основным источником дохода у Анатолия Александровича был заработок частного адвоката. В «Памятных книжках Псковской Губернии» А.А. Редик значился как частный поверенный [5].

20 ноября 1864 г. в России была создана адвокатура – институт присяжных поверенных. Введение в действие судебных уставов произошло 17 апреля 1866 г. Институт присяжных поверенных создавался в качестве особой корпорации, состоявшей при судебных палатах, пользовавшейся самоуправлением, но под контролем судебной власти. Присяжными поверенными могли быть люди, имеющие аттестаты высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, а также лица, прослужившие не менее 5 лет по судебному ведомству на должностях, позволяющих приобрести практические навыки в производстве судебных дел. В 1874 г. был издан закон, учредивший, наряду с присяжной адвокатурой, институт частных поверенных, введенный из-за недостатка присяжных. Частным поверенным мог стать всякий грамотный, совершеннолетний и не учащийся, не отлученный от церкви и не исключенный со службы. Для того чтобы стать частным поверенным и получить право на участие в производстве гражданских дел необходимо было получить особое свидетельство, выдаваемое судами там, где частный поверенный осуществлял ходатайства по делам. Запрещалось получать звание частного поверенного женщинам. Свидетельства облагались ежегодным денежным сбором.

Конечно, работа в городской думе и управе, выполнение других общественных обязанностей требовали много времени, но, с другой стороны, это расширяло круг знакомств, а значит, круг потенциальных клиентов для частного адвоката, причем клиентов обеспеченных и влиятельных.

А.А. Редик был женат на уроженке г. Холм Надежде Николаевне Ивановой (после замужества – Редик), дочери статского советника. Надежда Николаевна получила образование в Императорском воспитательном обществе благородных девиц в Санкт-Петербурге и удостоилась звания домашней наставницы. С 1882 г. по 1890 г. она состояла классной надзирательницей (воспитательницей) в Великолукской женской прогимназии. Была известна как активная участница благотворительного движения в городе [2, л. 3].

Семья Редик проживала в собственном доме, который находился на пересечении Покровской улицы (ныне Набережная Матросова) с Круглой (проспект Ленина) улицей. Ныне здесь располагается корпус экономического факультета Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. По воспоминаниям Почетного гражданина Великих Лук, краеведа Андрея Павловича Лопырева, это был обычный дом великолучанина среднего достатка: одноэтажный, бревенчатый, потемневший от времени тесом, на высоком каменном полуподвале. Дом был спланирован на две квартиры с отдельными входами. Одна – под адвокатскую контору, другая – жилая квартира – имела пять комнат со своим входом с общей парадной лестницы. Кухня располагалась в полуподвальном этаже, чтобы ее запахи, а также гром кастрюль не раздражали хозяев дома [8].

Участок земли у Анатолия Александровича был по размеру обычный для Великих Лук. По данным великолукского уездного предводителя дворянства Алексева, в 1880 г. совместная с О.М. Лечицкой недвижимая собственность (дом) А.А. Редика оценивалась в 445 рублей [2, л. 4].

Место для дома было не совсем удачным, поскольку располагалось у подножия реки, и каждую весну его заливали талые воды. Из-за сырости фруктовые деревья в саду росли плохо, да и сам сад был не более 10–15 вишневых деревьев [1].

Анатолий Александрович Редик ушел из жизни 6 апреля 1902 г. после продолжительной и мучительной болезни. Городской голова Д.Н. Боженков, открывая заседание думы 16 мая 1902 г., обратился к гласным с речью, в которой перечислил заслуги покойного перед городом. Депутаты почтили память умершего вставанием, а также приняли единогласное решение оплатить расходы по организации похорон: приобрести металлический венок и заказать панихиду с певчими [2, л. 7].

Надежда Николаевна Редик пережила мужа более чем на 20 лет. Она смогла выжить в суровые годы революции и Гражданской войны и умерла в конце НЭПа.

Шли годы. Сменялись поколения. Великие Луки пережили страшную войну. Почти до неузнаваемости изменился облик города. Старые Великие Луки остались в нашей памяти благодаря трудам дореволюционных краеведов, среди которых по праву называется имя А.А. Редика. Длительное время место его захоронения оставалось неизвестным. В 1995 г. при обследовании

Казанского кладбища у его ограды слева от центрального входа стороны (южная часть кладбища) сотрудником Великолукского филиала Государственного архива Псковской области Виктором Николаевичем Лугашевым был обнаружен старый надгробный чугунный постамент, на котором четко сохранилась отлитая надпись с датами жизни А.А. Редика (25 декабря 1842 – 6 апреля 1902 года) [7].

К сожалению, с течением времени крест на могиле погнулся, его крепление на постаменте расшаталось. Исчезла и табличка...

С 2008 г. шефство над могилой известного краеведа и общественного деятеля дореволюционных Великих Лук взяли на себя учащиеся Великолукской гимназии имени С.В. Ковалевской. Шефство осуществляется в рамках городской акции «Обелиск у дороги», которая направлена на сохранение памятников воинской славы и истории [9].

Сегодня могила Анатолия Александровича Редика и территория возле нее приведены в порядок: крест выправлен и укреплен на постаменте, установлена новая табличка.

Переиздание книги «Город Великие Луки Псковской губернии» – наша дань памяти человеку, так много сделавшему для своего города. Есть уверенность, что имя краеведа и общественного деятеля дореволюционных Великих Лук не будет забыто благодарными потомками.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вестник** Псковского губернского земства. – 1902. – № 7. – Июль. Издание Псковской губернской земской управы. – Псков : Типография губернского земства, 1902. – С. 152–153.
2. ГАВЛ. – Ф. Р – 2708. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 3.
3. **Вестник** Псковского губернского земства. 1902. № 7-й – Июль. Издание Псковской губернской земской управы. – Псков : Типография губернского земства, 1902. – С. 152–153.
4. **Памятные** книжки Псковской губернии на 1881–1901 годы ; Пульхеров А. И. Великолукское городское общественное управление 1785–1891 гг. Историческое обозрение ; Образование и образовательные средства в г. Великие Луки и его уезде. Историко-статистический очерк / под ред. и с предисл. Д. А. Белокова, Г. Т. Трофимовой. – Великие Луки, 2012. – С. 110, 113 ; Вестник Псковского губернского земства. – 1902. – № 7. – Июль. Издание Псковской губернской земской управы. – Псков : Типография губернского земства, 1902. – С. 152–153.
5. **Памятные** книжки Псковской губернии на 1899 год ; Сизов А. И. У истоков краеведения // Великолукская правда. – 1992. – 28 мая.
6. **Семевский, М. И.** Великолукские учебные заведения в 1883 году // М. И. Семевский о Великих Луках и Псковской губернии : избранные произведения. – Великие Луки, 2014. – С. 247–252 ; **Памятные** книжки Псковской губернии на 1888–1895 годы.
7. **Сизов, А. И.** Загадка захоронения / А. И. Сизов // Великолукская правда. – 1995. – 18 августа.

8. Сизов, А. И. У истоков краеведения / А. И. Сизов // Великолукская правда. – 1992. – 28 мая.

9. Фёдорова, З. В. 15 лет городской акции «Обелиск у дороги» (о сохранности памятников воинской славы и истории) // Великолукский вестник. – Краеведческий альманах. – № 2. – Великие Луки, 2012. – С. 41–43.

Ганчарова А.В. (г. Минск)

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ВИЛЕНСКОЙ КОМИССИИ ДЛЯ РАЗБОРА И ИЗДАНИЯ ДРЕВНИХ АКТОВ П.В. КУКОЛЬНИКА И И.А. НИКОТИНА

В рамках прикладной научно-исследовательской работы Национальной библиотеки Беларуси в 2015 г. началась работа над проектом «Виртуальная реконструкция документов и материалов по региональной истории Беларуси (2015–2018 гг.)». Одна из исследуемых тем проекта – «Документы и материалы о деятельности Виленской археографической комиссии (1864–1915 гг.)». Главная цель научно-исследовательской работы состоит в формировании электронного ресурса, в котором будут представлены оцифрованные редкие книги и статьи из периодических изданий XIX – начала XX в., а также портреты и фотографии деятелей науки, образования, культуры и литературы, которые работали на поприще археографии. Для достижения этой цели были просмотрены *de visu* все книги и статьи из газет и журналов на предмет выявления биографических сведений и трудов членов Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. Данная тема серьезная и, возможно, кому-то покажется рутинной, но это не так. Во время исследования особенностей жизни историков-ученых внимание привлекли малоизвестные факты, которые произошли с этими выдающимися людьми. Появилась идея написать об этих случайных, а может и редких биографических находках.

17 апреля 1864 г. на основании Высочайше утвержденного положения была создана археографическая комиссия для разбора и издания древних актов. «Обязанность комиссии – разбирать хранящиеся в Виленском центральном и других архивах северо-западных губерний старинные акты и документы и издавать из них наиболее важные в научном отношении» [1].

Первым председателем Виленской комиссии для разбора и издания древних актов был Павел Васильевич Кукольник. Он состоял в этой должности с 12 апреля 1864 г. по 1 марта 1865 г.

П.В. Кукольник родился 24 июня (5 июля) 1795 г. в Замостье (Австрия), затем он с родителями переехал в Санкт-Петербург. После нескольких лет службы в различных ведомствах Санкт-Петербурга защитил диссертацию

в Полоцкой иезуитской академии и получил ученую степень доктора права. В 1824 г. он был назначен на должность профессора Виленского университета. После ликвидации Виленского университета в 1832 г. был заведующим библиотекой и преподавателем русского языка в Виленской медико-хирургической академии. После закрытия академии П.В. Кукольник остался в Вильне в должности цензора книг и учителя истории в римско-католической духовной семинарии. Из воспоминаний его современников: «...он пользовался симпатиями не только в высоких слоях русского, но и польского общества. Это был человек очень вежливый, обходительный, услужливый. Как цензор, он был известен с лучшей стороны сонму пишущей братии. Как учитель истории, он пользовался расположением учеников» [7, с. 5–7].

В статье из журнала «Русская старина» 1885 года издания описывался интересный эпизод из его жизни. Ее автор Анатолий Егоров стал очевидцем этой истории. Статья была посвящена памяти П.В. Кукольника и напечатана после его смерти. Вот небольшой отрывок из нее: «...то было еще в молодые годы его, когда он вместе с братом своим, Нестором Васильевичем, проживал в Петербурге. Однажды, когда у них по обыкновению собрался небольшой кружок близких знакомых, состоявший из лучших того времени писателей и художников, Павел Васильевич, никогда ни о чем хладнокровно не говоривший, затеял по поводу чего-то горячий спор. Хорошо знавшие и изучившие его привычки друзья его стали возражать ему, больше, впрочем, для того, чтобы посмеяться над ним и подразнить его. Выведенный из терпения их шутливыми насмешками, покойный писатель, ходивший быстрыми шагами по комнате, вдруг остановился на ходу и оборвал спор, назвав всех их дураками...

«Стой и не шевелись!» – вскрикнул неожиданно, обращаясь к нему, находившийся при этом Брюллов, и, схватив палитру и кисти, гениальный художник быстро набросал тут же, навсегда имевшемся для него наготове полотне, типичную фигуру П.В. Кукольника.

Я часто засматривался на этот замечательный портрет, висевший всегда на видном месте в квартире своего оригинала. Мастерскою кистью отделано лицо покойного писателя и несколькими бойкими штрихами набросана по пояс его остальная недоконченная фигура, в халате, с заложенными за спину руками. Как живой выглядит он из рамки и, насмешливо улыбаясь, смотрит на зрителя. Было бы очень жаль, если бы этот превосходный набросок нашего бессмертного художника, написанный им, так сказать, экспромтом, под наитием минутного вдохновения, пропал бесследно для родного искусства» [5].

Этот портрет сохранился до наших дней и, по данным интернет-источников, находится в Ульяновском областном художественном музее. Поступил он туда в 1922 г. из собрания коллекции картин писателя, историка А.В. Жиркевича [6].

Следующая история из жизни члена Виленской комиссии для разбора и издания древних актов Ивана Акимовича Никотина. Член комиссии с 12 апреля 1865 г. по февраль 1868 г. Окончил курс Московского университета, затем служил чиновником на разных должностях в Московской и Калужской губерниях. В 1851 г. был переведен чиновником особых поручений к начальнику Виленской губернии. 12 июля 1852 г. назначен штатным чиновником особых поручений при Виленском генерал-губернаторе В.И. Назимове. В 1865 г. откомандирован в распоряжение графа М.Н. Муравьева для составления отчета по управлению Северо-Западного края. С августа 1866 г. по 22 декабря 1867 г. был исполняющим делами председателя Виленской комиссии для разбора и издания древних актов и Минским вице-губернатором [7, с. 15–16]. Анализируя его деятельность в комиссии и составляя биографию, обратилась к источнику «Из записок Ивана Акимовича Никотина» 1905 г. издания. В своей книге он вспоминает о событиях, которые происходили в Виленской губернии с 1855 г. по 1865 г. В последней главе своего издания он описывает прощальный обед, данный М.Н. Муравьевым по случаю его увольнения и назначения генерал-адъютанта К.П. Кауфмана главным начальником Северо-Западного края. На этом обеде присутствовал сам Никотин, который в порыве нахлынувших чувств написал экспромт, посвятив его М.Н. Муравьеву. Михаилу Николаевичу стихи понравились, и он попросил подарить их на память, что автор и незамедлительно сделал. Вот отрывок из этого стихотворения:

...Пускай клеймят тебя позором –
Презренный Запад и враги,
Ты мощен Руси приговором,
Царя ты славу береги.
Мятеж прошел, крамола ляжет...
В литовской Руси мир взойдет,
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг! И вздохнет
О том, что, ставши сумасбродом,
Забыв присягу, свой позор,
Затеял с доблестным народом
Поднять давно решенный спор...
Нет! Не помогут там уголья
Подземных их крамольных сил...
Зри – над тобой, простерши крылья,
Парит Архангел Михаил!.. [4, с. 265–266; 3].

Прочитав последние строки стихотворения, задумалась, уж очень они показались мне знакомыми. Просмотрев стопку книг, подготовленную для оцифровки, отыскала в ней издание «Приветствие Михаилу Николаевичу Муравьеву-Виленскому: (произнесено известным поэтом Н.А. Некрасовым на обеде в честь М.Н. Муравьева, 27 апреля 1865 г.)» и сверила его со стихами И.А. Никотина. Они оказались полностью идентичными. Изучив внимательно «Записки Никотина», нашла объяснение этому в подстрочных примечаниях, в которых автор писал, что «...к крайнему моему удивлению прочел я в “Новом Времени”, что этот экспромт, слитый воедино со сказанным два года перед тем в Вильне за обедом поверочных комиссий, приписывается поэту Некрасову, которого даже заподозрили в ложности чувств. Смею уверить неизвестного мне автора, одобрявшего стихи, что русский наш поэт был тут ни при чем; за достоинство моих стихов я не стою, но за искренность высказанных в них чувств — смею ручаться. Грустно, что так пишутся у нас правдивые повествования о наших замечательных русских деятелях» [4, с. 266].

Уникальное издание «Приветствие Михаилу Николаевичу Муравьеву-Виленскому» имеется в фонде Национальной библиотеки Беларуси. Объем издания составляет 2 страницы.

Исследуя труды и биографии деятелей Виленской археографической комиссии, убеждаюсь, что мелкие детали из жизни этих замечательных людей помогают нам в изучении прошлого. Хочется закончить статью стихами великого русского писателя и поэта А.С. Пушкина: «О сколько нам открытий чудных готовят просвещения дух...».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Виленская** археографическая комиссия. Отчет Виленской комиссии для разбора и издания древних актов за 1907 год. — Вильна : Русский почин, 1908. — С. 3–4.
2. **Иван Акимович Никотин** // Русская старина : ежемесячное историческое издание. — Санкт-Петербург, 1904. — Т. 117 (февр.). — С. 16.
3. **Некрасов, Н. А.** Приветствие Михаилу Николаевичу Муравьеву-Виленскому : (произнесено известным поэтом Н. А. Некрасовым на обеде в честь М. Н. Муравьева, 27 апр. 1865 г.) / сообщил А. С. — [Б. м. : б. и., 1911?]. — [2] с. — В конце текста: См. «Историко-литературная библиотека». Вып. 6. Н. А. Некрасов. Сост. Ветринский. Москва, 1911 г. С. 280. — Без титульного листа и обложки.
4. **Никотин, И. А.** Из записок Ивана Акимовича Никотина / И. А. Никотин. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1905. — 268 с., 1 л. фронт. портр.
5. **Павел Васильевич Кукольник** // Русская старина : ежемесячное историческое издание. — Санкт-Петербург, 1885. — Т. 48 (дек.). — С. 633–635.
6. **Портрет П. В. Кукольника** / худож. К. Брюллов // Ульяновский областной художественный музей. Музеи России [Электронный ресурс]. — Электрон. данные. — Москва : Рос. сеть культурного наследия, 1996–2015. — Режим доступа : <http://www.museum.ru>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус., англ.
7. **Пятидесятилетие** Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, 1864–1914 : юбилейная записка. — Вильна : Тип. И. Завадского, 1914. — 47 с.

ГІСТОРЫЯ ГАРАДОЎ НА СТАРОНКАХ ЧАСОПІСА «НАШ КРАЙ»

Краязнаўства ў агульным разуменні гэтага тэрміна ўяўляе ўсебаковае вывучэнне пэўнай часткі краіны, у першую чаргу горада, вёскі, іншых тыпаў паселішчаў. Краязнаўцы 1920-х гг. не маглі абмінуць увагай старажытныя паселішчы, што існавалі на іх малой радзіме. Гэты напрамак краязнаўчых даследаванняў выразна прасочваецца ў шэрагу артыкулаў, што з'явіліся ў першым беларускім краязнаўчым часопісе «Наш край».

Паводле дадзеных Усесаюзнага перапісу 1926 г., у гарадах БССР пражывала толькі 16,3% ад агульнай колькасці насельніцтва рэспублікі [3, с. 28–29]. Тым не менш у БССР набіралі тэмпы працэсы ўрбанізацыі, ішла канцэнтрацыя ў гарадах эканамічнага і сацыяльна-культурнага жыцця. Тагачасны беларускі горад уяўляў складаны сацыяльна-эканамічны і духоўны арганізм, які меў значную этнічную спецыфіку. Яго жыхары размаўлялі пераважна на ідышы і рускай мове. Падобная спецыфіка ўскладняла рэалізацыю аднаго з найважнейшых напрамкаў дзяржаўнай палітыкі, а менавіта беларусізацыі. Ідэалагі беларусізацыі добра разумелі, што працэс пераўтварэння дэнацыяналізаваных гарадоў БССР у беларускія – вельмі працаёмкі і складаны, ён патрабуе перш за ўсё гістарычнай легітымізацыі. Разумелі гэта таксама прадстаўнікі беларускага гістарычнага цэха, а таксама тыя, хто займаўся гістарычным краязнаўствам, ва ўлонні якога зараджалася гістарычная ўрбаністыка [10, с. 23–37].

Ужо ў першым нумары «Нашага краю» мы знаходзім Праграму апісання паселішчаў гарадскога тыпу (гарадоў, мястэчак, пасадаў, гандлёвых сёл і інш.), распрацаваную геаграфічнай падсекцыяй Прыродазнаўчай секцыі Інбелкульта. Раздзелы праграмы (палажэнне, знешні выгляд места, будынкі, гісторыя, агульныя даныя аб насельніках, роля сельскай гаспадаркі ў месце, нясельскія заняткі, гандаль і кааперацыя, сродкі сувязі, культурна-асветная справа, санітарны стан і медыцынская дапамога, адміністрацыйнае значэнне месца, бібліяграфія) з'яўляліся адначасова планам напісання артыкула для Беларускага геаграфічнага слоўніка, выданне якога рыхтаваў Інбелкульт [8, с. 56–58]. Акрамя дзясяткаў запоўненых анкет, што прыкладаліся да Праграмы..., кіраўніцтва Інбелкульта атрымала некалькі цікавых матэрыялаў, прысвечаных гісторыі гарадоў. Яны былі перададзены ў рэдакцыю «Нашага краю».

У 1927 г. у складзе Інбелкульта працавала камісія па вывучэнні гісторыі гарадоў Беларусі. У тым жа годзе вядомы спецыяліст у галіне гістарычнай урбаністыкі прафесар В.Д. Дружыц падкрэсліў асобую ролю краязнаўцаў у вывучэнні гісторыі гарадоў і мястэчак. У прыватнасці, ён прапанаваў наступны план іх вывучэння: 1) дынаміка насельніцтва ў класавых, са-

цыяльных і нацыянальных аспектах; 2) прамысловасць; 3) гандаль; 4) са-матужная прамысловасць; 5) гарадское кіраванне; 6) культурнае жыццё. Пачынаць вывучэнне гісторыі горада трэба было з бліжэйшых адрэзкаў часу, паступова спускаючыся па храналагічных прыступках. Крыніцавую базу даследаванняў па гісторыі гарадоў Беларусі ўтваралі справаводчыя дакументы цэхавых арганізацый, губернскіх праўленняў, гарадскіх упраў, статыстычных камітэтаў, дваранскіх сходаў, што захоўваліся ў акруго-вых архівах, а таксама адпаведная інфармацыя, змешчаная ў памятных кніжках, часопісах, газетах і інш. [5, с. 7–10]. Карыстаючыся гэтым планам, беларускія краязнаўцы падрыхтавалі шэраг прац, дзе абмяркоўваліся не толькі сацыяльна-эканамічныя і культурныя, але таксама этнічныя аспекты гісторыі беларускіх гарадоў. Частка гэтых прац была таксама надрукавана ў часопісе «Наш край». Яшчэ адным паказчыкам зацікаўленасці краязнаўцаў гэтай праблематыкай было з’яўленне тэматычных бібліяграфічных даведнікаў [1, с. 65–70].

Першая праца, напісаная ў жанры гістарычнай урбаністыкі і прысвечаная мінуламу Оршы, выйшла з-пад пяра старшыні Аршанскага акруговага таварыства краязнаўства Д.М. Васілеўскага ў 1926 г. Ужо ў першым яе абзацы аўтар нагадвае чытачам пра гістарычную беларускасць горада: «І не дарма ў беларусаў ёсць прыказка: калі ў Віцебску справа кепска, то ў Воршы яшчэ горшай». У гэтай прыказцы народ абмалёўвае ўвесь гістарычны лёс горада на працягу не толькі апошніх сталенняў, але таксама і ў пачатку гісторыі Беларусі. Далей са спасылкай на інвентар Аршанскага замка XVI ст., Д.М. Васілеўскі даводзіць, што ў горадзе «люднасьць была выключна беларускай, і была ўсяго на ўсяго 1 юрэйская сям’я, гэта была сям’я рандара Аршанскай гарадской карчмы». Ён піша, што ў пачатку XVII ст. «...Ворша адыграла вялікую ролю ў канцэнтраванні тае беларускае вольніцы, якая йшла ў Маскоўшчыну на дапамогу тым ці іншым станам яе, а галоўным чынам пагуляць і паабдзіраць багатых маскоўскіх баяр». Разбуральнае XVII ст. было таксама часам перавыдання ў 1653 г. у аршанскім Куцеінскім манастыры «Лексікона славенарускага і імён тлумачэння» П. Бярынды. Не ведаючы, што асновай «Лексікона» паслужыў першы друкаваны беларускі слоўнік «Лексіс» Л. Зізанія (1596 г.), Д.М. Васілеўскі лічыў яго першым беларускім. Два асобнікі «Лексікона...» П. Бярынды аршанскага выдання з прадмовай І. Труцэвіча, выяўленыя краязнаўцамі ў 1924 г. у віцебскім Свята-Троіцкім Маркавым манастыры, захоўваліся ў Віцебскім акруговым таварыстве краязнаўства [2, с. 53–54].

У тым жа годзе старшыня Мазырскага акруговага таварыства краязнаўства А.І. Крукоўскі прапанаваў чытачам артыкул пра старажытную сталіцу дрыгавічоў – горад Тураў. Аўтар сфарміраваў уласны погляд на Тураў як на буйны сінтэтычны гістарычны помнік. Артыкул пачынаецца цытаваннем першага ўспаміну пра горад у 980 г. у «Аповесці мінулых часоў»: «бо

Рогволод перешел из заморья имяше волость свою Полотьске, а Тур Турове, от него же Туровици прозвашаяся». Але аўтар не пагаджаецца з тлумачэннем паходжання тапоніму «Тураў» праз імя варажскага князя і ўслед за П.М. Шпілеўскім выводзіць назву горада ад назвы мясцовага дзікага быка – тура. Сваю нацыянальную версію краязнавец аргументаваў тым, што папершае, на Беларусі існавала шмат назваў сёлаў, вёсак, рэк, палёў, урочышчаў і г. д. з каранем «тур», па-другое, у землях дрыгавічоў было мноства тураў, на якіх палявалі князі, у т. л. Уладзімір Манамах. Напрыканцы свайго артыкула А.І. Крукоўскі дае кароткі агляд тураўскіх старажытнасцяў, што захаваліся на той час у горадзе і мелі агульнанацыянальнае значэнне, у тым ліку замкавай гары, Спаскай царквы, саркафага, каменных крыжоў, студні Тура [6, с. 51–55].

У наступным годзе з’явіўся артыкул А.І. Крукоўскага, прысвечаны аднаму з гістарычных цэнтраў Палесся, у той час акруговаму гораду Мазыру. Не спыняючыся на тлумачэнні гэтага тапоніма, ён слухна звязвае першую пісьмовую згадку горада з яго пераходам з Кіеўскага ў Чарнігаўскае княства ў 1155 г. Аўтар указвае на неспрыяльнае геапалітычнае становішча Мазыра, у выніку чаго ён быў «...першым горадам, які нішчыўся, калі быў паход на Полаччыну ці кіеўскіх князёў ці татар, ці ў часы барацьбы казацтва з польскім панаваннем». Толькі татары палілі Мазыр у 1241, 1497, 1521, 1534 гг. Некалькі разоў горад нішчыўся ў XVII і XVIII стст. войскамі Маскоўскай дзяржавы, а таксама пажарамі. Да таго ж забудову Мазыра ўскладняў мясцовы рэльеф, які ўтваралі рака Прыпяць і мноства яроў (так званая «Мазырская Швейцарыя»).

А.І. Крукоўскі адзначае, што, нягледзячы на статус вольнага горада, які валодаў магдэбургскім правам з 1577 г., а таксама месцазнаходжанне на шляху «з варагаў у грэкі», Мазыр і напярэдадні падзелаў Рэчы Паспалітай быў невялікім горадам, які «...не меў багатага росквіту». Згодна плану горада 1769 г. (копія якога мелася ў акруговым краязнаўчым таварыстве), у горадзе было 211 двароў (сядзіб), 6 царкоўных сядзіб, ратуша, частка зямлі была занята крамамі і цагельнямі. У гарадскім прадмесце Кімбараўцы было 19 сядзіб, у тым ліку 2 царкоўныя. У горадзе было таксама два замкі – Верхні (Стары), які месціўся на Замкавай гары, і Ніжні. Ля падножжа Замкавай гары знаходзілася рынкавая плошча, шпіталь, пярканя і стайня. Гандаль вёўся ў 56 крамах, якія атачалі плошчу.

Асобны раздзел артыкула прысвечаны архітэктурным помнікам Мазыра. У ім, у прыватнасці, распавядаецца пра замчышча «з кладоўкай замка»; базыліянскі манастыр, «зачынены Мікалаем I за бясчынства манахаў»; царкву св. Параскевы Пятніцы XVIII ст., якая звалася «Пятніцкай»; вядомую як «базыліянская» царкву св. Мікалая XVI ст.; царкву Праабражэння Гасподняга XVI ст.; касцёл св. Міхаіла Архангела і кляштар бэрнардынаў (1760–1775); касцёл і кляштар цыстэрцыянаў (1711); касцёл св. Міхаіла Архангела і

кляштар цыстэрцыянак (1743–1745); касцёл і кляштар марыявітак (XVIII ст.), сінагогу XIX ст. і некаторыя іншыя. А.І. Крукоўскі таксама зрабіў спробу даць характарыстыкі прыроднаму рэльефу і архітэктурнай планіроўцы Магара [7, с. 16–28].

Працягам даследавання гісторыі акруговых цэнтраў БССР стаў артыкул старшыні Барысаўскага акруговага таварыства краязнаўства В.А. Самцэвіча, прысвечаны Барысаву. Кажучы пра паходжанне гэтага горада, барысаўскі краязнавец схіляецца да версіі В.М. Тацішчава пра яго заснаванне ў 1102 г. полацкім князем Рагвалодам-Барысам. Адначасова ён падае іншую версію заснавання горада ў 1032 г. кіеўскім князем Яраславам Мудрым. Прыгадвае найбольш стары ўспамін пра Барысаў у Лаўрэнцьеўскім летапісе пры апісанні вайны паміж сынам Уладзіміра Манамаха і полацкімі князямі 1127–1128 гг.

Літаратура і першакрыніцы, што меліся ў распараджэнні В.А. Самцэвіча, дазволілі яму датаваць XIII ст. далучэнне Барысаву разам з іншымі гарадамі Полацкага княства да Вялікага Княства Літоўскага. Наданне гораду ў 1563 г. Жыгімонтам Аўгустам магдэбурскага права ён асцярожна называе «наданнем некаторых муніцыпальных правоў, якія потым былі пашыраны каралямі». Каротка ўзгадвае «войны паміж Літвой і Масквой» XVI–XVII стст., падчас якіх горад моцна цяпеў ад захопнікаў, а таксама «вайну Пятра I з Карлам XII», пасля якой у горадзе з’явілася Шведская вуліца. Асобны раздзел свайго артыкула В.А. Самцэвіч прысвяціў падзеям у горадзе ў 1812 г., вынікам якіх было тое, што пасля адступлення французаў у Барысаве «ніякіх прыкмет жыцця не было».

Новай прыкметай жыцця ў горадзе былі рэвалюцыйныя хваляванні, што адбываліся ў 1905 г. на нова-барысаўскіх фабрыках «Вікторыя», «Бярэзіна», Саламонава, Бермана, Ліўшыца і інш. В.А. Самцэвіч адзначае, што «на чале гэтых хваляванняў безупынна стаяла барысаўская арганізацыя Бунд», а ўдзельнічала ў іх «пераважна яўрэйская моладзь». Наступныя рэвалюцыйныя падзеі, нямецкая і польская акупацыя, нарэшце, усталяванне савецкай улады канчаткова змянілі твар ціхага павятовага горада [9, с. 45–50].

Задачу аднаўлення гістарычнай панарамы жыцця Мінска ў XII–XVIII стст. паставіў перад сабою класік беларускай археаграфіі Д.І. Даўгяла. У яго аб’ёмным артыкуле, які быў надрукаваны па частках у трох нумарах «Нашага края», перад чытачом як у калейдаскопе ідуць чарадою войны, аблогі, моры, пажары, кірмашы, цэхі, суды і інш. Д.І. Даўгяла пісаў гэты артыкул для часопіса падчас падрыхтоўкі да выдання другога тома «Беларускага архіва», што знайшло свой адбітак на змесце тэкста, які абапіраецца пераважна на дакументальныя першакрыніцы. Храналагічна праца ахоплівае перыяд, які пачынаецца ў 1104 г., калі Мінск здолеў вытрымаць аблогу аб’яднанага войска кіеўскага і чарнігаўскага князёў (пер-

шая летапісная згадка пра горад у 1067 г. не была вядома гісторыку). Заканчваецца артыкул апісаннем падзей 1793 г., калі паводле другога падзелу Рэчы Паспалітай горад увайшоў у склад Расійскай Імперыі, што азначала «канец старажытных часоў для Менску». Найважнейшым пераломным момантам у гісторыі горада, пачаткам «новай эры росквіту і самастойнасці» Д.І. Даўгяла лічыў дзень атрымання Мінскам магдэбургскага права 14 сакавіка 1499 г.

Па розных старонках артыкула раскіданы характарыстыкі сацыяльна-этнічнага складу насельніцтва старажытнага Мінска. Гэта быў горад «да XVI ст. з выключна беларускім насельніцтвам». Пазней этнічны склад яго насельніцтва дапоўніўся яўрэямі, палякамі, татарамі і інш. Разнастайным быў канфесійны склад гараджан: праваслаўныя, каталікі, уніяты, іўдзеі, мусульмане, кальвіністы і іншыя, але пераважалі хрысціяне. Мінск меў неаднародную сацыяльную структуру. Вярхушку складала багатая частка купецтва і рамесніцкія майстры, якім належала ўся ўлада ў горадзе. Уплывова пласт складалі таксама прадстаўнікі ваенна-служылага саслоўя – баяры. Мелі ў Мінску маёмасць князі Крошынскія, Адынцовічы, Друцкія-Горскія, Доўманты, Слушкі, Талачынскія, Саламярэцкія. Сярод гарадской вярхушкі была і шляхта, якая перасялялася ў горад на працягу XVI – першай паловы XVII ст. Гарадскі патрыцыят складаў каля 25% насельніцтва Мінска. Найбольш шматлікая група мінчан – дробныя гандляры, радавыя рамеснікі, чаладнікі і іх сем’і. Гэты сярэдні слой утвараў 40–50% усіх жыхароў, з улікам таго, што ў іх склад уваходзіла таксама духавенства, чыны ўрадавай адміністрацыі і інш. Найбольш абяздоленай часткай мінскага людз была так званыя «гульцыі» – даведзеныя да галечы беззямельныя сяляне, вымушаныя пакінуць сваю гаспадарку і шукаць прытулку ў горадзе [4, с. 8–15, 50; с. 6–13; с. 10–19].

Такім чынам, у другой палове 1920-х гг. у БССР з’явіўся шэраг важных прац, прысвечаных мікрааналізу гісторыі беларускіх гарадоў. На жаль, гэтыя спробы краязнаўцаў не атрымалі працягу ў наступныя дзесяцігоддзі. Паступова ў рэспубліцы знікла асэнсаванне навуковай і практычнай важнасці падобных даследаванняў. З пачаткам фарсіраванай калектывізацыі і індустрыялізацыі, звязаных з імклівымі ўрбанізацыйнымі працэсамі ў СССР, савецкія краязнаўцы звужалі вывучэнне гарадоў да даследавання іх як вытворчай базы пабудовы сацыялізму. Падобны спрошчаны падыход, які адбіўся і на гістарычных даследаваннях, быў зручны для ўсхвалення колькасных поспехаў урбанізацыі ў СССР. Яны сведчылі пра пераўтварэнне краіны з аграрнай у індустрыяльную, што з’яўлялася важнай складаючай марксісцка-ленінскай ідэялогіі. Сур’ёзны аналіз сутнасці і стратэгіі, а таксама якасных бакоў гэтага працэсу, такіх як лад і ўмовы жыцця гараджан, іх культура, паўсядзённае жыццё ў 1930–80-я гг. не праводзіўся.

ЛІТАРАТУРА

1. **Баеў, К. С.** Да пытання аб крыніцах і літаратуры па гісторыі Гомеля і Гомельшчыны / К. С. Баеў // Наш край. – 1929. – № 6/7.
2. **Васілеўскі, Д.** 3 гісторыі Воршы / Д. Васілеўскі // Наш край. – 1926. – № 2/3.
3. **Всесоюзная** перепись населения 17 декабря 1926 года : предварительные итоги : 2-е изд. – Москва : ЦСУ СССР, 1927. – Вып. 1 : Городское и сельское население по уездам и округам. Европейская часть РСФСР, Белорусская ССР, Украинская ССР и Закавказская СФСР. – 40 с.
4. **Даўгяля, З. І.** Стары Менск / З. І. Даўгяля // Наш край. – 1928. – № 1 ; № 2 ; № 3.
5. **Дружчыц, Н.** Краязнаўства ў гістарычнай галіне / Н. Дружчыц // Наш край. – 1927. – № 12.
6. **Крукоўскі, А.** Старадаўні Тураў і яго ваколіцы / А. Крукоўскі // Наш край. – 1926. – № 8/9.
7. **Крукоўскі, А. Я.** Горад Мазыр і яго ваколіцы / А. Я. Крукоўскі // Наш край. – 1927. – № 3.
8. **Наш край.** – 1925. – № 1.
9. **Самцэвіч, В.** Барысаў / В. Самцэвіч // Наш край. – 1927. – № 2.
10. **Шыбека, З.** Зараджэнне беларускай урбаністыкі : XIX – пачатак XX стст. / З. Шыбека // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: В. В. Даніловіч [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 493 с.

Дулов А.Н., Юрчак Д.В. (г. Витебск)

ПРОЕКТ «ДВИНА А.П. САПУНОВА»: ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГЭС

Проект «Двина А.П. Сапунова» появился на свет в преддверии прошедшей в декабре 2013 г. в Витебской областной библиотеке имени В.И. Ленина республиканской научно-практической конференции «Книжное наследие А.П. Сапунова», которая была посвящена 130-летию выхода первого тома «Витебской старины» (1883 г.) и 120-летию с момента издания Алексеем Парфеновичем книги «Река Западная Двина» (1893 г.). Своеобразным катализатором рождения проекта стало начало работ по возведению на Двине каскада из четырех гидроэлектростанций. В таких условиях, когда было очевидно, что после возведения двух первых станций – Полоцкой и Витебской – на значительном участке из-за подъема уровня воды облик реки и ее берегов навсегда изменится, возникла идея зафиксировать с помощью фото- и видеотехники современные речные ландшафты и сравнить их с описанием реки, приведенным в вышеназванной работе известного витебского краеведа, посвященной основной водной артерии Витебщины [2]. Подробнее суть

проекта была изложена в соответствующей публикации в сборнике конференции [6].

Как оказалось, с идеей сравнения описания Двины, сделанного А.П. Сапуновым, с современной рекой выступал ранее известный витебский краевед и историк Михаил Владимирович Пищулёнок. Но реализовать на практике заявленное тогда, к сожалению, не получилось. Однако новые обстоятельства возведения каскада ГЭС ставили проект перед весьма непростым выбором – сейчас или никогда!

Собрать масштабную экспедицию в кратчайшие сроки не получилось, поэтому пришлось ограничиться несколькими однодневными сплавами в зоне затопления Витебской ГЭС на небольшой двухместной надувной лодке (BARK-240). Такой формат изучения Двины имел свои недостатки. Во-первых, имеющееся плавсредство не отличалось высокой скоростью, из-за этого преодолеть большое расстояние даже при активной работе веслами за один день было проблематично. Кроме того, небольшая грузоподъемность и габариты лодки стесняли движения, поэтому длительное пребывание на воде для своих далеко немаленьких участников сплава создавало свои сложности.

Полностью реализовать задуманное и пройти по Двине в зоне затопления Витебской ГЭС (порядка 65 км) получилось в результате четырех однодневных сплавов, осуществленных на протяжении двух последних лет. Работе по проекту во многом содействовал очень низкий уровень воды в Двине, из-за чего многочисленные валуны, пороги, отмели и иные объекты, сохранившиеся до наших дней, были максимально открыты и доступны для фиксации. Что касается уровня воды в реке, стоит отметить, что он в 2014 и 2015 гг. был рекордно низким из-за аномального минимума снега зимой и отсутствия значительного числа осадков весной и летом. Вообще, наблюдения за Двиной на гидрологическом посту в Витебске начались еще в 1876 г. и прерывались лишь во время оккупации города в 1941–1944 гг. В конце 1987 г. нулевая отметка гидрологического поста была перенесена на метр ниже. Это следует учитывать при использовании данных книги «Река Западная Двина». Там, в частности, приводятся сведения, что минимальный уровень воды в Двине достигал 30 сотых сажени или 64,8 см ниже 0 поста. В августе 1939 г. был достигнут предыдущий минимум +13 (-87 относительно прежнего «нуля») [4]. Но в августе 2014 г. этот рекорд был побит, и река упала до уровня -2 см (минус два сантиметра). Этот рекорд не продержался и года, 26 августа 2015 г. уровень воды в Двине опустился до -11 см [3].

Осуществление проекта началось в 2014 г. Летом – осенью нами было осуществлено три однодневных перехода, пройдено более 50 км по Двине от границы Беларуси с Российской Федерацией (РФ) до г. п. Руба.

Первое плавание (от границы до п. Сураж) состоялось 20 июля 2014 г. К сожалению, из-за сильного дождя, который сопровождал сплав на протя-

жении пути, далеко не все фотоснимки этого участка получились качественными. Поэтому пришлось приезжать и фотографировать отдельные участки реки в погожие дни. Кроме того, не удалось начать плавание с запланированного пункта (российской деревни Гредяки). В связи с событиями в Украине на территорию РФ без паспортов не попасть. Поэтому начать путешествие пришлось от самой границы по левому берегу (ручей Рубежник (Сеньков-ка)). Этот участок отличался наличием нескольких знаковых каменных преград на реке (Сопель, Баранова пожня, о. Медведок) и протяженной песчаной мелью от Кожемяцкого песка до д. Галиново. Кроме того, отличительной особенностью этой части реки стало то, что именно здесь в Двину впадают Каспля и Усвяча, которые ранее были активно задействованы древними торговцами, использовавшими путь «из варяг в греки».

Второй отрезок реки был пройден 13 августа 2014 г. По первоначальному плану предстояло пройти путь от Суража до Курино. Как показалось изначально, погода благоприятствовала: солнечный день позволял делать отличные снимки. Но сразу за огромным по двинским масштабам островом у д. Островские положение изменилось: начался сильный встречный ветер, на реке появились волны, с которыми справиться на обычной резиновой лодке было проблематично. Скорость сплава упала до минимума, для ускорения передвижения пришлось даже на одном участке (до 1 км) нести лодку по берегу на руках. В связи с этим было решено изменить конечный пункт сплава и завершить его 13 августа у д. Будислово, так как мы были привязаны к расписанию пригородных автобусов. Наиболее знаковыми объектами на данном участке реки стали упомянутые А.П. Сапуновым Оселок, огромный по двинским меркам остров у д. Островские, а также весьма протяженные Куринские и Хатольские мели. Последние, кстати, оказались непроходимыми даже для надувной лодки, поэтому несколько сотен метров пришлось не плыть, а в прямом смысле идти по реке.

Третий сплав от Будислово до Рубы состоялся уже осенью – 21 сентября 2014 г. Не было ни дождя, ни сильного встречного ветра, поэтому данный участок реки удалось изучить более обстоятельно. Здесь можно встретить как результаты антропогенного воздействия на природу (добыча песка речниками со дна реки в районе Курино), так и многочисленные, упомянутые в книге «Река Западная Двина» речные объекты природного происхождения. Среди последних сильно изменившийся в последнее время остров у д. Курино, упомянутый еще в документах периода Речи Посполитой, часть уникальных рубовских порогов (Закладень и Вахолка) между д. Лушиха и трассой Е-95.

Завершить сплав в районе зоны затопления Витебской ГЭС получилось только в 2015 г. 28 июня был пройден участок реки от д. Лушиха до места строительства гидроэлектростанции перед Лужесно. Этот участок отличался от предыдущих тем, что именно здесь течение реки усиливается в районе

расположения так называемых рубовских порогов, которым А.П. Сапунов уделил особое внимание. Поэтому скорость его прохождения существенно отличалась от предыдущих. Кроме того, в этой части реки уже было очевидно воздействие строительства ГЭС на прилегающие к реке ландшафты. Берегоукрепление, строительство нового моста в Рубе, вырубка прилегающих к реке лесов, а также затопление из-за повышения уровня воды перед плотинной некоторых порогов и островов – все это отчетливо показывало особенности антропогенного воздействия в новых реалиях. Результатом последнего дня сплава стало определение размещения основных рубовских порогов, упомянутых А.П. Сапуновым.

Общим итогом четырех сплавов стал богатый фотоматериал объемом свыше 20 гигабайт. Для желающих ознакомиться с иллюстративным материалом, собранным в рамках проекта, достаточно набрать в поисковике «Двина Сапунова» и выбрать среди предложенных вариантов страницу проекта в социальной сети «В контакте», где часть фотографий уже размещена [2]. Учитывая особенности этой электронной платформы, материал размещен в порядке от изложения идеи проекта и первых объектов в районе пересечения реки с государственной границей Республики Беларусь и России до тех участков реки, которые были пройдены последними. Каждый объект на реке представлен цитатой из А.П. Сапунова и фотографиями к нему. При этом посредством сервиса «комментарии» иллюстративный материал можно бесконечно пополнять. И сделать это может любой пользователь, обладающий снимками того или иного участка реки. Кроме того, подробное описание всех сплавов с приложением отдельных фотографий было размещено в блогосфере на специально созданном для этого ресурсе [4].

Реализация проекта «Двина Сапунова» в зоне затопления Витебской ГЭС позволяет сделать обобщающие выводы относительно дальнейшей реализации проекта, а также дать характеристику основным изменениям, которые претерпела Западная Двина и береговые ландшафты на протяжении последних 120 лет. Что касается дальнейшей реализации проекта, стоит обратить внимание на то, что общая протяженность реки – 1020 км. Из них 328 км – это белорусская Двина. Поэтому для продолжения проекта есть все основания. Особенно актуальным это выглядит на фоне активных работ по возведению второй – Полоцкой – гидроэлектростанции на реке в районе д. Лучно. Учитывая имеющиеся планы по запуску станции в 2016 г., пройти участок затопления этой ГЭС нужно в первой половине 2016 г. Хотя сроки завершения строительства могут и перенести, но все равно лучше не рисковать. Кроме того, при реализации проекта для ускорения прохождения участков реки необходимо менять плавсредства. В частности, планируется, что для исследования реки в дальнейшем будут использованы туристические байдарки, позволяющие в 2–3 раза увеличить расстояние, которое можно беспроблемно преодолеть за один день перехода.

Говоря о самой Двине, стоит обратить внимание на то, что далеко не все объекты, которые подробно описаны А.П. Сапуновым, сохранились до наших дней. В частности, это касается крупных валунов (Жидовская ермолка, Круподер и др.), которых в ходе сплава мы не увидели в указанных историком местах. Хотя локализовать их непросто, но ничего такого, что в XIX в. могло пугать кормчих, сплавывавших суда по реке, мы не увидели даже при очень низкой воде. Многие каменные заборы и острова также серьезно изменились, а некоторые из них исчезли. Например, «каменную забору и остров Немкина» мы не обнаружили по точной географической привязке даже по низкой воде. Есть отмель и фрагментальные валуны, но не более того. Также нельзя назвать каменными заборами в современном понимании такие объекты как Сопель, камни у деревни Дербяхуни (на картах Тербухонь). Остается предполагать, что многие из них исчезли в результате очистки русла речниками в XX в. Кроме того, некоторые объекты, привлекающие внимание сейчас на реке, в работе А.П. Сапунова почему-то не упоминаются. Поэтому стоит предположить, что либо они образовались за последнее столетие в результате антропогенного воздействия и природных процессов, либо в подробном описании Двины кормчими, воспоминания которых и использовались при подготовке книги «Река Западная Двина», также собрана далеко не самая полная информация.

Вместе с тем, другие объекты, на которые когда-то обращал внимание А.П. Сапунов, сохранились до наших дней и, действительно, продолжают оставаться знаковыми на реке. Среди последних, безусловно, Баранова пожня, Кожемяцкий песок, Галиновская мель, остров Медведок, остров у д. Островские, Куринские и Хатольские мели, остров и крупные валуны у д. Лушиха, а также Рубовские пороги. Все они создают свой неповторимый облик для этого участка реки, но, к сожалению, большинство из них будет затоплено и окажется под водой. Поэтому собранный и систематизированный фотоматериал станет единственной формой сохранения информации об этих местах на Двине.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сапунов, А. П.** Река Западная Двина / А. П. Сапунов – Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1893. – 512 с.

2. **Юрчак, Д. В.** Двина А. П. Сапунова в условиях строительства каскада гидроэлектростанций (сохранение облика реки для потомков) / Д. В. Юрчак // Книжное наследие А. П. Сапунова : материалы республиканской науч.-практич. конф. К юбилеям издания А. П. Сапуновым книг «Витебская старина» (т. 1, 1883) и «Река Западная Двина» (1893), Витебск, 23 декабря 2013 г. / редкол.: А. И. Сёмкин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 210–213.

3. **Двина А. П. Сапунова:** открытая группа [Электронный ресурс] / Д. Юрчак // ВКонтакте. – Режим доступа: <http://vk.com/nashadzvina>. – Дата доступа: 19.12.2014.

4. **Серебро, С.** Двина в Витебске поставила еще один рекорд / С. Серебро // Народныя навіны Віцебска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [100](http://news.</p></div><div data-bbox=)

vitebsk.cc/2015/08/26/dvina-v-vitebske-postavila-esche-odin-rekord/. – Дата доступа: 11.10.2015.

5. **Серебро, С.** На Двине в Витебске отмечен рекордно низкий уровень воды / С. Серебро // Народныя навіны Віцебска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.vitebsk.cc/2015/08/18/na-dvine-v-vitebske-otmechen-rekordno-nizkiy-uroven-vodyi/>. – Дата доступа: 11.10.2015.

6. **Юрчак, Д.** Сплав «Западная Двина А. П. Сапунова»: день 1 [Электронный ресурс] / Д. Юрчак. – Режим доступа: <http://yurchak.blogger.by/42880/>. – Дата доступа: 11.10.2015.

Корсак О.В. (г. Минск)

ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Памятные книжки – официальные справочные издания, которые издавались по всем губерниям Российской империи с середины 40-х гг. XIX в. до 1917 г. Они содержали сведения о составе и занятиях населения края, состоянии экономики, образования, религии, культуры, то есть отражали практически все сферы жизни губернии.

Изданием Памятных книжек занимались губернские статистические комитеты (ГСК), которые были учреждены на основании «Высочайше утвержденных Правил для Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и Статистических комитетов в губернии» [4, с. 280–283] от 20 декабря 1834 г. (опубликованы 28 января 1835 г.). В обязательство губернских статистических комитетов входил сбор сведений, их упорядочивание и отражение в табелях по формам Статистического отделения, а также составление на основе полученных сведений «подробного и точного описания состояния губернии вообще, или же отдельно некоторых в одной из частей управления, хозяйства, промышленности и торговли» [4, с. 282].

В соответствии с «Положением о губернских и областных статистических комитетах» от 26 декабря 1860 г. на статистические комитеты ложилась работа по составлению списков древних памятников, собранию исторических документов о времени их возведения и перестройки, чертежей, фотографий, копий с более ранних изображений [2, с. 155]. Этот документ поставил перед комитетами задачу создания «подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно по чему-либо замечательных в губернии или области местностей, в отношении топографическом, историческом, промышленном, сельскохозяйственном и проч.» [3, с. 506],

то есть создания научных работ. Циркуляр Министерства внутренних дел № 397 (1861 г.) также обязал губернские статистические комитеты собирать сведения об исторических памятниках и публиковать собранные материалы по истории губернии. Циркуляр Министерства внутренних дел № 31 (1894 г.) поручил статистическим комитетам вести наблюдения за памятниками древности и археологическими объектами. Это значительно активизировало научно-исследовательскую и издательскую деятельность ГСК [14].

Витебский губернский статистический комитет был учрежден 4 мая 1835 г. [7, л. 15]. Затем открывался еще раз в 1853 г., долгое время существовал лишь номинально. Окончательно был создан 22 сентября 1863 г. [5, с. 129].

Ключевая роль в деятельности ГСК принадлежала секретарям. Секретарями и членами Витебского статистического комитета в разные годы были такие известные ученые, как А.С. Бируля-Бялыницкий, М.Л. Веревкин, Н.Я. Никифоровский, А.М. Сазонов, А.П. Сапунов, А.М. Сементовский-Курилло, Е.Р. Романов и др. Так, с 1863 по 1880 г. секретарем Витебского ГСК был Александр Максимович Сементовский-Курилло. Он сумел привести дела комитета в порядок и привлечь к участию в деятельности комитета различных ученых и краеведов. При нем ГСК публиковал материалы по истории края, взаимодействовал с научными организациями, принимал участие в различных мероприятиях имперского масштаба. Например, в 1864 г. был организован сбор экспонатов для выставки мануфактурных изделий 1865 г. в Москве [8, л. 6].

Сведения, собранные губернскими статистическими комитетами как запросами в различные учреждения, так и с помощью членов находили отражения в Памятных книжках. Памятные книжки Витебской губернии публиковались с 1861 по 1914 г., всего по Витебской губернии были изданы тридцать две Памятные книжки. Заглавия Памятных книжек Витебской губернии допускали варианты, из которых наиболее типичны «Памятная книжка...» и «Адрес-календарь...».

Следует отметить, что на своевременность выхода в свет и состав изданий влияли различные факторы, в том числе оперативность и достоверность получаемой информации, финансовые возможности. Так, в предисловии к «Памятной книжке Витебской губернии на 1862 г.» отмечается, что «хотя средства комитета несколько не увеличились и сотрудничества никем не оказано, но приняты все меры и усилия, чтобы сделать это издание по возможности удовлетворяющим» [9, с. 10]. В отчете Витебского губернского статистического комитета отмечается, что «с началом 1894 г. статистический комитет окончательно вышел из стеснительной для него задолженности, отнимавшей возможность продолжения издания Памятных книжек, после издания таковой в 1889 г. и Адрес-календаря на 1890 г.» [1, с. 66]. Структура Памятных книжек обсуждалась и утверждалась на заседаниях статистических комитетов. Так, секретарь Витебского статистического комитета

А. М. Сементовский-Курилло представил собранию комитета 26 декабря 1865 г. рукопись Памятной книжки на 1866 г., которая была одобрена к публикации [6, л. 19].

Памятные книжки Витебской губернии, несмотря на схожесть структуры, характеризуются индивидуальными особенностями в разные годы издания. В частности, Памятные книжки Витебской губернии на 1864–1876 гг., подготовленные А.М. Сементовским-Курилло, содержат большой объем историко-краеведческих работ. Более однотипными по структуре Памятные книжки стали в последней четверти XIX – начале XX в. Несмотря на определенные особенности, Памятные книжки Витебской губернии включали такие материалы, как: 1) календарные сведения; 2) адрес-календарь; 3) справочные, статистические, административные сведения; 4) историко-краеведческие сведения.

Адрес-календарь представлял собой перечень личного состава губернских и уездных правительственных и общественных учреждений гражданского, духовного, военного ведомств и ведомства народного просвещения. Эти сведения интересны тем, что позволяют проследить изменения в личном составе учреждений на территории губернии, отследить появление новых учреждений и должностей. Кроме адрес-календаря Памятные книжки Витебской губернии содержат данные по статистике населения, информацию об административном делении края, сведения о ярмарках в городах и местечках, о сельских больницах и аптеках, книжных магазинах и библиотеках, типографиях и литографиях, о развитии торговли, ремесла, сельского хозяйства, состоянии образования в губернии.

Интересны историко-краеведческие сведения, которые представлены историческими, этнографическими, археологическими, краеведческими очерками, публикациями источников. Например, в публикации «Витебск. Исторический очерк» А.М. Сементовского показана история города Витебска с момента основания и до середины XIX в. Очерк состоит из трех частей. В первой части рассматривается религиозная жизнь города. Вторая часть посвящена политическим событиям. В третьей отражена судьба города во время войн, пожаров, восстаний [10, с. 43–116]. Это своеобразная хроника города Витебска.

Памятные книжки содержат статьи и очерки М. Красавицкого «Велижское благочиние (историко-статистическое описание)» [12, с. 77–98], Ф. Серебренникова «Обычаи и обряды крестьян Себежского уезда при крестинах, свадьбах и похоронах» [11, с. 75–90], «О народных праздниках Себежского уезда» [13, с. 209–254], Ф.Л. Слупского «О волнении помещичьих крестьян Витебской губернии в 1847 г.» [12, с. 99–117], «Описание Маркова монастыря» [11, с. 3–74]. Интерес представляют два очерка П.Л. Дружиловского «Исторические судьбы Витебской губернии» [12, с. 3–37] и «Исторические судьбы Витебской губернии с конца XII до начала

XVI в.» [11, с. 3–98], в которых описана история края с момента заселения славянами и до начала XVI в.

Примечателен «Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета» [13, с. 1–30] А.П. Сапунова, в котором показана история возникновения комитета, содержатся описание всех Памятных книжек Витебской губернии и перечень секретарей, а о наиболее выдающихся из них (например, К.А. Говорском, А.М. Семеновском-Курилло, А.П. Сапунове) даны биографические сведения. В приложении к очерку размещена выдержка из «Положения о губернских Статистических комитетах» от 26 декабря 1860 г.

Таким образом, с 60-х гг. XIX до начала XX в. Витебский губернский статистический комитет издавал Памятные книжки, в которых публиковались как сведения справочного, статистического характера, так и статьи по истории края. Все перечисленные элементы придают Памятным книжкам исключительную ценность и значение комплексных источников для исторических, этнографических и краеведческих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Балацкая, Н. М.** Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833–1917) : сводный каталог-репертуар / Н. М. Балацкая, А. И. Раздорский ; [ред. Н. М. Балацкая] ; Рос. нац. библиотека. – СПб. : Д. Буланин, 2008. – 645 с.

2. **Бярэйшык, Л. У.** Памятныя кніжкі губернскіх статыстычных камітэтаў / Л. У. Бярэйшык // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук [і інш.]. – Мінск : БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 155–160.

3. **Высочайше** утвержденное Положение о губернских и областных статистических комитетах // Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е : [в 55 т.]. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1862. – Т. 35, отделение 2 : 1860 : от № 36059–36489. – С. 507 [разд. паг.].

4. **Высочайше** утвержденные правила для Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губернии // Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е : [в 55 т.]. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830–1884. – Т. 9, отделение 2 : 1834 : от № 7380–7716. – 1835. – [832] с., [7] л. ил. – С. 280–283 [разд. паг.].

5. **Грядовкина, И. В.** Памятные книжки Витебской губернии в системе источников по истории Беларуси второй половины XIX – начала XX в. / И. В. Грядовкина // Здабыткі / [склад. Л. Г. Кірухіна, К. В. Суша ; рэдкал.: Р. С. Матульскі і інш.]. – 2011. – Вып. 13. – С. 127–140.

6. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2502. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 19.

7. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2502. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 15.

8. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2502. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 6.

9. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1862 год : состояние чинов и должностей показано по 1-е января 1862 года. – Витебск : Тип. губ. правл., [б. г.]. – [378] с. [разд. паг.], [6] л. табл.

10. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1864 год : с тринадцатью политипажаями в тексте и портретом архиепископа Полоцкого и Витебского Василия / издана Витебским губернским статистическим комитетом ; под ред. А. М. Сементовского. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1864. – VIII, 415 с., [1] л. портр. : ил.

11. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1865 год : с портретом почетного члена комитета Михаила Николаевича Муравьева, тринадцатью политипажаями и планом г. Витебска / издана Витебским губернским статистическим комитетом ; под ред. А. М. Сементовского. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1865. – VIII, 376, 128, 7 с., [1] л. портр., [1] л. ил. : табл.

12. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1866 год / издана Витебским губернским статистическим комитетом ; под ред. А. М. Сементовского. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1866. – VII, 218, 144 с., [3] л. ил. : табл.

13. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1914 год / издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : Губ. тип., 1914. – VIII, 280, LXX, 42 с., [3] л. портр. – С. 1–30.

14. **Саітава, В. І.** Памятныя кніжкі беларускіх губерняў : агульная характарыстыка / В. І. Саітава, Т. В. Страмужэўская // Памятные книжки белорусских губерний [Электронный ресурс] / Нац. библиотека Беларуси. – Электрон. текстовые, графич. данные и программа (10,5 ГБ). – Минск, 2012. – 3 электрон. опт. диска (DVD-ROMa).

Лисов А.Г. (г. Витебск)

ЕЩЕ РАЗ О ПРОЕКТЕ МАРКА ШАГАЛА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВИТЕБСКОГО НАРОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

То, что художник Марк Шагал в 1918 г. стал инициатором создания в Витебске народного художественного училища, широко известно. Ведь многократно тиражирован текст документа о назначении художника уполномоченным коллегии по делам искусств Наркомпроса в Витебской губернии. В этом тексте сообщается, что «товарищу Шагалу предоставляется право организации художественных школ, музеев, выставок, лекций и докладов по искусству и всех других художественных предприятий в пределах Витебска и Витебской губернии» [2]. Документ написан Н.Н. Пуниным и датирован 14 сентября 1918 г. В двух местных газетах («Витебские известия» и «Витебский листок» за 20 сентября) сообщается о его получении должности губисполкомом [6; 7]. Инициатива Шагала об учреждении в городе художественной школы предшествовала его назначению. События относятся к августу – сентябрю 1918 г.

В газетах есть два сообщения от 23 августа, где дана уже совершенно конкретная информация о том, что проект об организации художественной школы Шагала рассматривался на заседании секции искусств отдела народного

образования. Здесь же торопливо добавляется, что проект этот уже в Комиссариате народного просвещения и что он получил принципиальное одобрение наркома товарища Луначарского. Одобрения этого оказывалось недостаточно, к тому же нарком едва ли был в состоянии посвятить ему много времени. Комиссариат в составе советского правительства переехал из Петрограда и в августе 1918 г. уже находился в Москве, однако в его составе действовали два отдела – московский и петроградский. Луначарский при этом постоянно путешествовал между двумя столицами (старой и новой). Еще весной 1918 г. группа музыкантов, инициаторов организации в Витебске консерватории, столкнулась с проблемой, как попасть к нему на прием и заручиться поддержкой [5]. Очевидно, обсуждение проекта Шагала было поручено наркомом Петроградскому отделу. «Витебские известия» от 12 сентября сообщили о том, что художник Шагал выехал в Петроград «для утверждения в центре своего проекта об открытии в Витебске городского художественного училища и художественного музея» [4]. Обратим здесь внимание на два обстоятельства: первоначальный статус училища определялся как «городской» и, второе, создание школы и музея, музея художественного, объединены в одном проекте. Процедура утверждения, как видно, много времени не заняла – решение было предопределено предварительной подготовкой вопроса. Проект обсуждался петроградским подотделом отдела изобразительных искусств и получил одобрение. Отдел ИЗО, как и наркомат в целом, состоял в 1918 г. из петроградского и московского подотделов. Петроградский подотдел возглавлял Н.Н. Пунин, а Московский – В.Е. Татлин, в то время как общее руководство отделом ИЗО осуществлял Д.П. Штеренберг. К нему впоследствии Шагал и будет апеллировать в своей деятельности на посту витебского уполномоченного. Уже 14 сентября появился упомянутый в самом начале документ, дающий Шагалу соответствующие полномочия. Все это – события осени 1918 года.

Стоит, однако, сказать: впервые информация о том, что в Витебске открылась «социалистическая художественно-трудовая школа» сообщается в газете «Витебские известия» еще 13 апреля 1918 г. [9]. Сведений о ней и обстоятельствах ее организации не выявлено. Имел ли к ней отношение Шагал или кто-то другой из числа немногочисленных художников в губернском Витебске, не известно.

Документ с названием «Докладная записка художника Марка Шагала о художественном училище» собственно представляется в настоящее время проектом Шагала. Он опубликован в переводе на английский язык крупнейшим исследователем биографии художника Бенджамином Харшавом [11]. Харшав датировал его августом 1918 г. На документ, а не на публикацию Б. Харшава, ссылается в своей статье Л.В. Хмельницкая, которая одновременно сообщает, что в фонде А.Н. Бенуа отдела рукописей Государственного Русского музея (далее – ГРМ) [8] он был ею обнаружен. Автор статьи не только комментирует этот важный документ, но и строит на нем и на фак-

те его нахождения в фонде Бенуа довольно смелое предположение о том, что «Бенуа согласился высказать свои замечания по «Записке» Шагала и это «косвенно указывает на то, что, видимо, и он сам готов был рассмотреть предложение Шагала стать преподавателем или, скорее, директором создаваемого в Витебске училища». Остается невыясненным, одним ли и тем же экземпляром документа пользовались исследователи. В книге Б. Харшавы отсутствует ссылка на источник публикации, хотя в других многочисленных случаях автор в своей книге более аккуратен. Возможно, его источником было вовсе не собрание рукописей ГРМ, а личный архив Шагала. Во всяком случае, на мысль о другом источнике наводит то обстоятельство, что Б. Харшав не сообщает ничего о пометах на документе, сделанных А.Н. Бенуа, которые на имевшемся в его распоряжении экземпляре могли отсутствовать в отличие от выявленного в собрании ГРМ.

Вообще о публикации Б. Харшавы следует сказать особо. В его книге имеются комментарии к документам в сносках и (в некоторых случаях) в замечаниях в авторском тексте и на полях. В них не только даются указания на источники, но и делаются пояснения по сути сообщаемых в текстах фактов. К упомянутому документу нет подобных комментариев. Лишь в одном случае, на полях в тексте, к характеристике Шагалом принципов нового революционного искусства, которые должны быть положены в основу деятельности художественного училища в Витебске, которые художник противопоставляет «академичности и рутине» официальной дореволюционной художественно-педагогической системы, Харшав сообщает о том, что эта характеристика официоза являет собою определение учителя Шагала – Л.С. Бакста. Сравнение английского перевода у Харшавы и документа из ГРМ дает основание утверждать, что публикатор английского перевода не оговаривает в своих комментариях ни подчеркиваний в тексте оригинала, ни карандашных приписок и исправлений, сделанных карандашом, при том, что эти приписки и исправления учтены в английском тексте.

За последнее время «Записка» упоминалась уже не однажды. Замечу, что объяснение факта принадлежности «Записки» Шагала к архиву А.Н. Бенуа может быть более простое и логичное, нежели то, на котором строит свою гипотезу Л.В. Хмельницкая. Дело в том, что в структуре Наркомпроса 28 мая 1918 г. был образован отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, или музейный отдел. Его возглавила Н.И. Троцкая-Седова, вторая жена Л.Д. Троцкого. В состав коллегии музейного отдела входил А.Н. Бенуа, который в то время занимал пост директора картинной галереи Эрмитажа. Он был, пожалуй, самой авторитетной фигурой из тех членов коллегии, которые оставались в Петрограде после отъезда в Москву правительственных учреждений. Поскольку проект Шагала предполагал создание музея, то совершенно понятно, что заручиться мнением и поддержкой А.Н. Бенуа было важно. Этого, вероятнее всего, требовала и бюрократическая процедура.

Нельзя согласиться с мнением Людмилы Хмельницкой о том, что Бенуа «рассмотрел очень тщательно» «Записку» Шагала и «не ограничился только теоретическими замечаниями по принципу устройства учебного заведения», но и «скрупулезно изучил цифры» [8, с. 7]. На самом деле, помет Бенуа на документе не так уж много, хотя они, несомненно, представляют большой интерес. Наиболее принципиальные из них касаются как раз не раздела, посвященного училищу, а раздела, который касается музея и участия Еврейского комиссариата в проекте Шагала.

Карандашные пометы на документе, вероятно, принадлежат на самом деле двум людям. В одном случае – это надстрочные вставки и исправления цифровых расчетов бюджета по организации художественного училища и музея, возможно, принадлежащие самому Шагалу. Они сделаны очень аккуратно и в английском переводе Харшава никак специально не выделены и не оговорены, хотя в тексте присутствуют. Правка финансовой части «Записки» связана, очевидно, с быстро менявшейся экономической ситуацией в большевистской России этого времени и осознанием прогнозов на перспективу этой ситуации. Поэтому запрашиваемые Шагалом субсидии везде исправлены в сторону увеличения. Иные замечания и подчеркивания сделаны плохо читаемым неровным почерком, возможно, они и принадлежат А.Н. Бенуа. Этих текстов в английском переводе «Записки» совсем нет.

«Записка художника Шагала» – это 8 страниц машинописи на листах стандартного размера [3]. Условно она может быть поделена на 3 части. Как представляется, первоначально ее текст составлял всего 5 страниц, на которых изложены краткие соображения о задачах, структуре, составе педагогического коллектива, финансовой части и первоначальных субсидиях на организацию художественного училища, а также задачах, штате и финансировании музея при училище. Эта часть имеет вполне завершенный характер и была, видимо, дополнена двумя приложениями. На это указывают строки последнего абзаца последней, пятой, страницы первоначального текста. Шаггал в этих строках резюмирует: «Вот пока те не многие, но весьма важные культурные предприятия, имеющие огромное значение для поднятия культурного уровня гор. Витебска, всего края вообще и его народной массы в частности» [3, л. 5]. Первое приложение на примерно полутора страницах касается возможного участия в организации училища и еврейского отдела музея Еврейского комиссариата Наркомата по делам национальностей. Комиссариат был создан в январе 1918 г., и в Витебске к осени того же года существовала его местная структура. Вероятно, эта часть текста «Записки» давала, по мнению художника, шанс получить поддержку проекта со стороны еврейского комиссариата в случае возможных проблем с его утверждением отделом ИЗО Наркомпроса. Шаггал предполагал и возможную волокиту с утверждением полноценной структуры учебного заведения, поиском кадров, материальной базы. Поэтому он составил в качестве еще одного приложения

текст на полстраницы с обоснованием необходимости на подготовительном этапе открыть временную школу-мастерскую с минимальных штатом из двух педагогов. В то же время развернутый штат должен был составить согласно проекту 14–15 человек: 8 педагогов, включая директора, 3 административно-хозяйственных и 3 низших служащих.

Обратимся к пометам А.Н. Бенуа. Большинство из них представляют собой только карандашные подчеркивания мест, которые обратили внимание читающего. Эти места не сопровождаются маргиналиями. Они касаются представлений Шагала об ориентированности задач художественного училища на специальную подготовку беднейшей части народонаселения, предоставление ей бесплатного образования и возможности получения общежития. Об общежитии А.Н. Бенуа ставит вопрос – *«отчего дать уже не всем»*, а только неимущим. Для еврейских рабочих Шагала предлагает и вовсе сделать обучение прикладному искусству «обязательным» и «для каждого». И здесь на полях напротив появляется восклицательный знак, который является, очевидно, выражением недоумения. Подчеркивания свидетельствуют, что А.Н. Бенуа в целом не разделяет нарочито революционный пафос шагаловского документа. Художник явно видит в художественном училище не только образовательное учреждение, но и монопольный центр выполнения всех художественно-оформительских работ в городе. Для этого предложено создание при училище художественно-декорационной мастерской и издание специального властного постановления, которое должно ограничить активность всех художников-ремесленников. Замысел этот действительно был реализован с первых шагов деятельности Шагала на посту уполномоченного по делам искусств. Соответствующего постановления исполкома он тоже добился. Более конкретными оказались реплики А.Н. Бенуа на музейную часть проекта. Он отмечает в этой части предложение, что музей представляется как собрание «русского искусства», слово «русского» подчеркнуто карандашом. Правда ниже для обоснования участия еврейского комиссариата в проекте, Шагала делает оговорку о необходимости в музее еврейского отдела, сформированного из памятников «еврейской старины» и произведений художников-евреев.

Более всего в докладной записке Шагала реакцию А.Н. Бенуа вызвали его соображения о принципиальном подходе к формированию коллекции создаваемого при училище городского художественного музея. Шагала предлагал в качестве одного из источников коллекции будущего музея поступление из центра, без которого музей едва ли мог представить все разнообразие направлений и течений в искусстве. Еще одним источником должно было стать целевое выделение средств на приобретение художественных и этнографических предметов местной старины, и место это подчеркнуто. Но вот патетика Шагала, которая прозвучала в его призыве не прятать предметы искусства «в частных квартирах» и «обратиться с настойчивым предложением –

передать ценные предметы искусства в городской художественный музей», вызвала у А.Н. Бенуа совершенно однозначную и негативную реакцию в связи с хорошо известной ему уже музейной политикой большевистского государства – экспроприациями и реквизициями. В неразборчивых заметках эти слова прочитываются, в то время когда другие, скорее, угадываются. Для Шагала это один из способов организации провинциального музея.

Отношение Бенуа к подобной практике становится понятным из его дневников и переписки [1]. В известном письме от 12 июня 1918 г. И.Э. Грабарю, руководившему подотделом Национального музейного фонда музейного отдела Наркомпроса, А.Н. Бенуа пишет в связи с Национализацией картинного собрания княгини Е.П. Мещерской: «Я не могу поверить, что ты принял активное участие в отобрании у княжны Мещерской ее Боттичелли. Или тебя заразил общий психоз, выросший на развалинах войны и полной сумятицы?».

Проект Марка Шагала по организации в Витебске художественного училища и музея декларирован вполне в духе новых большевистских установок на широкое художественное образование для народа, ориентированное прежде всего на беднейшее пролетарское население, а понимание путей практической реализации проекта – на централизованное распределение и реквизиции. В нем нашло выражение и особое отношение к обучению еврейской пролетарской молодежи. Собственно, последующая деятельность Шагала на посту уполномоченного Наркомпроса по делам искусств в Витебской губернии, а позднее и директора художественного училища показала, что положенные в его основу идеи с первых же шагов начали реализовываться, правда, в несколько урезанном масштабе из-за недостатка средств и профессиональных кадров [10]. Заметки А.Н. Бенуа, сделанные на экземпляре документа, весьма немногочисленные и в содержательной форме отмечающие именно музейную часть проекта, указывают, что их автор негативно отнесся к практике новой власти и предложениям Шагала. Едва ли можно предположить А.Н. Бенуа в качестве директора Витебского училища, должно реализовать намеченную программу.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бенуа, А. Н.** Дневник 1918–1924 годов / А. Н. Бенуа. – Москва : Захаров, 2010. – 816 с.
2. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 1821. – Оп. 1. – Д. 8. – Т. 1. – Л. 238.
3. **Докладная** записка художника Марка Шагала о Художественном училище // Отдел рукописей Государственного Русского музея. – Фонд 137. – Оп. 1. – Ед. хр. 2403. – Л. 1–8.
4. **«К открытию** Городского художествен. училища и городского музея» // Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. – 1918. – № 195. – 12 сентября. – С. 5.

5. **Лисов А. Г.**, Трусова Е. Г. Два письма по поводу организации Витебской народной консерватории // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. – 2006. – № 9. – С. 121–126.

6. «**Марк Шагал** – уполномоченный Коллегией по делам искусств в Витебске» // Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. – 1918. – № 202. – 20 сентября. – С. 3.

7. **Назначение** Марка Шагала // Витебский листок. – 1918. – № 982. – 20 сентября. – С. 4.

8. **Хмельницкая, Л. В.** Петроградцы у истоков создания Витебского народного художественного училища / Л. В. Хмельницкая // Марк Шагал и Петербург. К 125-летию со дня рождения художника ; сост. и науч. ред.: О. Л. Лейкинд, Д. Я. Северюхин, Л. В. Хмельницкая. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 69.

9. **Художественно-трудовая** школа // Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. – 1918. – № 7. – 2, 13 апреля. – С. 2.

10. **Шатских, А. С.** Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922 / А. С. Шатских. – Москва : Языки рус. культуры, 2001. – 256 с.

11. **Harshav, B.** Marc Chagall and his Times. A Documentary Narrative. – B. Harshav. – Stanford : Stanford University Press, 2004. – P. 247–252.

Луговцова С.Л. (г. Минск)

УЕЗДНЫЙ СПИСОК ШЛЯХТЫ ЛЕПЕЛЬСКОГО УЕЗДА 1819 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В данной статье проанализирован документ, озаглавленный «Именные списки Лепельского повета о дворянах, проживающих на землях собственных – закладных – арендных и служащих, учиненные из поданных от них ведомостей в Лепельскую ревизионную комиссию в 1816 г.» [1]. Однако заглавие не соответствует содержанию документа. Во-первых, в списке встречается информация, которая относится к 1817–1819 гг., а относительно документа, который Иосиф Зеленкевич получил из Витебского дворянского депутатского собрания, прямо указано: «выдан сего 1819 г.» [1, л. 60]. Во-вторых, речь идет не о ревизионной, а о ревизской комиссии. В-третьих, в список включена только шляхта, то есть наименее обеспеченные представители благородного сословия Лепельского уезда. В российской документации первой половины XIX в. отсутствовали четкие критерии для употребления терминов «дворянин» и «шляхтич». Как правило, к категории «дворяне» относили лиц, которые имели отношение к военной или гражданской службе,

получили право участвовать в выборах по замещению должностей в системе местного управления, а также имели достаточное количество земли и крепостных крестьян, чтобы вести образ жизни, приличный благородному происхождению.

В список по Лепельскому уезду 1819 г. включены малообеспеченные представители сословия. Документ содержит следующую информацию:

- род деятельности шляхтичей;
- наличие/отсутствие у шляхтичей земли и ее количество;
- местожительство шляхтичей;
- полный состав семей;
- участие (или не участие) в V ревизии 1795 г.;
- изменения местожительства со времени окончания ревизии;
- наличие/отсутствие документов о благородном происхождении.

Ценным является перечисление в списке всех женщин и девочек, что позволяет использовать его в качестве источника для демографических исследований. Язык документа богат белорусизмами: «кавалки» (о земле) [1, л. 164], «Дыонизий» вместо «Дионизий» [1, л. 64], «Тацяна» вместо «Татьяна» [1, л. 152], Ларынович [1, л. 210], Грыневич [1, л. 28], «Дземяшков» вместо «Демешково» [1, л. 25], «Вярбовщизна» вместо «Вербовщизна» [1, л. 29] и т. п.

В список 1819 г. включено 3426 человек. Каждое обращение к вопросу о численности высшего сословия на территории Беларуси в первой половине XIX в. неизбежно приводит к обсуждению проблемы о постановке учета этой группы населения в Российской империи. Все авторы, которые занимались данной проблемой, обращают внимание на многочисленные трудности, возникающие в процессе ее исследования. В частности, Г.Н. Тумилович отмечала, что ревизские сведения о дворянах, как о группе населения, которая не подлежала налогообложению, представлены не по всем уездам губернии. По одним уездам встречаются данные только по лицам мужского пола, по другим – обоего пола. Кроме того, данные, полученные в ходе ревизии в последующие годы, неоднократно уточнялись, заставляя исследователя отвечать на вопрос: данные за какой год считать наиболее приемлемыми? [2, с. 68] Вопрос доверия российским статистическим сведениям поднимает в своих исследованиях И. Сикорская-Кулеша. Например, в Минской губернии, по ее подсчетам, в середине 1850-х гг. было 57 тыс. шляхты в соответствии с книгами генеалогическими, 59 тыс. – в соответствии с данными Казенных палат и 80 тыс. – по метрическим данным костелов [3, с. 83].

В списке шляхты Лепельского уезда 1819 г. есть ценные данные о том, были ли учтены внесенные в него лица в ходе V ревизии. Они дают возможность выяснить, насколько велика была численность шляхты, не учтенной властями.

Таблица 1. Учет шляхты Лепельского уезда в ходе V ревизии [1, л. 1–206]

	В 1795 г. подали посемейные списки	В 1795 г. посемейные списки не подавали	Не известно	Итого
Численность шляхты, чел.	1 877	1 503	46	3 426
Численность шляхты, в %	54,8	43,9	1,3	100

В первый столбец табл. 1 внесены шляхтичи и члены их семей, которые в 1795 г. подавали посемейные списки не только в Лепельском, но и в любых других уездах. То же можно сказать и о содержании второго столбца. В качестве основных причин, которые помешали представителям шляхты подать посемейные списки в ходе V ревизии, в документе названы бедность и раннее сиротство. В частности, Михаил Чехович (40 лет) указал, что в 1795 г. не подавал список своей семьи «по бедности своего жилища» [1, л. 191–192]. Сиротство являлось довольно распространенным явлением, учитывая высокую смертность в среде лепельской шляхты. Именно раннее сиротство стало причиной того, что ряд шляхтичей не смогли ответить на вопрос относительно ревизии 1795 г. Они включены в третий столбец таблицы. Так, братья Иван (28 лет), Иосиф (26 лет) и Леонтий (21 год) Кучинские заявили, что не знают, были ли они записаны в ходе ревизии, так как «были малолетними» [1, л. 83–84]. В третий столбец также включены шляхтичи, местонахождение которых было неизвестно. Например, Дионизий Дзерожинский заявил, что его брат Миколай (46) находится «в отлучке в неизвестном месте» [1, л. 41–42].

У шляхтичей, не учтенных в ходе V ревизии, на протяжении 1795–1819 гг., естественно, рождались дети и/или умирали члены семей, то есть мы не можем точно определить число лиц, которые не подали посемейные списки. Однако аналогичные процессы шли и в среде шляхты, записанной в ходе ревизии. А нас, в первую очередь, интересует соотношение учтенной и неучтенной шляхты. Как следует из содержания табл. 1, российским властям в 1795 г. удалось документально зафиксировать лишь немногим более половины шляхты Лепельского уезда.

Слабая постановка статистического учета относительно шляхты бывшей Речи Посполитой в Российской империи объяснялась, на наш взгляд, следующими причинами:

- отсутствием у имперских властей четкой стратегии по отношению к шляхте бывшей Речи Посполитой, колебаниями правительственного курса, вызванными сменой императоров на российском престоле;

- недостаточным количеством чиновников на местах для реализации задуманных центральными властями мероприятий;

– сознательным уклонением представителей шляхты от учета с целью избежать политики «разбора», а также неоднократными попытками переселения шляхты в отдаленные губернии;

– бедностью и малообразованностью значительной части шляхтичей, которые были не в состоянии вовремя и адекватно реагировать на запросы имперских властей;

– высоким уровнем подвижности шляхты, представители которой в поисках средств существования (земли и службы) часто меняли место жительства.

Относительно последнего критерия рассматриваемый список представляет уникальные данные, так как в него включена специальная графа «Из какого места и когда зашли в сей повет». Кроме того, можно выявить тех шляхтичей, которые были учтены в Лепельском уезде Витебской губернии в 1795 г., однако в 1819 г. проживали в других уездах и губерниях. Таким образом, список позволяет нам зафиксировать весьма трудноуловимый для исследователя критерий подвижности шляхты, то есть отразить ее перемещения в поисках места службы (чаще всего у частных лиц и в католических орденах), лучших условий аренды земли и т. п.

В редких случаях информация, представленная в списке, касается перемещений шляхты до V ревизии. Будем считать, что она находится в пределах статистической погрешности.

Таблица 2. Подвижность шляхты Лепельского уезда в период с 1795 по 1819 г. [1, л. 1–206]

	Проживает в уезде «с древних лет»	Прибыли и/или убыли из уезда			Итого
		Прибыли	Убыли	Вместе	
Численность шляхты, чел.	2 606	734	86	820	3 426
Численность шляхты, в %	76	21,5	2,5	24	100

Интересна география перемещений представителей шляхты. В Лепельский уезд они пришли не только из Велижского, Дисненского, Полоцкого, Городокского уездов Витебской губернии, но также из Браславского, Тельшевского уездов Виленской губернии, из Сенненского, Оршанского, Копысского уездов Могилевской губернии, а также из Псковской и Подольской губерний.

Как следует из содержания табл. 2, за четверть века около четверти шляхтичей Лепельского уезда изменили свое место жительства. На наш взгляд, это высокий показатель. Кроме того, трудно предположить, что территория лесной и озерной, удаленной от ведущих административных и культурных

центров Лепельщины стала центром притяжения для шляхты бывшего Великого княжества Литовского. Скорее всего, большая разница между теми, кто в уезд прибыл, и теми, кто его покинул, объясняется лишь проблемами слабого учета выбывших. Таким образом, реальная подвижность шляхты была выше указанной в табл. 2. Добавим, что встречаются примеры, когда за прошедшие со времени V ревизии годы шляхтичи неоднократно меняли свое место жительства. Например, Ксаверий Сакович (37 лет) прибыл в Лепельский уезд из Минского в 1815 г., однако в ходе ревизии 1795 г. он находился в Динабургском уезде, где и был записан [1, л. 156–157]. Фома Пухальский (60 лет) с семьей «зашел» в Лепельский уезд из Борисовского в 1813 г., но уже в 1814 г. отправился на службу в Копысский уезд [1, л. 137–138]. В ряде случаев местожительство шляхтичей не называется или указывается в самых общих чертах. Например, о Тадеуше Милевском нам известно лишь то, что он служил «за Двиною» [1, л. 102]. Чаще всего не указано местожительство именно шляхтичей, которые находились на службе у частных лиц. В списке главное внимание обращалось на то, у кого, а не в каком месте служил человек.

Таким образом, список лепельской шляхты за 1819 г. включает, кроме типичной для подобного рода документов информации о наличии/отсутствии у шляхтичей земли и ее количестве, месте проживания, составе семей, наличии/отсутствии у шляхтичей документов о дворянском происхождении, также ценные сведения об участии шляхты уезда в ревизии 1795 г. и изменениях местожительства со времени ее окончания. На основании рассматриваемого списка мы выяснили, что в ходе V ревизии в Российской империи было учтено лишь 54,8% шляхтичей уезда; лепельская шляхта отличалась высоким уровнем подвижности: в период с 1795 по 1819 г. не менее четверти всех шляхтичей изменили свое местожительство (во многих случаях не единожды).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Именные** списки Лепельского повета о дворянах, проживающих на землях собственных – закладных – арендных и служащих, учиненные из поданных от них ведомостей в Лепельскую ревизионную комиссию в 1816 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2512 : Канцелярия Витебского дворянского депутатского собрания. – Оп. 1. – Д. 94. – 206 л.
2. **Тумилович, Г. Н.** Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / Г. Н. Тумилович. – Минск, 1995. – 165 с.
3. **Sikorska-Kulesza, I.** Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX w. / I. Sikorska-Kulesza. – Pruszków : Ajaks, 1995. – 113 s.

З ГІСТОРЫІ ВІЦЕБСКАГА КІНАТЭХНІКУМА (1932–1941)

У перадаваежныя гады на тэрыторыі Беларусі, як і ўсяго СССР, адбывалася культурная рэвалюцыя. Адчынялі дзверы новыя навучальныя ўстановы, дзе рыхтаваліся кадры па новых спецыяльнасцях, неабходных для выканання плана мадэрнізацыі народнай гаспадаркі краіны.

Адной з такіх устаноў быў Віцебскі кінематаграфічны тэхнікум, які дзейнічаў у Віцебску з 1932 па 1941 г.

Тэхнікум быў створаны 1 лютага 1932 г. [1, с. 172], і ўжо ў верасні першыя студэнты прыступілі да заняткаў. Навучальная ўстанова змяшчалася ў доме № 23 па вул. Канатнай (Дзімітрава) [10, с. 13, 24] (у «Кнізе абанентаў тэлефонных сецзяў г. Віцебска на 1936 год» указаны дом № 93 па вул. Дзімітрава) [9, с. 26]. Тэрмін навучання ў кінатэхнікуме складаў тры гады, меліся два аддзяленні – кінатэхнічнае і сцэнарнае [4, л. 6]. Дырэктарам установы стаў Дыментман – у кінематаграфічным Віцебску асоба вельмі прыкметная. З 1924 г. (з моманту заснавання) Дыментман працаваў упаўнаважаным Белдзяржкіно па Віцебску, узначальваў гарадское і акруговае аддзяленні беларускага кінатрэста [2, л. 8].

Як сведчаць дакументы, навучэнцаў у кінатэхнікум набіралі па вярбоўцы. Інструктар кожнага кінатэатра меў пры сабе кантрольныя лічбы па вярбоўцы студэнтаў у тэхнікум [6, л. 43]. Набіралі іх не толькі з Віцебска, але і з іншых гарадоў рэспублікі – Гомеля, Бабруйска, Мінска і інш.

У 1932/1933 навучальным годзе ў тэхнікуме займаліся 74 студэнты: 34 – на сцэнарным аддзяленні і 40 – на кінатэхнічным. У першай групе з 34 чалавек 10 былі жанчыны, у другой – 18 з 40. Навучаліся ў тэхнікуме людзі розных нацыянальнасцей. На сцэнарным аддзяленні вучыліся 24 беларусы, 1 рускі, 6 яўрэяў, 2 палякі і 1 літовец. На кінатэхнічным аддзяленні было 27 беларусаў, 3 рускіх, 8 яўрэяў і 2 эстонцы. Навучанне вялося на беларускай мове, але для студэнтаў-яўрэяў меліся заняткі і на роднай мове [3, л. 14–15].

З 74 навучэнцаў камсамольцамі былі 27 чалавек (па адным чалавеку няма звестак). Адзін навучэнец – Талакоў (беларус, сын калгасніка) знаходзіўся ў партыі. Па сацыяльным паходжанні з 34 студэнтаў першага аддзялення 19 былі працоўнымі (з іх 1 – чыгуначнік), 6 – служачымі, 6 – калгаснікамі, 1 бядняк, 1 кустар (Пацехіна, яўрэйка, член УЛКСМ). На другім аддзяленні маладых людзей з працоўных было 23, са служачых – 5, з калгаснікаў – 10, з сялян (верагодна, аднаасобнікаў) – 1 (па адным чалавеку няма звестак) [5, л. 1–3].

На пачатку 1933 г. у штаце Віцебскага дзяржаўнага кінатэхнікума лічыўся 31 чалавек (адно месца загадчыка бібліятэкі заставалася вакантным) [3, л. 14–15].

Навучальная праграма складалася з 2520 гадзін (1080 – на першым курсе, 720 – на другім і 720 – на трэцім). Вывучаліся дысцыпліны: гісторыя класавай барацьбы, палітэканомія і гісторыя савецкай гаспадаркі, эканамічная геаграфія, уводзіны ў дыялектычны матэрыялізм, хімія з біялогіяй, нямецкая мова, ваенная падрыхтоўка, фізкультура, матэматыка, тэхналогія металу, станказнаўства, кіназнаўства, электратэхніка, арганізацыя кінавытворчасці, тэхніка бяспекі, родная мова і літаратура, графіка, машыназнаўства, кінематаграфія, геаграфія, дэталі кінаапаратаў, спецпраектаванне [4, л. 1].

Праграма навучання па асноўным напрамку – электратэхніцы – прадугледжвала наступныя тэмы: на першым курсе – электрыфікацыя, пастаянны ток, законы пастаяннага току, хімічнае дзеянне пастаяннага току, электраасвятленне, разлік правадоў, мантаж правадоў; на другім курсе – магнетызм і электрамагнетызм, электраіндукцыя, вымяральныя прылады, атрыманне току, асноўныя часткі дынамамашын, перадача электраэнергіі, нормы для правадоў, пераменны ток і генератары пераменнага току, трансфарматыры, пераўтваральнікі электратоку, разлік пераходаў і сетак трохфазнага току; на трэцім курсе – асвятленне кінаатэлье і праектаванне кінабудак [4, л. 8–12].

Курс «Тэхнікі прасоўвання фільма» складаўся з наступных тэм: аб’ём і месца, працягласць фільма, кінасетка, эканамічныя паказальнікі кінасеткі, тэрытарыяльны падзел, класіфікацыя кінасеткі, дыферэнцыяцыя тарыфаў, кінасеанс, нормы фільма ў межах патрэбы сеткі, фільмавыя фонды, тэхнічныя паказальнікі, рамонт фільмаў, улік рухаў фільмаў у эксплуатацыі, кальцавое і куставое абслугоўванне, рэпертуарны роспіс фільма, забеспячэнне, экспедыцыя, улік элементаў кінафікацыі [4, л. 123–124].

Асаблівая ўвага надавалася вывучэнню грамадска-палітычных дысцыплін. На іх засваенне давалася не менш за 300 гадзін [4, л. 6]. Наогул, увесь навучальны працэс быў у залежнасці ад выкладання гэтых прадметаў. У лісце Наркамасветы БССР ад 10 лютага 1932 г. «Усім дырэктарам індустрыяльных і с/г тэхнікумаў і УВЗ на базе сямігодкі» прапанавалася перагледзець навучальныя планы і метады ўліку працы «з пункту гледжання іх марксісцка-ленінскай вытрыманасці і павышэння якасці працы». «Улічваючы тое, што ў праграмах 1931–1932 навучальнага года па гісторыі УсеКП(Б) у сувязі з гісторыяй класавай барацьбы і асноўныя пытанні марксізму-ленінізму [маюць] антыленінскія ўстаноўкі – прапануецца тым тэхнікумам, якія гэтым яшчэ карыстаюцца без належнай перапрацоўкі, тэрмінова перапрацаваць, кіруючыся ўстаноўкамі т. Сталіна ў яго лісце ў часопіс “Пралетарская рэвалюцыя”. Карыстацца памянёнымі праграмамі без перапрацоўкі забараняецца» [4, л. 2].

Але і без гэтага навучальныя праграмы былі занадта заідэалагізаваныя. Гэта датычылася ў першую чаргу роднай мовы, літаратуры і гісторыі. У выкладанні гэтых дысцыплін па планах 1932–1933 гг. панаваў грубы вульгарна-сацыялагічны падыход, па якім, напрыклад, літаратура разгляда-

лася як «спецыфічны від класавай ідэалогіі, які служыць магутнай зброяй у класавай барацьбе» [4, л. 63].

Згодна з такім падыходам складалася праграма навучання. Вось такія тэмы прапаноўваліся да вывучэння: «Літаратура ліберальнага буржуазнага дваранства 20–40-х гг.» (Грыбаедаў «Гора ад розуму», Бязыменскі «Стрэл»), «Літаратура кансерватыўнага дваранства 30–60-х гг.» (Гогаль «Мёртвыя душы»), «Літаратура дробнаабшарнага шляхецтва на Беларусі» (Дунін-Марцінкевіч «Гапон»), «Літаратура ліберальнага дваранства 50–60-х гг., якая змагалася за прускі шлях развіцця капіталізму» (Тургенеў «Запіскі паляўнічага»), «Літаратура гандлёва-прамысловай буржуазіі 40–60-х гг.» (Астроўскі «Свае людзі»), «Літаратура буржуазіі, якая імкнулася прымерыць інтарэсы дваранства і буржуазіі» (Ганчароў «Абломаў»), «Літаратура рэвалюцыйнай і дробнай буржуазіі 60–80-х гг., якая змагалася за амерыканскі шлях развіцця» (Чарнышэўскі «Што рабіць?», Салтыкоў-Шчадрын) [4, л. 67].

У якасці вучэбнай літаратуры па роднай мове прапаноўваліся кнігі Леніна «Гаворкі і артыкулы па нацыянальным пытанні», Сталіна «Пытанні ленінізму», Энгельса «Дыялектыка прыроды» і «Анты-Дзюрынг», Лафарга «Мова і рэвалюцыя», Мара «Яфетычная тэорыя», «Мова і пісьменнасць», «Мова і мысленне», Прэзента «Паходжанне мыслення і гаворкі», Бузуна, Юргілевіча, Мацюкевіча «Навуковая граматыка» і г. д. [4, л. 95–96].

Заняткі ў кінатэхнікуме вяліся па брыгадна-лабараторным метадзе. На працу з настаўнікамі вылучалася 2160 гадзін на тры курсы, на брыгадныя заняткі – 1080 гадзін (па 15 дэкад на курсе). Акрамя таго, студэнты праходзілі бесперапынную вытворчую практыку з першага па трэці курс, па 15 дэкад на курс [4, л. 21].

Аб клопатах студэнцкага штодзённага жыцця мы можам меркаваць па захаваным шшытку з загадамі дырэктара Віцебскага кінатэхнікума за 1932–1933 гг. Так, згодна з загадам № 33 ад 10 мая 1933 г., § 3, «за самавольны ўход з вайсковых заняткаў» 28 красавіка студэнткам Разумовіч, Аўсюкавай, Янавіцкай, Галуза, Саладусе, Шаляпеня, Ганчаровай абвешчана вымова з занясеннем у іх асабовую справу [3, л. 25]. У § 6 «студэнт сцэнарнага аддзялення Сеганькоў як злосны прагульшчык адлічваецца з кінатэхнікума. Бухгалтару пры разліку ўлічыць грошы, затрачаныя на яго вучобу, праз судовыя органы спагнаць належную з яго суму» [3, л. 26]. Згодна з Загадам № 38 ад 29 мая 1933 г., студэнт групы «Б» Брук у сувязі з цяжкім сямейным становішчам адпускаўся дадому [3, л. 29].

Найбольшую цікавасць прадстаўляе § 7 Загада № 33 ад 10 мая 1933 г., па якім мы можам меркаваць аб настройх значнай часткі студэнцтва Віцебскага кінатэхнікума і метадах кіраўніцтва. «Кулацкая агітацыя “пісьменніка” Цярэшчанкі, злосныя прагулы студэнта сцэнарнага аддзялення Сечанкава, хваравітыя настроі сярод значнай часткі, недапушчальныя адносіны студэнта Жалізняка да майго намесніка тав. Пэна, падчас работы доказ наяўнасці

ў тэхнікуме рэшткаў безалабернасці, нядбайнасці, недысцыплінаванасці, а таксама спробы паасобных класава варожных элементаў сарваць работу тэхнікума. Самым бязлітасным чынам буду змагацца з найменшымі спробамі перашкодзіць рабоце тэхнікума, асабліва напрыканцы навучальнага года. Не сумнявайцеся, што аграмадная большасць студэнтаў пад кіраўніцтвам партыі і камсамольскай арганізацыі даб'ецца таго, каб тэхнікум выйшаў з прарыву, абвясціўшы рашучую барацьбу са зрыўшчыкамі вучобы» [3, л. 26].

Часам дырэкцыя навучальнай установы прымала да студэнтаў сапраўды рэпрэсіўныя меры. Напрыклад, па Загадзе па Віцебскім кінатэхнікуме ад 31 снежня 1935 г., § 4, «студэнта 1 курса гр. “А” Бярозкіна Сяргея за ўтойванне свайго сацыяльнага паходжання пры паступленні ў тэхнікум (сын Веліжскага папа) і адмаўленне гэтага пры высвятленні дадзенага факта 31.12.35 года – выключыць з тэхнікума. Перадаць н-ку міліцыі даведку Астроўскага сельсавета ад 27 чэрвеня 1935 г. як памылковую для прыцягнення да адказу» [5, л. 28].

Студэнты кінатэхнікума пражывалі ў Віцебску ў інтэрнаце па вуліцы Вялікай Камуністычнай, 6А [7, л. 1]. Будынак інтэрната знаходзіўся ў вельмі дрэнным стане, таму з 18 лютага 1934 па 23 мая 1935 г. у ім праводзіўся рамонт. Былі палепшаны санітарна-гігіенічныя ўмовы жыцця студэнтаў, абсталяваны два душы і два ватэрклазеты [7, л. 5]. Аднак рамонт не быў даведзены да канца, праблемы засталіся, і 9 снежня 1935 г. начальнік упраўлення капітальнага будаўніцтва Белдзяржкіно пісаў Дыментману, што вельмі здзіўлены яго няздольнасцю вырашыць пытанне аб будаўніцтве інтэрната [6, л. 98].

Студэнты кінатэхнікума праходзілі практыку ў розных установах рэспублікі. Напрыклад, 6 красавіка 1935 г. 22 студэнты былі размеркаваныя па Беларусі працаваць памочнікамі кінамеханікаў [6, л. 16]. 5 чалавек былі накіраваны на практыку ў Цэнтральную гукамантажную майстэрню ў Мінск з заробкам у 150 р. у месяц [6, л. 11].

Пасля атрымання дыплама выпускнікі навучальнай установы накіроўваліся на пастаянную працу ў гарады і вёскі Беларусі – Быхаў, Полацк, Асінторф, Мінск, Бабруйск, Рэчыцу, Гарадок, Гомель. Працавалі там загадчыкамі пракатных баз, тэхнікамі рамонтных баз, майстэрняў, тэхнікамі па эксплуатацыі. Некаторыя студэнты заставаліся ў Віцебску (кінатэатр «Пралеткіно») і на раёне (Сасноўка) [6, л. 85].

Першыя выпускнікі Віцебскага кінатэхнікума вызначаліся любоўю да працы, жаданнем хутчэй прыступіць да выканання службовых абавязкаў па выбранай прафесіі. У лісце да дырэктара кінатэхнікума Дыментмана інспектар кадрў Белдзяржкіно Альшэўскі пісаў 19 ліпеня 1935 г., што «студэнты кінафікатарскага аддзялення тт. Аўсюкоў і Сергіенка напісалі заяву аб тым, што не жадаюць быць у адпачынку, а хочуць працаваць» [6, л. 58]. Калі ацэньваць якасць работы навучальнай установы, то гэта найлепшы паказчык.

Акрамя вучэбнай работы Віцебскі кінатэхнікум выконваў і іншыя даручэнні. Так, напрыклад, пры дапамозе дырэкцыі кінатэхнікума ў кастрычніку – лістападзе 1940 г. калектывам артыстаў Другога Беларускага Дзяржаўнага тэатра дубліравалася на беларускай мове карціна «Ленін у 1918 годзе». Дубляж карціны быў закончаны датэрмінова і дабраяасна, і 30 снежня 1940 г. фільм быў прыняты Камітэтам па справах кінематаграфіі пры СНК СССР, які даў рабоце высокую ацэнку. Такую ж ацэнку фільму даў сакратар ЦК КП(б)Б т. Панамарэнка [8].

Такім чынам, можна адзначыць, што Віцебскі дзяржаўны кінатэхнікум, які працаваў у 1932–1941 гг., з’яўляўся адзінай на той час установай падобнага тыпу ў Беларусі, меў агульнарэспубліканскае значэнне, рыхтаваў кадры для кінафікацыі маладой рэспублікі. Тое, што менавіта Віцебск быў абраны для размяшчэння кінатэхнікума, гаварыла аб адной з вядучых роляў нашага горада ў культурным жыцці тагачаснай БССР. Нягледзячы на шматлікія недахопы, несправядлівасці, перагібы ў працы, выкліканыя атмасферай палітычнага жыцця ў СССР і становішчам краіны, тэхнікум змог даць беларускай нацыянальнай кінематаграфіі сапраўдных майстроў, улюбёных у сваю справу і Радзіму, якая дазволіла дзецям са звычайных працоўных сем’яў далучыцца да стварэння «найвялікшага з мастацтваў».

ЛІТАРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области и его филиал в Полоцке : путеводитель (1917–1941 гг.) / Архивное управление при СМ БССР, Архивный отдел Витебского обл. совета депутатов трудящихся ; сост. З. А. Журавлева, А. В. Сырцова. – Минск : Полымя, 1972. – 215 с.
2. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 366. – Воп. 2. – Спр. 1.
3. **ДАВВ**. – Фонд 1539. – Воп. 1. – Спр. 1.
4. **ДАВВ**. – Фонд 1539. – Воп. 1. – Спр. 5.
5. **ДАВВ**. – Фонд 1539. – Воп. 1. – Спр. 8.
6. **ДАВВ**. – Фонд 1539. – Воп. 1. – Спр. 18.
7. **ДАВВ**. – Фонд 1539. – Воп. 1. – Спр. 31.
8. **Кніга** абанентаў тэлефонных сецяў г. Віцебска на 1936 год. – Віцебск, 1936. – 54 с.
9. **Справочник** постового милиционера по городу Витебску 1935 года. – Витебск, 1935. – 44 с.
10. **Катовіч, Н.** Фільм «Ленін у 1918 годзе» на беларускай мове / Н. Катовіч // Віцебскі рабочы. – 1941. – 14 студз. (№ 11). – С. 4.

КУБАНСКАЯ ШКОЛА И РОДИНОВЕДЕНИЕ – КУБАНОВЕДЕНИЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Изучение исторического опыта развития народного образования на Кубани может способствовать преодолению основных проблем на путях развития этой сферы общественной жизни в современный период, стимулировать формирование гармоничной системы межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений в современном российском обществе.

В последние годы возрос интерес к региональной истории. Исследование тематики «родиноведения» в Краснодарском крае стало особенно актуальным после введения в школы обязательного изучения «Кубановедения» [1, с. 168–172]. Проводятся внеучебные и внешкольные краеведческие мероприятия, издаются учебные пособия и учебники по кубановедению, чтобы в процессе обучения школьник, накапливая знания об истории, культуре, экономике родного края, изучая традиции родной школы, станицы, накапливал свой интеллектуальный потенциал, который в дальнейшем позволит ему реализоваться как личности, стать полноценным гражданином своей Родины [2, с. 140].

Изучение территории, населения и народов Кубани началось сразу же после начала освоения и заселения кубанских земель в начале XIX в. [3]. И это совпало с началом деятельности первых школ и учителей Кубани. Первый просветитель Кубани К.В. Россинский в своей педагогической деятельности обращал внимание на обучение в школе истории родного края. Преподаватель екатеринодарского приходского училища В.Ф. Золотаренко написал первый очерк о Екатеринодаре и, несомненно, использовал материалы своего исследования в педагогической деятельности.

В пореформенный период, ознаменовавшийся коренной ломкой социально-экономических и политических отношений, происходила, с одной стороны, широкая колонизация Северо-Западного Кавказа русскими и другими переселенцами из внутренних губерний страны, а с другой, адаптация оставшихся на родине коренных жителей Закубанья к новым для них условиям проживания уже в составе Российской империи. В результате к началу XX в. среди всего населения Кубани казаки стали занимать в количественном отношении меньшинство, сохраняя между тем свое привилегированное положение во всех отраслях общественной жизни. Активно начинают изучаться казачьими чиновниками, краоведами-любителями проблемы истории и географии Кубанской области. Исследуются процессы не только казачьей жизни, но и местного черкесского, пришлого крестьянского населения, иностранных колонистов.

Процесс становления и развития народного образования Кубанской области во второй половине XIX – начале XX в., с одной стороны, был тесно связан с общероссийскими процессами в этой сфере общественной жизни, а с другой – определялся специфическими особенностями социокультурного положения Кубанской области.

С середины 1860-х гг. на Кубани наблюдается рост числа учебных заведений, для которых существовало обширное поле деятельности, учитывая то обстоятельство, что подавляющее большинство населения области было неграмотным и нуждалось хотя бы в получении элементарных образовательных навыков.

На качество образовательных услуг, предоставляемых в областных учебных заведениях, большое влияние также оказывало отсутствие профессионально подготовленных кадров кубанского учительства, которое еще только формировалось как определенный социальный слой.

В процентном соотношении в сети учебных заведений края преобладали мужские учебные заведения, что было связано с патриархальными традициями в областной жизни, а также церковные учебные заведения, что также объяснялось культурной, исторической и конфессиональной причинами, а также этнокультурным окружением неказачьего славянского населения Кубанской области. Это окружение долгое время оставалось враждебным к казачеству, что заставляло представителей последнего искать элементы консолидации в собственной религиозной и этнокультурной основе.

В 1871 г. на Кубани открывается первая Кубанская учительская семинария, начавшая выпускать необходимых региону подготовленных школьных учителей, ставшая примером организации и постановки всего педагогического дела.

После проведения либеральных реформ стала меняться сущность народного образования, в этот период появляется целая плеяда отечественных педагогических и научных деятелей. На Кубани особенно выделяется фигура Д.Д. Семенова, ставшего директором Кубанской, а затем Закавказской учительской семинарии. Д.Д. Семенов внес большой вклад в разработку вопросов начального и педагогического образования, добился открытия на Кубани и в Закавказье женских учебных заведений.

Женские образовательные учреждения в области долгое время были не развиты, и только с начала XX в. женское образование здесь получает ускоренное развитие, и в рамках образовательной сети Кубани появляются чисто женские учебные заведения, имеющие свои собственные специфические особенности.

Д.Д. Семенов еще до приезда на Кубань в Санкт-Петербурге издал шеститомную географическую хрестоматию «Отечествоведение», содержащую материалы о разных регионах России. В самой же Кубанской учительской семинарии изучалось «Отчизноведение».

Этноконфессиональная специфика Кубани проявлялась и в процессе распространения образования в среде казаков: процесс образования в учебных учреждениях дополнял семейное и войсковое воспитание и обучение традиционному «казацкому ремеслу» и представлял собой дополнительный фактор в воспитании казака – воина, патриота своей страны и области, служащего царю, охраняющему православную веру и границы Российского государства. Специфической была и сама атмосфера в казачьих школах: в них были распространены чинопочитание, церковное пение, а также предметы и дисциплины, имеющие непосредственное отношение к сельскому хозяйству, такие как земледелие, садоводство, огородничество, бывшие главными занятиями казака во время, свободное от военной службы. Были созданы три училища низшей категории в этой сфере: Вознесенская школа садоводства, огородничества и пчеловодства, Кубанская войсковая сельскохозяйственная школа и Екатеринодарская военно-фельдшерская школа.

Во второй половине XIX в. в связи с возросшим интересом к познанию своей страны совокупность знаний о родине получила название «отечествоведение». На его основе возникает «родиноведение» как деятельность и совокупность знаний, преследующая те же цели, но в расчете на малую территорию. Процесс развития и углубления краеведческой деятельности привел к формированию нового комплексного научного регионального направления «кубановедения», то есть «кубанского краеведения» как формы местного, регионального краеведения, которое в свое время зарождалось в виде «отечествоведения» и «родиноведения».

Характерной чертой деятельности лучших кубанских педагогов было стремление познать свой край, его природу, историю, людей. Среди первых кубанских этнографов, фольклористов, географов было немало учителей. Они публиковали свои заметки, статьи, очерки в «Кубанских областных ведомостях», в «Сборниках для описания местностей и племен Кавказа», «Кубанских сборниках» и «Известиях ОЛИКО». Участвовали в исследованиях Кубанского областного статистического комитета, в том числе по исследованию станиц по программе Е.Д. Фелицына.

Учителя принимали активное и деятельное участие в работе Общества любителей изучения Кубанской области, у истоков которого стояли В.М. Сысоев и А.Н. Дьячков-Тарасов. Учитель Кубанского Александровского реального училища В.Ф. Миловидов был одним из организаторов Народного университета в Екатеринодаре.

В начале XX в. начинают издаваться первые учебные пособия по родиноведению: «Кубанская область. Краткое изложение курса родиноведения» В.Г. Егорова, «Кубанские казаки. Пособие для учеников станичных школ» А.П. Певнева, «Наша Родина. Книга для классного чтения с казаками» И.Г. Колкова, «Географический очерк Кубанской области» Л.Я. Апостолова, «Очерки по кубановедению» Б.М. Городецкого и др.

В кубанских педагогических журналах начала XX в. учителя публиковали статьи, в которых обсуждали проблемы преподавания и использования родиноведения во внеучебной деятельности. Опубликованные статьи учителей и краеведов в журналах «Кубанская школа», «Школа и жизнь» дают представление об обсуждаемых проблемах использования регионоведения. На их страницах печатали свои работы многие передовые педагоги и общественные деятели, обсуждались важные вопросы общественной и педагогической жизни.

Т. Лапик, Д. Золотарев, С. Смолинский писали на страницах «Кубанской школы» об использовании родиноведения в практике кубанской школы. Свои суждения и выводы о кубанском краеведении представили П. Дмитриев в своей статье «К вопросу о программах двухклассовых училищ», Т. Лапик в «Изучении местного края в связи с педагогическими задачами», Д. Золотарев в «Родиноведении и учительстве», С. Смолинский в «Родиноведении, как учебном предмете высшего начального училища» и др.

Статьи Ф.А. Щербины «Темы для изучения Кубанской области», «Значение науки в деле любительского изучения края», опубликованные в «Известиях ОЛИКО», призывали любителей-краеведов заниматься родиноведением, внести свой вклад в научное развитие Кубани. Ф.А. Щербина в 1913 г. впервые ввел в употребление новый термин «Кубановедение», определив его как «Кубанское родиноведение» [1, с.169].

«Очерки по кубановедению» Б.М. Городецкого были обращены в первую очередь к учителям-краеведам, они дали общую, многоплановую характеристику Кубанской области.

О вносимой лепте любителей и любительских обществ в изучение Кубани рассказывала статья Е.М. Юшкина «Роль “любителей” в науке и краеведении и научная ценность любительских наблюдений».

Параллельно с зарождением краеведения на Кубани возникла туристско-экскурсионная деятельность. На развитие туризма оказали влияние местные социально-политические, религиозные, культурные и этнические факторы общественной жизни. Дальнейшее развитие региона, богатство его природных ресурсов, наличие историко-архитектурных и археологических памятников, создание музеев способствовали становлению и развитию туризма и экскурсий в Кубанской области.

К XX в. на Кубани появляется местная интеллигенция, развивается общественно-педагогическое движение, обязательное просвещение становится неотъемлемой частью государственной политики в регионе. Однако планомерное развитие образования в Кубанской области было прервано Первой мировой войной, начавшейся чередой революций и долгим периодом военного противостояния, но, как ни странно, даже в эти годы обсуждались проблемы преподавания родиноведения в кубанской школе, писались и издавались краеведческие работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Матющенко, П. П.** Кубановедение: зарождение и первые шаги в начале XX века / П. П. Матющенко // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия : 26 Адлерские чтения. – Краснодар, 2014. – С. 168–172.
2. **Матющенко, П. П.** Рождение кубановедения в школе XX века / П. П. Матющенко // Вестник архивиста Кубани : науч. историко-архивный альманах. – Краснодар, 2012. – № 7. – С. 138–141.
3. **Ратушняк, Т. В.** Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.) : монография / Т. В. Ратушняк. – Краснодар, 2013. – 267 с.

Миколаенко Н.Н. (г. Житомир, Украина)

ДЕТСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

В современных условиях большое значение имеет формирование профессиональной культуры будущих редакторов изданий для детей. В этом контексте представляется актуальным исследование становления и развития детских образовательных изданий. Очерченная проблема определена в поле научного поиска современных исследователей: С. Антонова, Н. Вернигора, Ю. Елисовенко, Е. Огара, Ю. Стадницка, М. Тимошик, Н. Шевченко и др. Цель нашей статьи: определить периоды становления и развития детских образовательных изданий и выяснить их роль в формировании профессиональной культуры будущих редакторов.

В Конвенции ООН о правах ребенка (1989) идет речь о праве детей на физическое, умственное, духовное, моральное, социальное развитие, получение образования и информации (ст. 6, 17, 23, 27, 28). Поэтому в каждом цивилизованном государстве существуют образовательные издания для детей. Именно книги формируют личность человека, и сегодняшние дети – это завтрашние взрослые, те взрослые, которые будут созидать этот мир.

Возникновение и развитие детских образовательных изданий мы исследовали, руководствуясь принципом диахронии, который используется в общественных науках, литературоведении в качестве исторического подхода к исследуемым явлениям [2, с. 337]. Применение данного принципа позволило выделить следующие периоды становления и развития детских образовательных изданий:

Первый период – преддверие книгопечатания (условно VII в. до н. э. – 1450 г. н. э.). Мы считаем, что предпосылками книготворения были «каменные книги», то есть надписи на камнях. Такой материал был долговечным, но очень громоздким, и нужно было тратить много времени и физических

усилий, чтобы высечь на нем тексты. Поэтому человечество искало более простые и практические материалы для письма. Писали на пальмовых листьях, бамбуке, на дощечках из глины, дерева, шелке, металле, коже.

Отметим, что в VII в. в Китае появляется первая ксилографическая книга. Гравюры и текст для такой книги вырезали на деревянной дощечке, и уже с помощью нее делали оттиск двух страниц на одной стороне листа бумаги, которая была изобретена китайцем Цай Лунси в 105 г. Например, греки и римляне к IV в. использовали дощечки или пластинки из слоновой кости, соединенные кольцами или ремнями. Такие книги, в зависимости от количества дощечек, называли диптихом – 2 дощечки, триптихом – 3 дощечки и полиптихом – много досок. Сегодня подобное связывание используется в календарях, записных книжках и т. п.

Широкое распространение книга получила в эпоху Средневековья. Например, при университетах организовывали мастерские по переписке книг – скриптории. Научные факты свидетельствуют, что между 1426 и 1440 годом, существовала книжная мастерская в нидерландском городе Гарлем, которую учредил Лауренс Костер. Однако книжки, изготовленные в мастерской Костера, не сохранились в полном объеме, а лишь во фрагментах. Изучая уцелевшие части, сохраненные в музеях стран Западной Европы, с наибольшей достоверностью научные работники допускают, что главным достижением мастерской Лауренса Костера было издание Эмиля Доната «Латинская школьная грамматика». От фамилии автора даже образовалось общее название – донатами называли все латинские школьные учебники [4, с. 31–32].

Таким образом, усилиями талантливых мастеров были выработаны принципы книжного искусства. Фактически скриптории и книжные мастерские были прообразами типографий. В данный период каждый автор рукописной или ксилографической книги под влиянием культуры своей эпохи лично определял качество изготовления книги, что можно считать первоосновами формирования профессиональной культуры редакторов.

Второй период – возникновение и распространение книгопечатания (первая половина XV – конец XVII в.). Точная дата рождения книгопечатания неизвестна, однако историки утверждают, что идею книгопечатания осуществил на практике немецкий изобретатель Иоганн Гуттенберг. В последнее время первенство Гуттенберга поставлено под сомнение новыми открытиями. Так, французские историки пишут о наличии книгопечатания в городе Авиньон (Франция) в 1444–1446 гг. Организатором типографии оказался приехавший из Праги Прокопий Вальдфогель, о котором пока больше ничего не известно. По данным украинского исследователя И. Михайлина, документально подтвержденная версия открытия книгопечатания связана именно с именем немецкого книгопечатника [3, с. 32–33].

Издательская продукция раннего периода развития книгопечатания характеризуется тенденцией к разнообразию тематического спектра изданий.

Уже с середины XVI в. можно отметить формирование следующей тематики: богослужебные, полемические (научные), учебные и др.

Появление образовательных детских изданий датируется 1574 г., когда Иван Фёдоров напечатал первый в Восточной Европе печатный учебник – «Букварь», используя известные рукописные пособия для изучения грамоты, грамматические статьи из рукописных сборников разного происхождения. После азбуки помещена подборка важнейших молитв, далее – отрывки из Книги притч Соломоновых о необходимости учебы, моральные сентенции [7, с. 107].

Много учебной литературы выпускали типографии при братских школах. Например, во Львовской братской типографии был издан сборник «О воспитании чад» (1609), а из богослужебных книг издавались те, которые были полезными в школьной учебе – «Часослов» (1609), «Псалтырь» (1615) [9]. С 1614 г. в Киево-Печерской лавре стала работать типография, которая сыграла большую роль в развитии образования, науки и культуры украинского народа. Вместе с теологической литературой в лаврской типографии издавали для братских школ буквари и грамматики, по которым обучались дети в школах церковнославянскому, греческому и латинскому языкам [1, с. 68].

Отметим, что первыми книжками с картинками для детей были издания Библии и букварей. В 1658 г. была выпущена книга Яна Амоса Коменского «Мир чувственных вещей в картинках, или Изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни», которая предназначалась для изучения детьми латинского языка как в школе, так и в семье. Впервые в истории образовательной литературы появилось издание с многочисленными иллюстрациями: 150 рисунков, выполненных самим Коменским с большим художественным мастерством. Учебник был переведен на многие языки и служил образцом книги для начальной учебы детей [5].

Таким образом, возникновение и распространение книгопечатания разнообразило тематический спектр изданий. Авторы одновременно были и редакторами печатной продукции. Они положили начало структуре учебной книги – это обусловило необходимость специальных знаний и умений (составляющие профессиональной культуры) относительно печати детских образовательных изданий.

Третий период – становление и развитие детских образовательных изданий (XVII – начало XX в.). В конце XVII – начале XVIII в., в годы царствования Петра I, в Московском дворе печати увидели мир учебники нового образца: «Букварь» Ф. Поликарпова-Орлова (1701), «Арифметика» Л. Магницкого (1703) и др. Например, «Арифметика» являла собой своеобразную энциклопедию знаний в области арифметики, алгебры, геометрии и тригонометрии [4, с. 332].

Развитие издательского дела в XVIII в. характеризуется началом цензуры украинских изданий. Цензуру испытали известные издания этого перио-

да: «Энеида» И. Котляревского (1798), «Грамматика малорусского наречия» О. Павловского (1818), «Опыт собрания старинных песней» М. Цертелева (1819), «Кобзарь» Т. Шевченко (1840), «Малороссийские песни», собранные и изданные М. Максимовичем (1827) [13, с. 230–235].

Развитие образовательных изданий ускорило появление воскресных школ. Так, в Киеве в преддверии 1859 г. открылась первая воскресная школа, а до 1862 г. в Украине их действовало свыше 110. Воскресные школы поддерживали передовые деятели культуры и издавали учебники для них. Так, Т. Шевченко подготовил и издал «Букварь южнорусский», П. Кулиш – «Грамматику», А. Кониский – «Шотницю» [1, с. 129].

На протяжении XIX–XX вв. был спрос на печатание словарей, однако среди изданий особенное место занимает четырехтомный «Словарь украинского языка», упорядоченный Б. Гринченко и изданный в четырех томах в Киеве в 1907–1909 гг. Словарь насчитывает свыше 68 тыс. слов из народного и письменного языка. Отметим, что в настоящее время словарем Б. Гринченко можно пользоваться благодаря сети Интернет [6].

Таким образом, становление и развитие детских образовательных изданий (XVII – начало XX в.) характеризуется появлением учебников нового образца, а также началом цензуры украинских книг. В этот период формируются признаки редакторской деятельности в процессе изготовления детских образовательных изданий, однако над детскими книгами в качестве редактора работали авторы текстов, художники, языковеды, полиграфисты.

Четвертый период – детские образовательные издания советского периода (1917–1991). Октябрьская революция обусловила глобальные изменения во всех областях общественной жизни. Политика советской власти была направлена на распространение идеологии этой власти, велась борьба с неграмотностью и др. Последнее обусловило необходимость создания большого количества печатной продукции: открыток, плакатов, газет, журналов, книг, учебников.

Создание в 1922 г. пионерской организации повлекло возникновение пионерских журналов «Барабан» (1923–1926; потом объединился с «Пионером»), «Юные строители» (1923–1925), «Юные товарищи» (1922), «Пионер» (1924); специальных журналов для сельских детей «Искорка» (1924–1933), «Дружественные дети» (1927–1953; в 1933–1937 гг. выходил под названием «Колхозные дети»).

Среди большого количества разнообразных детских и юношеских изданий времен Советского Союза отметим популярную детскую газету «Пионерская правда». Ее первый номер вышел 6 марта 1925 г. под редакцией Николая Бухарина. Газета дала толчок для развития многим писателям, которые дебютировали на ее страницах со своими произведениями [11].

Отметим, что в 60–70-е гг. XX в. со значительным ростом количества показателей полиграфической продукции активно развивается процесс фор-

мирования типологии изданий, которые с определенными изменениями приобретали современную форму. Поэтому разные виды изданий, рассчитанные на широкий круг читателей, в течение достаточно короткого времени приобретают совершенный вид по содержанию и структуре.

Следовательно, разнообразие детских образовательных изданий советского периода обуславливало необходимость специальной подготовки редакторов. Данный период предопределяет появление новой профессии – редактора детских образовательных изданий.

Пятый период – развитие детских образовательных изданий независимой Украины (1991 г. – настоящее время). Новый этап развития издательского дела начался с принятием Украиной независимости. Это подтверждают нормативные документы: Указ Президента Украины «О государственной программе развития национального книгоиздания и прессы» (26.02.1995); Закон Украины «Об издательском деле» (5.06.1998); Указ Президента Украины «О некоторых вопросах государственной поддержки книгоиздательского дела» (23.07.1998); Закон Украины «О дополнительных мероприятиях государственной поддержки книгоиздания и распространения» (9.11.2000) [10, с. 469–472]. Также в 2010 г. издан Указ Президента Украины «О Государственной премии Украины в отрасли образования», которая присуждается гражданам Украины за выдающиеся достижения в отрасли образования в разных номинациях. В частности, в номинации «Дошкольное и внешкольное образование» отмечают за создание пособий, детской литературы, которые отвечают современным требованиям и способствуют эффективному воспитанию детей. Также в номинации «Общее среднее образование» Государственную премию присуждают за создание учебников, учебно-методической литературы, которые отвечают современным требованиям и способствуют эффективному овладению знаниями [12].

Выделим позитивные тенденции развития издательского дела в целом и детских образовательных изданий в частности за последние десять лет: активное тиражирование учебных и детских изданий по всей Украине региональными издательствами; традиционное проведение книжных мероприятий: ярмарок, фестивалей, форумов, выставок, презентаций; достойное представление украинской книги на международном рынке; возникновение разнообразных конкурсов издательской продукции, направленной на формирование сознательного гражданина; оживленная деятельность библиотек относительно приобретения книжек именно украинских издательств.

Таким образом, типология, структура, тенденции развития детских образовательных изданий независимой Украины расширяются, совершенствуются, одновременно формируются и компоненты профессиональной культуры будущих редакторов детских образовательных изданий.

Становление и развитие детских образовательных изданий является сложным разносторонним процессом, испытывающим влияние многих фак-

торов исторического, социально-экономического и культурного характера. Детские образовательные издания являются важным элементом воспитания, формирования и социализации нового поколения, они активно взаимодействуют с разными институтами образования, науки и культуры. Это предопределяет необходимость формирования профессиональной культуры будущих редакторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бокань, В.** История культуры Украины : учеб. пособие / В. Бокань, Л. Полевой. – Киев : МАУП, 1998. – 232 с.
2. **Дидактические** требования / [Электронный ресурс] – Электронные данные. – Режим доступа: <http://psihelp.com/storya-pedagogki/29-pedagogchna-dyalnst-ta-teorya-komenskogo/176-didaktichn-vimogi.html>. – Дата доступа: 05.03.2015.
3. **Зведені** адміністративні дані про випуск книг і брошур в Україні у I півріччі 2013 року (за інформацією Державної наукової установи «Книжкова палата України імені Івана Федорова») / [Электронный ресурс] – Электронные данные. – Режим доступа: http://comin.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=106879&cat_id=34099. – Дата доступа: 10.02.2014.
4. **Исаевич, Я. Д.** Возникновение и развитие книгопечатания в Украине [Электронный ресурс] – Электронные данные. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/istkult2/ikult241.htm/>. – Дата доступа: 05.03.2015.
5. **Исаевич, Я. Д.** Литературна наслідство Івана Федорова / Я. Д. Исаевич. – Львов : Высшая школа, 1989. – 191 с.
6. **Колосовая, Е.** Когда появилась и о чем писала «Пионерская правда»? / Е. Колосовая // Школа жизни [Электронный ресурс]. – 2007. – 19 мая. – Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-5781>. – Дата доступа: 25.03.2015.
7. **Михайлин, И. Л.** История украинской журналистики. Период становления: от журналистики в Украине к украинской журналистике : учебник для высшей школы / И. Л. Михайлин. – 3-е изд., доп. и улучш. – Харьков : Флаг, 2005. – 320 с.
8. **Новый** энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия : РИПОЛ классик, 2004. – 1456 с.
9. **Овчинников, В.** История книги : Эволюция книжной структуры : учебное пособие / В. Овчинников. – Львов : Мир, 2005. – 420 с. ил.
10. **Словарь** української мови / упор. из дод. влас. матеріалу Б. Гринченко : в 4 т. [Электронный ресурс] – Электронные данные. – Режим доступа : <http://hrinchenko.com>. – Дата доступа: 28.03.2015.
11. **Тимошик, М. С.** История издательского дела : учебник / М. С. Тимошик. – 2-е изд., испр. – Киев : Наша культура и наука, 2007. – 496 с.
12. **Указ** Президента Украины «О Государственной премии Украины в отрасли образования» [Электронный ресурс] – Электронные данные. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/929/2010>. – Дата доступа: 10.04.2015.

ПЕТР И ПАВЕЛ ГУСАРЕВИЧИ

Жизненный путь Николая Яковлевича Никифоровского (1844–1910) изучен недостаточно полно. Это касается даже (как это ни странно) и витебского периода. Современные его исследователи, по сути дела, недалеко ушли от первой публикации, сделанной в 1960 г. В. Бондарчиком и И. Чигриновым [1]. Только в недавно вышедшей брошюре о Н.Я. Никифоровском в серии «100 выдающих дзеячаў беларускай культуры» [7] сделана попытка выявить и описать круг друзей и знакомых ученого. «Обладая мирным, незлобивым характером, он избегал ссор и несогласий, уклонялся от сближения и общения с теми, кто приходился ему слишком не по нутру», – писал о Николае Яковлевиче Никифоровском один из первых его биографов В. Стукалич. И, действительно, круг не только товарищей и друзей, но и даже простых знакомых Н.Я. Никифоровского был достаточно ограничен. В Витебске это были известный историк-краевед Алексей Сапунов (1851–1924), общественный деятель Владимир Стукалич (1856–1918), архивист и археограф Михаил Веревкин (1825–1896), журналист Игнатий Пилин (?–после 1906), педагоги Александр Масловский (1843–?) и Василий Златковский. Вне Витебска – инспектор 2-й виленской женской гимназии А. Занкович, этнограф, фольклорист, антрополог, литературовед и писатель Николай Янчук (1859–1921), филолог-славист, палеограф и этнограф Евфимий Карский (1861–1931), историк и археограф Дмитрий Довгялло (1868–1942).

Есть все основания считать, что к небольшому кругу знакомых (а может быть, и друзей) Николая Никифоровского в Витебске относились отец и сын Гусаревичи – люди незаурядные, но ныне, к сожалению, практически забытые. Николай Яковлевич Никифоровский и Петр Степанович Гусаревич окончили Полоцкую духовную семинарию, находившуюся в Витебске [8], практически в одно время: Никифоровский – в 1871 г., а Гусаревич – в 1867. Кроме того, Петр Гусаревич и отец Николая Никифоровского – Яков – уроженцы Велижского уезда Витебской губернии.

Наш интерес к личности П.С. Гусаревича начался с фотографии. Ирина Наумовна Гинзбург, коренная витеблянка, передала в фонды Витебского областного краеведческого музея фотографии и документы из семейного архива. Муж Ирины Наумовны – Борис Львович (1922–2012) и свекор – Лев Арсеньевич (1892–1962) тоже коренные витебляне, были врачами. Борис Львович долгое время (1955–1983) работал заведующим отделом здравоохранения Витебского района, главным врачом района, одновременно являлся главным врачом районной санитарно-эпидемиологической станции (1958–1979). Лев Арсеньевич – врач-дерматолог, много лет работавший в Витебском кожно-венерологическом диспансере (1929–1941, 1944–1960). На одной из фотогра-

фий, переданных в музей, Лев Арсеньевич сфотографирован в домашней обстановке вместе с пожилым благообразным мужчиной с длинной белой бородой. Кто это изображен, Ирина Наумовна не знала. А вот Аркадий Михайлович Подлипский, увидев фотографию, вспомнил, что ее показывал ему в свое время Борис Львович и называл фамилию знакомого Льва Арсеньевича. Спустя несколько дней Аркадий Михайлович вспомнил фамилию неизвестного – Гусаревич.

После обращения в справочную службу городской телефонной сети был получен номер единственного абонента с фамилией «Гусаревич» – Ария Игоревича Гусаревича. Позвонив и объяснив ситуацию, договорились с ним о встрече. На предъявленной фотографии Арий Игоревич сразу опознал своего деда – Павла Петровича Гусаревича. К сожалению, сын Павла Петровича и отец Ария Игоревича – Игорь Павлович умер буквально за несколько месяцев до моего звонка. Арий Игоревич любезно предоставил документы и фотографии из семейного архива. Это фотографии Павла Петровича и его семьи, трудовая книжка, газетная вырезка со статьей учителя биологии А. Лиоренцевича «Настаўнік і сябр», посвященной Павлу Петровичу [5]. Кроме того, в семье хранится ксерокопия некролога священнику Петру Гусаревичу – отцу Павла Петровича, опубликованного в 5-м номере газеты «Полоцкие епархиальные ведомости» за 1900 г. [13].

Петр Степанович Гусаревич родился в 1842 г. в селе Белавин Велижского уезда в семье священника. Как уже было отмечено, окончил Полоцкую духовную семинарию в 1867 г. Год спустя был рукоположен в священники. Первое место службы – церковь Архангела Михаила в Белаvine. В 1877 г. был переведен в Троицкую церковь в местечко Яновичи Витебского уезда. Как сказано в некрологе, все свои силы отец Петр Гусаревич отдавал на благоустройство церкви, прихода и развитие школьного дела. П.С. Гусаревичу пришлось восстанавливать сгоревшую церковь [14]. На пожертвования прихожан вокруг церкви была установлена железная ограда, построена колокольня, собраны средства на приобретение колоколов и иконы св. Феодосия Черниговского. Встреча и внесение иконы в храм было большим торжественным событием, отмеченным в «Полоцких епархиальных ведомостях» [9]. «Заботясь о благоустройстве церкви, покойный о. Петр не забывал и прихожан, он старался поднять их дух религиозный и утвердить хорошие нравы. <...> Усердная и полезная деятельность была замечена епархиальным начальством и покойный был награжден набедренником, скуфьею, камилавкою и наперсным крестом» [10]. Большое внимание Петр Степанович Гусаревич уделял развитию просвещения среди населения. «Школьное дело до конца дней покойный вел с большим успехом и любовью. Чтобы судить об этом, нужно обратить внимание на то, что было им принято в приходе и что им оставлено. В Яновичах, при его поступлении, была какая-то жалкая, трудно определить, – церковная или частная школа,

без всяких средств к существованию, с учителями без знания и назначения. С 1880 г. эта школа получает уже название церковно-приходской, а о. Петр становится ее заведующим и законоучителем, школа стала иметь своих определенных учителей, изыскивать средства на ее содержание, затем было построено для нее и здание. Возник вопрос об открытии второклассных церковно-приходских школ и вот, по ходатайству о. Петра Гусаревича, первая из них в Полоцкой епархии открылась в м. Яновичах, заведующим и законоучителем коей и был назначен покойный; в самом приходе Гусаревич открыл до 8-ми школ грамоты, которые в лучшем виде существуют и по сие время» [11]. С 1891 по 1896 г. он исполнял должность уездного наблюдателя церковных школ. За эти свои труды Священный Синод в 1892 г. наградил о. Петра Гусаревича Библией. Умер Петр Гусаревич 30 ноября 1899 г. В некрологе говорится, что «прихожане любили его за простоту и сердечное с ними обращение, ценили его труды и заботы о них и отзывчиво потому относились ко всем его начинаниям. <...> Отпевание и погребение покойного о. Петра, при громадном стечении народа, в присутствии всей семьи и родственников его, совершал 3 декабря местный благочинный 3-го Витебского округа о. Павел Сивицкий, в сослужении священников о. Адриана Хруцкого, о. Алексея Виноградова, о. Николая Пригоровского, о. Иоанна Далэ, о. Василия Основского и о. Иосифа Лиоренцевича, последний при гробе сказал слово, в котором обратил внимание присутствовавших на труды покойного и просил прихожан молиться за душу его. Тело покойного было опущено в могилу при церкви» [12]. Жена Петра Гусаревича Мария Прокопьевна умерла за полгода до смерти своего мужа. Точное количество детей в семье Петра и Марии Гусаревичей не установлено. В некрологе отмечено лишь то, что отец Петр «старался дать своим детям воспитание и образование и с большими трудностями, часто лишениями для себя, при помощи Божией, достиг возможного». Сыновья Петра Степановича, как и отец, учились в Витебской духовной семинарии. Списки выпускников дают возможность установить их имена: Андрей (год выпуска – 1890), Василий (1892), Алексей (1898), Павел (1907). Кроме того, в списках учащихся 1917 г. фигурируют Виктор, Георгий и Петр Гусаревичи.

Павел Петрович Гусаревич родился 11 марта 1885 г. в Яновичах. В 1907 г. он окончил Витебскую духовную семинарию и поступил в Юрьевский (Дерптский) университет, который окончил четыре года спустя [15]. Затем поступил в Ярославский Демидовский Лицей, который окончил в 1915 г. В этом же году П.П. Гусаревич был призван на военную службу, служил канониром в легкой артиллерии. После Октябрьской революции он добровольцем вступил в Красную Армию. После демобилизации в 1922 г. поступил в Витгосторг в Лекабюро Севзапгосторга по Гомельскому и Невельскому заготпунктам Лекабюро. В 1924 г. переведен в Лекабюро Севзапгосторга в Ленинград экспертом Лекабюро.

В упомянутой статье А. Лиоренцевича [2] говорится о том, что в это время П.П. Гусаревичем была написана книга «Лекарственно-технические растения, грибы и насекомые, которые имеют лекарственно-техническое значение», опубликованная в 1927 г. Найти эту книгу через Интернет в библиотечном фонде не удалось. Однако поиски дали другой результат – в электронном каталоге Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге фигурируют две брошюры данного автора, изданные в 1925 г.:

1. «Краткое руководство по сбору, сушке и хранению растений и насекомых, имеющих лекарственное и техническое значение по Северо-западной области» [4].

2. «Краткое руководство для Северо-западной области по сбору, сушке и хранению растений и насекомых, имеющих лекарственное, техническое значение, и грибов» [3].

В 1925 г. П. Гусаревич был переведен в Москву экспертом в Химфармторг. В 1927 г. он был назначен областным уполномоченным (инспектором) Ленинградской области по заготовке лекарственных трав. А два года спустя Павел Петрович перешел на педагогическую работу. И до 1938 г. он был учителем и завучем в Чернецовской СШ Невельского района Калининской области, где преподавал естественные науки и немецкий язык. В 1938–1939 гг. он был учителем в г. Шахты Ростовской области.

В предвоенные годы Павел Петрович возвратился в Витебск, работал лаборантом в Витебском пединституте. Во время Великой Отечественной войны П.П. Гусаревич был в эвакуации на Северном Кавказе в станицах Николаевской, Червленной и Терек, где работал учителем, преподавал естествознание, химию и немецкий язык.

Вернувшись в освобожденный от фашистов Витебск, Павел Петрович Гусаревич 14 ноября 1944 г. был назначен заместителем директора Ботанического сада. В 1947 г. он несколько месяцев работал по совместительству в Витебском областном историко-краеведческом музее (ныне – Витебский областной краеведческий музей) в отделе «Природа» [6]. В газетной публикации упоминается гербарий лекарственных растений, сделанный Павлом Петровичем для музея. К сожалению, до наших дней он не сохранился.

Последние семь лет своей трудовой деятельности П.П. Гусаревич работал учителем биологии в детской трудовой колонии.

Судя по газетной публикации, Павел Петрович был человеком увлеченным, вел большую общественную работу. До глубокой старости сохранял интерес к своей профессии биолога, работоспособность, бодрость духа. Много общался с учащимися, студентами, педагогами, детьми и взрослыми, давая советы по уходу и выращиванию растений, свойствам и использованию лекарственных растений, сбору и сушке гербариев, совершал экскурсии с детьми, воспитывая в них понимание и любовь к природе родного края.

Женат Павел Петрович был на Марии Федоровне Основской. Однако семейная жизнь не сложилась. После развода с женой сын Игорь (1930–2014) остался с отцом, который воспитывал его один. У Павла Петровича было двое внуков – Арий (1955 г. р.) и Олег (1961–2012). Умер Павел Петрович в 1972 г., похоронен в Витебске.

Внук Павла Петровича Гусаревича Арий Игоревич передал в музей некоторые документы деда, несколько книг из его библиотеки с собственноручными пометками Павла Петровича, учебные пособия, которые он использовал в своей преподавательской деятельности. В музей поступили копии фотографий П.П. Гусаревича и его семьи. Кроме того, у Ария Игоревича хранится альбом с фотографиями Витебска 1950–60-х гг. Их делал его отец Игорь Павлович. Данные снимки хорошего качества и являются ценным материалом по истории Витебска. Копии этих фотографий теперь также находятся в фондах Витебского областного краеведческого музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бондарчик, В. К.** Николай Яковлевич Никифоровский : очерк жизни и деятельности / В. К. Бондарчик, И. Г. Чигринов. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 104 с.

2. **Вероятно**, что священник Иосиф Лиоренцевич, участвовавший в отпевании Петра Степановича Гусаревича, и автор статьи о Павле Петровиче Гусаревиче – А. Лиоренцевич – родственники.

3. **Гусаревич, П. П.** Краткое руководство для Северо-Западной области по сбору, сушке и хранению растений и насекомых, имеющих лекарственное, техническое значение, и грибов / сост. П. П. Гусаревич. – 2-е изд. – Невель : Невел. заготов. пункт Лекабюро Севзапторга при СЗОУ НКВТ, 1925. – 15 с.

4. **Гусаревич, П. П.** Краткое руководство по сбору, сушке и хранению растений и насекомых, имеющих лекарственное и техническое значение по Северо-западной области / сост. П. П. Гусаревич. – Невель : Невел. заготпункт лексырья «Лекабюро» Севзапгосторга, 1925. – 15 с.

5. **Ліаранцэвіч, А.** Настаўнік і сябр / А. Ліаранцэвіч // Віцебскі рабочы. – 1960. – 13 марта.

6. **Личное** дело Гусаревича Павла Петровича // ВОКМ. – н/а 1508. – Л. 8.

7. **Падліпскі, А.** Мікалай Нікіфароўскі: даследчык народных звычаяў і фальклору / А. Падліпскі. – Мінск, 2015. – 64 с.

8. **Полоцкая** духовная семинария в декабре 1871 года была переименована в Витебскую духовную семинарию.

9. **Полоцкие** епархиальные ведомости. – 1900. – № 5. – С. 238–242.

10. **Полоцкие** епархиальные ведомости. – 1899. – № 3. – С. 160–164.

11. **Полоцкие** епархиальные ведомости. – 1900. – № 5. – С. 240–241.

12. **Полоцкие** епархиальные ведомости. – 1900. – № 5. – С. 241.

13. **Полоцкие** епархиальные ведомости. – 1900. – № 5. – С. 242.

14. **Троицкая** церковь в Яновичах была восстановлена в 1885 г. Храм был кирпичный, двухкупольный. В 1937 г. Троицкая церковь была закрыта, с ноября 1941 вновь открыта, но в октябре 1943 г. была сожжена немцами.

15. **Упомянутый** Лев Арсеньевич Гинзбург также окончил Юрьевский университет (медицинский факультет).

БЕЛАРУСКІЯ МЯСЦІНЫ ДАЎГАЎПІЛСА

У лістападзе 1990 г. пры Балта-славянскім таварыстве г. Даўгаўпілса быў створаны беларускі клуб, на аснове якога ў ліпені 1993 г. у Міністэрстве юстыцыі афіцыйна зарэгістравана беларуская арганізацыя – культурна-асветніцкае таварыства «Уздым». Мэтай стварэння было прадстаўленне і абарона інтарэсаў беларусаў Даўгаўпілса і Латгаліі ў кіраўніцтве Латвіі. Пры таварыстве былі ўтвораны калектывы: «Купалінка» (гурт народнай песні), танцавальны калектыў «Лянок», тэатральная студыя «Паўлінка», эстрадны ансамбль «Ластаўкі». Стала працаваць няздзельная беларуская школа, мэтай якой было вывучэнне беларускай мовы, народных традыцый, гісторыі.

Краязнаўцы таварыства пачалі збіраць гістарычныя матэрыялы і звесткі пра сваіх папярэднікаў і іх працу на беларускай ніве ў Латвіі ў розныя часы. Праходзілі сустрэчы з ветэранамі беларускага руху Латгаліі. Матэрыялы пра гэта друкаваліся ў розных перыядычных выданнях Латвіі, Беларусі і асобнымі кнігамі. Па ўспамінах старажылаў і дакументальных матэрыялах былі пазначаны шматлікія мясціны горада Даўгаўпілса, крэпасці, звязаныя з дзейнасцю беларускіх арганізацый, устаноў і знакавых беларусаў Латгаліі.

Гісторыя горада цесна пераплятаецца з гісторыяй суседняй Беларусі, як сучаснай, так і старажытнай. Беларусы здаўна жылі, працавалі і вучыліся ў Даўгаўпілсе. Найбольш ярка яны праявілі сябе ў 20–30-я гады XX ст. Ад гэтага часу засталася шмат цікавых матэрыялаў. Сведчанні больш ранніх часоў чакаюць сваіх даследчыкаў.

Наша апавяданне пойдзе пра мясціны Даўгаўпілса. Будынак Дзвінскай дзяржаўнай беларускай гімназіі на Варшаўскай вуліцы, 16. Існавала гімназія ў 1922–1939 гг. Урачыста адкрыта 3 снежня 1922 г. дзякуючы намаганням сяброў беларускага культурна-асветніцкага таварыства «Бацькаўшчына». Дырэктарамі гімназіі былі: І. Краскоўскі (1922–1925), С. Сахараў (1925–1932), дэкан Дагдзенскага касцёла ксёндз Я. Чаман (1932–1935), ксёндз Я. Плоніс (1935–1939). Выкладчыкі: П. Мядзёлка-Грыб, А. Якубецкі, У. Пігулеўскі, У. Раткін і І. Фёдараў, святары Сава Трубіцын, Язэп Гайлевіч і інш.

Вывучаліся беларуская, латышская, руская, лацінская і нямецкая мовы, гісторыя, матэматыка, хімія з мінералогіяй, псіхалогія і логіка і інш. У гімназіі дзейнічалі літаратурна-гістарычны, мастацкі, фатаграфічны, радыётэхнічны гурткі, хор, балалаечны аркестр, выдаваўся на гектографе вучнёўскі часопіс «Школьная праца». Меўся невялікі гістарычны музей, дзе нават захоўваўся фрагмент слускага пояса, падараваны В. Ластоўскім. Вучні збіралі фальклор, выступалі з лекцыямі і канцэртамі, ладзілі спектаклі па п’есах беларускіх і латышскіх аўтараў. Пры гімназіі існаваў 45-ы скаўцкі атрад. Цесную сувязь з гімназіяй падтрымлівалі Я. Райніс, В. Сэйле, Б. Брэжга, К. Езавітаў.

Пры гімназіі працавалі таксама механічная, слясарна-такарная і шавецка-ткацкая майстэрні пад кіраўніцтвам інжынера Я. Комісара, адны з лепшых у горадзе.

У савецкі час будынак капітальна перабудавалі, з'явіўся трэці паверх, а таксама кватэры для гараджан. Аб былым сведчыць усталяваная сябрамі таварыства «Уздым» памятная дошка на гэтым будынку.

Недалёка ад гімназіі знаходзіцца прыгожы будынак «Віла Ксенія». У міжваенны час у ім размяшчаліся кватэры настаўнікаў, якія працавалі ў гімназіі. Кватаравала, дарэчы, першая выканаўца ролі Паўлінкі па п'есе Янкі Купалы «Паўлінка» – Паўліна Мядзёлка-Грыб.

Многія вучні гімназіі прыязджалі з вёскі, мелі патрэбу ў месцы пражывання. Таму кіраўніцтва беларускай гімназіі зняла ў арэнду пад інтэрнат прыгожы 2-павярховы будынак на Жалезнадарожнай вуліцы, 24. У трох кватэрах з 15 пакоямі жылі навучэнцы, а ў 4-пакаёвай – настаўнікі. Назіраў за парадкам у інтэрнаце справавод гімназіі І. Фёдараў, які стала жыву ў гэтым будынку. Цікава, што пабраўся ён шлюбам з дзяўчынай з роду вядомых у горадзе Мітрафанавых.

Недалёка ад інтэрната знаходзіцца знакамітая ў горадзе турма «Белы лебедзь». Там у розныя часы працавалі і былі ў зняволенні беларусы. У пачатку 90-х гг. XX ст. камендант турмы, урадженец Беларусі, палкоўнік-лейтэнант Фёдараў прапанаваў беларускаму таварыству: «Будзе цяжка, звяртайцеся ў турму – дапаможам». У сярэдзіне 20-х гг. XX ст. тут трымалі беларусаў, затрыманых па так званым Беларускім працэсе: К. Езавітава, М. Талерку, І. Краскоўскага, А. Якубецкага і інш. Цераз дарогу знаходзіцца будынак Латгальскага суда, дзе разглядалася гэта справа. Беларусаў абвінавацілі ў намерах аддзяліць Латгалію ад Латвіі. Суд доўжыўся некалькі месяцаў, у выніку беларусы былі поўнасьцю апраўданыя, але на ўсялякі выпадак тыя, хто меў нелатвійскае грамадзянства, былі высланы з Латвіі.

Захаваўся на вуліцы Страдніеку будынак, у якім у пачатку XX ст. працавалі беларускія настаўніцкія курсы. На іх запісалася больш за 70 чалавек, закончыць змаглі толькі 25. Зараз будынак цяжка пазнаць: надбудаваны 3-ці паверх, цагляныя сцены таўшчынёй у 70 см уцэплены па еўрапейскіх тэхналогіях. Зараз тут праходзяць заняткі Латгальскага транспартнага каледжа.

У 1922 г. у горадзе была адкрыта беларуская пачатковая школа пад кіраўніцтвам Андрэя Якубецкага. Размяшчалася яна спачатку ў будынку гімназіі, потым працавала на Стараверскай, 53 пад кіраўніцтвам Кастуся Александровіча. У 1923 г. у школе вучылася 175 дзяцей. Пасля смерці Александровіча дырэктарам стаў працаваць вядомы ў горадзе А. Барткевіч. Самы працяглы час школа працавала ў цяглым 2-павярховым будынку на Ковенскай вуліцы, 98. Пры савецкай уладзе гэты будынак знеслі, але на гэтым месцы так нічога не пабудавалі... Засталася толькі сцяна, якая падпірае суседні дом.

У час вайны, у непрацяглы пасляваенны час беларуская школа працавала ў будынку на Ковенскай, 8. Зараз у гэтым будынку таксама знаходзіцца школа. Недалёка ад скрыжавання вуліцы Венібас на Імантас, захаваўся 2-павярховы цагляны будынак, у якім немцы ў час вайны дазволілі адкрыць Упраўленне беларускіх школ. Кіраўніком працаваў А. Махноўскі. Калі па даносе вядомы настаўнік Эдвард Вайвадзіш быў высланы ў канцлагер на востраў Руген, яны змаглі дабіцца яго вызвалення. Да самай смерці захоўваў Э. Вайвадзіш свой лагерны нумар на самаробным шнурку.

З крэпасцю ў горадзе звязаны імёны вядомых палітычных дзеячаў К. Езавітава, С. Булак-Балаховіча. Тут таксама трымалі затрыманых удзельнікаў паўстання 1863 г. у Беларусі і Літве. У 30-я гг. XX ст. мясцовыя газеты пісалі пра невядомыя магілы, знойдзеныя ў чыгуначным трохкутніку. Паліцыя дала заключэнне, што тут пахаваны расстраляныя паўстанцы 1863 г.

З дынабурскімі езуітамі цесна звязаны ўраджэнец раёна, філосаф Станіслаў Шадурскі (1726–1789 гг). Навучаўся ў езуіцкіх калегіумах Вільні, Оршы, Парыжа. Працаваў прафесарам філасофіі ў Навагрудскім і Варшаўскім калегіумах. З’яўляецца найбольш вядомым прадстаўніком натурфіласофіі другой паловы XVIII ст. Яму належаць філасофскія творы «Прынцыпы філасофіі мыслення і адчуванняў» (1758 г.), «Фізіка, або Філасофія прыроды». У 1773 г. Шадурскі выйшаў з ордэна езуітаў.

У будынку былой бальніцы Чырвонага крыжа, на Варшаўскай вуліцы, ля чыгуначнага пераезда, у красавіку 1931 г. на 29-м годзе жыцця памёр ад сухотаў малады беларускі пісьменнік ураджэнец г. Дзвінска Віктар Вальтар. Ён вучыўся ў Празе, працаваў настаўнікам у беларускіх школах. Напісаў апавяданні і раман «Народжаны пад Сатурнам». Зараз будынак бальніцы займае маладзёжная арганізацыя.

Гісторыкам таварыства «Уздым» М. Паўловічам сабраны значныя калекцыі матэрыялаў па гісторыі беларускага руху. Шмат рэдкіх і цікавых матэрыялаў падараваны музеям Мінска, Браслава, Віцебска, Мёраў, Германавічаў, Даўгаўпілса, Кrasлавы.

Струнчанка А.А. (г. Віцебск)

АДЛЮСТРАВАННЕ ЖЫЦЦЯ І ДЗЕЙНАСЦІ І.А. МАНЬКОЎСКАГА НА СТАРОНКАХ ЧАСОПІСА «РУССКАЯ СТАРИНА»

Публікацыі ў часопісах на гістарычную тэматыку адлюстроўваюць стан і дынаміку развіцця навукі, бо з’яўляюцца важным інструментам у распаўсюджванні актуальнай рэтраспектыўнай інфармацыі. У дадзеным артыкуле разглядаецца гістарычны часопіс «Русская старина» як крыніца

па даследаванні гісторыі Прыдзвіння на прыкладзе вывучэння жыцця і дзейнасці грамадскага і дзяржаўнага дзеяча Віцебшчыны Ігната Антонавіча Манькоўскага.

«Русская старина» – штомесячны гістарычны часопіс, што выходзіў у Пецярбургу ў 1870–1918 гг. Быў заснаваны Міхаілам Сямёўскім, які выдаваў і рэдагаваў выданне ў 1870–1892 гг. пры ўдзеле роднага брата Васіля Сямёўскага. Наступнымі рэдактарамі былі гісторыкі Мікалай Шыльдэр, Мікалай Дубровін, Сяргей Зыкаў, Павел Воранаў. Часопіс атрымаў усеагульнае прызнанне ў колах рускага грамадства і стаў папулярным выданнем у Расіі таго часу. Архіў часопіса «Русская старина» знаходзіцца ў Інстытуце рускай літаратуры Расійскай акадэміі навук (Санкт-Пецярбург).

Матэрыялы, апублікаваныя на старонках часопіса «Русская старина» (мемуары, эпістальная спадчына, гістарычныя нарысы, біяграфіі, дакументы) адрозніваюцца вялікай разнастайнасцю. Асноўнай мэтай часопіса было вывучэнне рускай гісторыі, пачынаючы з часоў Пятра I, але ў ім змешчаны і арыгінальныя даследаванні па гісторыі дапятроўскай Русі. У часопісе апублікавана нямала матэрыялаў, так ці інакш звязаных з гісторыяй нашай краіны, у тым ліку і Прыдзвінскага краю.

Найбольш значнай для краязнаўства Віцебскага раёна (у дадзеным выпадку аграгарадка Мазалава) у часопісе «Русская старина» з’яўляецца інфармацыя, звязаная з жыццём і дзейнасцю Ігната Манькоўскага [4; 5].

Вядома, што Ігнат Антонавіч нарадзіўся на Віцебшчыне ў 1765 г. у сям’і дробнага шляхціца. Пасля навучання ў езуіцкім калегіуме ў 1783 г. ён паступіў на дзяржаўную службу.

Здольнасці дазволілі Манькоўскаму зрабіць добрую кар’еру. Спачатку ён – дарадца губернскага кіравання, потым становіцца калезскім асэсарам, службыць старшынёй дэпартаменту ў Магілёўскім губернскім магістраце. Займаў Ігнат Антонавіч і пасады віцебскага губернскага пракурора, віцэ-губернатора Віцебскай губерні, пра што сведчаць «Нататкі» Дабрыніна 1812–1815 гг., апублікаваныя ў гістарычным часопісе «Русская старина» (1871 г., том IV): «...По случаю смерти вице-губернатора г-на Сушки, заступил губернский прокуроръ Маньковский. Я не долженъ пропустить въ молчаніи того, что онъ въ сіе, хотя краткое, но еще смутное и отчетистое время, показалъ себя неусыпнымъ и взыскательнымъ, съ благоразуміемъ...».

Таксама ў «Русской старине» ад 1882 г. у раздзеле «Императоръ Павелъ и его время» можна прачытаць легендарную гісторыю, што адбылася з Манькоўскім у 1797 г. Яна стала вядомай ва ўсёй Расійскай Імперыі і звязана з вялікім каханнем 30-гадовага Ігната да прыгажуні-дачкі колішняга камергера апошняга караля Рэчы Паспалітай, стацкага саветніка Антона Макавецкага (меў землі ў Магілёўскай губерні), якую звалі Рахель.

Пляменнік Ігната Антонавіча Канстанцін Манькоўскі ў сваёй нататцы прыводзіць першы рэскрыпт ад «февраля 17-го 1797 года» – «письмо

государя къ Маковецкому», дзе Павел I адзначыў: «...сь моей же стороны, для поспешества оному, пожаловалъ я жениху чинъ, место и деревню...». Зразумела, пасля гэтага ў хуткім часе згулялі вяселле. Праз некаторы час выйшаў другі рэскрыпт, у якім Манькоўскаму надаваўся чын надворнага саветніка, і ўказ аб падараванні яму ў Віцебскай губерні Бусеўскага маёнтка («въ 12-ти верстахъ отъ Витебска»), побач з якім размяшчалася в. Мазалава. Канстанцін Манькоўскі піша, што гэтую зямлю «...купилъ у Талькэ (прозвішча мясцовага шляхціца. – *Аўт.*) мой дядя; на приданное полученное за женою, построилъ каменный двухъ этажный домъ. <...> далъ этой новой усадьбе названіе “Милой”...». І нездарма ягоны пляменнік у сваіх мемуарах піша: «Шырокія пакоі яго дома мэбляваны былі вельмі проста, – і толькі на сцяне ў гасцінай, над сафою, займаў ганаровае месца ў пазалочанай раме партрэт імператара Паўла І».

Манькоўскі вызначыўся яшчэ і ў час вайны 1812 г. Пра вынікі знаходжання напалеонаўскіх войскаў у Віцебску ён расказаў у лісце ў рэдакцыю пецябургскага часопіса «Сын Отечества», дзе асуджаў агрэсію і наогул усе захопніцкія войны [7].

Ігнат Антонавіч знаходзіў час для таго, каб весці гаспадарку ў сваім Мілым, калі пасля адстаўкі ў 1817 г. канчаткова пасяліўся ў сядзібе. Манькоўскі быў блізім да дзеячаў Асветніцтва, аб чым сведчыць той факт, што ў 1830 г. ён прыняў удзел у конкурсе, абвешчаным пецябургскім Вольным эканамічным таварыствам, за што ў 1831 г. яго адзначылі залатым медалём у 30 чырвонцаў. У сваім сачыненні славуты Ігнат Антонавіч падсумаваў уласны досвед сельскага гаспадара і глыбокага знаўцы народнага жыцця, а таксама патрабаваў паляпшэння побытавых умоў сялянства, выказаў каштоўныя думкі па пытаннях сельскага будаўніцтва, жывёлагадоўлі, ветэрынарыі, санітарыі, аховы прыроды... Так, ён клапаціўся аб дабрабыце сваіх прыгонных, рамантуючы ім хаты ды перарабляючы іх з «чорных» (дымных) у «белыя» з печамі і камінамі. Актуальная і сёння думка Манькоўскага аб неабходнасці берагчы лес, шукаць у Беларусі крыніцы паліва, карысныя выкапні, каменны вугаль. Гэта ці не першыя зафіксаваныя на паперы на тэрыторыі Беларусі геалагічныя і экалагічныя ідэі. У працы змешчана шмат цікавых этнаграфічных назіранняў. Так, Манькоўскі дае апісанне вясельнага абраду на Віцебшчыне. Праца выйшла пасля смерці Ігната Антонавіча ў «Трудах» згаданага таварыства ў 1833 г.

Дзякуючы ж патрыётам-краязнаўцам – Дзмітрыю Газіну [2; 3], Мікалаю Півавару [6], Дзянісу Юрчаку [9; 10; 11; 12], Людміле Нікіцінай, Ірыне Выхадцавай [1] і іншым, імя Манькоўскага жыве і сёння. У 2013 г. выйшаў зборнік гістарычных нарысаў Людмілы Рублёўскай «Рыцары і дамы Беларусі», дзе змешчаны нарыс «Як цар Ігната ажаніў», у якім у мастацкай форме адлюстроўваецца гісторыя нашага героя [8]. У дзень святкавання

90-годдзя Віцебскага раёна ў аграгарадку Ноўка была адкрыта алея знакамітых людзей, дзе сёння ёсць помнік і Ігнату Манькоўскаму. Традыцыйным стала правядзенне раённага свята гульняў ды ігрышчаў «Мазалаўскі карагод гульняў» на тэрыторыі помніка архітэктуры XIX ст. – сядзібы «Мілае».

ЛІТАРАТУРА

1. **Выхадцава, І.** Завочнае падарожжа ў Мілае / І. Выхадцава // Жыццё Прыдзвіння (Віцебскі раён). – 2005. – 5 красавіка (№ 25). – С. 3.
2. **Газін, Д.** А как звучало – «Мілое»: [усадьба І. Маньковскаго] / Д. Газін // Жыццё Прыдзвіння (Віцебскі раён). – 2007. – 27 кастрычніка (№ 81). – С. 2.
3. **Газін, Д. Р.** Мазалаўская «Швейцарыя» / Д. Р. Газін. – Віцебск, 1993. – 8 с.
4. **Императоръ** Павелъ и Игнатій Маньковскій // Русская Старина. – 1882. – Кн. 8. – С. 413–417.
5. **Жизнь** Гавріила Добрынина имъ самимъ писанная 1752–1823 // Русская старина. – 1871. – Октябрь. – С. 311–377.
6. **Півавар, М.** Нададзены статус гісторыка-культурнай спадчыны: [сядзібнаму дому былой сядзібы «Мілае» ў в. Мазалава] / М. Півавар // Жыццё Прыдзвіння (Віцебскі раён). – 2009. – 10 студзеня (№ 2). – С. 6.
7. **Письмо** изъ Витебска / И. А. Маньковскаго // Сынъ Отечества, историческій и политическій журналъ. – 1813. – Часть шестая. – С. 3–17.
8. **Юрчак, Д. В.** Усадьба И. А. Маньковскаго «Мілое»: история создания, первоначальный облик и перспективы восстановления / Д. В. Юрчак, Ю. В. Юрчак // Искусство и культура. – 2013. – № 3. – С. 69–73.
9. **Юрчак, Д. В.** Публикации Игнатия Маньковскаго на страницах российских периодических изданий XIX века / Д. В. Юрчак, Ю. В. Юрчак // Актуальные проблемы источниковедения : материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты, Минск – Витебск, 9–11 октября 2013 г. / Витебск. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (глав. ред.) [и др.]. – Витебск, 2013. – С. 161–164.
10. **Юрчак, Д. В.** Усадьба И. А. Маньковскаго «Мілое»: история создания, архитектурные особенности и перспективы использования здания / Д. В. Юрчак, Ю. В. Юрчак // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навуковай канф. / Упр. ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск, 2013. – С. 233–236.
11. **Юрчак, Д. В.** Игнатий Маньковский и его наследие / Д. В. Юрчак, Ю. В. Юрчак // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях : праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця : зб. навук. арт. – Гомель, 2013. – С. 9–17.
12. **Рублевская, Л.** Как царь Игната женил [Электронный ресурс] / Л. Рублевская // Беларусь Сегодня. – Режим доступа: <http://www.sb.by/post/110481/part/5/>. – Дата доступа: 23.07.2013.

ЗАПИСКИ ИЗ БЛОКНОТА, ИЛИ ПРОГУЛКА ПО УЛИЦЕ ЧЕХОВА

Маленькая улочка. Всего-то 300 м! 300 метров из истории древнего Витебска... Здесь в единое связывается старое и современное. Если бы камни могли говорить, рассказали бы о грохоте повозок, везущих сырье для фабрик или продукты на близлежащий рынок, о шуме уличных торговек, степенных витебских мещанах, вечно куда-то спешащих школяров, о радостях и бедах простых людей. В общем-то шла обычная жизнь маленького губернского города.

Место, о котором пойдет речь, древнее. Между улицами Чехова и Грибоедова сохранилось городище днепро-двинской археологической культуры (II в. до н. э – II в. н. э.), которое было открыто и обследовано Г.В. Штыховым.

Современная улица Чехова, ранее 1-я Ветряная, находилась почти на окраине города и до начала XIX в. имела произвольную застройку. При до-революционном административно-территориальном делении она относилась к первому административному району Витебска. Современная же улица расположена в Октябрьском районе, жители города относят ее к району Песковатика, что отразилось в одном из старых названий – Песковатикская набережная. Улица Чехова отмечена на планах Витебска от 31 декабря 1863 г. и 1904 г. Однако свою историю она начала еще в XVIII в. Отрезок от бывшего Смоленского рынка (ныне площадь Ленина) до улицы Кривой (ныне улица Кутузова) был застроен в XIX – начале XX в. Свое название 1-я Ветряная получила от ветряной мельницы, принадлежавшей витебским хлеботорговцам Боруновым.

Улица расположилась на высоком живописном берегу Западной Двины. В ее районе протекал Слизкий ручей. Через овраг было построено два моста, один из них – на средства витебского предпринимателя Будникова. Русло ручья было частично взято в специальные бетонные кольца и засыпано. Сейчас на этом месте расположился небольшой сквер.

В середине XVIII в. здесь находился хутор купцов Боруновых. Владельцы хутора были именитыми гражданами Витебска. Вот как о них писал Н.Я. Никифоровский: «Боруновы в Витебске были людьми далеко не бедными: торговый дом купца второй гильдии Федора Борунова располагал земельным владением в городе в 4 десятины и 701 квадратную сажень». Знаменитая мельница, по словам Н.Я. Никифоровского, «была каменным неуклюжим строением усеченно-конической формы с деревянным колпаком, откуда еще торчали полуразрушенные мельничные крылья и приспособления для поворота колпака и крыльев в подветренную сторону, а у подножия ее держались деревянные при башне мельничные службы» [3, с. 62].

Особую славу этой семье принесла Отечественная война 1812 г., во время которой Борунов пожертвовал на военные нужды русской армии 60 пу-

дов снастей, 4 бочки смолы, 500 пудов пакли и провианта. [3, с. 63–64]. Как свидетельствовал Н.Я. Никифоровский, в числе 34 горожан, награжденных за помощь русской армии во время Отечественной войны, были Протасий и Федор Боруновы. Сын последнего, Сергей, отличился при освобождении Витебска от французских войск. Отняв у француза ружье, он бросился на отряд французов численностью в 30 человек и погнал их по Смоленской улице (часть улицы Ленина от площади Свободы до площади Ленина). Испугавшись, французы побросали ранцы и ружья и бросились наутек. После освобождения Сергей Борунов помогал искать спрятавшихся неприятелей и припрятанный ими провиант [3, с. 64].

К сожалению, род Боруновых закончился в 1850-е гг. В книге «Странички из недавней старины города Витебска» Николай Яковлевич описал последнего представителя этого замечательного рода: «Глубокий старик с густой лопатистой бородой, в синей русского покроя свитке, широкополой летом шляпе, опираясь на палку, появлялся так редко, что многие не подозревали о его существовании; будучи уже совершенно безродным, он не имел уже житейских связей и только по христианскому человеколюбию его приютила цыганка» [3, с. 63]. Со временем родовое имение Боруновых пришло в упадок и прекратило свое существование. На этом месте разместилась хлопкочесальная фабрика Шмерки Берлина, на которой работали четыре-пять наемных «запыленных, загрязненных, чахлах» рабочих, имелась чесально-трепальная машина, приводимая в действие при помощи двух лошадей. Эта фабрика обрабатывала в год 600 пудов листовой ваты из оческов, покупавшихся на базарах Москвы и Петербурга по 10–12 руб. за пуд [3, с. 62].

От фабрики было столько пыли и грязи, что дома и деревья на соседней улице покрывались особо похожей на вату пылью. К этому следует добавить вопиющую грязь, немощеную улицу, и станет понятно, почему это местечко благочестивые витебские мещане обходили стороной.

С именем Боруновых связано существование и общественного сада на месте пересечения современных улиц Чехова и Суворова (Боруновский сад). Начало 1870-х гг. – золотое время для этого места. Какой-то оставшийся неизвестным предприниматель пожертвовал деньги на благоустройство сада. Были проложены дорожки, разбиты клумбы, появились скамеечки, а территория сада была обнесена добротным забором и даже был устроен летний театр. Как писал Н.Я. Никифоровский, «кроме сценических представлений, оркестровой ямы, буфетных удовольствий в саду появились певички» [3, с. 62]. Здесь летом проходили народные гулянья, а зимой на большом пруду устраивались катания на коньках... По словам Н.Я. Никифоровского, «угрюмый Боруновский сад как увеселительное место пошел бы и к большому процветанию, если бы не объявились соперные увеселительные сады – Европейский и Елагский» [3, с. 62]. Сад опять пришел в запустение, сюда заходил скот, а местные мальчишки устраивали здесь кулачные бои.

На месте бывшей Боруновской мельницы и хлопкоочистительной фабрики Шмерки Берлина было построено двухэтажное красивое здание мужского духовного училища.

На 1-й Ветряной улице одним из первых каменных сооружений стал возведенный до 1860 г. на берегу Слизкого ручья двухэтажный кирпичный дом Андрея Будникова, в котором разместился кафельный завод.

В 1867 г. было открыто мужское духовное училище. Помещалось оно в собственном одноэтажном каменном доме. В 1872 г. в нем обучалось 115 воспитанников, работало 8 преподавателей. Училище готовило священнослужителей для нужд православной епархии.

5 июля 1890 г. состоялась торжественная закладка нового здания мужского духовного училища на месте бывшего сада Борунова. Строительство продолжалось до 1892 г. «23 сентября 1892 г. на месте бывшей Боруновской мельницы, затем хлопкочесальной фабрики Ш. Берлина построено чудное двухэтажное каменное здание училища: на месте театральных подмостков, эстрад воздвигались училищные службы, образовывались плацы для мирных гулянок учеников» [3, с. 63]. 25 сентября 1892 г. состоялся торжественный молебен по поводу открытия нового здания мужского духовного училища. Современное здание имеет три этажа. Предположительно, что третий этаж достроили в 1920–1930-е гг.

Со временем менялось и назначение здания. В годы Первой мировой войны здесь размещался военный госпиталь. После закрытия училища в 1917 г. здание было передано государству. В 1922 г. бывшее духовное училище было передано партийной школе имени Ф. Энгельса, которая раньше располагалась в гостинице Брози. Здесь также размещалось русское педагогическое училище, находился рабфак и двухмесячные педагогические курсы.

Во время Великой Отечественной войны здание почти не пострадало. В 1947 г. оно было передано художественно-графическому училищу, которое в начале 1960-х гг. было преобразовано в художественно-графический факультет Витебского педагогического института имени С.М. Кирова. В настоящее время в нем располагается педагогический факультет Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

В конце XIX – начале XX в. почти вся застройка 1-й Ветряной улицы была деревянной. В 1901 г. в Витебске случился большой пожар, который полностью уничтожил улицу. Тогда было принято решение городской думы о ее застройке каменными зданиями.

Есть на перекрестке улиц Чехова и Суворова два дома, непохожих на другие. Нет у них богатого внешнего декора, не выделяются они и архитектурными изысками, но очень они притягательны для человека. Эти доходные дома – новшества эпохи капитализма. Они стали приметой большого промышленного города. Однако Витебск индустриальным городом в то время не назовешь. Появление доходных домов в городе – это дань моде, шаг

вперед из губернской провинциальности. В Витебске сохранились два дома: один жилой, а в другом размещались службы.

Доходные дома напоминают современные многоквартирные дома. Декоративное архитектурное оформление получал лишь парадный фасад, выходящий на улицу. Внутри дома – однородные по планировке квартиры, расположенные вокруг лестничных клеток и коридоров. На второй этаж к хранилищу дров, охапки которых хватало для обогрева комнаты на день, вела винтовая лестница. Еще в комнатах были печи с прекрасными витебскими изразцами, однако в ходе капитального ремонта их разобрали. Потолки – под 4 м, толщина стен – в 0,5 м. Недаром в Великую Отечественную войну дом выдержал все бомбежки. Двор застраивался по периметру участка, полностью закрывался кованым металлическим забором с воротами. В результате получался темный неуютный двор-колодец. Для жителей неудобства, а для киношников – прекрасная площадка для натурсъемок. Дворики доходных домов стали площадкой некоторых фильмов (в 2011 г. «Охота на гауляйтера», а в 2012 г. «Шагал – Малевич»). После войны доходный дом был отдан работникам мединститута.

Еще один уникальный дом-история – дом № 7. Возводился он для жилья. Предположительно в 1901 г. его построил витебский купец Шнер Шлёмов Смолянский. В 1917 г. он уехал из города, и дом некоторое время был бесхозным. Потом особняк сдавался в аренду. В 1980-е гг. здание было передано Витебскому областному краеведческому музею. Здесь располагались мастерские, затем старый дом перешел в ведение Витебского областного музея Героя Советского Союза Миныя Филипповича Шмырева. Здесь, возможно, будет открыт филиал музея и разместятся новые экспозиции.

Старина и современность на этой улице слились воедино. Старые дома соседствуют с современными. На улице Чехова, 12 расположился бассейн «Молодость». Здесь не только учат плавать, но и обучают дайвингу. Интересно, что это здание имеет четную нумерацию, хотя находится на правой стороне улицы, где дома с нечетными номерами. В то же время карта Витебска присваивает зданию ДЮСШ № 13а.

На левой стороне улицы находится единственный дом. В начале XX в. в нем был приют для престарелых чиновников имени Козьмы Давыдовича Голембиовского. В 1902 г. умер надзиратель первого акцизного округа Голембиовский. В духовном завещании он распорядился своим капиталом: часть денег выделить в пользу церкви, часть – для учреждения именных стипендий в мужской и женской гимназиях, остаток отдать для устройства приюта, в котором будут проживать одинокие и нуждающиеся чиновники. Для определения в приют существовали некоторые правила. Каждый пансионер получал отдельную комнату, а также денежное пособие в размере 15 руб. в месяц. Правом поступления в приют могли пользоваться неспособные к труду чиновники, независимо от того, одиноки или нет, к какому

ведомству относились. Обязательное условие – православное вероисповедание. Для этих целей душеприказчики купили каменное здание на 1-й Ветряной улице, принадлежавшее В.Е. Литиевскому. После перестройки помещения в нем могли жить около 40 человек.

После октябрьской революции 1917 г. здание не поменяло свою благотворительную специализацию – здесь разместился инвалидный дом. Позже сюда заселили студентов ветеринарного института.

В годы Великой Отечественной войны здание не пострадало. В первые послевоенные годы в нем расположились квартиры для профессоров ветеринарного института. 1 февраля 1967 г. Советом Министров БССР было издано распоряжение за № 116-Р об открытии в Витебске мемориального музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева. Здание № 4 решением Витебского горсовета было передано под музей, который открылся 5 июля 1967 г. На территории находится мемориальный парк, который является своеобразным продолжением экспозиции. Во дворе музея в 1969 г. установлен гранитный бюст М. Шмырева работы скульптора Заира Азгура.

На пересечении улиц Чехова и Кутузова начинается современная жилая застройка.

В доме № 15 жил летчик Герой Советского Союза Тимофей Сергеевич Лядский, совершивший 185 боевых вылетов.

Улица Чехова – это, пожалуй, самое белорусское место в Витебске. На возвышении, в парке, на пересечении улиц Чехова и Суворова установлен памятник классику белорусской литературы В.С. Короткевичу (скульптор Иван Казак). Монумент установлен в 1994 г. Это место встреч творческой интеллигенции, витебских писателей и поэтов, место, где каждый думает о судьбе своей страны, о том, какая она «земля под белыми крыльями».

В настоящее время в Витебске осталось два кинотеатра. Один из них «Мир» расположен на улице Чехова. В 2011 г. он отметил свое 50-летие. Первый сеанс состоялся 17 июля 1961 г., это был музыкальный фильм «Вольный ветер».

На месте еврейского молитвенного дома «Малкин», построен четырехэтажный жилой дом в стиле сталинского ампира.

Заканчивается улица, как и положено, у реки. Здесь когда-то в доме № 19 находилось Витебское культпросветучилище, а сейчас – управление Витебской епархии. Здесь же находится храм в честь великомученицы Святой Екатерины.

Здания на улице Чехова смотрятся, как в зеркало, в гладь спокойной реки. Величаво течет Западная Двина, плывут века, меняя свои образы и ценности.

Скоро ждут изменения на маленькой тенистой улице, названной вначале 1-й Ветряной, а затем с 1950 г. – в честь великого писателя А.П. Чехова. Возможно, новый мост, который появится в Витебске, пройдет по улице Чехова.

Идет обсуждение о месте строительства Софийского собора в городе, одно из них – улица Чехова. Новое строительство изменит облик улицы. Так хочется, чтобы сохранился старый город, его дух, особая витебская атмосфера. А для этого надо сделать чуть-чуть: просто очень сильно полюбить Витебск. А еще вложить немного денег в благоустройство и никогда-никогда не разрушать старых, сохранившихся домов – свидетелей такой далекой и молчаливой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абрамова, И.** Пейзажи Ветряной – старые и новые / И. Абрамова // Витьбичи. – 2007. – 10 ноября. – С. 4.
2. **Абрамова, И.** Старые дома / И. Абрамова // Витебский курьер. – 1997. – 27 июня. – С. 4.
3. **Никифоровский, Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска : воспоминания старожила / Н. Я. Никифоровский. – Минск : Полымя, 1995. – 149 с. : ил. – (Литературные памятники Беларуси).
4. **Падліпскі, А.** Вуліца Чэхава / А. Падліпскі // Віцебскі рабочы. – 1986. – 14 чэрв. – С. 4.
5. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1865 год : издание Витебского губернского статистического комитета / под ред. А. М. Сементовского. – СПб. : Типогр. К. Вульфа, 1865. – 504 с.

Томилов И.С. (г. Тобольск, Россия)

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Обрабатывающая промышленность в пореформенный период развития Тобольской губернии давала больше валовой продукции, чем любая другая отрасль экономики, а также охватывала огромное число предприятий, как малых кустарных мастерских и городских ремесленных, так и заведений фабрично-заводского типа. Это свидетельствовало, с одной стороны, о росте товарности производства, а с другой – о завершении процесса специализации края на переработке сельскохозяйственных продуктов [1, с. 3–4].

В 1879 г. официальные статистические данные указывают на существование в губернии 1093 предприятий (число рабочих – 5066 чел.; в 1878 г. – соответственно 1007 и 4258) с общей суммой производительности 5 958 161,11 руб. (в 1878 г. – 4 841 482). Больше всего было кожевенных (36%, 22% рабочих и 39% производительности), кирпичных и маслобойных предприятий. 82 кожевенных завода располагалось в Ишимском округе, 72 – в Тюмени, 75 – в

Курганском и 58 – в Ялуторовском округе. Существовали две судостроительные верфи в Тюмени и Тюменском округе. Наибольшее число мукомольных заведений было в Курганском округе (67). Купцов первой гильдии насчитывалось 32 (больше всего в Тюмени), второй – 270 (больше всего – в Кургане) (в 1878 г. всего – 305). Свидетельствами на право торговли обладало 2580 чел. Курган занимал первое место в губернии и по числу капиталов, и по количеству выданных торговых свидетельств. Из ярмарок отмечена Никольская в Ишиме, на которой с 1 по 25 декабря 1879 г. было продано товаров на сумму 4 442 300 руб. (в 1878 г. – 4 389 800). Среди других городских ярмарок выделены четыре в Кургане (Рождественская, Алексеевская, Тихоновская и Дмитриевская), торжки в Ялуторовском, Ишимском и Курганском округах, сельские ярмарки в Таре и инородческая в Обдорске. Для содействия торговому сословию в коммерческой деятельности денежные операции проводили 5 городских общественных банков (в Тобольске с 1868 г., Тюмени с 1864 г., Кургане с 1865 г., Ишиме и Таре с 1868 г.), оборот сумм в которых составил 9 110 009, 79 руб. (в 1878 г. – 8 097 144,39). Для нужд сельского населения в округах работало 56 ссудо-сберегательных товариществ (большинство (42) – в Курганском и Ялуторовском) [4, с. 5].

К 1891 г. количество промышленных заведений в крае составляло 1715 (в 1890 г. – 2032), стоимость продукции – 3 128 939 руб. (в 1890 г. – 3 497 481 руб.). Из всей стоимости продукции почти треть (1 005 836) приходилось на Тюмень и Курган, среди сельской местности лидировали Ялуторовский и Тюменский округа (65% от всей стоимости продукции от 8 округов). Больше всего – мукомольных (41%) и кожевенных (8%), по сумме производительности лидировали кожевенные (21%), винокуренные (20%) и мукомольные (10%). В Березове и Сургуте и соответствующих им округах промышленных предприятий не зарегистрировано. Среди кустарных промыслов первое место занимает скорняжное производство, по преимуществу в Тобольске. Несмотря на значительные объемы выделки шкур, качество товара оставляло желать лучшего – они были не в состоянии конкурировать с московской продукцией. Из других отраслей кустарного производства источник отмечает изготовление ковров (в основном, в Тюменском округе), пимокатание, судостроение, гончарное дело и деревянный промысел. Кустарные изделия, по мнению чиновника, в неурожайные годы составляют существенное подспорье в экономике населения. В торговле хлеб вывозится в большинстве в Европейскую Россию и на Урал. Ввозилось в губернию железо, известь, бакалейные товары, мануфактурную и заводскую продукцию, вино и др. Благодаря практически отсутствию фабрично-заводских предприятий, города не отличаются обширной торговлей. Исключение составляли Тюмень, Тобольск и Ишим. Причем оживление в губернском центре происходит летом, с наступлением судоходства, и осенью во время прибытия судов с рыбой, а в Ишиме – в период работы Никольской зимней ярмарки. 15 купцов первой

гильдии (5 – в Тюмени) и 235 – второй (20% в Кургане) занимались коммерческой деятельностью (в 1890 г. соответственно 20 и 246). Свидетельств на право торговли и промышленности было выдано 10 771 (в 1890 г. 10 434). Разрозненность городов и медленная торговля способствовали образованию большого числа ярмарок и торжков, особенно необходимых для селян. Наиболее значительными продолжают оставаться Никольская в Ишиме (на ней реализовано товаров на 3 902 500 руб.), Курганские ярмарки, торжки Ишимского, Курганского и Ялуторовского округов. Размеры Тюменской были сравнительно низкими, но со временем ее потенциал, по мнению специалистов, обещал громадное развитие. Ссудо-сберегательных товариществ насчитывалось 26 с общим оборотом капиталов в 213 024 руб. 6 городских банков проводили денежные операции с оборотом в 4 955 067 руб. Обороты Тобольского банка уступали Тюменскому в 4,9 раза, Курганскому – в 2,1 раза, Тарскому – 1,6 раза. С разрешения Министерства финансов в Тюмени было открыто отделение Сибирского торгового банка, временные отделы на время ярмарок – в Ирбите, Крестах и Ишиме [5, с. 6–8].

В 1901 г. в губернии действовало 4136 предприятий промышленности (из них 340 – в городах), на которых 10 212 рабочих обработали товаров на сумму 10 906 209 руб. 490 заводов занималось маслodelием (1513 рабочих и 3 147 174 руб. производительности в денежном выражении), 222 – кожевенным делом (412 рабочих, 1 092 216 руб. в стоимости продукции), 6 – винокурением (286 и 1 718 556 соответственно), 315 – овчинным промыслом (613 и 328 353). По сумме производства продолжали подавляюще лидировать Тюмень (60 заведений, дававших почти 60%) и Курган (48 заведений выпускали 24% от суммы производства). Кроме того, в Туринском и Тюменском уездах были расположены две суконные фабрики, в Курганском и Ялуторовском – пять стекольных и семь картофельно-паточных предприятий. Среди уездов по стоимости произведенной продукции существенно оторвались от других Ялуторовский (32%), Курганский (20%) и прибавивший Тюкалинский (19%) уезды. Слабее всех в этом отношении были Ялуторовск, Тюкалинск. В Березове и Сургуте промышленные объекты по-прежнему отсутствовали. Торговая деятельность выражалась в оптовой и розничной продаже товаров из постоянных торговых помещений, ярмарочной реализации и вывозе продукции на внесибирские рынки. Главными предметами сбыта являлись продукты земледелия, скотоводства, звероловства и рыболовства. Среди торговых документов 10 071 было выдано для торговых предприятий, 1863 – для промышленных, 234 – для ярмарочной торговли, 3128 – для личных промыслов и 236 – сословные купеческие свидетельства (14 – для первой гильдии и 222 – для второй). Всего было выдано 15 532 документа на облагаемое налогом ведение различных видов торговой деятельности. В 1901 г. на территории губернии состоялось 294 ярмарки и 216 торжков с общим денежно-товарным оборотом свыше 15,5 млн руб.

(24 из них – в городах). Наибольшее число городских ярмарок пришлось на Курган и Ялуторовск (по четыре), однако при этом реализовать свою продукцию смогли участники трех ярмарок в Ишиме (в сумме 2,8 млн руб.) и на одной ярмарке в Тюмени (продано товаров почти на 2,5 млн руб.). В целом по итогам 23 ярмарок и 1 торжка, проходивших в городах, производителями было выручено почти 6,5 млн руб. В уездах состоялась 271 ярмарка, а предприниматели получили в сумме доход в 3,2 млн руб. Из этого числа 69 торжков проходило в Курганском, 48 – в Ишимском и 45 – в Ялуторовском уездах, на которых удалось продать товаров на сумму свыше 2,1 млн руб. (65%). Таким образом, наиболее влиятельными среди городских считались Никольская зимняя ярмарка в Ишиме, Рождественская в Кургане, а также летняя (5–20 июля) ярмарка в Тюмени. Главным кредитным учреждением губернии были отделения Государственного банка в Тобольске и Тюмени, Сибирского торгового банка в Тюмени и Кургане, продолжали свою деятельность городские общественные банки в Тобольске, Ишиме, Кургане, Таре, Тюкалинске и Тюмени. Наиболее крупным кредитно-финансовым учреждением было тюменское отделение Сибирского торгового банка, его годовой оборот денежных средств составлял почти 9,2 млн руб., в то время как оборот шести городских общественных банков составлял лишь 5,5 млн руб. Продолжали функционировать и сберегательные кассы, их число в 1901 г. составило 28 единиц, на счетах которых (с остатком на сберегательных книжках) к началу 1902 г. лежало 18 тыс. руб. Общий оборот финансовых сумм при этом превысил 4,1 млн руб. [6, с. 16–21].

На 1903 г. в крае зарегистрировано 4495 промышленных предприятий с общей производительностью в 13 417 343 руб. при 10 980 рабочих. Продукты животноводства обрабатывали 1660 заведений (36,9%), растениеводства – 2309 (51,4%). Стоимость их готовой продукции составляла почти 12,6 млн руб. (около 94%), выпуском которой занималось около 9 тыс. рабочих. То есть, сохранялась аграрная направленность в экономике, в силу чего население в подавляющем большинстве обрабатывало сельскохозяйственное сырье. Среди отраслей маслодельные заводы произвели за год товаров на 3,8 млн руб., а мукомольные – на 2,2 млн руб. Распределение предприятий по уездам, включая города, было неравномерным. Доминировали южные уезды губернии (Тюкалинский, Курганский, Ишимский и Тарский), на долю которых приходилось 78% заводов, 48% суммы производства и 56% рабочих губернии. Этому способствовали развитие товарного земледелия на юге губернии, общей тенденции сельскохозяйственного производства в районах с наибольшей плотностью населения в пограничных со степью территориях. В 1903 г. выдано 13 526 торговых документов, облагаемых налогами. Среди них – 10 894 – для торговых предприятий разных разрядов, 208 – для ярмарочной торговли, 63 – для паровых судов, 2136 – личных промысловых занятий и 225 купеческих свидетельств [7, с. 6–7].

Наконец, в 1904 г. число обрабатывающих сырье предприятий в регионе включало 4 474 предприятия с годовой производительностью свыше 16,5 млн руб. (16 568 360) и количеством рабочих почти в 11 тыс. чел. (10 974). Среди промышленных заведений 1782 работали в животноводческом направлении, 2212 – в растительном, их суммарное производство достигало почти 85% от стоимости товаров. По отраслям процветало маслоделие – 728 предприятий с 1254 паровыми двигателями и штатом в 1695 чел. перерабатывало свыше 1 млн пудов молока, получив из него 550 тыс. пудов масла стоимостью в 6 млн. руб. Если до этого времени маслоделие было сосредоточено в руках частных предпринимателей (местные капиталисты и приезжие предприниматели), а поставщиками сырья являлось крестьянство, то к середине первого десятилетия XX в. прибыльность этой отрасли привлекла крестьян уже к самому процессу изготовления. Ввиду нехватки средств для организации производства, крестьяне предпочитали организовывать артели. В помощь им открывались правительством мелкие кредиты, назначались инструктора маслоделия, а также в долг иностранными фирмами предоставлялось оборудование. Превышающие численно все другие сельские и отчасти городские сословия крестьяне со своими заведениями на кооперативных началах постепенно начали вытеснять с тобольского рынка маслоделия заводы не крупных частных предпринимателей. Среди уездов по числу крестьянских маслодельных заводов лидировал Тюкалинский, по количеству переработанного сырья и численности рабочих – Курганский уезд. Из других отраслей наиболее производительными и привлекательными для наемной силы были винокурение, мукомольные и судостроительные учреждения. За 1904 г. выдано 13 476 торговых документов с суммой промыслового налога в 202 тыс. руб. В Тобольской губернии состоялось 287 ярмарок и 270 торжков с общим оборотом в 24,5 млн руб. В кредитно-финансовой сфере особых изменений не произошло, лишь увеличилось число государственных сберегательных касс (до 162) и остаток на их счетах (до 5,8 млн руб.), вырос оборот денежных масс в обоих отделениях Сибирского торгового банка и городских общественных банках. Локомотивом среди городских банков стал Тюменский, только за счет его успешной деятельности отмечалась положительная динамика в общегубернском росте оборотов шести кредитных городских организаций. Остальные пять оперировали слабее, значительно потеряв в финансовых оборотах [8, с. 6–10]. Число торговых документов отражало весомость торговли в экономике города и направленную торговую функцию поселения.

Таким образом, в Тобольской губернии существовали все стадии промышленного производства: домашняя промышленность, ремесло на заказ, кустарничество, мануфактуры и в незначительной степени фабрично-заводские предприятия. Причем на последних условия труда были неудовлетворительными и откровенно нечеловеческими. Современник П.М. Головачев

писал, что на кожевенных заводах Тобольской губернии «заводские здания представляют плетеные или бревенчатые постройки, часть без полов, а иногда без потолков и без крыши; все отбросы оставляются около строений, и потому всюду вонь и грязь; рабочие не имеют отдельных помещений и живут там же, где выделяются кожи, овчины, валенки и т. п.» [2, с. 240]. При этом с 1860-х гг. нормой считался 12-часовой рабочий день, увеличившийся к 1880-м гг. до 14–16 часов в сутки. Заработная плата рабочих также оставляла желать лучшего. Например, работник кожевенного заведения в Тюмени 1870-е гг. получал 8–11 руб. в месяц, тобольский кузнец зарабатывал в 1890-е гг. в среднем по 1 рублю в день, каменщик – 1,85, плотник – 1,6 руб. в день. Однако кажущееся благополучие было обманчивым: – рабочие не всегда пользовались спросом, и количество рабочих дней не было постоянным. Не редки были случаи, когда часть заработной платы работники получали в натуральном эквиваленте, особенно распространилось это на небольших городских предприятиях (содержание и выдача продуктов, одежды и т. п.). Женский труд был в большинстве неквалифицированным и ценился еще ниже. В основном заставляя женщин искать заработок вынуждали низкие доходы мужа. Бедность и откровенная нищета социального городского «дна» приводила к использованию детского труда. Причем заработная плата горожан разных возрастов не была одинакова. В конце XIX – начале XX в. на заводах Тобольска мастер-мужчина получал 15–30 руб., женщина-мастер – 10, рабочий – 8–10, работница – 6–8, подросток – 3–5 руб. в месяц. Распространенными видами заработка горожан стали сдача жилья в наем и организация питейных заведений. На профессиональном уровне этим занимались владельцы постоянных дворов, ночлежных домов и гостиниц. В целом ощущался значительный разрыв между доходами самых богатых и наиболее бедных представителей городских жителей [3, с. 27–30].

К факторам, серьезно тормозившим экономическое развитие края, относилось товарное закабаление инородцев. Пользуясь острой нуждой рыбаков, охотников, торговцы предоставляли им продукцию и финансы в долг под высокие проценты, увеличивавшиеся в случае неуплаты в срок. В итоге для расчета с купцами инородцы были вынуждены отдавать им за бесценку пушнину, рыбу, скот и т. д. Такое положение дел имело замкнутую циклическую систему, так как после выплаты долга инородец делал новые займы. Н.М. Ядринцев считал кабалу спутником промышленности, отразившейся в разных промыслах и выражавшейся во всех слоях населения [9, с. 276, 292].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бочанова, Г. А.** Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. / Г. А. Бочанова. – Новосибирск, 1978. – 255 с.
2. **Головачев, П. М.** Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / П. М. Головачев. – 2-е изд. – Москва, 1905. – 400 с.

3. **Гончаров, Ю. М.** Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул, 2012. – 214 с.

4. **Обзор** Тобольской губернии за 1879 г. // Приложение к всеподданнейшему отчету Начальника Тобольской губернии за 1879 г. – Тобольск, 1880.

5. **Обзор** Тобольской губернии за 1891 г. // Приложение к всеподданнейшему отчету Начальника Тобольской губернии за 1891 г. – Тобольск, 1892.

6. **Обзор** Тобольской губернии за 1901 г. – Тобольск, 1902.

7. **Обзор** Тобольской губернии за 1903 г. – Тобольск, 1904.

8. **Обзор** Тобольской губернии за 1904 г. – Тобольск, 1905.

9. **Ядринцев, Н. М.** Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург, 1882. – 472 с.

Трусова Е.Г. (г. Витебск)

ВОСПОМИНАНИЯ ГРИГОРИЯ АРОНСОНА – ИСТОЧНИК О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ В ВИТЕБСКЕ

Григорий Яковлевич Аронсон (1887–1968) – публицист, общественный деятель, автор многочисленных исторических, публицистических, мемуарных публикаций на русском языке и идише, а также двух сборников стихов, социал-демократ, член ЦК Бунда, активный участник революционного движения и свидетель этих событий. Его имя запечатлено во многих энциклопедических изданиях: Малой еврейской энциклопедии, Политическом словаре, Википедии и др., содержащих биографические данные о нем. В 1914–1918 гг. Г.Я. Аронсон жил в Витебске. По утверждению Н. Берберовой, он являлся членом витебской масонской ложи, хотя позднее отрицал это. Она также пишет, что он вместе с М. Шагалом присутствовал на заседании витебской ложи, где выступал А. Керенский [1, с. 163–164]. Во время Февральской революции Г.Я. Аронсон занимал пост секретаря Биржевого комитета Витебской губернии [3, с. 17]. Получив разрешение выехать из СССР, с 1922 г. жил в Германии и во Франции, а с 1940 г. – в США. Участвовал в деятельности меньшевиков в эмиграции.

В Государственном архиве Витебской области хранится личный фонд «Аронсона Григория Яковлевича – интернационалиста, члена Витебского революционного бюро, участника Государственного совещания в Москве (1917 г.) в качестве депутата от г. Витебска, белоэмигранта». Он состоит из одного дела: «Воспоминания (рукопись) Г.Я. Аронсона “В революционной провинции “Корниловские дни” 1917 года в Витебске». Эта рукопись являлась составной частью русского заграничного исторического архива в Праге (так называемого «Пражского архива») – крупнейшего из архивов русской

эмиграции в Европе, существовавшего в 1923–1945 гг. После окончания войны документы архива были вывезены в СССР, переданы на хранение в ЦГАОР СССР и засекречены. Затем комплекс документов был разделен, часть документов передана в другие архивы страны. Так эти воспоминания оказались в Витебске и в конце 1980-х гг. были рассекречены.

В рукописи Г.Я. Аронсон передает революционную атмосферу города, описывает происходившие в Витебске события, связанные с корниловским мятежом, пишет о приезде в Витебск генерала М.В. Алексева, вспоминает о работе городской Думы, дает характеристики известным в городе людям М.А. Гнилорыбову, А.О. Волковичу.

Вот как он пишет о политических настроениях, царивших в Витебске: «Корниловские дни мне пришлось провести в Витебске, губернском городе ближнего тыла с 150-тысячным гражданским населением и гарнизоном в 25–30 тысяч человек. Война запечатлела себя здесь многим: огромной массой выселенцев-евреев, беженцев-латышей, русских, литовцев, – обилием военных лазаретов, усиленным движением солдат, офицеров, автомобилей, аэропланов. Революция внесла сюда дух вольности, свободы, сняв с людей ту тяжесть, придавливающую к земле, – которая так характеризовала русского обывателя, революция его хорошенько встряхнула... Город жил напряженной политической жизнью. Клубы, митинги, собрания, демонстрации, газеты, листовки, афиши» [4, с. 6].

«Ко времени Корниловских дней, – продолжает повествовать автор, – безраздельное господство над умами принадлежало так называемому социалистическому блоку – меньшевиков-оборонцев и эсеров... Небольшая группа меньшевиков-интернационалистов только начинала пользоваться влиянием, с трудом отвоёвав себе право самостоятельных выступлений во вне. В известном смысле помогал интернационализму Бунд...» [4, с. 7]. Далее Г.Я. Аронсон пишет, что советы рабочих и солдатских депутатов в Витебске существовали отдельно и рабочие противились объединению, «боясь раствориться в серой солдатской среде». Большевики к тому времени только-только оформились в Витебске, имели ничтожное представительство в Совете и совсем отсутствовали в профсоюзах, но вскоре их появилась целая группа [4, с. 8]. Г.Я. Аронсон утверждает, что, в общем к корниловским дням блок меньшевиков и эсеров определял настроение масс и формировал мнение местной революционной демократии [4, с. 9].

Описывая корниловские дни в Витебске, он отмечает, что известия о мятеже, обрушившиеся неожиданно, привели всех в некоторое замешательство. Но вскоре пришло осознание, что необходимо готовиться к защите революции. Лозунгами дня являлись: поддержка Временного правительства и объединение вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов. Исключительность момента требовала создания на местах специального органа власти, снабженного диктаторскими полномочиями – Военного бюро, подот-

четного Советам [4, с. 10]. В состав Военного бюро в Витебске вошли семь человек: два бундовца – В.М. Драбкин и Г.Я. Аронсон, два меньшевика – А.Д. Тарле и солдат Яковлев, два эсера – М.С. Цейтлин и солдат Моисеев, один народный социалист – А.С. Лихницкий [4, с. 11]. Заседания Военного бюро обычно проходили в помещении Совета. Для охраны откуда-то притащили пулемет, вокруг здания установили караулы [4, с. 12].

Аронсон утверждает, что за четыре корниловских дня сложившаяся форма демократии была уничтожена. Городская Дума собиралась только на «частные совещания» по вечерам для информации. Пленарные заседания Совета не созывались. Перестали функционировать исполкомы, президиумы Советов [4, с. 28]. Вся полнота власти оказалась в руках Военного бюро [4, с. 29]. «Но вот окончились решающие дни. Мы проводим «демобилизацию», – писал Григорий Яковлевич. На заседании Военного бюро, подводя итоги корниловских дней, было отмечено, что произошла мобилизация сил и была усилена организация революционной демократии [4, с. 30].

Целая страница воспоминаний посвящена «казачьему есаулу» М.Н. Гнилорыбову, которого Г.Я. Аронсон оценивал как яркую фигуру. В 1916 г. Гнилорыбов внес в городскую Думу проект создания народных попечительств, избираемых всеми «квартиронанимателями», который испугал чиновников и купцов. Аронсон пишет: «Помню, после создания попечительств Гнилорыбов создал большой межнациональный потребительский кооператив на широких демократических началах, он вызвал всеобщее удивление. У себя на дому ему удалось сплотить обширный кружок либеральной и радикальной интеллигенции, где наряду с изданием литературного журнальчика (очевидно, имеется в виду журнал «Витебский край» – *Е. Т.*), беседовали на темы экономики и политики... И когда пришла революция, Гнилорыбов оказался одним из ее героев. Он принял на себя скромный труд – организации милиции, был первым комендантом города» [4, с. 17]. После прихода большевиков к власти Гнилорыбов вынужден был эмигрировать за границу. Аронсон утверждает, что, находясь в эмиграции, он коренным образом поменял свои политические убеждения, перейдя от савинковского «Комитета спасения родины» к соглашению с большевиками.

Вот, что он пишет о А.О. Волковиче – витебском городском голове, депутате Государственной Думы I созыва от Витебской губернии: «Губернским комиссаром по выборам от первого губернского совещания был А.О. Волкович, первоумец, в течение 10 лет до революции лишенный права занимать выборные общественные должности. Ему уже было свыше 60 лет, он был стар и малодетелен в эту пору. И как был когда-то в Государственной думе кадетом, так кадетом и оставался в революции» [4, с. 20]. Г.Я. Аронсон утверждает, что незадолго до корниловских дней, Волкович сообщил о своем желании остаться на посту губернского комиссара и оставить ряды кадетской организации. Он сказал, что не намерен менять своих политических убежде-

ний и внезапно переключившись в ряды левых, но пока может работать вместе с революционной демократией, считает нужным этот свой долг выполнить [4, с. 21]. Кстати, Волкович также был членом витебской масонской ложи. Учредительное заседание ложи проходило в его квартире на Соборной улице (здание сохранилось, ныне дом № 10 по улице Крылова) [6, с. 75–80].

Другой источник, рассказывающий о революционных событиях в Витебске, книга Г.Я. Аронсона «На заре красного террора», изданная в Берлине в 1929 г. В ней автором описана другая более поздняя страница революционной истории. После разгрома Минской Думы немцами в июне 1918 г. Г.Я. Аронсон вновь приехал в Витебск, где 18 июля 1918 г. был арестован в связи с организацией конференции уполномоченных фабрик и заводов. Постановлением Президиума отдела контрразведки Витебской ЧК от 10 октября 1918 г. он был приговорен к заключению в концлагере в качестве заложника. Затем был отправлен в Москву, содержался в Бутырской тюрьме. По ходатайству Всероссийского Совета профсоюзов торгово-промышленных служащих постановлением Коллегии ВЧК от 25 октября 1918 г. был освобожден на поруки.

«Время действия – жаркие июльские дни 1918 г. Место действия – губернский город западной окраины... В Витебске для ЧК было много работы: то мобилизация буржуев, схваченных по домам и на улицах на принудительные тяжелые работы (от которых буржуи откупались взятками), то пополнение тюрем и арестных домов буржуями... Еще беспокоили ЧК настроения рабочих, которые в Витебске в массе находились под влиянием меньшевистско-эсеровского блока, – читаем в главе «Наши преступления» [1, с. 12]. Далее Г.Я. Аронсон рассказывает, что в Витебске сохранился маленький островок демократической общественности, Комитет по борьбе с безработицей, избираемый профессиональными союзами и возглавляемый меньшевиками и эсерами. Он впоследствии вырос в большую организацию, охватившую до 14 крупных предприятий и тысячи рабочих, ставшую активным соперником Губсовнархозу. Этот Комитет поддерживал антибольшевистские настроения в рабочей среде. Он предоставлял помещения под Биржу труда, Совет профсоюзов, клуб им. Карла Маркса» [1, с. 12–13].

Проведя несколько дней в городе, Г.Я. Аронсон прочитал публичную лекцию о жизни на оккупированной немцами территории и удостоился лестного отзыва в витебской прессе. В книге он описывал мероприятия, связанные с организацией конференции уполномоченных и днем ее проведения: «Наступил день, когда она должна была открыться. С утра в совет профессиональных союзов стали съезжаться делегаты из провинции и местные уполномоченные, – число их уже перевалило за триста. Но в это время большевики опомнились, и ЧК принялась за работу. К 5 часам вечера театр (городской) был занят отрядами войск, приходившим уполномоченным было заявлено: «конференция запрещена», был составлен список лиц, под-

лежащих аресту» [1, с. 14]. В числе арестованных оказался и Г.Я. Аронсон, он подробно описывает свой арест и содержание в тюрьме, уделяет внимание сокамерникам, арестантам, сидевшим вместе с ним. Это, прежде всего, его товарищи Б. Хайкин и А. Тарле. В главе «Наши спутники» мы читаем: «Нашими спутниками во время прогулок были обычно: 67-летний военный врач-генерал Ф.И. Григорович, местный судья Б.А. Бялыницкий-Бируля и бывший земский начальник Полонский. Помимо нас это была единственная группа политических заключенных. Бывшие члены разных правых монархических партий, они в революцию 1917 г. вступили уже с новой окраской в качестве деятелей «Союза белорусов»... Мы были люди совсем разные и нас влекло друг к другу любопытство, взаимный интерес, желание узнать и понять другую и чуждую планету» [1, с. 27].

Любопытна оценка Б.А. Бялыницкого-Бирули, которого он знал еще до революции. «Это был, несомненно, колоритный человек; ладно скроен и крепко шит. По местной, провинциальной оценке, даже недюжинный человек. В дореволюционной цензовой городской думе он выделялся не только деловитостью, но и самостоятельностью суждений... В 1917 году, когда нам пришлось встретиться в Думе, куда он прошел по списку упомянутого союза белорусов, и на московском Государственном Совещании, куда зачем-то допустили претендовавших на то «белосов» из Витебска, он в сущности уже потерял обличье правого и казался обычным буржуа, кадетом (как тогда говорили), эпатированным революцией и растерявшим свой багаж. Быть может, тут действовал естественный инстинкт приспособления, быть может, шквал революционной стихии стал обрабатывать самые непримиримые индивидуальности. Он не возмущался, не проклинал. Здесь в тюрьме он был глубоко пессимистически настроен и говорил об отпадении окраин, о неизбежном распаде России и неминуемом конце земли русской» [1, с. 28].

О Ф.И. Григоровиче он говорит как о хорошем враче, случайном в политике человеке, хотя он был председателем дореволюционной городской Думы, обвинялся в принадлежности и сочувствии Белорусской Раде [1, с. 29].

Третий, Г. Полонский, был молодой человек с военной выправкой и несомненными административными способностями. Он был арестован «в качестве председателя епархиального съезда и обвинялся в организации прихода против отделения церкви от государства» [1, с. 30].

Они были расстреляны ночью с 11 на 12 сентября 1918 г., в разгар красного террора, когда после покушения на Ленина и убийства Урицкого были убиты тысячи людей [1, с. 30].

12 января 2012 г. в Минске на заседании Синода Белорусской Православной Церкви было принято решение ходатайствовать перед Патриархом Московским и всея Руси Кириллом о совершении акта их канонизации в лике местночтимых святых новомучеников и исповедников Белорусской Православной Церкви от Витебской епархии [5]. 27 мая 2005 г. по ходатайству Ви-

тебской епархии Борис Бялыницкий-Бируля, Феодор Григорович и Георгий Полонский были реабилитированы прокуратурой Витебской области.

Воспоминания Г.Я. Аронсона являются важным источником по истории революционных событий, происходивших в Витебске в 1917–1918 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аронсон, Г.** На заре красного террора / Г. Аронсон. – Берлин, 1929. – 60 с.
2. **Берберова, Н.** Люди и ложи. Русские масоны XX столетия / Н. Берберова // Вопросы литературы. – 1990. – № 4.
3. **Витебская** губернская милиция, 1917–1924 / под общ. ред. Л. К. Фармагея. – [Витебск] : Миравис, 2008. – 155 с.
4. **Государственный** архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2816. – Оп. 1. – Д. 1.
5. **Запека, Т.** 11 сентября (29 августа) – день памяти мучеников Бориса Бялыницкого-Бирули, Феодора Григоровича и Георгия Полонского [Электронный ресурс] / Т. Запека. – 2013. – Режим доступа: http://www.obitel-minsk.org/_oid100101570.html. – Дата доступа: 10.11.2015.
5. **Хмельницкая, Л.** Марк Шагал и витебская масонская ложа / Л. Хмельницкая // Бюллетень Музея Марка Шагала. – Минск : Рифтур, 2008. – Вып. 15.

Шкрабова Т.А. (г. Гомель)

БЛАГОУСТРОЙСТВО ЖИЛЬЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–80-е гг.

В 2015 г. празднуется 170 лет со дня рождения Н.Я. Никифоровского ученого, чьи труды по этнографии представляют ценный источник для изучения традиционной культуры белорусов. Его работа «Очерки простонародного житья-бытья Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» является одним из первых детальных исследований материальной культуры белорусов. Таким образом, актуальность выбранной темы очевидна.

Цель исследования – охарактеризовать благоустройство жилья сельского населения Гомельской области в 50–80-е гг. XX в.

Наряду с использованием опубликованных данных: материалов, зафиксированных в этнографической литературе, периодической печати, основной упор делался на собственные полевые материалы. Полевые исследования проводились в 2009 г. (Гомельский, Калинковичский, Лоевский, Жлобинский, Рогачевский, Чечерский, Речицкий районы Гомельской области). Ранее некоторые аспекты выбранной темы уже затрагивались автором [8].

На протяжении 50–80-х гг. XX в. облик сельского жилища претерпевал значительные изменения. Со слов респондентов, на Гомельщине в 50–60-е гг. XX в. дома оставались деревянными, но крыши начали крыть шифером (до

этого времени также соломой, камышом, дощечками, кровельным железом). Дома огораживали заборами (а ранее – просто жердями). Интерьер сельского дома 50-х гг. XX в. описала пенсионерка 1928 г. р. из Калинковичского района: «Железные кровати, стол, лавки, скрыня, фанерный шкаф, пол не крашен, но уже сделан из досок. Глиной обмазывали стены, белили, на окна из газет вырезали узоры и наклеивали вместо гардин. ...Для уюта своего дома женщины вышивали салфетки и вставляли их в рамки, в одной большой общей рамке вешали на стены фотографии» [8, с. 202]. В послевоенные годы кровать становится не только предметом украшения интерьера, но и постоянным местом для сна и отдыха. Постель застилали каждое утро, а на праздники украшали покрывалами. В 60-е гг. XX в. вышитые покрывала сменяются тюлевыми [1, с. 104].

В 60-е гг. XX в. на Гомельщине в сельском интерьере появляются гардины, а кое-где уже и люстры. В сельскую жизнь в 50–60-е гг. XX в. техника входила медленно. Наводя уют в доме, женщины «ткали разнообразные коврики, ручки, вышивали картины на разные мотивы», – рассказала пенсионер 1928 г. р. из пос. Хальч Жлобинского района. В сельских домах старались выделить зал и спальню. В 60-е гг. XX в. очень модно было завешивать кровати ширмами. Шили их из красивых хлопчатобумажных или ситцевых тканей в цветочек. Такая ширма отделяла спальню от зала [1, с. 104].

Следует отметить, что в первые послевоенные годы жилищные условия были не одинаковыми во всех сельских семьях. В лучших условиях проживали те, у кого остался жив хозяин дома. Вместо сгоревшего они отстраивали новое жилище. У многих семей жилье было довоенное, которое требовало ремонта [1, с. 103]. Пенсионер 1945 г. р., житель Гомельского района отметил, что в 50–60-е гг. XX в. люди в основном проживали в частных домах или бараках. Как правило, это были обычные деревянные одноэтажные дома, состоящие из нескольких комнат и коридора. В то время в деревне не был проведен природный газ и в каждом доме находились печки и грубки. Дома и потолки обшивались дранкой и штукатурились глиной. В основном стены белили, обои были редкостью. Встречались и кирпичные дома, но они были редкостью. Мебели в домах было не много: шкаф для одежды, металлические кровати, сервант, табуретки. Хуже жилось тем, кто проживал в бараках. Зачастую одну комнату там занимала вся семья.

С середины 60-х гг. XX в. (VIII пятилетка 1966–1970 гг. – *авт.*) в СССР началось внедрение программы интенсификации сельскохозяйственного производства на основе комплексной механизации, химизации и мелиорации земель, специализации колхозов и совхозов. Одновременно с интенсификацией производства ускорилось и решение социальных проблем на селе: быстрее стали расти доходы колхозников и рабочих совхозов, хозяйства переходили на ежемесячную оплату труда. Эти обстоятельства не могли не повлиять на улучшение благосостояния сельчан. В середине 60-х гг. XX в.

в их домах начинают появляться первые телевизоры. По воспоминаниям, телевидение сразу полюбили сельчане Гомельщины. Все село собиралось в доме, где был телевизор, многие даже завидовали своим соседям. Сельчане по вечерам смотрели художественные фильмы, по выходным детские передачи, изредка музыкальные. С появлением телевизионных программ среди любимых у детей и сельской молодежи были «Голубой огонек», «В мире животных», «В гостях у сказки», «Вокруг света», «КВН», «Шире круг», «Кабачок “13 стульев”», «Международная панорама», «А, ну-ка, девушки», «Здоровье», «Будильник», «АБВГДейка». Таким образом, телевизор постепенно стал неотъемлемым атрибутом интерьера сельского жилища.

Увеличение темпов социально-экономического развития в 70-е гг. XX в. в БССР отразилось на материальной культуре сельского населения Гомельщины, в том числе и на жилище. В сельской местности на Гомельщине с 70-х гг. XX в. появились дома из кирпича. Жители сами пытались благоустроить свои участки (строили заборы, с 70-х гг. XX в. их начали красить). Со временем деревянные дома стали окрашивать, оклеивать стены обоями. Интерьер домов был, как правило, простым. У многих можно было видеть в доме кровати, стол, диван, буфет, сервант. Городская мода оказывала свое влияние на обстановку сельского дома. Рано или поздно, но до сельской местности доходили мебельные новинки, обои, люстры (вместо простой лампочки). Начиная с середины 1960-х гг., большинство сельчан старались приобретать мебель фабричного производства, покупая ее в местных или городских магазинах.

Инспектор по кадрам 1958 г. р. из д. Дедлово Рогачевского района отметила изменения сельского жилища в 70-е гг. XX в.: «Городская мода, конечно, влияла на обстановку в жилище: появились современные по тем временам ковровые покрытия, люстры. На кухню все старались поставить белый шкафчик (сервант), в зале стоял большой круглый стол, диван. ...Сельчане пытались сделать свое жилье более уютным за счет постоянной покраски дома, например, полы красили в темно-красный цвет. Веранда по цвету должна была отличаться от цвета дома. Вместо побелки стен стали оклеивать их обоями». Пенсионер 1945 г. р., бывший слесарь-наладчик, коренной житель из д. Мичуринская Гомельского района указал: «К концу 1960 – началу 1970-х гг. жизнь начинает меняться к лучшему. Идет строительство небольших двухэтажных кирпичных домов. Стены стали оклеиваться обоями, краситься полы, появилась новая мебель, ковры, многие обзавелись радиолами, почти у всех в доме было радио, телевизор перестал быть редкостью».

В 70-е гг. XX в. уже значительная часть сельского жилища отводилась для зала и спальни. Отапливались эти помещения печами, топки которых старались вывести в кухню. Кирпич, который интенсивно начали применять в 70–80-е гг. XX в., более гибко позволял решать вопросы внутренней планировки, что привело к новым планировочным решениям [6, с. 299]. Украшением парадной комнаты сельского дома были убранные вышитыми накидками

кровати, из-под которых выглядывали белые кружевные «подузорники», на которых горкой возле изголовья лежали подушки в красивых наволочках. На чистой половине детям традиционно не разрешали играть, брать разные вещи без разрешения взрослых [7, с. 104]. Повсеместно уменьшалось количество изб с двухкамерной планировкой. В жилище выделялся зал и спальни. В ряде случаев имелись и детские [3, с. 45].

Интерьер сельского жилища в 1980-е гг. постепенно приближался к городскому. Сельчане молодого и среднего возраста стремились обзавестись мягкой мебелью, кухонными и спальными гарнитурами, стенкой. Из слов пенсионера 1945 г. р., бывшего слесаря-наладчика, коренного жителя д. Мичуринская Гомельского района известно, что в 80-е гг. XX в. жизнь совхоза значительно изменилась в лучшую сторону. На смену баракам пришли благоустроенные двух- и трехэтажные дома. Интерьер сельских квартир практически ничем не отличался от городских. В них появились стенки, люди стали покупать хрусталь, ковры, люстры, магнитофоны, цветные телевизоры, сервизы. Многие приобретали мебель в рассрочку.

С конца 70-х, особенно в 80-е гг. XX в., спектр бытовой техники в сельских домах значительно расширился (цветные телевизоры, холодильники, пылесосы, стиральные машины, бобинные, а с конца 80-х гг. XX в. кассетные магнитофоны преимущественно отечественного производства). В селе появляются дома со всеми современными удобствами. В 80–90-е гг. XX в. в сельской местности строятся панельные двухэтажные дома, рассчитанные на две семьи, а также одноэтажные дома с мансардами, балкончиками и со всеми необходимыми коммунальными удобствами [1, с. 105]. Из интервью в газете «Маяк» с жителем Гомельского района д. Тереничи: «Приехали мы в Тереничи два года назад. Через полгода колхоз выделил нам квартиру, в которой живем и теперь. На четыре человека – трехкомнатный особняк, с просторным залом, двумя спальными комнатами. На кухне – газовая плита, и в то же время русская печь. Она поставлена с учетом особенностей сельского быта. Только имеет более культурный вид, чем когда-то, облицована красивой плиткой. Есть веранда, кладовая... Пока еще не полностью обзавелись обстановкой, но купили уже телевизор и холодильник, сервант и трюмо» [2, с. 2].

В монографии белорусского исследователя архитектуры и этнолога А.И. Локотко отмечалось, что для типовой застройки сельских поселений в 80-е гг. XX в. были разработаны следующие типы сельского жилья: одноквартирный дом в одном или двух уровнях коттеджного типа (на первом этаже прихожая, кухня, гостиная, на втором – спальни), двухквартирный жилой дом в одном или двух уровнях; четырехквартирный двухэтажный дом; многоквартирный четырех-, пятиэтажный дом. Во всех типах площади двора были предусмотрены минимальные, с хозяйственных строений имелись небольшой общий хлев, погреб, гараж [4, с. 355]. Например, в газете «Гомельская правда» за 1984 г. можно прочесть следующий репортаж из

д. Отар Чечерского района о новом жилье на селе: «Сказочные коттеджи выстроились вдоль новой улицы деревни Отар – центральной усадьбы колхоза “50 лет БССР”. ...Удачная планировка, привлекательный внешний вид строений, красивый забор – все это неплохо вписывается в архитектурный ансамбль деревни. ...На первом этаже – прихожая, зал, рабочий кабинет, просторная кухня с выходом на хозяйственный двор, на втором – две уютные спальни, балкон, мансарда... В цокольной части строения вмонтирован гараж, подвал для продуктов питания» [5, с. 3]. Интерьер сельского дома в 80-е гг. XX в. зависел от вкуса его хозяев и материального достатка. Обычно в сельской местности в квартирах типовой застройки чаще всего в зале располагался телевизор, мягкий уголок (диван, два кресла и столик), набор шкафов («стенка») вдоль глухой стены. Спальню старались оснастить современным гарнитуром. Две кровати ставили рядом, по бокам располагались тумбочки, в комнате также находился шкаф для одежды [1, с. 105].

Следует отметить, что Чернобыльская авария также внесла свои коррективы в жилищное строительство на селе. Более благополучные в экологическом плане районы Гомельщины (Добрушский, Жлобинский и т. д.) принимали переселенцев из Наровлянского, Хойникского, Брагинского районов, для которых во второй половине 80-х – 90-е гг. XX в. строились типовые кирпичные дома.

Таким образом, в 50–80-е гг. XX в. происходят положительные изменения в жилище сельского населения Гомельской области. Наиболее активно они происходили начиная с середины 60-х гг. XX в. (внедрение новых строительных материалов, расширение спектра мебели в интерьере), что объясняется улучшением показателей социально-экономического развития БССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беларусы** : [у 13 т.] / рэдкал. : В. К. Бандарчык, Г. М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1995–2010. – Т. 5 : Сям’я / В. К. Бандарчык [і інш.]. – 2001. – 375 с.
2. **Клімчук, Г. І.** Так мы жывем / Г. І. Клімчук // Маяк. – 1982. – 2 снежня. – С. 2.
3. **Корзун, И. П.** Преодоление различий между городом и деревней в быту и культуре. Историко-этнографическое исследование по материалам БССР / И. П. Корзун. – Минск : Наука и техника, 1972. – 159 с.
4. **Лакотка, А. І.** Пад стрэхамі прашчураў / А. І. Лакотка. – Мінск : Полымя, 1995. – 384 с.
5. **Макарэвіч, М.** Падарылі вёсцы вуліцу / М. Макарэвіч // Гомельская праўда. – 1984. – 1 студзеня. – С. 3.
6. **Полесье.** Материальная культура / В. К. Бондарчик [и др.] ; под общ. ред. В. К. Бондарчика. – Киев : Наук. думка, 1988. – 448 с.
7. **Ракава, Л. В.** Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX–XX ст. / Л. В. Ракава. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 311 с.
8. **Шкрабова, Т. А.** Материальная культура сельского населения Гомельщины в 50–80-е гг. XX века / Т. А. Шкрабова // Известия Гомельск. госуд. ун-та им. Ф. Скорины. – 2010. – № 6. – С. 199–204.

**К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИТЕБСКИХ ПОРОГОВ,
УКАЗАННЫХ В КНИГЕ А.П. САПУНОВА
«РЕКА ЗАПАДНАЯ ДВИНА»**

Одной из самых нелегких задач при реализации проекта «Двина А.П. Сапунова» стала локализация упомянутых в книге «Река Западная Двина» двинских порогов выше Витебска. Это было обусловлено тем, что на протяжении последних 122 лет облик реки и ее берегов существенно изменился. Деятельность по очистке русла реки и результаты строительства обводного канала Витебской ГЭС особенно повлияли на Двину. Многие из порогов и каменных забор перестали быть такими страшными, какими они казались путешествуя по Двине в XIX в. А некоторые из них из-за подъема уровня реки перед строящейся станцией уже оказались скрыты под водой.

Во-вторых, очень сильно изменились прибрежные природные и культурные ландшафты: многие населенные пункты, имевшиеся в 1893 г., перестали существовать либо значительно изменили свой облик и месторасположение. Еще более усугубило ситуацию слияние, переименование отдельных деревень, а также появление большого количества садовых товариществ в этом месте Двины. Не понятно даже, что А.П. Сапунов считал отправной точкой, измеряя по реке расстояние от Витебска до порогов? Может, это исторический центр? А может, и границы города, но тогда по какому из берегов?

В-третьих, историк-краевед акцентирует внимание, что описывает только «главнейшие из них» (то есть порогов). При этом весьма условным выглядит и измерение расстояний в книге. Так, между Закладенем и Вахолкой с Рубой расстояние должно составлять около 4 верст (4,2 км). В реальности между самыми значимыми порогами не многим более 3 км. И, как оказалось, подобных несоответствий очень много. В частности, расстояние между Рубой и Барвином почти 8 км., в то время как по книге там должно быть не более 5 верст (1 верста – 1,07 км). И такие примеры указывают лишь на значительную условность приведенных в книге расстояний. В-четвертых, прежние названия порогов были широко распространены среди речников, которые постоянно пользовались этой транспортной артерией. А.П. Сапунов даже сам акцентировал внимание на то, что названия водных объектов он заимствовал из информации кормчих.

Еще одним проблемным вопросом стоит считать то, как именно появлялись указанные в книге названия порогов, островов и т. д. Использовались ли они местным населением? На последний вопрос, скорее всего, стоит ответить отрицательно, но с некоторыми оговорками. Во-первых, само происхождение названий явно также связано с теми же самыми кормчими. В частности, А.П. Сапунов приводит пример названия каменной заборы Сопель,

от имени кормчего, барка которого разбилась на камнях в районе д. Перно (выше Суража). И есть большие сомнения, что местные жители называли этот объект также как и речники.

Подтверждением вышесказанного могут быть и названия различных преград на реке на современном латвийском участке. Очень сложно предполагать, что в районе впадения таких явно не «славянских по происхождению» рек как Еглань, Суссей, Нарата, Огер, Иегель острова, пороги и заборы могли называться Кобыла, Конёк, Закладня, Дуга. Карета, Подрез Верхний, Нижний Кривец, Бобёр и др. Явно латышских названий среди островов и порогов очень мало. Зато очень много славянских и связанных с близлежащими населенными пунктами и реками (например, мель Галиновская, Хатольские мели, острова Якобштадтский и Левенгоф). А такие ассоциативные привязки могли возникать только у лиц, сплавлявшихся по реке, то есть у кормчих.

Кстати, в пользу этой версии говорят и многочисленные «простонародные» и типичные «мужицкие» названия, характерные как раз для суровых речников, а не представителей интеллигенции. Чего стоит только название порога «Щель срамная», хотя это название могло быть вольной интерпретацией А.П. Сапунова еще более грубого названия [1, с. 180]. Поэтому сложно даже предположить, что эти названия сохранились среди жителей прибрежных деревень, которые если и давали названия порогам, то чаще по ассоциации с близлежащим населенным пунктом (например, Рубовские и Верховские пороги).

Однако стоит обратиться к самим Рубовским порогам. Показательно, что прямо перед ними А.П. Сапунов упоминает островки у д. Лушиха, которые видны только в малую воду. Хотя островки не такие и маленькие. Но здесь же краевед пишет: «у д. Лушихи – привал» [1, с. 169]. Для чего этот нюанс указал автор? Скорее всего, кормчие, сплавлявшие свои суда из Велижа, именно здесь, в начале чрезвычайно трудного для речников участка реки, останавливались на отдых.

За Лушихой река действительно меняется. До этого спокойная, широкая и степенная, Двина резко увеличивает свою скорость и стремительно несется среди доломитовых плит и многочисленных валунов в сторону Витебска. Это и есть Рубовские пороги. Несмотря на указанные выше сложности, попробуем локализовать основные из них, сохранившиеся в измененном виде до наших дней.

Закладень. По информации А.П. Сапунова, этот порог находится в 24 верстах выше Витебска и имеет длину 10 саженей (21,3 м). Первым на такую роль претендовала огромная доломитовая отмель сразу за островами у Лушихи, образовавшаяся летом в засушливых 2014 и 2015 гг. у правого берега. В пользу этой версии говорит значительная протяженность отмели и огромное количество валунов чуть ниже по течению на противоположном

берегу. Но в чистом виде порога по очень низкой воде (чуть выше поста «0» по Витебску) мы не заметили. Тем не менее, эта гипотеза заслуживает внимания, так как в ином случае расстояние до порога Руба еще более уменьшится.

Хорошо читаемый порог бросается в глаза спустя несколько сотен метров, чуть выше Музея-усадьбы И. Репина «Здравнёво». Может это и есть Закладень? Вполне возможно, так как при сопоставлении снимков с различных спутников (сделанных при различном уровне воды в Двине) он читается куда лучше предыдущего претендента на эту роль. Но в таком случае расстояние до порога Руба будет всего 2,5 км.

Вахолка. В работе А.П. Сапунова не имеет точной привязки к чему-либо. Но пропустить встреченный нами следующий порог известный краевед никак не мог, он оказался с весьма бурным нравом. Более того рядом на обмелевшем дне летом 2015 г. можно было воочию увидеть осушенный двинский порог в виде отслоившихся пластов доломита, а чуть ниже по левому берегу – Мини-ГЭС, работающую на воде, вытекающей из карьера. О том, что это и есть Вахолка, может свидетельствовать лишь точная локализация следующего порога – Рубы.

Руба. В книге «Река Западная Двина» этот порог локализован между фольварком Койтова и д. Руба. Причем указывается его длина – до 50 сажен. Такие точные данные и сопоставление карт разных по времени создания позволяют утверждать, что Рубой следует считать самый известный порог, который отлично виден по низкой воде всем проезжающим по автомобильному мосту на трассе Е-95. Для этого необходимо только посмотреть на реку вниз по течению от моста. Кстати, самые большие завихрения, которые хорошо видны на воде, образует не валун, а какая-то металлическая конструкция, оказавшаяся в реке, возможно, во время строительства моста.

Водни. Следующие пороги будем локализовать по расстоянию от порога Руба и данным снимков реки со спутника. Действительно, чуть ниже по течению, метрах в 700–900, встречается еще один не ярко выраженный порог. Но огромное количество валунов и быстрое течение позволяют говорить, что это должны быть Водни.

Кравцы. Следующим порогом А.П. Сапунов называет Авдеевичи (на четверть версты ниже Водни), затем еще через полверсты – порог Кравцы у д. Подберезье. Но главная проблема в том, что сразу за вышеназванным порогом по правому берегу размещалась д. Подберезье, а лишь затем у левого берега находятся Авдеевичи. Поэтому можно предположить, что автором книги или его информаторами была допущена ошибка в очередности порогов. Значит сохранившиеся прямо перед бывшем Подберезьем каменные косы, уходящие от берега, и есть порог Кравцы.

Авдеевичи. Следуя вышеизложенному, будем считать, что следующий порог назывался Авдеевичи, хотя и он расположен чуть выше одноимен-

ной деревни по левому берегу. Однако в 2015 г. он действительно бросался в глаза. Посередине реки находился вытянувшийся вниз по течению бывший остров. Бывшим его можно было назвать, так как правая протока полностью высохла и представляла собой огромную доломитовую плиту, усыпанную средними и мелкими каменными осколками, а также остатками речной растительности. Зато в узкой левой протоке вода проносилась с огромной скоростью и отчетливо был виден небольшой, если так можно сказать, водопад. Этот порог известный краевед, как и речники, пропустить не мог.

Верховский порог. Этот порог, расположенный у одноименной деревни, которая сейчас растянулась на большое расстояние по правому берегу, поглотив многие существовавшие населенные пункты, можно локализовать по старым картам. Однако данные спутника и собственные впечатления во время сплава не давали возможности назвать его серьезным препятствием на реке. Хотя не факт, что он не был таким в XIX в.

Пропуски. Расположены на полверсты ниже Верховских у Слободы (ныне часть Верховья). Название говорит о том, что на реке должна быть узкая протока, через которую можно преодолеть имеющиеся каменные преграды. И действительно, именно здесь река сужается, что позволяет локализовать данный порог. Хотя для этого названия больше бы подходил расположенный примерно в километре ниже другой порог, который, следуя за А.П. Сапуновым, мы назовем Колено и Смоляная.

Копачи. Этот порог по факту обнаружить не удалось. Его можно локализовать только по расстояниям, указанным в книге «Река Западная Двина». Поэтому он должен находиться в 500 м ниже Пропусков и, примерно, в одной версте до следующей серьезной преграды на реке. Однако ничего подходящего на этом участке реки по очень низкой воде обнаружить не удалось.

Колено и Смоляная. Так А.П. Сапунов называет пороги в 16 верстах выше Витебска. Примерно в том месте, где они должны находиться, река действительно сильно сужается и течение усиливается. Более того, этот объект отлично читается на снимках со спутника.

Барвинские пороги. Это последний из бывших порогов, который еще отчетливо виден на Двине. Река здесь неглубокая, течение сильное, сбивающее с ног. У левого берега расположено несколько заросших травой кос, множество валунов и песчаная коса. Ранее на этом участке реки были прекрасно видны завалы из валунов по левому берегу, однако из-за того, что именно отсюда начинается участок, затопленный в ходе строительства обводного канала на Витебской ГЭС, это зрелище уже стало историей. Название порога происходит от д. Барвин Перевоз, расположенной по левому берегу. Именно здесь когда-то располагался паром на Двине, который позволял пересечь водную преграду для путешествующих по Великолукскому тракту.

После Барвина Перевоза А.П. Сапунов упоминает еще три порога: Козлы (на три версты ниже), Бараньи Рожки (на четыре версты ниже) и Толкачиха

(чуть выше Лужесно). К сожалению, из-за недостатка информации локализовать и проиллюстрировать эти пороги пока сложно. Хотя можно предположить, что именно на месте нахождения Толкачихи ведется строительство ГЭС. Однако эта информация нуждается в дальнейшем уточнении и проработке.

Отдельного внимания заслуживает вопрос этимологии названия порогов. Некоторые из них явно были связаны с преградами на реке (Закладень, Руба, Пропуски) или эффектом бурлящей воды на каменных преградах (Вахолка, Водни). Другие имели чисто географическую привязку к близлежащему населенному пункту (например, Авдеевичи, Верховские, Копачи, Бервенские). Третьи представляли собой своеобразные ассоциации и сравнения порогов с какими либо предметами из обыденной жизни. К таким объектам, скорее всего, стоит отнести пороги Кравцы, Бараньи Рожки, Козлы, так как информации о нахождении ранее рядом деревень с такими названиями обнаружить не удалось. В частности, на «трехвестовке Шуберта» 1865 г. и картах РККА 1920-х гг. их нет. Хотя и эти вопросы ещё нуждаются в дополнительном исследовании.

Таким образом, по результатам реализации проекта «Двина А.П. Сапунова» удалось частично локализовать указанные в работе «Река Западная Двина» Рубовские пороги. Хотя, учитывая названные сложности, включая выявленные неточности в самой книге, однозначно утверждать о правильности локализации не приходится. Тем не менее, предложения по возможному местонахождению порогов с иллюстрациями, сделанными в ходе реализации проекта, и различными картами уже размещены на странице автора данной статьи в сети Интернет [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сапунов, А. П.** Река Западная Двина / А. П. Сапунов – Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1893. – 512 с.
2. **Юрчак, Д.** Рубовские пороги по А. П. Сапунову: попытка локализации [Электронный ресурс] / Д. Юрчак. – Режим доступа: <http://yurchak.blogger.by/54124/>. – Дата доступа: 12.10.2015.

ЛІТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА. ЭТНАГРАФІЯ. ФАЛЬКЛАРЫСТЫКА

Аляксеева Т.У. (г. Віцебск)

ПАНЯЦЦЕ РЭГІЯНАЛЬНАГА Ў ЛІТАРАТУРЫ

Праблема беларускай нацыянальнай літаратуры ў яе лакальна-рэгіянальнай спецыфіцы распрацавана недастаткова поўна. Цэласнае ўяўленне аб развіцці нацыянальнай літаратуры немагчыма без глыбокага даследавання літаратурных традыцый канкрэтнага рэгіёна. «Развіццё літаратурнага працэсу адбываецца паводле дыялектычных законаў узаемадзеяння індывідуальнага і агульнага, асобнага і калектыўнага, непאўторнага і супольнага, усімі засвоенага. Агульнанацыянальнае ж у гэтай дыялектыцы звязана з рэгіянальным, мясцовым, агульнае – з асабовым. Творчасць кожнага больш-менш значнага пісьменніка – рэч, як вядома, арганічная, нутраная як для яго асабіста, так і для той мясцовасці, краю, дзе ён нарадзіўся, дзе прайшло дзяцінства і маральнае, духоўнае станаўленне» [4, с. 4].

Засяродзім увагу на паняцці «рэгіён». «Слоўнік іншамовных слоў» А.М. Булыкі раскрывае значэнне дадзенага слова наступным чынам: «(ад лац. regio, – onis = вобласць) – частка тэрыторыі, якая вылучаецца характэрнымі рысамі (геаграфічнымі, этнаграфічнымі, эканамічнымі і інш.)» [3, с. 241]. Відавочна, што рэгіянальны – гэта той, які адносіцца да нейкай вызначанай тэрыторыі, вобласці, краіны. Паняцце «рэгіён» разглядаецца даследчыкамі з розных пазіцый як адзінства сацыяльнай, эканамічнай, культурнай, гістарычнай і палітычнай прасторы. Сацыякультурны кампанент названага тэрміна з’яўляецца дэтэрмінантай грамадскага развіцця, раскрывае феномены культуры. Рэгіён адрозніваецца своеасаблівасцю прыродных умоў, вытворчасцю; характарызуецца спецыфікай сацыяльнай культуры і інфраструктуры, побыту насельніцтва.

Такім чынам, рэгіён – суцэльны комплекс са сваёй структурай, гісторыяй, культурай, умовамі жыцця жыхароў.

Літаратурны рэгіяналізм – гэта своеасаблівая «падсістэма» ў маштабах нацыянальнай літаратуры, яе неад’емны кампанент. Вучоны М.К. Піксанаў усведамляў, што паняцце літаратурнага рэгіяналізму мае сэнс толькі ў межах адзінай літаратурнай сістэмы, дзе мова выступае неабходнай звязкай [7].

М.П. Сакольнікаў пісаў, што пад мясцовай літаратурай «варта разумець сукупнасць такіх твораў, значэнне якіх абмяжоўваецца пэўнымі тэрытарыя-

льнымі межамі» [9, с. 51]. На думку даследчыка П.В. Купрыяноўскага, «гісторыя мясцовай літаратуры, з аднаго боку, павінна суадносіцца з мясцовымі гістарычнымі ўмовамі і абставінамі; а з другога боку, яна павінна паўстаць як мікрачасцінка ў адносінах да цэлага – да з’яў агульнанацыянальнай літаратуры» [6, с. 179].

В. Халізеў лічыць, што «культура чалавецтва, якая змяшчае яе мастацкі бок, не унітарная, не аднаякасна-камапалітычная, не “унісонная”. Яна мае сімфанічны характар: кожнай нацыянальнай культуры з яе самабытнымі рысамі належыць роля пэўнага інструмента, неабходнага для вартаснага гучання аркестра» [10, с. 366]. Нацыянальныя літаратуры адрозніваюцца адна ад адной, вызначаюцца сваёй спецыфікай і рэгіянальнымі літаратурамі. Значны ўклад у развіццё тэорыі літаратуры і культуры ўнеслі даследаванні М. Грынчыка, А. Бельскага, М. Піліпенкі і інш.

Па словах С. Рыжанкова, рэгіяналізм – гэта «з’ява, якая існуе ў рознастайных формах: лакальных школ, традыцый. Рэгіяналізм больш звязаны з асаблівай палітыкай вытворчасці і трансляцыі літаратурнай прадукцыі, чым з месцам нараджэння і / або пражывання аўтараў у тым ці іншым рэгіёне, і ў выпадку адсутнасці вынікаў такой палітыкі ў прадуктах творчасці геаграфічная прывязка паўстае выпадковай» [8, с. 256].

Рэгіянальны адметнасці ў літаратуры – актуальная, але маладаследаваная ў сучаснасці праблема літаратуразнаўства. Аналіз публікацый па праблеме рэгіянальных асноў літаратуры даў магчымасць зрабіць выснову, што паняцце «рэгіянальнае» складаецца з шэрагу структурных частак, якія ў сукупнасці або паасобку дазваляюць гаварыць пра мясцовы каларыт у творчасці пэўнага пісьменніка або літаратуры ў цэлым (аўтабіяграфізм твораў; іх тапанімічнае багацце; выкарыстанне рэгіянальных фальклорных сюжэтаў; ужыванне мясцовых гістарычных падзей; апісанне знакамітых асоб, звязаных з дадзеным рэгіёнам і г. д.).

Па словах А.І. Бельскага, «рэгіянальнае – не значыць толькі нешта спецыфічна-мясцовае, вузаканкрэтнае, што не звязана са складам беларускай этнапрасторы, сістэмай яе асноўных топасаў. У нацыянальна-мастацкай свядомасці рэгіянальны мікрасвет – найперш пейзажны вобраз радзімы, выяўленне яе красы і непаўторнасці» [2, с. 16]. Увядзенне ў кантэкст твораў рэгіянальных элементаў дапамагае аўтарам узнімацца да шырокіх абагульненняў, надае творах рысы высокай мастацкай завершанасці і дасканаласці, паглыбляе іх канцэптуальнасць, садзейнічае стварэнню нацыянальнай мадэлі свету.

«Рэгіянальны субстракт» (паняцце ўвёў А. Бельскі) «з яго рэальна-прадметнай канкрэтыкай набывае духоўна-эстэтычную каштоўнасць, раскрывае арыгінальнасць этнакультурнай спадчыны народа ў творчасці мастакоў слова» [2, с. 16]. Т. Шамякіна, У. Конан, Н. Перкін, Д. Мамачкіні іншыя даследчыкі пры вырашэнні гэтай праблемы суадносяць катэгорыі

«рэгіянальнае», «нацыянальнае» і «агульначалавечае». З’яўленне нацыянальнага тэксту сведчыць пра духоўнае нараджэнне нацыі. Нацыянальны тэкст з’яўляецца паказчыкам «крэатыўных здольнасцей нацыі. Ён утварае культурную прастору жыццяздольнасці нацыі... і ў кожнай сваёй новай генерацыі нацыя мае магчымасць самааднаўлення сябе праз прачытанне гэтага тэксту» [1, с. 6]. Нацыянальнае праяўляецца і ў сферы матэрыяльнага свету – адметнасцях побыту, адзення, і ў сферы духоўнага, у спецыфіцы традыцый. Рэгіянальнае ж варта лічыць характарыстыкай нацыянальнай культуры.

Нямецкі вучоны Гун-Брыт Колер у сваіх роздумах наконт дадзенай праблемы прыйшоў да наступных дынамічных суадносін паміж рэгіянальнай і пэўнай нацыянальнай літаратурамі:

«1. Рэгіянальная літаратура з’яўляецца часткай нацыянальнай літаратуры і ўспрымаецца ёю як субкатэгорыя, як субстандарт апошняй;

2. Рэгіянальная літаратура з’яўляецца часткай нацыянальнай літаратуры і прэтэндуе на самастойнасць, гэта значыць на тое, каб яе ўспрымалі як стандарт;

3. Рэгіянальная літаратура не з’яўляецца часткай (адной) нацыянальнай літаратуры, але належыць, “афіцыйна”, да розных літаратур;

4. Рэгіянальная і нацыянальная літаратуры супадаюць» [5, с. 66].

Такім чынам, рэгіянальная літаратура – гэта прасторава замацаваная літаратура, якая перадае значныя каштоўнасці нацыянальнай літаратуры, а таксама аказвае ўплыў на яе. Літаратура любога рэгіёна краіны валодае адзінымі нацыянальнымі рысамі, але адрозніваецца і сваімі непасрэднымі, уласцівымі толькі ёй рысамі. Рэгіянальныя асаблівасці ахопліваюць шырокае кола разнастайных прыкмет, якія сведчаць пра замацаванасць за пэўным канкрэтным рэгіёнам, пра прыналежнасць да насельніцтва, якое пражывае на гэтай тэрыторыі. Слушна заўважыў У.В. Гніламёдаў: «У тое, што мы называем светам пісьменніка, яго светапоглядам, уваходзіць сусветная культура ў сукупнасці ўсіх духоўных скарбаў, якія выпрацавала чалавецтва, але малая радзіма, роднае карэнне, лакальны патрыятызм, шматстайныя павязі са сваім застаюцца, абумоўліваючы наколькі нешта няўлоўнае, патаемнае, настолькі важнае і істотнае ў мастакоўскай творчасці» [4, с. 5].

Дакладнае ўсведамленне межаў рэгіёна ўяўляецца складаным. У першую чаргу павінна ўлічвацца асоба аўтара, яго самасвядомасць, імкненне суаднесці сваю дзейнасць з канкрэтным рэгіёнам, свой асабісты шлях з яго гістарычнымі падзеямі. Кожны аўтар адчувае непарыўнае адзінства з той мясцінай, дзе нарадзіўся, жыў, працаваў, уносіў асабісты ўклад у развіццё літаратуры. Для многіх пісьменнікаў становіцца актуальнай прывязка дзеяння да канкрэтных мясцін, ужыванне геаграфічных назваў акрэсленай мясцовасці, увядзенне ў мастацкую тканіну твораў лёсу сваіх землякоў, мясцовых легендаў і паданняў, лакальных гістарычных рэалій. Рэгіянальныя

адметнасці праяўляюцца ў самой структуры і змесце іх твораў, у спецыфіцы жанравага складу, у выкарыстанні абагульненняў пры апісанні падзей і стварэнні вобразнай сістэмы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Анціпенка, А.** Этнас, нацыя, нацыянальная свядомасць / А. Анціпенка // *Культура*. – 1994. – 26 студзеня. – С. 5–6.
2. **Бельскі, А. І.** Рэгіянальны субстрат і яго роля ў стварэнні нацыянальнага вобраза свету: На матэрыяле беларускай паэзіі / А. І. Бельскі // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Серыя 4. – 2001. – № 1. – С. 15–18.
3. **Булыка, А. М.** Слоўнік іншамовных слоў. Актуальная лексіка / Аўт.- склад. А. М. Булыка. – Мінск : ТАА «Харвест», 2005. – 336 с.
4. **Гніламёдаў, У.** Пра Віцебшчыну літаратурную (да праблемы рэгіянальнага) / У. Гніламёдаў // *Літаратурныя постаці Віцебшчыны: гісторыя і сучаснасць: зборнік навуковых артыкулаў*. – Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2008. – С. 4–44.
5. **Колер, Г-Б.** Размышления о региональной литературе в славянских литературах с позиции теории литературного поля / Г-Б. Колер // *Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў літаратуры : міжнародныя навуковыя чытанні, прысвечаныя памяці Івана Навуменкі : зборнік навуковых артыкулаў / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», Гомельскі абласны Савет дэпутатаў, Гомельская спецыялізаваная славянская бібліятэка*. – Гомель : ЦДІР, 2009. – С. 65–70.
6. **Куприяновский, П. В.** Проблемы регионального изучения литературы / П. В. Куприяновский // *Русская литература*. – 1984. – № 1. – С. 179–181.
7. **Пиксанов, Н. К.** Областные культурные гнезда: историко-краеведный семинар / Н. К. Пиксанов. – Москва ; Ленинград, 1928. – 60 с.
8. **Рыженков, С.** Литературный регионализм: путь Саратова / С. Рыженков // *Новое литературное обозрение*. – 2000. – № 5 (45). – С. 256–281.
9. **Сокольников, М. П.** Литературоведение на местах и учительство: К проблеме локального (краеведческого) метода / М. П. Сокольников // *Родной язык и литература в трудовой школе*. – 1928. – № 4–5. – С. 51.
10. **Хализев, В.** Теория литературы : учебник. – Москва : Высшая школа, 1999. – 398 с.

Беспалова Е.В. (д. Обольцы, Толочинский район)

РОЛЬ КРАЕВЕДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

Формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии рассматривается как первоочередная задача воспитания современной молодежи [3, с. 53]. Кодекс Республики Беларусь об образовании подчёркивает важность организации

воспитания на основе общечеловеческих, гуманистических ценностей, культурных и духовных традиций белорусского народа, государственной идеологии, отражения интересов личности, общества и государства [4].

Патриотизм рассматривается современными исследователями как высшая ценность духовной культуры личности; ценностное отношение человека к Отечеству; духовная и социальная ценность; социально-нравственная категория, предполагающая преданность и любовь к своему Отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, стремление служить интересам своего народа [6]. Патриотизм – это комплексное явление, которое включает в себя три составляющие. Духовно-нравственная сторона патриотизма проявляется в различных возвышенных чувствах к Родине, бережном отношении к природному и культурному достоянию страны. Государственно-политическая составляющая выражается в положительном отношении граждан к своему государству, в готовности соблюдать государственные законы и отстаивать честь своей страны. Национальный компонент патриотизма включает знание и уважительное отношение к национальным обычаям, традициям, языку, истории и культуре своей страны и осознание единства со своим народом [6].

Краеведение – это проводимое на научной основе изучение населением исторических, политических, социально-экономических, географических, культурных, природных и ряда других факторов, характеризующих в комплексе формирование и развитие какой-либо определенной территории страны (села, города, района, области).

В современных условиях оно служит ориентиром в воспитании исторической памяти народа, его национального самосознания. Любовь к Родине, стремление самоотверженно служить своему народу, сохранять его язык, культурное и историческое наследие, обычаи и традиции невозможно без детального изучения родного края.

Краеведение играет важнейшую роль в патриотическом воспитании, так как объектом изучения являются близкие и понятные учащимся явления и предметы. Это дает возможность почувствовать личную причастность к историческим событиям.

Целью краеведения является бережное отношение к историческому и культурному наследию прошлого, потребность в сохранении и пропаганде памятников истории и культуры.

Виды краеведения: географическое, литературное и историческое. Географическое краеведение является частью общего краеведения и изучает природу, население и экономику края в их тесной взаимосвязи. Литературное краеведение изучает биографию и места, связанные с жизнью и деятельностью литераторов, литературные произведения. Задача исторического краеведения – познание тех или иных исторических явлений, событий, процессов, относящихся к различным этапам истории края, на основе письменных

и вещественных источников, изучения жизни и деятельности выдающихся политических, государственных, военных деятелей, народных героев, деятелей науки, литературы и искусства.

По формам организации историческое краеведение делится на государственное (научное), общественное и школьное. В государственном краеведении изучение края находится в ведении исследовательских институтов, краеведческих музеев, библиотек.

Школьное краеведение предусматривает всестороннее изучение учащимися близлежащей местности в соответствии с учебными и воспитательными задачами, стоящими перед школой.

Цель школьного краеведения: расширить знания учащихся по краеведению, осветить историю Беларуси, познакомить с памятниками истории и культуры края, привить чувство ответственности и заботы об их судьбе, через местный исторический материал сделать знания учащихся более прочными и глубокими.

Задачи школьного краеведения: расширить и углубить знания учащихся, дополняющие школьную программу по истории, биологии, географии, литературе; сформировать знания, умения, навыки в краеведческой работе; содействовать гармоничному развитию личности учащегося; совершенствовать духовные и физические потребности; формировать жизненную самостоятельность и деловые качества; формировать гуманное отношение к окружающей среде; воспитать патриотизм, любовь к родному краю; создать условия для социальной адаптации и профессионального самоопределения. Организационные формы: урочное и внеурочное, оба вида работы включают в себя следующие компоненты: обучающий, воспитывающий, развивающий, результативный.

Краеведческая работа в школе – это путь приобщения к науке. Успешнее всего выработать навыки исследования у школьников можно только на местном краеведческом материале, расширяя их кругозор и область интересов.

Чтобы создать летопись населенного пункта (преобразовательная деятельность), необходимо найти информацию (познавательная деятельность), отделить значимое, которое имеет историческую ценность (ценностно-ориентированная деятельность), встретиться с людьми, причастными к историческим событиям этого края (коммуникативная деятельность) [5].

При исследовании выбранной темы школьники используют такие же источники, как и ученые-краеведы. К таким источникам относятся документальные материалы местных архивов, экспедиций, краеведческих музеев, периодической печати, воспоминания очевидцев и участников исторических событий, ветеранов войны и труда.

В зависимости от содержания темы исследования и формы краеведческой работы учитель знакомит учащихся с методами исследования, причисляемыми исторической науке: теоретическим исследованием, анкетным

опросом, интервьюированием местного населения, методом сравнительной этнографии.

Для возникновения и развития гражданско-патриотических чувств особенно ценными являются события Великой Отечественной войны, которые могут стать основой для краеведческой работы (выполнение проектов, участие в конкурсах, викторинах, акциях, тимуровское или волонтерское движение).

Очень важно создавать мультимедийные презентации для представления результатов исследования, сервисы Веб-2, использовать возможности Интернета.

Формирование патриотических черт личности осуществляется в едином процессе с гражданским воспитанием. Гражданская зрелость личности проявляется в соблюдении законов Республики Беларусь; патриотизме и интернационализме; в чести и достоинстве; исторической памяти; социальной активности. Это способность школьника ощущать себя гражданином нашего общества, государства, быть ответственным за свои действия и поступки [1, с. 36].

Направления деятельности учителя и учащихся	Участие в конкурсах, дистанционных олимпиадах, конференциях	Итоги
1. Рисунки «Мой родный кут»	Участие в конкурсе рисунков «Мой родной лес» МОО «Экопроект», ШРИРЕ сентябрь – октябрь 2015	
2. Рисунки и плакаты «Экология и мы. (Берегите природу)»		
3 Родословная	2007 г. Районный конкурс «Я – исследователь» Проект «Родословное дерево» (Федюков Е., 8 кл.)	Грамота
4. Оболочки на страницах газет	2015 г. Районный конкурс «Я – исследователь» Проект «Оболочки в письменных источниках (по страницам газеты “Наша Талачыншчына”»)	
5. История Великой Отечественной войны Сочинения «Мои предки в годы Великой Отечественной войны»	2012 г. Районный этап республиканского конкурса «Молодежь и дети в годы Великой Отечественной войны» Презентация «Дети в годы Великой Отечественной войны»	Диплом II степени
	2014 г. <u>Межрегиональный интернет-конкурс</u> «Мировая война в судьбах Отечества» «Судьбы жителей деревни Оболочки в годы Великой Отечественной войны»	Диплом I степени
	18.03.2015 <u>Областная дистанционная онлайн-викторина</u> для учащихся 6–8 классов «Спасибо солдатам Победы за то, что не знаем войны!»	Диплом II степени

6. История деревни Исторические личности История школы История колхоза	2007 г. Районный конкурс «Я – исследователь» Проект «Мой родны кут» (коллективный). 2008 г. – проект «Наша школа» (коллективный).	
7 Артефакты	2009 г. – проект «Могли ли быть викинги в Оболыцах» (коллективный) 2013 – проект «Бона Сфорца» (Сивец Е., 7 кл.) 2011 г. «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся». Районный этап республиканской акции. «Летопись населенного пункта» 2015 г. «Аверсев» <u>Дистанционный конкурс педагогических идей и мастерства</u> Презентация «Вот моя деревня» 2015 г. <u>Открытый интернет-проект (с международным участием)</u> «Мне сняцца сны аб Беларусі» Презентация «Бона Сфорца» (Сивец Е., 9кл.) Блог учителя-краеведа в номинации «Проста я люблю свой край да болю...»	Диплом 1 степени Сертификат Сертификат Диплом 1 степени

ЛИТЕРАТУРА

1. **Азарко, В.** Формирование патриотизма и гражданственности у учеников 9–11 классов / В. Азарко // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2011. – № 1. – С. 34–37.
2. **Емельянов, А. М.** Гражданско-патриотическое воспитание школьников на основе международного сотрудничества и вклада белорусского народа в мировую культуру / А. М. Емельянов // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2014. – № 1. – С. 39–44.
3. **Касперович, Т. В.** Из опыта организации гражданско-патриотического воспитания учащихся / Т. В. Касперович // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2013. – № 6. – С. 53–56.
4. **Станиславович, М. А.** Краеведческая работа: от любознательности к научному поиску / М. А. Станиславович // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2013. – № 4. – С. 35–38.
5. **Тоут, С. К.** Генезис содержания понятия «патриотизм» в белорусской общественно-педагогической мысли / С. К. Тоут // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2014. – № 2. – С. 20–25.
6. **Кудрявцева, С. А.** Сервисы Веб-2 в практике учителя истории / С. А. Кудрявцева // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2013. – № 8. – С. 8–12 ; № 10. – С. 37–42.
7. **Кодекс** Республики Беларусь об образовании : 13 янв. 2011 г. № 243-З : [принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобрен Советом Респ. 22 дек. 2010 г.] // Эталон [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: http://www.etalonline.by/Default.aspx?type=text®num=Nk1100243#load_text_none_1_2. – Дата доступа: 12.10.2015.

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ГРЕБЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Время появления на Северном Кавказе наиболее ранних групп казачества, в том числе гребенцов, до сих пор вызывает споры исследователей. Анализ преданий и исторических источников позволяет утверждать, что это произошло не позднее рубежа XV–XVI вв. Своеобразным воспоминанием о прибытии предков казаков в регион (скорее всего, по Волге в Каспийское море и на Терек) можно считать совершавшийся в гребенских станицах до начала 60-х гг. XX в. обряд «пускания кораблей» [1, с. 59–60]. Ядро традиционной материальной и духовной культуры гребенцов составили средне-севернорусские традиции (что указывает на регион исхода), принесенные переселенцами на новую родину. Это нашло свое отражение в языке, фольклоре, пище, жилище, свадебной обрядности, религиозных представлениях (включая так называемые языческие пласты) и др.

Не менее чем 500-летнее пребывание гребенцов на Северном Кавказе наложило сильнейший отпечаток на их культуру. В «вольный период» она испытала заметное влияние северокавказских (кабардинских, чеченских) и тюркских (кумыкских, ногайских) традиций. С XVI в. весьма результативными были кабардино-казачьи связи. Это проявилось в заимствовании кабардинского оружия, конского снаряжения. По мнению некоторых дореволюционных авторов, военное воспитание, скачки, боевую гимнастику, выправку и все приемы наездничества казаки заимствовали именно у кабардинцев [5, с. 109]. Кабардинское влияние отразилось на хозяйственных занятиях гребенцов, которые в земледелии стали использовать кабардинский плуг, долго выращивали просо как основную зерновую культуру, разводили скот кабардинской породы. В системе жизнеобеспечения кабардинские элементы просматриваются в употреблении казаками «пасты» (густого пшена, которое ели чаще хлеба), строительстве турлучных жилищ, пошиве одежды по кабардинскому образцу. Таким образом, кабардино-казачьи связи, зародившиеся на заре пребывания гребенцов на правом берегу Терека, оказали серьезное влияние на формирование северокавказских черт их культуры.

В культуре гребенского казачества отмечены и другие «горские» элементы: обязательное включение в состав приданого и свадебных подарков металлических предметов и изделий, оставление части приданого в семье родителей, исполнение лезгинки и игра на местных музыкальных инструментах, спортивно-развлекательные игры и состязания, ряд элементов свадебной обрядности [2, с. 58]. Эти и другие элементы, несомненно, явились порождением межэтнических браков и контактов.

При этом «кавказские» заимствования не только вытесняли прежние элементы материальной и духовной культуры, но и сосуществовали с ними (бревенчатая изба и сакля, сусек и сапетка в одном дворе, складни в киоте и оружие по стенам, трепак и лезгинка, стойкость в пешем бою, присущая русским, и лихое горское наездничество и др.). Наблюдались и смешение русских и северокавказских культурных компонентов, и выработка на этой основе инноваций (одежда, свадебная обрядность). В то же время были сохранены древнерусская религиозная традиция (включая и ярко выраженные пласты восточнославянского язычества), былины и прочее.

В XVII в. начинается переселение казаков-гребенцов на левый берег Терека, окончательно завершившееся в начале XVIII в. Перемещение было связано как с давлением исламизированных соседей, так и с переходом все большего числа казаков на государственную службу, которая проходила на линии вдоль реки Терек. На левобережье вместо прежних небольших городков были основаны более крупные: Червлённый, Шадрин (Щедринский), Курдюков и Гладков (затем Старогладковский и Новогладковский). Эти городки (с конца XVIII в. — станицы), названные по «фамилиям» или прозвищам атаманов, протянулись на 80 км по левому берегу Терека. Они вплоть до сегодняшнего дня являются основными поселениями гребенцов.

Влияние на культуру гребенцов их левобережных соседей — тюркоязычных народов — также весьма заметно. Отметим, что калым, избегание, характер одариваний были характерны и для ногайцев. Как и у тюрков, невеста гребенцов отдавала предпочтение красному (алому) цвету свадебного платья, украшениям из монет и кораллов. Сходными были амулеты от болезней, мифические представления о земле, вихре, кометах, затмении. Некоторые песни казаков по тематике были близки тюркским «къзак йырлар». В речи гребенцов наличествовал большой пласт тюркских слов, основной частью связанных со скотоводством (названия домашних животных, степных трав, пастушьей палки, веревки, кибитки на арбе, плаща-накидки, сумки, животноводческих продуктов питания и др.). А многие казаки и в XIX в. хорошо знали «татарский» язык [4, с. 103–108; 6, с. 239].

Испытав многовековое влияние соседних народов прежде всего в области материальной культуры, гребенцы сохранили старообрядческую веру, которая служила основой их духовной культуры на протяжении всего дореволюционного периода. И это несмотря на то, что с XVIII в. начинается борьба с «расколом» на Тереке. Она была связана с усилением российского присутствия в регионе и переходом казаков на государственную службу. Однако влияние новой администрации, военнослужащих и православных священнослужителей на культурные традиции гребенцов в этот период нельзя признать сколько-нибудь существенным. В условиях достаточно резкого внешнего воздействия, угрожавшего существованию казачьей культуры, включились механизмы, ограничивающие, блокирующие контакты с окру-

жением, что привело к возросшей замкнутости гребенской субэтнической группы.

В начале XIX в., стремясь ликвидировать гребенскую «особость», А.П. Ермолов поставил своей задачей «усилить русский элемент» в терских станицах. В казаки приписывались переселенцы-крестьяне из Центральной и Южной России, а сами гребенцы были разделены по разным полкам. Однако пока продолжались военные действия, правительство старалось не доводить до крайностей отношения со старожилами.

Масштабные изменения в гребенских станицах произошли во второй половине XIX в. Это связано с окончанием военных действий на Северном Кавказе и трансформацией военно-промышленного хозяйственно-культурного типа, который был характерен для гребенцов ранее, миграционной политикой правительства и др. «Обрусению» казаков способствовало и укрепление позиций православной церкви на Тереке. Через православие и распространявшееся единоверие их самосознание постепенно переводилось в «русское русло». Традиционные празднества, включавшие большой пласт так называемого язычества (Святки, Масленица, Троица и др.), подвергались все большему упрощению.

Во всех станицах были открыты светские школы. Они способствовали распространению не только знаний, но и новых ценностей, норм поведения, навыков производительного труда, не считавшегося в прошлом престижным. Русский литературный язык постепенно вытеснял местный диалект. Процесс секуляризации культуры также набирал силу.

В пореформенный период под влиянием городской культуры уходили в прошлое многие обычаи, появлялись инновации. Так, изменились материал и конструкция жилищ. Во внутреннее убранство проникают городские вещи. Появляются новые блюда и напитки (чай, кофе). Казачки одеваются «по-русски», «по-городскому», а традиционные костюмы остаются лишь для праздников и свадеб [3, с. 4]. Масса нововведений приносится на Терек иногородними (орудия труда, сельскохозяйственные культуры, одежда и пр.). По-видимому, под их влиянием у казаков появляются новые привычки, образцы фольклора и др.

Нивелировка казачьей культуры по общероссийским стандартам приводила к утрате многих этнокультурных черт. То есть процесс разрушения этнических и сословных границ, отделявших гребенских казаков от русского народа, начался задолго до 1917 года (так называемое «мирное расказачивание»). В то же время он не поколебал достаточно стойкое самосознание, которое оставалось неизменным.

Таким образом, в дореволюционный период традиционная (средне-севернорусская) культура гребенского казачества испытала достаточно сильное тюркское и северокавказское влияния, сменившиеся затем русским. Однако последнее не означало возвращения к истокам. Гребенцы столкнулись,

по сути дела, с новой русской культурой и стали рассматривать себя в качестве хранителей древнерусских обычаев и порядков, что, по словам дореволюционных авторов, придавало им нравственную силу и гордость [7, с. 252].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белецкая, Е. М.** Календарная обрядность терских казаков / Е. М. Белецкая, Н. Н. Великая, В. Б. Виноградов // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 2. – С. 50–63.
2. **Заседателева, Л. Б.** Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX вв. / Л. Б. Заседателева // Кавказский этнографический сборник. – Москва, 1984. – Т. VIII. – С. 38–60.
3. **Караулов, М. А.** Говор гребенских казаков : материалы для этнографии Терской области / М. А. Караулов. – Санкт-Петербург, 1902. – 109 с.
4. **Караулов, М. А.** Говор гребенских казаков / М. А. Караулов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1907. – Вып. 37. – С. 103–109.
5. **Караулов, М. А.** Терское казачество в прошлом и настоящем / М. А. Караулов. – Владикавказ, 1912. – 370 с.
6. **Ржевуский, А.** Терцы / А. Ржевуский. – Владикавказ, 1888. – 265 с.
7. **Статистические монографии по исследованию Терского казачьего войска.** – Владикавказ, 1881. – 379 с.

Гаврилова А.О. (г. Волгоград, Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА

Современный этап социокультурного развития характеризуется активными процессами этнизации содержания образования, связанными с проблемой приобщения подрастающего поколения к народной культуре, включением в образовательный процесс этнокультурного компонента, использованием потенциала краеведения в учебно-воспитательном процессе. В условиях модернизации образования, а также совершенствования практически всех сфер человеческой деятельности актуальной становится проблема развития творческих способностей подростка на основе педагогического потенциала русской народной культуры, которая является важнейшим фактором нравственно-эмоционального воздействия на личность. В связи с этим особую значимость приобретает грамотная актуализация этнокультурного компонента в социокультурном пространстве современного образовательного учреждения.

Этническая культура является прочным фундаментом национальной системы ценностей и важным звеном социокультурной преемственности. В

ней сосредоточен духовно-творческий опыт, который опирается на многовековые художественные традиции.

Произведения русской народной культуры, использующие систему традиционных «архетипических» художественных образов, являются одним из важнейших «установочных» каналов воздействия на чувственно-эмоциональную часть подсознания и ценностные ориентации подростков [3]. Каждый из образцов этнографического материала (народные костюмы, украшения, предметы домашнего обихода, произведения русского народного искусства) помимо своего прямого функционального назначения имеют и нематериальную, духовную ценность, обладают глубинным смыслом, насыщены пропитаны древними символами и образами, которые передавались из поколения в поколение, от мастера к ученику [4].

Проблема изучения традиций, народной культуры, этнокультурных ценностей находит отражение во многих исследованиях. Народная культура как способ бытия человека в единстве смыслов, деятельности и общения обращала на себя внимание русской педагогической мысли (В.В. Зеньковский, П.Ф. Каптерев, К.Д. Ушинский и др.). В трудах Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского прослеживается мысль о том, что в русской народной культуре аккумулируется духовность человека, что дает основания для духовно-нравственного совершенствования личности. Народная культура представлена в исследованиях как многофункциональная система и комплексный феномен (Е.П. Белинская, А.В. Захаров, Н.Г. Михайлова, Б.Н. Путилов, Т.Г. Стефаненко и др.). Современные исследователи определяют народную культуру как ценностную традицию (М.В. Захарченко).

Проведенный нами анализ и систематизация этнографических, культурологических, психолого-педагогических знаний о феномене народной культуры позволил сделать вывод о том, что русская народная культура – сложноорганизованная система, объективно существующая и влияющая на формирование личности современного подростка. Народная культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей народа, а также практикуемых данной этнической группой способов взаимодействия с природой и социумом. Русская народная культура проявляется в деятельности отдельных личностей, общества в целом, государства и его социальных институтов, а также в традициях народа, духовных и материальных ценностях, нормах и образцах поведения [2]. Анализ результатов диагностического эксперимента позволяет утверждать, что для современного подростка русская народная культура предстает как абстрактное явление. Однако он на подсознательном уровне чувствует органическую связь с ней, так как является ее носителем от рождения. Задача современного художественно-эстетического образования раскрыть весь потенциал русской народной культуры для подростка, показать ее красоту и уникальность. Важно, чтобы школьник осознал значимость той культуры, носителем которой он является и наряду с

этим сформировал бережное и трепетное отношение к культурам других народов. Данный аспект чрезвычайно значим, так как подросток живет и развивается, учится в мультикультурном мировом пространстве, которое ярко окрашено различными красками многочисленных этнических групп.

Этнокультурный (русский народный) компонент образования имеет целостную структуру, включающую следующие основные составляющие:

- *воспитательная* (предполагает формирование у подростков эмоционально-нравственной сферы, высокой духовной культуры, характеризующейся возвышенными чувствами к своему Отечеству, окружающему миру; а также бережного отношения к отечественному и мировому культурному наследию; толерантности, патриотического сознания и национального самосознания личности подростка, предопределяющих гражданскую ответственность подрастающего поколения за судьбу своей Родины, чувство сопричастности и соборности, единения со своим народом);

- *образовательная* (направлена на формирование высокой информационной культуры обучающихся, познавательных и интеллектуальных способностей, исследовательских навыков. Данная составляющая имеет ключевое значение для формирования этнокультурной компетентности подростка, включающей знания о феномене русской народной культуры, эмоционально-ценностное отношение к предметам и явлениям русской народной культуры, практические умения, необходимые для выполнения традиционной русской народной росписи и других видов творческих работ);

- *развивающая* (нацелена на формирование и развитие творческих способностей как интегративного качества личности подростка; различных индивидуально-личностных качеств. Развитие творческих способностей подростка происходит в процессе продуктивной патриотически обусловленной деятельности, направленной на утверждение национальных и этнокультурных идеалов и ценностей, сохранение, приумножение и трансляцию богатейшего этнокультурного наследия, включающего материальные и духовные формы своего бытия в современном мире).

Дисциплины художественно-эстетического и гуманитарного циклов предоставляют широкие возможности для включения в учебно-воспитательный процесс образовательного учреждения элементов народной культуры, среди которых: произведения народного искусства, предметы материальной культуры, продукты интеллектуально-творческой деятельности, компоненты духовно-нравственной культуры.

Включение в образовательный процесс элементов русской народной культуры происходит на уровне:

- *материальном*: предполагает использование на занятиях изобразительным искусством предметов материальной культуры русского народа, произведений искусства, обладающих богатой художественно-образной выразительностью; аудиовизуальных педагогических средств, способствующих

ших эффективному освоению подростками изучаемого материала, применяемых в контексте системы методов интенсификации обучения подростков в процессе урочной, внеурочной и студийной деятельности в образовательном учреждении;

– *духовном*: предполагает воспроизведение и трансляцию в образовательном процессе традиционных этнокультурных ценностей; применение в творчестве художественных традиций русской народной культуры, ее средств художественно-образной выразительности. Применяя в творчестве средства художественно-образной выразительности русской народной культуры, такие как гротеск, трансформация образа, метафора, художественный синтез, преувеличение и преуменьшение элементов композиции, декорирование, стилизация и другие, можно создавать авторские художественные образы, интересные сюжеты, оригинальные картины.

Включение в структуру учебно-воспитательного процесса этнокультурного компонента способствует значительному повышению качества образования современного подростка. Педагогическая ценность познания русской народной культуры объясняется тем, что ее артефакты помогают глубже познать художественно-выразительные средства других видов изобразительного искусства. Русская народная культура обладает уникальной художественно-образной выразительностью, которая является важнейшим средством развития творческих способностей современного подростка. Рассмотрим подробнее проявления художественно-образной выразительности произведений русских народных художественных промыслов.

В нижегородской резьбе по дереву представлена великолепная галерея народных скульптурных образов. Неподдельный интерес вызывают изображения сказочных львов на нижней доске наличника светелки 1881 г. из д. Налесино, Городецкого района. Один лев изображен с лисьей головой и гривой в виде мантии, другой – с мордой, напоминающей человеческую маску. Данные изображения связаны со старинными легендами и преданиями. Народные мастера воплощали древнейшие символы в произведениях искусства, наделяли их особым смыслом и эмоционально-ценностным наполнением. Также встречаются диковинные образы львов с рыбьими хвостами, женской грудью и мужской головой, с бородой и усами. Интересные и самобытные сюжеты русской деревянной резьбы включают затейливые узоры в изображениях архитектурных построек, которые обладают не только внешней художественной привлекательностью, но и внутренней духовной составляющей, которая опирается на многовековые традиции и народные ценности.

Скульптурным богатством форм отличается русская глиняная игрушка. В данном виде декоративно-прикладного искусства встречаются фигурки дам и кавалеров, сказочных птиц и зверей, всадников. Наиболее ранние глиняные игрушки отличаются особой символичностью. Например, куполообразные юбки дам содержат изображения архаичных солярных знаков, геометриче-

ский и растительный орнамент, несущий сакральный смысл. Пластичные формы русской глиняной игрушки проникнуты внутренней гармонией, которая выражается в соразмерности и пропорциональности всех деталей изображенного персонажа, в его цветовой гамме и эмоциональном наполнении [1].

Хохлома стала уникальным промыслом благодаря технике, которая обеспечивает получение золотого цвета в росписи без использования драгоценных металлов. Она характеризуется особой творческой свободой, живописностью, возможностью импровизации затейливого орнамента. Грაციозные и изящные силуэты птиц стилистически поддерживаются и дополняются декоративным орнаментом, который содержит многочисленные изображения роскошных листьев, плодов и цветов, геометрические узоры. В хохломской росписи нашли свое отражение графические орнаменты с четкими линейными контурами и тонкой проработкой деталей штрихом. Они способствовали появлению рисунков в технике «под фон». Мотивы «кудрины» были подсказаны рисунками с завитками, украшавшими заставки древних драгоценных рукописей. Многие художественные особенности росписей Хохломы были результатом слияния в промысле различных традиций русского народного декоративного искусства и культуры, некоторые из которых восходили к орнаменту иконописи и книжной миниатюры, а другие – к ремеслам Древней Руси.

Живописные и графические средства художественно-образной выразительности хохломы, скульптурные традиции резьбы по дереву и глиняной игрушки можно применять в современном художественном творчестве. Это усилит красочное звучание и эмоциональное наполнение произведений искусства. Русская народная культура содержит единство эстетического, художественного и нравственного воспитания, что является главным условием эффективности всей педагогической работы. Грамотная актуализация этнокультурного компонента образования в учебно-воспитательном процессе позволит значительно повысить качество художественно-эстетического образования в образовательном учреждении, эффективно повлиять на развитие творческих способностей современного подростка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кириенко, С. Д.** Приобщение детей дошкольного возраста к национальным традициям средствами этнографической культуры : дис. ... канд. пед. наук / С. Д. Кириенко. – Шадринск, 1999. – 175 с.
2. **Малахова, Т. П.** Духовно-нравственное воспитание старших школьников на кружковых занятиях по русской этнографической вышивке : дис. ... канд. пед. наук / Т. П. Малахова. – Омск, 2010. – 200 с.
3. **Гаврилова, А. О.** К вопросу о развитии творческих способностей подростка в условиях реализации педагогического потенциала русской народной культуры / А. О. Гаврилова // Грани познания : электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2014. – № 3 (30). – С. 21–26. – Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1394792576.pdf>. – Дата доступа: 12.10.2015.

4. Гаврилова, А. О. Структура педагогического потенциала русской народной культуры / А. О. Гаврилова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/120-16022>. – Дата доступа: 12.10.2015.

Гасанов Э.Л. (г. Гянджа, Азербайджан)

О ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТАХ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОСНОВНЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ ТРАДИЦИЙ ГЯНДЖИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

На основе этнографических исследований, проводимых нами в 2014 г., были выявлены некоторые новые для научной общественности аргументы и факты о развитии традиционных ремесел в Гяндже в период второй половины XIX в. Как известно, Гянджа является одним из древних городов Кавказа. Родина великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гяджеви (1141–1209) считается вторым крупным культурно-экономическим центром Азербайджанской Республики. В течение многих веков в этом древнем городе развивались отдельные виды традиционного ремесла.

В период второй половины XIX – начала XX в. в Гяндже продолжалось развитие таких ремесленных отраслей как ковроткачество, каменотесное дело, гончарное дело, деревообработка, металлообработка и др. Нужно отметить, что в этот период развитие основных традиционных ремесленных отраслей Гянджи отличалось следующими характерными чертами:

1. Металлообработывающее ремесло Гянджи данного периода, безусловно, считается очень важным историко-этнографическим источником. Так как данное ремесло являлось одним из главных видов ремесел города [5, с. 74]. Одним из главных доказательств развития этой отрасли в Гяндже считается долговременное существование отдельных историко-этнографических единиц градостроительства – приходов, то есть местных кварталов мастеров. Эти приходы в течение веков назывались именами отдельных отраслей данного ремесла. Среди местных жителей данные приходы назывались «мехелле» и носили имена такие как «Кузнецы» (демирчилер), «Медники» (мискерлер), «Ювелиры» (зергерлер) [6].

2. На территории данных приходов-кварталов жили и работали семьи представителей именно вышеуказанных ремесленных отраслей. Они имели крупные мастерские и здесь изготавливались высококачественные изделия. Данные изделия использовались не только местными жителями, но и продавались покупателям из других регионов.

Иностранцы платили огромные суммы за изысканные изделия этого древнего ремесла Гянджи. Нужно отметить, что в период второй половины XIX в. металлообработка развивалась с особой скоростью и ускорялось квалифицирование в этой сфере. Основными образцами данных отраслей Гянджи в период XIX–XX вв. являлись котел, жбан, поднос (особенно «мед-жмеи» – крупный медный поднос), сини (медный поднос средней меры), нимче (художественная медная тарелка), разные виды оружия и ювелирных изделий [3; 9].

3. Нужно отметить, что гончарное ремесло играло значимую роль в развитии города. Как известно, Гянджа является вторым крупным культурно-экономическим центром страны. На ее территории гончарное ремесло развивалось еще с эпохи неолита, энеолита (VIII–VI тыс. до н. э.). Еще в эпоху железного века основными характерными изделиями гончарного ремесла древней Гянджи являлись белоинкрустированные керамические образцы. Блюда со скульптурными головами, триподы, соединенные керамические сосуды тоже были найдены в разных историко-археологических памятниках древней Гянджи и всего Гянджабасарского региона. Эти керамические изделия являются характерными образцами гончарного ремесла данного периода [2]. Основными характерными декоративно-орнаментальными особенностями гончарных образцов этого исторического периода являлись зооморфные, антропоморфные и геометрические элементы. Отдельные, довольно сложные элементы получили очень широкое распространение, выйдя далеко за рамки этнических массивов.

Ряд орнаментальных мотивов керамики древней Гянджи связывается с орнаментом крашеной керамики всего обширного переднеазиатского региона. Таковы, например, отдельные элементы геометрических, а также антропоморфных орнаментов белоинкрустированных керамических изделий. В данной эпохе развитие художественной керамики являлось результатом традиционного продолжения мастерства гончарного искусства, преемственного от предыдущих поколений. Одним из основных конструктивно – пластических форм художественной керамики древней Гянджи эллинистического периода (IV–I вв. до н. э.) является фигурная керамика. В эту группу входят те зооморфные сосуды, которым древние мастера придали форму различных животных и птиц, а также керамические сосуды, имеющие над ручками, венчиками и сливами фигуры животных, которые составляют завершающую часть пластических композиций. Кроме того, зооморфные керамические сосуды, к которым присоединены пластические полуфигурки и головки животных также являются характерными образцами гончарного ремесла древней Гянджи и Гянджабасара данной исторической эпохи.

Эти декоративно-орнаментальные особенности характерны и для ряда других видов конструктивно-пластических форм художественной керамики Гянджи и всего Гянджабасара. Примером могут служить разные виды сооб-

шающихся сосудов, а также керамических фляг [4]. Декоративно-орнаментальные особенности художественной керамики Гянджи эллинистического периода отличаются оригинальностью. Гравировка керамических сосудов характеризуется применением белой массы и таких орнаментальных мотивов, как кружки, треугольники и др. Среди художественных керамических изделий античной Гянджи IV–I вв. до н. э. были обнаружены сосуды красного и черного цветов. Известно, что цвет обожженной глины в основном зависит от примеси разного количества железных солей и их соединений. Керамика, созданная на этой древней территории, отличается своеобразной художественностью. Нужно отметить, что эта керамика богата оригинальными способами, приемами и мотивами декорирования сосудов, а также многими типовыми моментами [9; 10].

В период XIX–XX вв. гончарное ремесло Гянджи развивалось на основе местных традиций. Так как в этот период в Гяндже существовало более 35 мастерских, где представители данного ремесла изготавливали качественные глиняные изделия [5].

4. На рубеже XIX–XX вв. каменотесное дело в Гяндже также развивалось и главные, довольно видные образцы данного ремесла этой эпохи можно найти в таких отраслях как архитектура и строительное дело, эпиграфические памятники и эпитафии. Важно отметить, что в Гяндже это ремесло отличалось древней историей и богатыми ремесленными традициями. В период второй половины XIX – начала XX в. в Гяндже особенно развивалось ремесло каллиграфов-резчиков. На территории Гянджи до сих пор сохранилось довольно много образцов надгробных стелл-произведений художественной резьбы по камню. Эпитафии этого древнего города являются прекрасным отражением поэтического творчества местных мастеров-поэтов-художников и каллиграфов-резчиков [4]. Основными показателями каменотесного ремесла Гянджи в сфере архитектуры и строительного дела являются экстерьеры жилых домов, а также общественных зданий, которые считаются историческими памятниками местной значимости. Главными эпиграфическими образцами города данной исторической эпохи считаются каменные шебеке и каменные стеллы гробниц и мечетей [3].

5. В указанный период в Гяндже развивалось в основном оружейное дело, ковроткачество, ткацкое дело, ремесло портного, тискальщика, кузнечное и ювелирное дело, профессии красильщика, бондаря и кожевника и другие подобные ремесленные отрасли. Среди этих ремесел особо развивалось ковроткачество. Ковры очень широко использовались в быту населения и как мебель, и как занавесь, и как постель, и как покрытие для пола [7]. Главными ремесленными видами гянджинских ковров в этот период считались палаз, килим, шедде, чувал, хурджун и др.

Нужно иметь в виду тот факт, что начиная со второй половины XIX в. разные ковры и ковровые изделия Гянджи были показаны на международ-

ных выставках неоднократно. Примерами могут служить такие факты: в 1850, 1852, 1912 гг. в Тбилиси [5], в 1896 г. в Нижнем Новгороде, в 1900 г. в Париже, в 1911 г. в Турине [7].

В период XIX–XX вв. Гянджинские национальные ковры сохраняли свои главные характерные декоративно-ремесленные особенности и отличались неповторимыми свойствами в течение веков [6].

На основе проведенных исследований были выявлены точные сведения о широком развитии ювелирного дела в Гяндже в конце XIX – начале XX в. Ювелиры, в основном, изготавливали украшения на заказ. Развитие торговых и экономических отношений с соседними государствами способствовало признанию местных ювелирных изделий за границей. Примером этому служат уникальные образцы ручной работы азербайджанских ювелиров, хранящиеся в музеях Санкт-Петербурга (России), Франции и Грузии.

Также еще одной особенностью ремесленного дела в Гяндже была его наследственная передача потомкам. Особо выделялись потомственные ювелиры, ткачи, изготовители ковров, башмачники, гончары и каменотесы [8]. Кроме вышеуказанных ремесленных отраслей в Гяндже на рубеже XIX–XX вв. развивались такие традиционные народные профессии, как деревообработка, ткачество, шапочное дело, занятия войлочников, шорников и др. Данные ремесленные отрасли считаются важными историко-этнографическими источниками исследования прошлого Гянджи и ее развития.

Этнографическое изучение ремесленных задач актуально и в современном мире в смысле решения профессиональных проблем. Традиционные сферы ремесел являются неоценимыми и надежными источниками изучения культуры, эстетического вкуса, мировоззрения азербайджанского народа. Поэтому очень важно продолжение научных исследований в сфере изучения историко-этнографических особенностей местных ремесленных традиций Гянджи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Акунова, Л. Ф.** Материаловедение и технология производства художественных керамических изделий : учеб. пособие / Л. Ф. Акунова, С. З. Приблуда. – Москва : Высшая школа, 1979. – 216 с.
2. **Кулиева, Н. М.** О развитии художественной керамики в древней Гяндже / Н. М. Кулиева, Э. Л. Гасанов // Вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Новосибирск : Априори, 2011. – С. 132–135.
3. **Azərbaycan incəsənəti.** VIII cild. – Bakı : Elm, 1959. – 276 s.
4. **Burton-Brown, T.** Excavations in Azerbaijan, 1948 / T. Burton-Brown. – London, 1951. – 250 p.
5. **Guliyeva, N. M.** About ethnographic-archaeological research of some handicraft branches of Ganja during XIX–XX centuries : Progressive scientific explorations, 2012 : Proceedings of the 8th International scientific-practical conference / N. M. Guliyeva, E. L. Hasanov. – Prague : Publishing House – Education and Science s.r.o., 2012. – P. 73–75.

6. **Hasanov, E. L.** Risultati ricerca innovativa su taluni professionale industries Ganja XIX – inizio XX Secolo / E. L. Hasanov // Italian Science Review. – 2014. – № 2. – P. 216–218.

7. **Hasanov, E. L.** Innovational ethnographic facts on investigation and teaching of some basic decorative – applied arts of Ganja of the XIX – XX centuries / E. L. Hasanov // Applied and Fundamental Studies : Proceedings of the 1st International Academic Conference. – Saint Louis : Publishing House – Science and Innovation Center, Missouri, 2012. – P. 400–403.

8. **Hasanov, E. L.** About fundamental studies on local cultural traditions of Ganja / E. L. Hasanov // European Journal of Natural History. – 2013. – № 3. – P. 65–68.

9. **Taylor, P. M.** Ethnological features of cultural heritage of Ganja (On the basis of Mahsati Ganjavi's creation) / P. M. Taylor, E. L. Hasanov // International scientific journal Theoretical & Applied Science. – 2013. – № 12. – P. 41–44.

10. **The dawn of Art.** – Leningrad : Aurora Art Publishers, 1974. – 196 p.

Лещинский М.А. (г. Витебск)

ОБРАЗ КОМАНДИРА БРИГА «МЕРКУРИЙ» А.И. КАЗАРСКОГО (1798–1833) В МОРСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

Выбор темы доклада определялся тем, что о существовании конкретной народной морской песни под названием «Казарская» отсутствуют какие-либо сведения в современной белорусской библиографии, а также в научных трудах, публикациях историков и краеведов, периодических изданиях и в музыкальной среде. На страницах журнала «Морской сборник» 1854 года издания текст указанной песни с названием «Казарский» выявлен членами редакционной коллегии книги-хроники «Память» Дубровенского района при подготовке материалов к ее изданию еще в 1995 г. – 20 лет назад. В дальнейшем он не встречается в белорусских источниках, не введен в научную среду, что огорчительно, поскольку одной из главных фигур в тексте песни указывается наш земляк – белорус Александр Казарский, а его имя всемирно известно и отражено во многих видах искусства.

Название самой песни «Казарская» иногда все же упоминается в периодической печати и на страницах российских интернет-сайтов в привязке к материалам о бое российского брига «Меркурий» с османской эскадрой 14 мая 1829 г. В них она называется народной, но безосновательно применяется к совершенно другому стихотворному тексту (Подлинный текст песни «Казарская» см. в приложении 4).

Наш этнический земляк, капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский прославился тем, что, командуя бригам «Меркурий», 14 мая 1829 г. выдержал сражение с двумя турецкими линейными кораблями, имевшими с

учетом калибра их орудий тридцатикратное превосходство по вооружению. Победив в нем, он совершил морской подвиг, невиданный в мире до того (добавлю – и позднее), и прославил Российский флот. Достоверность подвига брига «Меркурий» под началом нашего земляка известна, доказана и подтверждена документами архивов, выявленными автором, а потому не является темой моего доклада, тем более в тематических рамках сегодняшней конференции. Для понимания истории появления песни и побудительных мотивов ее создания привожу некоторые основные отклики на событие и оценки современников. Магическое тяготение к А.И. Казарскому не могли преодолеть, да отнюдь и не стремились это делать многие творческие современники – знаменитости России и не только. Продолжают писать о нем, создавать творения искусства и поныне, в том числе иностранцы. Он увековечен в монументальном искусстве: в Севастополе ему сооружен первый в городе, из числа почти двух тысяч, величественный памятник, впрочем, также первый в Российской империи памятник боевому морскому офицеру, как и вообще один из первых памятников в России, о чем почти никто не упоминает. Слова на нем – нам в назидание: «Казарскому. Потомству в пример» несут огромный нравственный посыл и ориентир. Автором проекта явился маститый академик архитектуры и одновременно живописец Александр Павлович Брюллов, старший брат великого мастера живописи Карла Брюллова.

Имя Казарского, морского офицера, первым в России было присвоено одноименному бригу «Казарский», а позднее – минному крейсеру «Капитан Казарский» и минному тральщику «Казарский». Подвигу его и экипажа брига «Меркурий» посвящены многочисленные произведения живописи известнейших мастеров кисти с мировым именем: академика пяти академий, кавалера многочисленных отечественных и иностранных орденов и медалей И.К. Айвазовского (три картины), Р. Барри, А.П. Боголюбова, Н.П. Красовского, В.А. Печатина, Г.Г. Чернецова и Н.Г. Чернецова. Они хранятся в Государственном Русском музее, Центральном музее ВМФ в Санкт-Петербурге, Государственной картинной галерее имени И.К. Айвазовского в Феодосии, других престижных музеях и частных коллекциях. Ему посвящены и картины, авторами которых являются А. Шифлар, И.П. Иванов, А.А. Прокофьев, а также современные художники-маринисты А. Лубянов, И. Дементьев, В.М. Семернёв. Он увековечен в произведениях литературы русских классиков: Д.В. Давыдова, В.И. Даля, Л.Н. Толстого, Н. Греча, Ф. Булгарина, М. Булгакова и др., упоминается в неопубликованных письмах П.А. Вяземского и А.С. Пушкина, трижды встречается на графических рисунках последнего. О нем до сих пор восторженно пишут белорусские, российские, украинские, английские и французские авторы. Это романы, поэмы, очерки, новеллы, эссе, оды, баллады, песни. В их числе ода французца Сен-Тома, арт-детективный роман англичанки Е. МакДугалл и др. Среди ав-

торов – как друзья А.И. Казарского, так и его враги (недрузи), современники героя и сегодняшние любители пера, военные историки, журналисты и их оппоненты, признанные авторитеты и неискушенные дилетанты-любители.

Победе брига «Меркурий», капитаном которого был наш земляк, посвящена памятная медаль из бронзы, отлитая к 10-летию подвига. В центре ее композиции аллегорично изображен исполин Казарский: со знаменем в левой руке и коротким мечом в правой над поверженными двумя турками. Ему возведены памятники, установлены памятные знаки и мемориальные доски в городах Москва, Николаев, Севастополь, Дубровно, в трех последних именем А.И. Казарского названы улицы. Сохранению памяти о подвиге брига «Меркурий» и его капитана содействует и прикладное искусство – изготовлена сувенирная продукция из дерева, металлов, тканей и других материалов. Памяти героя посвящены спортивные соревнования, открытые для всех участников: по ориентированию, радио-играм, футболу и шахматам. Примечательно, что и сам А.И. Казарский еще при жизни (1830) был запечатлен на гравюре неизвестного художника, позднее был выполнен и его литографический портрет. Согласитесь, для того времени, когда фотографии в сегодняшнем ее понимании еще не было, это свидетельствовало об огромнейшей популярности Казарского не только в народе, но и в тогдашнем обществе и при дворе. О его подвиге восторженно писали все газеты и журналы России. Можно сослаться на многочисленные восхищенные отзывы о нашем земляке и привести их, но это не является единственной целью данного сообщения. Здесь упоминаются только некоторые высказывания современников А.И. Казарского, чей авторитет позволяет доверять их оценкам безоговорочно. Уже одной этой информации достаточно, чтобы судить о величии подвига брига «Меркурий» и о человеческих качествах его капитана, нашего земляка. Не появиться народной песне, исходя из сказанного, было уже просто невозможно. Большинство оценок А.И. Казарского знаменитыми современниками предшествовало времени появления песни о нем. Притягательность личности нашего земляка, его популярность в народе вылились в написание нескольких стихотворений и народной песни, которая была названа его именем – «Казарская».

В чем отличие народной исторической песни от стихотворения, летописи, сказания, былины, легенды или мифа? Сразу же отмечу: факты, изложенные в большом объеме в тексте, имеют отношение к историческому событию, более того уточненному, поскольку упоминается его год – 1829-й. По многим признакам это не летопись, не былина, не баллада, не стихотворение в чистом виде, поскольку у каждого из них имеются свои, только ему присущие, характерные черты и особенности, а в указанном тексте они или полностью отсутствуют, или же их недостаточно, чтобы отнести произведение конкретно к одному из жанров. Это тем более не легенда или миф, которым свойственны фантазии и преувеличения. Если летопись – это по-

вестование, часто бесстрастное, предназначенное для чтения, то песня отражает чувства, переживания создателей и народа и, как правило, имеет стихотворную форму. К ней создается музыка, она исполняется соло или хором и часто с музыкальным сопровождением. Почему это не стихотворный тип былины, ведь в тексте присутствуют ее признаки? Былины было бы более правильно назвать обобщенно-гиперболическими произведениями, передававшими информацию о незапамятных временах. Текст песни «Казарская» отличается от былины тем, что, по сравнению с ней, он более современный, в нем повествуется о конкретном знаменательном событии 1829 г., имевшем место в отечественной истории, и в тексте присутствуют достоверные факты. Тем более здесь не наблюдается каких-либо фантастических элементов, столь характерных для мифов и легенд. По этому признаку текст и подходит более к определению народной исторической песни. Как известно, в официальной хронике зачастую не совсем правдоподобно отражаются свершившиеся факты. Содержание народных песен отличается большей правдой и реалистичностью, вследствие чего их можно (не без оснований) использовать как достаточно объективный дополнительный источник информации. В тексте песни «Казарская» отсутствует характерная для былины изначальная похвальба врага — чтобы заранее обозначить важность будущей победы, вместо чего метафорично используется осмеяние врага через образ двух неуклюжих слонов, двух линейных кораблей турок. Следует признать, что являясь одновременно классической старинной, народной, героической и исторической, песня морской направленности «Казарская» в то же время действительно носит и отдельные черты былины. В ней присутствуют отдельные характерные мотивы: былинные эпитеты, посрамление врага, сравнения и гиперболы. Как и былина, она длинная, состоит из 30 куплетов, что менее свойственно песне. Кроме того, как и в былинах, в песне используется посрамление врага с употреблением метафор: бриг «Меркурий» изображается порхающим орленком, недоступным устремившимся за ним слонам — «Где тебе с Казарским драться, за орлом слону не гнаться». Высмеиваются бездарные действия турецких адмиралов и восхваляется искусство русского экипажа и его командира: «Пушки вдруг загрохотали, турки друг в друга стреляли», «Чрез рангоут наш, в корабль свой, палит турок, как шальной» или «В дыму, как в тумане, бродит, да в своих из пушек содит». Приводятся и другие подробности, не свойственные былинам. Эпизод из песни в трех последних куплетах действительно имел место. Будучи в «клещах» между двумя линейными кораблями турок, превосходившими бриг по вооружению тридцатикратно, он умело маневрировал и уклонялся от выстрелов, вследствие чего в пороховом дыму корабли турок попадали друг в друга. Народная трактовка действий экипажа в песне не только приукрашивает их, но и корректирует факты, полученные из официальных источников того периода и от очевидцев боя, что очень важно. Можно констатировать, что описание

событий в тексте песни, по сути, полностью соответствует исторической достоверности и правдоподобности события, что не всегда присуще былинае. Вот в этом их отличие.

Как видим, народной песне «Казарская», как и всякой старинной народной исторической песне, свойственны обилие фактов и точная передача события, на котором базируется ее сюжет, а также лаконичность и доступный язык. Это зафиксированное в народной памяти подлинное, достоверно запечатленное в песне событие. Хронологически вначале был конкретный героический бой 14 мая 1829 г., не превзойденный в мировой морской истории, а затем появилась песня неизвестного(ых) автора(ов). Не исключено, что текст ее является записью фрагментов устной поэзии. Когда точно он появился, сказать сложно, но, думается, на фоне всеобщих восторгов — после 1829-го, возможно, в 1831 г., а вот опубликован он был по разным, в том числе «идеологическим», причинам только в 1854 г. «Казарскую» нельзя отнести и к балладе как жанру поэтического творчества, поскольку в ней редко используются эпические преувеличения и в большинстве случаев сюжет обращается к индивидуальной, частной судьбе, к трагическому в жизни.

Что же касается музыкальной (мелодической) стороны вопроса, то песня «Казарская» представляет собой периодичную музыкальную структуру, соединенную в куплетной форме с постоянно обновляющимся текстом. Эта обозначенная стихотворная форма с явно выраженным повторяющимся характерным припевом, ритмом, темпом, «осязаемой» мелодией, хотя ее нотные записи не сохранены (возможно, не существовали). «Казарская» отличается тем, что ритм ее словесного текста обуславливается музыкальным ритмом ее «отчетливо звучащего» напева. Принцип его строения прост: в основе лежит повторение мелодии (с возможными вариациями). Поскольку песня строфична, то вся мелодия повторяется из строфы в строфу, изменяясь в припеве. Цифра и слово «тысяча» в ней по понятной причине не произносятся, чтобы соблюсти объем, выдержать размер, темп, ритм стиха и мелодии песни. Однако очевидно: в припеве отражено время события — 1829 год. Песня, видимо, одноголосна, поэтому и стиль в хоровом ее исполнении полифонический: каждый голос, каждая мелодия самостоятельны. Гармонии она поддается с трудом, а потому поется в унисон и, видимо, не поется разноголосно, во всяком случае, с начала и до конца. Певцы-исполнители могут только позволить себе отступать от темы и украшать мелодию, что в терминологии народных певцов называется «подголосками». Может применяться исполнение запева солистом, а припева хором или первый раз солистом, а затем хором (и в других вариациях). Гармония песни, порождаемая сочетанием подголосков с основной мелодией, сравнительно ограничена.

Песня «Казарская» длительное время исполнялась моряками всех флотов Российской империи. Здесь уместно добавить, что исполнялась она на

всех судах не только в каких-либо торжественных церемониальных случаях, но и на отдыхе моряков, несла явную психологическую пользу – расслабляла после тяжелой работы и разгоняла скуку моряков. Она исполнялась и во время их работы на парусных и гребных судах, чему способствовали синхронность ритмов ее словесного текста с мелодией. Во времена развития парусного судоходства морские песни имели практическую ценность – их ритм помогал морякам синхронизировать темп своей совместной работы. Один матрос-запевала пел строку, а хор моряков подхватывал. При этом на строку припева, на определенные ее слова, куда падало ударение, обычно приходился рывок или толчок, к примеру, при подъеме (опускании) парусов, гребле веслами, поднятии якоря (что делалось путем хождения вокруг якорного ворота – кабестана), травлении или выбирании канатов, других операциях. Ритм исполнения морской песни мог изменяться под ритм конкретной работы. При исполнении «Казарской» рывок или толчок в работе обычно припадали на припев и на так называемые ударные слова припева – «в восемьсот двадцать девятом».

Примечательна песня «Казарская» также тем, что имеет ярко выраженную нравственную направленность, насыщена идеями патриотизма, восхвалением подвига русских моряков брига «Меркурий» и их командира, нашего земляка, особой пламенной любовью к Отечеству, его славе, чести флага и флота. В этом смысле «Казарская» – едва ли не единственная морская песня, имеющая отношение к нашей «сухопутной» стране, а потому достойна того, чтобы у нас, в Беларуси, отнести ее к памятнику культурного наследия. Благодаря энтузиастам, собирателям народного фольклора, любителям старины и ревнителям истории на просторах «сухопутной» Дубровенщины начиная с 2012 г. наконец-таки снова зазвучали в хоровом и вокальном исполнении слова и мелодия, непривычные для слуха забытой почти всеми морской песни о нашем земляке Александре Ивановиче Казарском, являющимся нравственным ориентиром для нас, потомков.

Изучив вопрос истории появления песни, можно сделать вывод о том, что текст ее не миф или былина, не выдумка или собирательный образ из множества событий и персонажей. Это зафиксированное в народной памяти подлинное, достоверно запечатленное в нем событие. Хронологически вначале был конкретный героический бой 14 мая 1829 г., не превзойденный в мировой морской истории. Затем последовали восторженные оценки современников, в том числе в официальных документах, периодических отечественных и зарубежных изданиях, в поэзии и прозе, в живописи и ее тематическом направлении – маринистике, в монументальном и прикладном искусстве, в музыке. Как следствие этих оценок появился вариант куплетов к народной морской песне, являющейся одновременно героической и исторической, имеющей прямое отношение к Беларуси через нашего этнического земляка А.И. Казарского.

Базирующаяся на основополагающем событии, закрепившемся в памяти людей, народная историческая песня «Казарская» позволяет ознакомиться с некоторыми, ранее неизвестными фактами, производит на слушателей сильное впечатление. В этом и заключается ее уникальность – она уносит почти на два века назад в прошлое, воскрешает события нашей общей истории, что позволяет причислить ее к культурно-историческому наследию не только России, но и Беларуси.

Выявление и исследование народного (фольклорного) варианта песни, вполне содержательной по ее фактологии, достоверности и исторической правдоподобности, позволяет ввести ее в научный оборот, используя в качестве еще одного дополнительного источника информации при оценке событий того периода.

Подвиг А.И. Казарского, когда-то олицетворявшего гордость, славу и честь Российской империи, великой морской державы, всегда будет оставаться нравственным ориентиром для нас, потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гришин, Л. Г.** Бриг «Меркурий». Описание знаменитого и неслыханного сражения / Л. Г. Гришин. – Санкт-Петербург : Изд-полиграф-компания «Гангут», 2010. – 256 с.
2. **Доценко, В. Д.** Мифы и легенды российского флота / В. Д. Доценко. – Санкт-Петербург : Полигон, 2002. – 352 с.
3. **Колесников, Б. Д.** Баллада «Вахта Казарского» / Б. Д. Колесников. – Севастополь, 2008.
4. **Кисаров, И. В.** Казарский: память его из рода в род на вечные времена / И. В. Кисаров. – Николаев : Издательство Ирины Гудым, 2009. – 288 с.: ил.
5. **МакДугалл, Е.** «Бриг Меркурий» / Е. МакДугалл. – Санкт-Петербург : Амфора, 2013. – 352 с.
6. **Макареев, М. В.** А. И. Казарский : сборник док. и матер. / М. В. Макареев, З. П. Богоявленская ; под ред. контр-адмирала С. С. Рыбака. – Севастополь : Музей Краснознаменного Черноморского флота, 1997.
7. **Морской сборник.** – Санкт-Петербург. – 1854. – Т. XII. – № 6 (июнь). – разд. III. Учено- литературный. – С. 130–132.
8. **РГА ВМФ, Казарский** – фонды: (№ 5, 8, 19, 33, 158, 161, 203, 205, 243, 248, 283).
9. **Стволинский, Ю. М.** Потомству в пример. Подвиг брига «Меркурий» / Ю. М. Стволинский. – Симферополь : Крымиздат, 1957.
10. **Цявловская, Т. Г.** Рисунки Пушкина / Т. Г. Цявловская. – Москва : Искусство, 1986. – 445, [1] с. : ил.
11. **Есаулов, И.** Бриг «Меркурий» после победы над турецкими кораблями [Электронный ресурс] / И. Есаулов. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2014/10/25/6616>. – Дата доступа: 10.10.2015.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖИТОМИРСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Много столетий территория Полесья, Волыни терпела от нападков различных врагов. Несмотря на это, она сохранила основные черты оригинальности своей материальной и духовной культуры. Время не позволило стереть традиции, обряды на этой испокон веков славянской земле. Полесье – это один из уникальных регионов украинской и общеславянской культуры. Ученые предполагают, что именно здесь находилась прародина славян, отсюда они расселились позже на территории от Черного до Балтийского морей. Еще до Киевской Руси на территории Полесья между реками Тетерев и Уж жили племена древлян. Древляне соседствовали с поляками, на севере – над Припятью – с племенами дреговичей. В диалектах украинского и белорусского языков мы можем найти много общего. Свидетелями истории Киевской Руси были полесские города Овруч, Коростень, Радомышль, Малин, Олевск, Народичи. Археологические раскопки подтверждают, что жизнь на этих землях была еще во времена неолита, раннего железа.

Специфические природные и географические условия (непроходимые леса, болота, озера) на правобережном Полесье повлияли на сохранение давних традиций как в материальной, так и духовной культуре полешуков. Через плохо развитую систему коммуникаций Полесье, особенно северная его часть, долгое время не исследовалось, и сегодня этот край менее изучен, чем другие регионы Украины. Еще, к несчастью, по этому краю пронеслась страшная беда XX века – Чернобыльская трагедия. Люди, которые покидали свои дома, переезжая в другие места, оставили много предметов материальной культуры (ковры, иконы, верстаты, коловоротки, посуду, рушники, обувь, одежду, мебель и другие вещи), которые были свидетелями прожитых лет.

«Сейчас, когда разорваны связи поколений, когда рушатся моральные принципы, особенно важно для интеллигенции переосмыслить позиции традиционной культуры. Эта необходимость продиктована духовной потребностью украинского народа. Поэтому сохранение и развитие региональных традиций – это основополагающее задание нынешнего поколения жителей Украины» [4, с. 5].

Самые давние воспоминания о Полесье и его жителях – будинах (вудинах) – находим в работах греческого историка Геродота (приб. 485 – 430 гг. до н. э.). Впервые название «Полесье» упоминается в Галицко-Волынской летописи в 1274 г. Ценные этнографические материалы собраны французским этнографом, инженером Гийомом де Бопланом в его работе «Описание Украины». Он изучал архитектуру городов и сел Украины, одежду и еду, обычаи и обряды, верования и пр.

Сведения о земледелии, скотоводстве и других занятиях украинцев, сельскохозяйственных работах, о водных и сухопутных видах коммуника-

ций находим в «Записках Волынского губернского прокурора С. Руссова». Более систематическое изучение нашего края начинается с первой половины XIX в. Этнографические материалы (описание занятий, предметов быта, постройки домов, изготовления одежды, приготовления еды) встречаем в работах польских и украинских ученых Л. Голембиовского, Ю. Крашевского, З. Доленги-Ходаковского.

Развитию украинской этнографии всячески препятствовали, даже преследовали, физически расправлялись с теми, кто этим занимался. «Ведь знания о происхождении народа, его традиционно-бытовой культуре, как и изучение языка, гражданской истории, вело к познанию глубин исторического бытия народа, его культурной самобытности, то есть к осознанию ими своего национального своеобразия, своего «я». А с этим никак не могли смириться поработители украинского народа» [4, с. 16]. Но несмотря ни на что, этнографическая работа продолжалась, двигалась вперед, благодаря патриотическим устремлениям многих деятелей культуры и науки. Появляются работы по истории, географии, этнографии Волыни. Так появилось краеведение Волыни. В 60–70 гг. XIX в. образовался кружок любителей изучения края. С середины XIX в. началось активное изучение Волыни местными краеведами.

Наиболее ценные этнографические, исторические материалы о Волыни были опубликованы в «Волынских губернских ведомостях» в 50–70-х гг. XIX в. Большой вклад в развитие истории, этнографии края сделали «Волынские епархиальные ведомости», которые выходили с сентября 1866 г. Многие ученые нашего края посвятили свои научные работы изучению Житомирского Полесья, в частности В. Антонович в его «Монографии по истории Западной и Юго-Западной России» о средневековой Волыни (1885), «Археологической карте Волынской губернии» (1901), О. Андрияшев в его «Очерках истории Волынской земли до конца XIV в.» (1887), П. Иванов в «Исторических судьбах Волынской земли от древнейших времен до конца XI в.» (1895), М. Довнар-Запольский в «Из истории польско-литовской борьбы за Волынь» (1896) и т. д. В этих работах много представлено этнографических материалов.

Позже Волынское церковно-археологическое товарищество под руководством О. Фотынского издало два тома научных работ «Волынский историко-археологический сборник».

В 20–30-х гг. XX в. активизировался процесс изучения нашего края. Собирались этнографические материалы, издавались этнографические журналы. Большую работу по изучению культуры и быта населения Полесья проводили разные комиссии, кабинеты и музеи, в частности этнографическая комиссия, которую возглавлял академик А. Лобода, комиссия краеведения с этнографическими секциями, которую курировала Академия наук в 1921 г.

На Житомирщине координационным центром этнографической работы был Волынский Центральный научно-исследовательский музей. Работа по

изучению народной культуры велась вместе со студентами Житомирщины. Материалы этих исследований издавались в рукописном журнале «Этнограф», позже переименованном в «Краеведение». С целью активизации исследований в 1923 г. была образована этнографическая секция, которая занималась изучением фольклора, диалектологии, материальной культуры, народного искусства и др. Это были местные ученые П. Абрамович, В. Кравченко, М. Белонин, М. Гайдай, В. Викторовский, И. Обариус. «У 1927–1932 роках при Волинському Центральному науково-дослідному музеї діяла аспірантура із спеціальності «Етнографія», якою керував професор В. Кравченко. Аспіранти досліджували такі теми Ю. Герасимчук – «Народне ткацтво», Н. Дмитрук – «Гончарство», Я. Зелениця – «Бджільництво», В. Забродський – «Рибальство», М. Сивайов – «Народне мистецтво», О. Ліпман – «Побут єврейського населення», І. Піонтовський – «Сектантство» [4. с. 20]. Краєведческо-етнографіческими центрами були Коростень, Бердичев, Малин. В 1924 г. открылся краеведческий музей в Коростене, позже, в 1930 г. вышел сборник научных трудов «Краеведение на Коростенщине».

Сталинская тоталитарная машина катком prošлась по всей Украине, этот смерч не минул и Волини. Профессор В. Кравченко был обвинен в «буржуазном национализме», расстреляли молодых талантливых ученых Н. Дмитрука, К. Червяка, Т. Мовчановского.

Новый этап изучения культуры и быта украинцев начался после Второй мировой войны. Наш земляк, поэт и прозаик Максим Рыльский часть своей практической деятельности посвятил исследованиям в области этнографии, фольклора.

Активно изучалась Житомирщина, организовывались экспедиции, проводился комплексный анализ местности, фольклора, быта и т. п. В это же время было исследовано много типов поселений, жилых помещений Полесья XIX – первой половины XX в. Печатаются статьи по материалам фольклорно-этнографических исследований Ю. Лешука, О. Дудар-Нестора, Ф. Петраковой, Л. Долинского, Г. Стельмаха и других ученых.

В последние десятилетия XX в. украинские ученые подготовили монографии по различным отраслям культуры и быта населения Украины и Житомирского Полесья. Например, «Общественный семейный быт и духовная культура населения Полесья» (1997), «Полесье. Материальная культура» (1988), «Берегиня», «Покуть», «Посвіт» и др. В. Скуратовского.

Учитывая большое значение материальной культуры в жизни украинцев, при Житомирском государственном университете имени Ивана Франко в 2012 г. был создан Музей древностей под руководством старшего преподавателя Марии Владимировны Масловской. В музее собраны, укомплектованы и изучаются различные предметы материальной культуры и декоративно-прикладного искусства. Выставлена большая коллекция рушников. Есть рушники тканые (Овруч, Олевск, Малин, Коростень) и вышитые (Андру-

шовка, Ружин, Радомышль, Попельня, Чуднов, Любар, Коростышев и другие районы Житомирского Полесья). Особенность тканых рушников заключается в том, что они относятся к концу XIX в., изготовлены в домашних условиях на верстах. Используются такие символы: «казаки», «рожи», «древо рода» и другие. На вышитых рушниках, особенно свадебных, много цветов, древо рода, венцы и обязательно – птицы как символ семьи. Символика украинских рушников богатая, колоритная, но для Житомирского Полесья характерны черный и красный цвета вышивки с чуть заметным синим узором. Символика изображения перекликается с другими регионами Украины.

В музее есть большая коллекция писанок. Писанка – символ жизни. Она появилась еще во времена Трипольской культуры. В разных регионах Украины писанка имеет свои особенности. Писанка Житомирского Полесья не отличается богатой колористикой и изобилием символов. Болотистая лесная природа выработала у полешуков замкнутый образ жизни, одноособничество и скупость в орнаментации изделий, правда ковры из Малинщины, Коростенщины отличаются большими яркими цветами по всему полотну. На писанках Житомирского Полесья чаще всего видим орнаменты «в колосок», «рожа», «в дубовый лист», «трилистник», «древо рода», «в сливы», «бесконечник» и другие.

Очень много в музее предметов быта (маслобойки, коловоротки, верста-ты, гончарные изделия), а также предметов одежды (вышитые мужские и женские сорочки, вышитые платки, вручную изготовленная обувь (лычаки), девичьи венки с лентами, юбки, корсеты, женские украшения и т. п.).

Мы в ответе перед потомками, мы должны показать всему миру, что, по словам В. Вернадского, «Національна самосвідомість українців розвинулась на ґрунті етнографічних відмінностей, особливостей психіки, культурних тяжінь і нашарувань, що пов'язують Україну із Західною Європою та історично зумовленого ладу народного життя, прожитого духом демократизму» [4, с. 230]. Мы есть, мы другие, мы не такие, как все, у нас свои особенности культуры, быта, занятий, традиций, обрядов. Мы на своей Богом данной земле строим свое государство, и с верой в завтрашний день идем к светлой мечте жить в независимой, богатой, процветающей Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ашурков, В. Н.** Историческое краеведение / В. Н. Ашурков, Д. В. Коцюба, Г. Н. Матюшин. – Москва, 1980. – 190 с.
2. **Горленко, В. Ф.** Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX в. / В. Ф. Горленко. – Киев, 1988. – 212 с.
3. **Громов, Г.** Методика этнографических экспедиций / Г. Громов. – Москва, 1966. – 248 с.
4. **Кострица, М. Ю.** Природа и материальная культура Житомирщины / М. Ю. Кострица, Н. С. Кострица. – Житомир, 1999. – 238 с.

5. **Полесье.** Материальная культура / под ред. В. К. Бондарчика. – Киев, 1988. – 448 с.
6. **Рыбаков, Б.** Язычество древних славян / Б. Рыбаков. – Москва, 1981. – 606 с.
7. **Рыбаков, Б.** Язычество древней Руси / Б. Рыбаков. – Москва, 1988. – 782 с.
8. **Строев, К. Ф.** Краеведение / К. Ф. Строев. – Москва, 1974. – 168 с.

Мишин П.И. (г. Полоцк)

ТРАДИЦИОННАЯ ПРИМЕТА О ВСТРЕЧЕ С ВОЛКОМ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ БЫТОВАНИЯ НА ВИТЕБЩИНЕ

В материалах, описывающих представления белорусов, связанных с образом волка, часто встречаются упоминания о примете, рассматривающей встречу человека с этим животным как предвестие счастья, удачи. На территории Витебской губернии это верование было записано Н.Я. Никифоровским, корреспондентом П.В. Шейна, который и опубликовал его [11, с. 352] наряду со сходным материалом из центральных районов Беларуси [10, с. 43]. Такие же приметы приводят в своих работах М. Федеровский [12, с. 192], Ч. Петкевич [14, с. 76], К. Мошинский [13, с. 166], А.К. Сержпутовский [9, с. 39, 127], Е.Р. Романов [8, с. 316], А.Е. Богданович [1, с. 177–178].

Все вышеприведенные примеры принадлежат белорусской традиции. Как видим, количество упоминаний этой приметы весьма велико. Что же касается прочих славянских народов, то А.В. Гура в своей работе указывает, что «практически повсеместно волк, перебегающий дорогу путнику, пробегающий мимо деревни, встретившийся в пути, предвещает удачу, счастье и благополучие». Вслед за этим он приводит материалы (помимо белорусских), содержащие сведения о традициях России, Украины, Польши, Лужицы, Болгарии, Македонии, Сербии [2, с. 155].

Подобные представления существуют и в традициях иных, неславянских этносов, что доказывает древность данного представления. Так, казахи и казахские татары верили, что если волка увидеть во сне, то это предвещает удачу и благополучие [4, с. 449]. У узбеков «считали, что встреча волка в поле предвещает удачу, ведет к добру». То же самое значение у них имел сон, в котором человек видел себя встретившимся с волком. Узбеки подразделяли уз верили, что год, в который появлялось много волков, будет для них удачным, счастливым. Они спрашивали человека, выгодно продавшего на базаре свой хлеб или какие-либо другие продукты: «Что ты сегодня волка видел, что ли?». В Хиве «... говорили о такой счастливой примете: если человеку волк пересечет дорогу, то это непременно принесет ему удачу в делах» [7, с. 141]. В античности образ волка также использовался как при-

мета или предзнаменование того, что будет: «Так, если человек увидит волка вне дома, пересекающего его дорогу слева направо, это хорошо; но если его рот будет полон, когда он это делает, это не лучший знак, и не будет тому человеку удачи вообще» [6].

Такие представления были настолько распространенными, а «верность» приметы такой сильной, что у белорусов возник даже особый магический акт. Согласно записям Никифоровского, для того, чтобы встретить волка и, соответственно, «предопределить» для себя удачу, необходимо взять с собой в дорогу головку чеснока [5, с. 120].

Никифоровский приводит интересное уточнение к этой примете: «Пока дитя не получило “Кста”¹, путевые встречи его не имеют значения. Так, например, встреча с волком, одна из благоприятнейших, ровно ничего не значит, тогда как встреча при возвращении (от крещения. — П. М.) имеет свою полную силу, даже более» [5, с. 20]. Особо следует заметить, что это уточнение носит, по всей видимости, локальный характер, поскольку в традициях иных этносов имеются приметы, соотносимые как раз с некрещеным младенцем при его путешествии на крещение [3, с. 665].

Итак, в локальной традиции Витебщины существует представление о том, что общеизвестная, широко распространенная примета перестает действовать в случае, когда объектом ее применения становится некрещеный ребенок. Нашей целью будет определение возможных причин этого.

Всякая примета строится вокруг акта примечания — безусловного, однозначно различаемого появления в жизни гадающего (дивинатора) какого-то объекта или явления. При этом данный объект (явление) обращает на себя его внимание, поскольку содержит в себе нечто большее, чем оно есть само по себе, имеет в себе скрытый смысл. Расшифровка значения приметы, если она не касается сугубо природных явлений, представляет собой трактование символов, которые в ней присутствуют, которые ее образуют. Таким образом примета — то, что выглядит как взаимодействие дивинатора и события, — может быть представлена и как появление в сфере внимания дивинатора некоторого символа. То есть в акте примечания обязательно должен принимать участие тот, кто способен воспринимать символы, иначе примета не имеет смысла.

Возвращаясь к нашей теме, мы можем сказать, что пересекающий дорогу волк, обычно понимаемый как предвестие удачи, в случае с некрещеным младенцем по какой-то причине таковым не считается. То есть символы в этом случае как бы обнуляются, теряют свое значение. Исходя из этого у нас появляется первое возможное объяснение: приметы в отношении некрещеного младенца не действуют, поскольку отсутствует личность — тот, кто мог бы воспринимать эти символы. Но это предположение опровергается наличием значительного количества примет, которые работают в отношении

¹ То есть не окрещено.

уже крещенного младенца. Это приводит нас к выводу о том, что именно акт крещения служит некоторым рубежом, после которого ситуация меняется.

Крещение в традиционной культуре представляет собой «первый и важнейший этап в социализации человека» [3, с. 664], оно содержит в себе множество символических действий, которые направлены на инкорпорацию нового члена в коллектив. Между тем, если вспомнить, что архаическое мировоззрение не проводило жестких границ между этим и потусторонним миром, то процесс социализации становится чем-то большим, чем просто наделение соответствующими знаниями, умениями и навыками. С точки зрения традиции «человек» – это статус, к достижению которого ведут определенные ритуалы (ср. ведийские «дважды рожденные», обретающие особый статус в ходе ритуала «второго рождения»). То есть ребенок сразу после рождения человеком в рамках архаического мировоззрения не является; он станет таковым, лишь пройдя через последовательность обрядов (за крещением последует ритуальное разрезание пут на ногах, дающее способность к перемещению «по-человечески» [5, с. 27] и т. д.). Речь, таким образом, идет о том, что можно назвать ритуальной социализацией.

Исходя из вышесказанного специфическое для Подвинья уточнение указывает, что приметы становятся неактуальными для некрещеного младенца действительно потому, что он слишком мал и еще не является полноценным членом сообщества людей. Но в данном случае речь идет о более глубоком уровне архаического мировоззрения. Традиционная культура делает упор не на возраст, не на степень сформированности личности, а на степень интегрированности в сферу «человеческого». Обряд крещения, являющийся первым и самым важным этапом инкорпорации в ряды людей, создает человека – субъекта дивинации, того, на кого начинают действовать приметы вследствие способности воспринимать образующие их символы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Богданович, А. Е.** Пережитки древнего мирозерцания у белорусов : этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Минск : Беларусь, 1995. – 186 с.
2. **Гура, А. В.** Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
3. **Кабакова, Г. И.** Крещение. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / Г. И. Кабакова ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2. – С. 570–575.
4. **Немгатов, Н. Н.** «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии / Н. Н. Немгатов // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : сб. науч. ст. Науч. совета по истории мировой культуры АН СССР. – М., 1975. – С. 438–458.
5. **Никифоровский, Н. Я.** Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах : собраны в Витебской губернии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 336 с.

6. **Потапов, Л. П.** Волк в старинных народных поверьях и легендах узбеков / Л. П. Потапов // Краткие сообщения института этнографии. – 1958. – Т. 30. – С. 135–142.
7. **Романов, Е. Р.** Белорусский сборник : вып. 1–9 / Е. Р. Романов. – Вильна, 1886–1912. – Вып. 8 : Быт белоруса. – 1912. – 600 с.
8. **Сержпутоўскі, А. В.** Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. В. Сержпутоўскі. – Менск : Бел. акад. навук, 1930. – 284 с.
9. **Шейн, П. В.** Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : в 3 т. / П. В. Шейн. – СПб., 1887–1902. – Т. 1, ч. 2 : Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – 1890. – 708 с.
10. **Шейн, П. В.** Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : в 3 т. / П. В. Шейн. – СПб., 1887–1902. – Т. 3 : Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождения времени, игр, верований, обычного права наследства и проч. – 1902. – 519 с.
11. **Плиний Младший.** Натуральная история. Книга 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://penelope.uchicago.edu/holland/pliny8.html>. – Дата доступа: 09.07.2008.
12. **Federowski, M.** Lud Białoruski na Rusi Litevskej / M. Federowski. – Krakow : Wydawnictwo Komisji antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie, 1897. – 509 s.
13. **Moszynski, K.** Polesie Wschodnie / K. Moszynski. – Warszawa : Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928. – 328 s. Pietkiewicz, C. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego / C. Pietkiewicz. – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1938. – 459 s.

Мішына В.І. (г. Полацк)

ТРАДЫЦЫЙНЫЯ І НОВЫЯ ЭЛЕМЕНТЫ Ў СУЧАСНЫМ ВЯСЕЛЛІ ВІЦЕБШЧЫНЫ¹

У канцы XIX – першай палове XX ст. вясельны абрад беларусаў Падзвіння ў цэлым захоўваў традыцыйны выгляд. У гэты час фіксуецца наяўнасць усіх трох асноўных частак вясельнага рытуальнага комплексу – давясельнай, уласна вяселля і паслявясельнай. Змест канкрэтных абрадавых дзеянняў у гэты перыяд характарызуецца дастаткова багатай сімволікай, якая адлюстроўвае агульную сутнасць вяселля як абраду пераходу, а таксама традыцыйны ўяўленні аб часе і прасторы, навакольным свеце і г. д. [9; 12, с. 260–375].

Аднак інтэнсіўныя грамадска-палітычныя і сацыяльна-эканамічныя пераўтварэнні 20–30-х гг. XX ст. не садзейнічалі захаванню значнай ко-

¹ Работа выканана ў межах праекта «Этнакультурны ландшафт Беларускага Падзвіння: рэгіянальная спецыфіка і заканамернасці функцыянавання ў другой палове XIX – пачатку XXI ст.» (ДПНД «Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава», заданне ГБ 0814).

лькасці традыцыйных элементаў. Наступ на рэлігію прывёў да паступовага скарачэння ролі і месца царкоўнага вячання. Пры гэтым спробы савецкай улады на гэтым этапе ўкараніць так званую чырвоную абраднасць поспеху не мелі [8].

Найбольш насычаным працэс разбурэння традыцыйнай вясельнай абраднасці становіцца ў другой палове XX ст. Характэрнай рысай дадзенага перыяду становіцца адраджэнне цікавасці савецкай улады да стварэння новай грамадзянскай абраднасці. Пасля з'яўлення адпаведных нарматыўных дакументаў паўсюдна сталі стварацца Палацы шлюбаў і іншыя ўстановы, што прапаноўвалі зарэгістраваць шлюб не ў будзённых абставінах, а ў выглядзе ўрачыстай цырымоніі [10, с. 74–75]. У выніку працэдура рэгістрацыі шлюбу, якая раней вельмі часта ўвогуле не ўключалася ў вясельны абрад, стала адным з цэнтральных момантаў вясельля і часткова перацягнула на сябе функцыі і сімваліку як царкоўнага вячання, так і традыцыйнага абраду «звяздзення» (або «злучэння») маладых.

На сучасным этапе можна канстатаваць дастаткова нізкі ўзровень захаванасці традыцыйных элементаў у вясельным абрадзе. Прычым у апошнія дзесяцігоддзі гэтыя працэсы закранулі і сельскую мясцовасць, абрад якой раней вылучаўся большай устойлівасцю. Разам з тым адзначаецца з'яўленне ў вясельным абрадзе новых элементаў, якія не характэрныя для традыцыі ці звязаныя з ёй ускосна.

Выбар часу вясельля сучасныя маладыя ажыццяўляюць па самых разнастайных меркаваннях: «Больше всего стараются в основном, ... если год совпадает, например, 2010, три десятки вот, три девятки, ... да, по числам. Также вот считается, что нельзя в мае выходить замуж или жениться» [6]; «цяпер усе хацяць летам, цёпла, усё зялёнае, фатаграфіі красівыя атрымліваюцца» [4]. Даволі ўстойлівай з'яўляецца думка, што нельга браць шлюб у маі, бо «ўсё жыццё будзеш маяцца», пазбягаюць таксама жаніцца ў высакосны год і ў перыяд посту.

У сучаснасці практычна зніклі традыцыйныя перадвясельныя этапы, а тыя, што захаваліся, носяць хутчэй намінальны характар і, па сутнасці, зводзяцца да абмеркавання арганізацыйных пытанняў маючага адбыцця вясельля. Як правіла, інфарманты адзначаюць, што падчас сватання «дамаўляюцца пра вясельле: калі будуць гуляць, колькі чалавек будзе з абойх бакоў, дзе будзе праходзіць, ці будуць вячацца, пра грашовыя траты» [1].

Пэўнае распаўсюджванне ў апошні час атрымала святкаванне заручын («помолвки»), што адбываецца, несумненна, пад уплывам узораў масавай культуры і слаба звязана з абраднасцю заручын традыцыйных: «Заказывают или ресторан, отдыхают, или дома... Кто-то может быть и развлечения какие-то устраивает» [3].

«Дзявочнік» і «хляпечнік» зараз носяць падкрэслена забаўляльны характар, без захавання якіх-небудзь абрадавых складнікаў. На сучасным этапе

інтэрнэт-рэсурсы прапаноўваюць самыя разнастайныя «сцэнарыі» правядзення «дзявочніка» і «хлапечніка», што скапіяваныя, як правіла, з заходніх узораў (тэматычныя вечарынкi, прагулка на лімузіне, наведванне касметычных салонаў і да т. п.). Варта адзначыць, што матыў развітання з дашлюбным жыццём прасочваецца ў сучасных «дзявочніку» і «хлапечніку» даволі моцна: «На этих мероприятиях жених и невеста последний раз могут почувствовать себя свободными. Что делают? Да отдыхают как только могут» [7]; «Собираются за несколько дней до свадьбы, чтобы попрощаться со своей холостяцкой жизнью и весело провести время» [5].

Значныя спрашчэнні і скарачэнні зведаў сам вясельны абрад, у выніку чаго ў цяперашні час ён выглядае дастаткова кампактным па часе (адзін-два дні) і не вылучаецца вялікай разгорнутасцю абрадавых дзеянняў.

Разам з тым варта адзначыць і шэраг традыцыйных кампанентаў, якія аказаліся найбольш устойлівымі. Гэта традыцыі благаслаўлення і надзялення маладых, іх сустрэчы пасля заключэння шлюбу, выкупу нявесты, вясельнай «рагаткі», змены галаўнога ўбору і касцюма нявесты, падзелу абрадавага печыва, вясельнага каравая. Напрыклад, досыць традыцыйнай выглядае паслядоўнасць дзеянняў пры выпраўленні маладых да шлюбу: «берется икона, которая покупается для молодых. Полотенце, ...мать невесты обвязывает этим полотенцем... связывает руки, ...чтоб молодые были счастливы и вместе рука об руку шли, завязывают этим полотенцем специальным. Берет икону и водит вокруг стола» [6].

Аднак побач з тым, што элементы абраду захоўваюцца дастаткова традыцыйнымі па форме, яны часта напаўняюцца новым зместам. Так, вясельны каравай паўсюдна замяняецца тортам; у выкуп уключаецца вялікая колькасць жартоўных выпрабаванняў для жаніха: «Тут целый процесс начинается – выкуп. Жениха ожидает целая куча конкурсов, вопросов и заданий. Все это начинается сразу с калитки. Свидетельница с подружками уже возвращаются, как хотят. Бедному жениху и его свите приходится петь, танцевать и т. д., плюс он еще платит деньги и еще выставляет спиртное, конфеты и разную всякую всячину» [7]. Варта зазначыць, што зараз сцэнарыі падобных выкупаў складаюцца, як правіла, з дапамогай шматлікіх інтэрнэт-рэсурсаў і маюць вельмі мала агульнага з адпаведнымі элементамі традыцыі.

Вялікае значэнне на сучасным этапе маюць прыкметы і абрадавыя дзеянні апатрапейнай і прадукавальнай скіраванасці, пры гэтым сярод іх сустракаюцца як традыцыйныя (выкарыстанне кажуха, вострых прадметаў, абразоў), так і новыя, што звязаныя са зменамі ў побыце (напрыклад, распаўсюджана ўяўленне, што абутак нявесты павінен быць закрытым, каб праз адтуліны не «ўцякло» шчасце, а вясельная сукенка мусіць быць суцэльнай, каб маладыя не разышліся).

Варта адзначыць, што ў сучасным вяселлі, як і ў кантэксце вясельнага традыцыйнага, прысутнічае ўяўленне аб дарозе, па якой едуць маладыя, як праекцыі іх далейшага жыццёвага шляху. Адпаведна традыцый-

ныя прыметы і павер'і, звязаныя з дарогай, набываюць новае гучанне. Для параўнання прывядзём дарожныя прыкметы, зафіксаваныя ў канцы XIX ст. М.Я. Нікіфароўскім: «Свадебный поезд обыкновенно движется с наибольшей быстротою, чтобы нечистая сила, ни чары лиходея не могли догнать поезжан. Само собою разумеется, что для такой “шалёной” езды экипажи и сбруя должны быть в полной исправности, – что всегда лежит на обязанности правящего лошадьми в каждом отдельном экипаже. Если во время пути распряжется лошадь, скатится колесо, сломается ось, оглобля и вообще произойдет какое-нибудь замешательство, вызвавшее остановку и исправление, то жизнь новобрачных не будет счастлива» [11, с. 59]. А вось меркаванні інфармантаў пачатку XXI ст.: «Плохим считается, если corteж свадебный прервать, ну вот как бывает, машины, или не пропускают. Должна соблюдаться целостность свадебного corteжа» [6]; «Хорошо, когда дорога в ЗАГС легкая, то есть без пробок и светофоров, значит, жизнь будет легкая» [5].

Уласцівыя традыцыі сімвалічныя дзеянні і нормы паводзін, заснаваныя на ідэі адзінства маладых, непарушнасці шлюбнага саюзу, увасабляюцца і на сучасным вяселлі: «Чтобы молодые жили вместе, считается, что они должны сидеть только за одним столом, нельзя, чтобы были составлены два стола и сидели вот между. Также чтоб сидели на одной лавке, нельзя, чтобы сидели на разных стульях» [6].

Паколькі, як ужо адзначалася вышэй, урачыстая рэгістрацыя шлюбу часткова замяніла сабой царкоўнае вячанне, можна назіраць перанос традыцыйных элементаў, што звязаныя з вячаннем, на момант рэгістрацыі: «Сваты, сват со сватъей вносят специальное... полотенце длинное, которое стелят перед молодыми. ...Есть такая примета, что, кто первый встанет на это полотенце, тот и будет хозяином в семье» [6]. Разам з тым у сучаснасці фіксуецца ўстойлівае бытаванне прыкмет, што тычацца непасрэдна вячання: «Калі вяначаюцца, дык вельмі нешчасліва, калі ў каго з маладых упадзе пярсцёнак, ці яшчэ горш затухне свечка, гэта значыць, той памрэ» [1].

Пад уплывам масавай культуры ў сучасным вясельным абрадзе трывала замацаваліся дзеянні, для традыцыі не ўласцівыя: аб'езд сямі мастоў, вешанне замка на мосце, развітанне нявесты з дзявочыым прозвішчам, кіданне вясельнага букета і інш. Традыцыя перадвясельнага наведвання могілак трансфармавалася ў звычай наведваць помнікі і памятныя мясціны. Прычым калі ў традыцыйным вяселлі наведванне могілак дапушчальна толькі ў выпадку смерці бацькоў каго-небудзь з маладых, то ў сучаснасці наведванне помнікаў – агульнараспаўсюджаны звычай: «Обычно объезжают памятники. В Новополоцке памятник воинам-интернационалистам, Первую палатку, в Полоцке Курган, памятник Евфросинье Полоцкой, Вечный огонь, Софийский собор. ...Молодые объезжают по дороге 7 мостов, жених должен также перенести невесту через Красный мост. Там же происходит прощание невесты с девичьей фамилией» [2].

Акрамя гэтага, трансфармацыі структуры вясельнага абраду ў апошнія дзесяцігоддзі садзейнічала развіццё сферы паслуг, у выніку чаго традыцыйныя вясельныя ролі свата (дружка), як арганізатара і распарадчыка вясельля, і музыкі перайшлі да тамады і яго памочнікаў, а чыны «свата» і «свацці» на вяселлі сталі, хутчэй, намінальнымі. У большай ступені захаваліся абрадавыя функцыі дружак («свидетелей»), на якіх ускладаюцца абавязкі дапамогі і засцерагання маладых: «Во-первых, главная их роль – это свидетельствовать, они свидетели. Во-вторых, участвовать в разных конкурсах, выполнять какие-то обязанности за жениха... Ну, во время выкупа тоже свидетель большую роль играет» [6].

Характэрнай тэндэнцыяй апошняга часу з'яўляецца аб'яднанне асноўнага вясельнага застолля і перамяшчэнне яго з дамоў маладых ва ўстановы грамадскага харчавання, у выніку чаго са структуры абраду зніклі элементы, звязаныя з ад'ездам нявесты ў дом жаніха і сустрэчай яе там, прыездам гасцей ад нявесты на другі дзень вясельля і інш.

Як правіла, у межах аднаго ці некалькіх бліжэйшых населеных пунктаў спецыялістамі сферы вясельных паслуг прапановуюцца дастаткова адна тыпныя сцэнарыі правядзення вясельнага застолля, у выніку чаго адбываецца ўстойлівае замацаванне пэўных элементаў без уліку мясцовых традыцый. Таму, калі ў абрадах выпраўлення жаніха да нявесты ці выкупу нявесты, якія, як правіла, адбываюцца дома, яшчэ фіксуюцца нейкія мясцовыя традыцыйныя асаблівасці (абыход вакол стала, абсыпанне зернем), то напаўненне асноўнай часткі вясельнага застолля залежыць пераважна ад тамады і яго памочнікаў. У некаторых выпадках можна прасачыць пэўную пераемнасць у сцэнарыях сучаснага вясельля ад вясельля традыцыйнага, што сведчыць пра знаёмства з ім спецыялістаў сферы паслуг і імкненні так ці інакш уключыць традыцыйныя элементы ў склад сучаснага вясельля. Так, паўсюдна ў месцах правядзення вясельнага застолля наладжваецца ўрачыстая сустрэча маладых, пры гэтым, у адрозненне ад традыцыі, сустракаюць маладых бацькі з абодвух бакоў. Аднак традыцыйныя хлеб-соль, кажух у такіх выпадках заўсёды прысутнічаюць. Для ўключэння ў сцэнарыі сучаснага вясельля выбіраюцца, як правіла, кампаненты, якія характарызуюцца найбольш яркай сімволікай, якая дастаткова лёгка «прачытваецца» прысутнымі. Напрыклад, змена галаўнога ўбору маладой, павязванне ёй хустачкі, апрананне фартушка адназначна ўспрымаюцца як пераход яе ў новы статус – замужняй жанчыны і гаспадыні: «Да, фату снимают. Это уже в конце самого праздника, перед тем как молодым уйти. ...Снимается фата, считается, что... невестой ты побыла, теперь ты уже хозяйка, ты уже жена, ты не имеешь права носить фату. ...Снимается фата... и одевается косынка в знак того, что ты хозяйюшка» [6]. Дадзены кампанент з'яўляецца шырока распаўсюджаным у сцэнарыі сучаснага вясельля і даволі часта спалучаецца з элементамі сімвалічнага «выпрабавання» маладой: «В конце вечера свекровь снимает с невесты фату, повязывает на молодую косынку, фартук,

вручає веник. Гости сыпят под ногі невесты деньги, а та должна их собрать веником. Так невеста приобщается к новой роли жены и хозяйки» [2].

Аднак варта адзначыць, што вельмі часта арганізатары вяселля ўключаюць у ход вясельнага застолля разнастайныя гульні і жартоўныя конкурсы, што не мае нічога агульнага з вясельнай традыцыяй.

Такім чынам, у сучасным вяселлі Віцебшчыны найбольш устойліва захаваліся традыцыйныя элементы, звязаныя з сімволікай пераходу, а таксама дзеянні апатрапейнай і прадукавальнай скіраванасці. Само вяселле значна спрашчалася, многія яго традыцыйныя этапы зніклі ці зведалі моцную трансфармацыю. Разам з тым пад уплывам масавай культуры і развіцця сферы паслуг у сучасным вяселлі з'явіліся новыя элементы, для традыцыі не ўласцівыя.

ЛІТАРАТУРА

1. **Запісана** студ. ПДУ Вішнеўскай Ю. у 2008 г. ад Грэцкай В. Ч., 1989 г. нар., г. Мёры Віцебскай вобл.

2. **Запісана** студ. ПДУ Казловай Н. у 2007 г. ад Серады Е. С., 1985 г. нар., г. Наваполацк Віцебскай вобл.

3. **Запісана** студ. ПДУ Калтуновай Е. у 2011 г. ад Трафімавай І. А., 1984 г. нар., в. Фарынава Полацкага раёна Віцебскай вобл.

4. **Запісана** студ. ПДУ Падложнай Г. у 2008 г. ад Падложнай І. М., 1964 г. нар., г. Наваполацк Віцебскай вобл.

5. **Запісана** студ. ПДУ Пухавай Т. у 2008 г. ад Гарлачовай І. М., 1986 г. нар., г. Полацк Віцебскай вобл.

6. **Запісана** студ. ПДУ Пяткун І. у 2010 г. ад Мурзіч В., 1989 г. нар., г. Глыбокае Віцебскай вобл.

7. **Запісана** студ. ПДУ Свірко Е. у 2008 г. ад Міхальчанка С. Л., 1981 г. нар., в. Зялёнка Полацкага раёна Віцебскай вобл.

8. **Захарэвіч, А. Б.** Спробы ўкаранення «чырвонай абраднасці» ў рытуалах сямейнага цыклу на тэрыторыі Беларускага Падзвіння і БССР у цэлым у 20-я гг. XX ст. / А. Б. Захарэвіч // Беларускае Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў (да 20-годдзя археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ) : зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – Ч. 1. – С. 194–196.

9. **Мішына, В. І.** Структура і сімволіка традыцыйнага вясельнага абраду беларусаў цэнтральнага і заходняга Падзвіння ў 1930–1950-я гг. (па матэрыялах этнаграфічных экспедыцый ПДУ) / В. І. Мішына // Беларускае Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у Полацку) : зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара. – Наваполацк : ПДУ, 2009. – С. 231–236.

10. **Мялешка, А. А.** Савецкая сямейная абраднасць Беларусі / А. А. Мялешка. – Мінск : Выш. шк., 1976. – 238 с.

11. **Никифоровский, Н. Я.** Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах : собраны в Витебской губернии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск, 1897. – 336 с.

12. **Традыцыйная** мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / Т. Б. Варфаламеева [і інш.] ; склад. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Бел. навука, 2004. – Т. 2 : Віцебскае Падзвінне. – 910 с.

Падстаўленка В.Ф. (г. Віцебск)

ПРАБЛЕМА СТАНАЎЛЕННЯ АСОБЫ Ў «ВАЕННЫХ» АПАВЯДАННЯХ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА

У класічнай творчасці Уладзіміра Караткевіча, таленавітага творцы і выключнага жыццялюбца, шматгранна даследуецца космас чалавека. Сярод разнастайных па ступені храналагічнай аддаленасці гістарычных «пляцовак» заканамерна, што пісьменніцкая ўвага закранала і перыяды грамадскай дэструкцыі, эпахальнага выбару чалавецтва і ўсеагульнага выпрабавання. Прыкладам таму з'яўляюцца і абставіны Вялікай Айчыннай вайны, адлюстраваныя Караткевічам у апавяданнях «Госць прыходзіць на золкім святанні», «Карней – мышыная смерць», аповесці «Лісце каштанаў», рамане «Чорны замак Альшанскі».

Выходзячы з гуманістычных пазіцый вайна магла бачыцца класіку толькі як катастрофа, якая непазбежна закранула кожнага. Такая рэцэпцыя Караткевічам змрочных гадоў першай паловы 1940-х прывяла да экстэнсіфікацыі ў творах трагічных эпизодаў, фантасмагарычных карцін, элементаў мастацкага псіхааналізу. Арыгінальнай ілюстрацыяй адзначанага вышэй можа паслужыць навіла «Госць прыходзіць на золкім святанні» (1959).

Праз драматычны лёс мастака Антося Доўгага, праз канцэптуальнае супастаўленне вайны і мастацтва пісьменнік раскрыў шэраг пазачасава значных пытанняў: імператывы існавання чалавека, эстэтыка жыцця і антыэстэтыка вайны, роля і прызначэнне творцы, вытокі станаўлення асобы, выратавальная функцыя духоўнасці і інш.

Асэнсаванне катастрофічнай сутнасці вайны ідэйна і тэкстуальна прамаркіравана на працягу ўсяго твора. Нават пачатак навілы мае пагрозліва-містычны характар: «<...> уначы над горадам стаў чорны чалавек, доўга глядзеў на сіняга і чырвонага пеўняў, якія біліся ля яго ног, а потым схпіўся за спічастыя вежы касцёла і перавярнуў зямлю дагары нагамі. І стала цемра» [1, с. 261]. Сімволіка-травесцыйны характар эпизода, думаецца, можна патлумачыць наступным чынам: у час татальнага знішчэння свет страчвае сапраўдны ідэйны базіс і маральныя арыенціры, таму, фігуральна кажучы, усё становіцца дагары нагамі. Адбываецца полюсная трансфармацыя (ці свядомая прафанацыя) магістральных паняццяў і з'яў: добра і ліха, жыцця і смерці, сумлення і хлусні, існага і псеўдамастацтва і г. д.

Фантастычныя выявы насычаюць і далейшы змест навелы. Часткова гэта звязана і са спецыфікай мастакоўскага стылю галоўнага героя. Аднак у даваенны перыяд яго карціны знітоўвалі лепшае ў рэчаіснасці з аўтарскімі мроямі, так, прынамсі, у ідэалістычным шэдэўры Антося Доўгага «Горад Сонца» дамінавала «лазурна-сонечная гармонія», якая сцвярджала магчы-масць рэальнага шчаслівага жыцця на зямлі.

Але з «Горадам Сонца» кантрастуюць пазнейшыя замалёўкі Доўгага – жахлівыя карціны дэструктыўнага мастацтва вайны: «абгарэлы крыж вялікага дрэва ва ўнутраным двары разбуранага дома. Ад дома засталіся амаль па кругу ўламкі, падобныя на выкрышаныя зубы. <...> Называецца “Модлы руін”». [1, с. 265].

Ваенныя карціны Антося маніфестуюць ідэі ўсеагульнай сусветнай бяды і хісткай надзеі для чалавецтва выжыць, а таксама апелююць да маральна-духоўных рэшткаў у душы рэцыпіента.

У апавяданні Караткевіча галоўны герой уяўляе сабой дынамічны вобраз, здатны да псіхалагічнай трансфармацыі, звышвялявых рашэнняў і самаахвярнасці. Пры гэтым у першапачатковай характарыстыцы персанажа пісьменнікам канстатуецца поўная адсутнасць выключных гераічных патэнцый: «Доўгі не мог абараняцца. <...> ён быў чалавек мяккі і нерашучы, з тыповымі абломаўскімі рысамі ў характары» [1, с. 263]. Але ў час, калі існаванне стала страшнейшым за смерць, не мог не змяніцца і Антось Доўгі, па ўласных словах, «фатаграф жыцця».

Іншая рэчаіснасць, пачварная ў сваёй шматварыянтнай дэструктыўнасці, стала звышматывацыйай для новага этапу творчасці Доўгага. Яго карціны – мастацкія сведчанні часу – з’яўляліся адзіным сэнсам працягу зямнога шляху Антося. Між тым, у гэтай штодзённай пакутлівай працы да самазабыцця быў для героя і момант Боскага адкрыцця, момант існага шчасця: «Ён быў нават шчаслівы тым незразумелым шчасцем галоднага і халоднага мастака, які робіць патрэбную справу і больш чым калі-небудзь адчувае сябе змагаром за душу чалавечую» [1, с. 266]. Такім чынам, персанаж адчувае момант своеасаблівага катарсісу, стан відавочна амбівалентны, бо звязаны, з аднаго боку, з поўным самазабыццём і хуткім фізічным знішчэннем, з другога боку, мастацкая свядомасць Доўгага сканцэнтравалася на існых духоўных і анталагічных аспектах.

У навеле Караткевіча бліскуча раскрываецца ідэя маральна-духоўнага ўзвышэння вобраза Антося Доўгага. Рэалізацыі гэтай аўтарскай задумы спрыяюць шматлікія **сувязі твора з біблейскімі першакрыніцамі**. Так, напрыклад, апісваючы героя ў разбураным горадзе, аўтар кажа: «...ён сам хадзіў па вуліцах, як Ерэмія, і глядзеў-глядзеў-глядзеў» [1, с. 264]. Параўнанне Антося Доўгага з Ерэміяй – адным з чатырох вялікіх прарокаў Старога Запавету, прадвеснікам Месіі – можна разглядаць як аўтарскую падказку, неабходную для адэкватнай ацэнкі галоўнага героя.

Біблейскія падзеі з жыцця названага прарока апелююць да часоў кіравання цара Седэкіі. Іерусалім тады быў знішчаны вавілянянамі, яго жыхары палонены, таму прароку засталася толькі аплакваць знішчаны горад, што ён і зрабіў у сваіх глыбока кранальных песнях. Сам прарок застаўся ў роднай зямлі, і толькі пасля бунту Ерэмія пайшоў у Егіпет, дзе праз пэўны час памёр.

Як бачна, асноўныя калізіі і характарыстыкі супадаюць: факт знішчэння горада і пакутаў яго жыхароў, непадобнасць да астатніх, выключнасць вобразаў Ерэміі і Доўгага і іх лёсаў, прага абодвух герояў застацца на роднай зямлі; імкненні (ці неабходнасць!) выявіцца ў душэўных, псіхалагічна заглыбленых творах. Істотнае разыходжанне праявілася толькі ў фінальных падзеях: у адрозненне ад біблейскага правобразу герой Караткевіча пераходзіць ад унутранага адмаўлення чалавеканенавісніцкіх тэорый фашызму да ўзброенай барацьбы з іх носбітамі, а пасля знішчэння многіх ворагаў гераічна загінуў. Такі вынік жыцця пратаганіста быў больш прадвызначаны імператывамі праўдападабенства і жыццёвасці. Аднак, як ужо адзначалася, пісьменнікам канстантна пакідаецца сама ідэя паступовай градацыі, умацавання маральна-духоўнай сувязі Антося Доўгага з вышэйшымі стваральнымі сіламі сусвету, і таму ў навіле мае месца адпаведнае ўзвышэнне персанажа. Дарэчы, само імя «Ерэмія» ў перакладзе са старажытна-яўрэйскай мовы азначае «ўзвышаны Богам».

Працягваючы разгляд біблейскіх алюзій у тэксце навілы «Госць прыходзіць на золкім святанні», неабходна адзначыць, што сімвалічнае значэнне ў першым сне героя набывае вобраз неапалімай купіны. Блукаючы па пустэчы, Антось бачыць палаючыя хаты. «І палаў кожны хмыз, як неапалімая купіна» [1, с. 281]. У Караткевіча ўзнікае вельмі моцны па сэнсе і візуальных магчымасцях мастацкі вобраз, які іншасказальна выяўляе незагойную рану сумлення і балуючую памяць Антося аб здзейсненых памылках і яшчэ няздзейсненых годных справах.

Глыбокую канцэптуальнасць у кантэксце твора набываюць тэмы чалавечага суда і Боскага суда. Алеся, даведаўшыся аб забойстве фашыстамі выдадзенага ім правакатара, бясконца задаваў сабе пакутлівыя пытанні: «Як я мог так лёгкаважна аддаць яго ў рукі ворагу? Якое права меў я судзіць яго? Якое людзі, наогул, маюць права судзіць тых, што не горшыя за іх» [1, с. 280].

Здзейснены чалавечы суд успрымаецца героем як з'ява абсалютна недапушчальная, аберацыйная, аднолькава згубная для «судзі» і для «злачынцы», бо ахвярамі нясцерпных пакут сумлення будуць абодва. Матыў *злачынства і пакарання* грунтоўна распрацаваны Караткевічам як у эпізодзе рэальнага жыцця Доўгага, так і ў снах персанажа, дзе зямныя падзеі па-філасофску канцэнтруюцца ў іншасказальных карцінах: «Снілася яму, што ён ідзе па пустэчы, што зарасла сіўцом. <...> І былі хаты, і хаты гэтыя

палалі, і спеы даляталі стуль. <...> І ён пабег туды, да іх. Ён бег адчайдушна, шалёна, але гар аддаляўся і аддаляўся» [1, с. 281].

У першым сне Антось бачыць людзей без твараў: «Яны ішлі, і ніхто з іх не глядзеў на яго, Антося, бо твараў у іх не было. Але Антось ведаў, што яны ёсць, толькі не для яго» [1, с. 282]. Ёсць падставы названыя вобразы разглядаць як сімвалічную метафару ўсеагульнага пагардлівага стаўлення да персанажа з-за яго лёсавызначальнай памылкі.

У другім сне Антося развіваецца тэма Боскага суда, які, згодна са словамі Святога Пісання, чакае кожнага. Пісьменнік імкнуўся ўдумліва і арыгінальна раскрыць дадзены тэматычны аспект, у выніку чаго аўтар доказна канстатуе, што вышэйшы, канчатковы суд – гэта суд сумлення ў чалавечай душы. Выратаванне ад яго ў маральнай, этычнай і духоўнай пераарыентаванасці асобы ў бок існых каштоўнасцей і ў глыбокім адчуванні чалавекам неадназначнай, дуалістычнай сутнасці быцця.

Развіваючы **ідэю амбівалентнасці законаў і праяў рэчаіснасці**, Караткевіч заклікаў пазбягаць спрошчаных, павярхоўных ацэнак, бо на паверхні элементарнае і адназначнае можа мець складаную, шматвектарную, іманентную структуру. І так у любым выпадку, у тым ліку ў міжчалавечых стасунках і характарыстыках. Для большай пераканаўчасці дадзеных тэз і іх рэалістычнай доказнасці аўтар мадэлюе мастацкі свет твора шляхам палярнай ці амбівалентнай аргументацыі. Звернемся да асобных прыкладаў.

Бясспрэчную прэпазіцыю тут займае мастацкая карціна, азначаная ўжо ў назве наведы. *Вобраз гасця*, які прыходзіць на золкім святанні, выклікае шэраг асацыяцый, сярод якіх дамінуюць матывы трывожнасці, непрадказальнасці, трагічнай змененасці ранейшых падзей. У сусветных культурах архетып гасця трактаваўся як носьбіт лёсу, як першаштуршок трансфармацыі ўсіх сфер чалавечага жыцця. Унутраная сутнасць вобраза гасця базіруецца на ідэі маргінальнасці, бо, умоўна кажучы, гэта «чужое», якое імкнецца стаць «сваім».

У Караткевіча негатыўная градацыя вобраза гасця ўзнікае яшчэ і ў сувязі з часам яго з'яўлення. Світанак – няпэўны перыяд, памежны момант паміж ноччу, Цемрай, і раніцай, Святлом, а ў спалучэнні з эпітэтам *золкі* азначаны вобраз набывае толькі адмоўную сэнсавую канатацыю. У адпаведнасці з агульнай мастацкай канцэпцыяй быццёвай амбівалентнасці пісьменнік прэзентуе дзве вобразныя мадэлі гасця: правакатар і Алесь Доўгі. Абодва персанажы, захоўваючы фрагментарную агульнасць вобразнай схемы, могуць быць ахарактарызаваны неадназначна (у залежнасці ад арыентаванасці асобы рэцыпіента на гуманістычныя ці чалавеканенавісніцкія, фашысцкія імператывы).

Ідэя амбівалентнасці поліварыянтна раскрываецца і ў мастацкай сістэме *вобразаў абесчалавечаных людзей*. У першую групу персанажаў уваходзяць трагічныя вобразы ахвяр гэта, якіх прымусова пазбавілі свабоды, фізічнага вобліку і жыцця. Таму ў наведзе сцвярджаюцца матывы болю, пакут і

спачування ім: «Пасля ён (Антось. – В. П.) доўга плакаў, плакаў не над знішчанымі, а над уніжэннем чалавечым, над тым, што чалавека можна давесці да такога асвінення» [1, с. 267].

Наступную групу складаюць персанажы-зdraднікі, стаўленне да якіх сфармулявана адкрыта і па-біблейску афарыстычна: «Біце яго (зdraдніка. – В.П.), калі ў авечкі вырастаюць ваўчыныя зубы – яна горш за ваўка» [1, с. 267].

Свядома ці несвядома маральна-псіхалагічная рэдукцыя, дэтэрмінаваная абставінамі вайны, закранае кожнага, і тут не можа быць выключэнняў. Заканамерна, што такім чынам у творы паказаны персанажы, якія вызначаюць яго адзін з асноўных ідэйных канфліктаў і з'яўляюцца антаганістамі – «аксамітны кот» (адзін з нямецкіх акупацыйных кіраўнікоў) і Антось Доўгі.

Падставай для распрацоўкі ў творы алегарычнага вобраза аксамітнага ката паслужылі шматлікія негатыўныя характарыстыкі персанажа: яго ілжывасць, крывадушнасць, жорсткасць, паталагічнае жаданне весці псіхалагічнае паляванне і смяротныя гульні з людзьмі.

Жахлівая амаральнасць і імпліцытная драпежніцкая сутнасць героя прамаркіраваны не толькі на інтраспектыўным узроўні, але і ў партрэтных апісаннях: «Чалавек з'явіўся з-за пальмаў такой нячутнай хадой – быццам мяккія падушачкі былі на яго пятках», «і голас яго быў бурклівы, мяккі» [1, с. 274]; «быў ён невысокі, даволі кругленькі, ладны, на мяккім твары як прыклееная сядзела самая лагодная, самая дабрадушная ўсмішка. <...> Нават кароткія валасы на галаве былі нейкія плюшавыя, мяккія» [1, с. 275]; «ён паціснуў, як мяккімі падушачкамі, руку Антося» [1, с. 280]. У выніку ствараецца абсалютна завершаны алегарычны партрэт (з моцным сатырычным падтэкстам) хлуслівага аксамітнага ката, вытанчанага, «рафінаванага» драпежніка.

Як адзначалася, у час выбару, калі асобу апаноўваюць ярасць і злосць за тое, што ўвесь свет ператвараецца ў фантасмагарычныя руіны, вымушаны мяняцца і мастак, трансфармаваўшы свае ў многім ідэалістычныя погляды на «пагрозліва-спакойную нянавісць». Апалагетыка жыцця і духоўнасці актуалізуе ў характары Доўгага новыя мадэлі паводзін, а архетыповыя механізмы барацьбы з ворагамі прывялі да сінкрэтычнага спалучэння высокагуманістычных і жывёльных, інстынктыўных пачаткаў.

Такім чынам, прааналізаваныя аўтарскія канцэпцыі амбівалентнасці быцця і пачварнай антыэстэтыкі вайны шматасpektна сцвярджаюць ідэю абароны жыцця, патрабуюць ад чытача ўдумліва ставіцца да вызначэння чалавечай сутнасці, нашых спраў і вышэйшай ролі ў свеце.

ЛІТАРАТУРА

1. **Караткевіч, У.** Творы : проза, драматургія, публіцыстыка / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 557 с.

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИЧЕСКИ НЕВЕСТЫ НА СВАДЬБЕ

Фольклорные произведения, тематически связанные с расплетением косы, изменением прически – столь распространенное явление в свадебной поэзии, что их можно причислить к особенностям обряда. В мордовской свадебной лирике причитания по девичьей косе исключительно экспрессивны и драматичны, и поневоле закрадываются сомнения в том, что косу лишь расплетали, и что в основе причитаний лежит эта безобидная процедура [7, с. 258]. Встает вопрос, а не лежит ли в основе мотива более сильное действие, например, отрезание косы или даже пострижение. В российской истории пострижение известно как наиболее радикальное средство изменения статуса личности, ограничения ее дееспособности и пр. Нечто похожее можно было наблюдать в практике православной церкви, которая для изменения социального статуса человека прибегала к ритуалу пострижения. Все это делалось с целью перемены общественного положения личности, ограничения ее свободы. Известны случаи насильственного пострижения жен в монахини русскими царями. Хотя известны постриги и с другим – положительным – значением. По сообщению летописных документов в 1192 г. был постриг «...у Великого князя Всеволода, сына Георгиева, внука Володимира Мономаха... в граде Суждали, тот же дни и на конь его всади; и быть есть радость велика в граде Суждали» [2, с. 235]. В этом случае он был сродни обряду инициации, в результате которого ребенок переходил в следующую возрастную категорию, повышались его статус, дееспособность. В основном же, пострижение «поражало» в гражданских правах. На это указывают причитания невесты у русских сопредельной с мордвой Рязанской губернии:

Крестный ты, мой батюшка,
Не постригай мои косы русы,
Не снимай-ка ты с меня

Девичью головушку,
Девичью волошку
[8, с. 165].

Такие же предостережения звучат из уст мордовской невесты:

Бути сезят ве пря черь –
Карксамова грехс соват,
Бути сезят кавто –
Кирьга видьга грехс соват.

Если вырвешь хоть волос –
По пояс в грехи войдешь,
Если вырвешь два –
По шею утонешь в грехах.
[10, л. 24 об].

Из приведенных примеров становится ясно, что в древности невесту постригали, чтобы перевести в иной социальный статус, производя это насильственно, чем, вероятнее всего, объясняется горестный характер ее свадебных причетов [7, с. 259]. Нужно было не просто лишить невесту магической силы

волос, губительной для жениха, но и ввести ее в дом в ином качестве. Считалось, что волосы обладают чарами, колдовскою силою, поэтому мордовская невеста лишь во время венчания в церкви стояла с непокрытой головой. Но в некоторых местах и тогда на ней был девичий головной убор: у мордвы-мокши – *панчф* (цветок), у мордвы-эрзи – *живой твет* (живой цветок), у мордвы-шокши – *пехтим* (шапочка), а у мордвок-терюханок по подобию с русским головным убором – венец. Что же касается замужних женщин, то они вообще не имели права находиться без головных уборов в присутствии мужчин ни дома, ни во время полевых работ. По праздничным дням мокшанки носили «златные», *панго* («гриб»), эрзянки за пределами основного региона (например, в Самарской губернии) – «сороки», эрзянки мордовского края – *панго* («гриб»). У замужних молодых женщин дееспособного возраста это были платки, чепцы.

В основе широко распространенного обычая закрывать волосы некоторые ученые видят отголоски ритуала покрывать лицо специальным покрывалом – чадрой, другие предполагают, что корни традиции заключаются в суеверных представлениях о магической силе женских волос, которые могли навредить жениху, его родственникам своей сакральной силой [7, с. 259]. Становится понятным, почему существовало табу на хождение с открытыми волосами у большинства народов Поволжья: мордвы, татар, марийцев, русских, башкир. С непокрытыми, распущенными волосами у мордвы могли оставаться лишь такие мифологические покровительницы природы, как Веды-ава (богиня воды), Вирь-ава (богиня леса) – существа независимые, свободные, нередко действовавшие в своих стихиях нагими [3, с. 46, 54]. В фольклоре русских таковыми были русалки, ведьмы, колдуньи и прочие существа, связанные с нечистью, колдовскою силою. Не в последнюю очередь это было связано и с культом плодородия, растительности. Подобную мысль подсказывает обряд проведения мордвою некоторых аграрных культовых мероприятий, в которых волосы соотносятся с культом растительности, плодородия. Так, в деревнях во время засухи обнаженные девушки с распущенными волосами, возглавляемые старухами, знающими обряд, глубокой ночью производили ритуальное опаживание селения, полей [4, с. 60–61]. Косвенной трактовкой подобной связи можно признать распространенный фольклорный сюжет, в котором «герой (обычно девушка), спасаясь от преследования, вынимает из своих волос гребень, бросает его назад и из него вырастает частый лес. Волосы в этом случае представляют собой лес человеческой головы» [1, с. 147]. Это проясняет обычай, согласно которому женщина должна прятать волосы, так как, «входя в чужой род, она может навредить ему магической силой. Захвативший ее в брачные узы род порабощает силу ее плодородия как свою собственность» [1, с. 150].

Есть свидетельства того, что в более отдаленную эпоху женщина при выходе замуж должна была срезать или брить волосы. Такие действия отмечены у родственных мордве финно-угорских народов води и ижорцев. Н.Ф. Прытко-

ва пишет: «В старинной свадьбе води жених, по обряду, должен был срезать косу невесты. Мать, передавая из рук в руки волосы дочери, говорила жениху: «Возьми косу вместе с головою, будь ее господином. А она будет твоей рабою» [5, с. 324–325]. Передача косы есть символ передачи власти над человеком. У мордвы на свадьбе будущий муж, отрезая невесте волосы, как бы налагал на нее родовое клеймо [9, с. 132]. По представлениям мордвы, отрезание волос у невесты приводило ее к символической смерти, а затем к последующему возрождению к новой жизни через брак. У эрзи и мокши существовал обряд, при котором у девушки, достигшей совершеннолетия или выходящей замуж, отрезали косу. После смерти вместе с ней в могилу клали эту косу – «керш пель» как символ девичества и того, что она может на том свете выйти замуж и иметь детей [9, с. 131]. Если следовать воззрениям древних и считать, что инициация в виде пострижения означала переход в новое социальное состояние через символическую смерть, а затем возрождение, то можно понять, во имя чего меняется прическа женщины, выходящей замуж [9, с. 132].

На распространенность пострижения невест в Волжско-Окском регионе указывает инсценировка пострижения ножницами [8, с. 165]. Горестные переживания, причитания невесты, связанные с процедурой расплетания косы, объясняются еще и тем, что происходит существенное понижение ее статуса в семье мужа, где она становится бесправной. К примеру, до появления первого ребенка она не могла сесть вместе со всеми за обеденный стол. Это право приобреталось лишь тогда, когда она доказывала свою дееспособность – рожала ребенка. Свадебные термины для обозначения молодой довольно точно отражали ее положение в семье мужа: *уре ава*, *урьва* («женщина-рабыня»). Возникновение целого цикла причетов, связанных с изменением прически, вполне объяснимо указанными выше причинами. Неслучайно в свадебных причитаниях настроение невесты отягощено тяжелыми предчувствиями, горестными размышлениями о своей судьбе, оттого из ее уст постоянно звучит риторический вопрос «*Кодамо сон урекечись, кодамо сон вардоксчись?*» («Какова она рабская жизнь, какова жизнь рабыни?») [7, с. 261].

Исторически изменение прически, в особенности бритье головы, являлось социальным выражением подневольного состояния. Так, в Древнем Риме рабам брили головы. Столь же унижительную процедуру проделывали на Руси с крепостными девками в знак позора [1, с. 149]. Мордве-мокше и эрзе знаком обряд пострижения девочек-подростков, но с другим подтекстом – как часть ритуала, свидетельствующего о готовности к замужеству. Незнакомый автор в 1877 г. отмечал, что мордовские девушки «... до пятнадцати лет ходят стрижками. А с пятнадцати – надевают перевязку, небольшую, пальца в два шириною, с бисеринками венчик, и тогда можно было уже ее сватать» [6]. Все это указывает на важное социальное и магическое значение, которое придавалось изменению прически девушек брачного возраста у народов Поволжья. По этой причине ритуал нашел столь яркое отражение в обрядовой поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гаген-Торн, Н.** Женская одежда народов Поволжья / Н. Гаген-Торн. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 228 с.
2. **Зеленин, Д.** Обрядовые празднества совершеннолетия у русских / Д. Зеленин // Живая старина : отдельн. оттиск. – 1911. – С. 233–246.
3. **Мокшин, Н. Ф.** Религиозные верования мордвы : историко-этнографические очерки / Н. Ф. Мокшин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1998. – 248 с.
4. **Мордовский** этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. – СПб., 1910. – 848 с.
5. **Прыткова, Н. Ф.** Одежда води и ижор / Н. Ф. Прыткова // Западно-финский сборник. – Л., 1930. – С. 324–327. – (Труды КИПС АН СССР ; № 16).
6. **Р. П.** Этнографические заметки о мордвах / Р. П. // Пензенские губернские ведомости. – 1877. – № 24.
7. **Рогачев, В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор : (историко-этнографические, мифологические, региональные и языковые аспекты) / В. И. Рогачев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2004. – 384 с.
8. **Самоделова, Е. А.** Рязанская свадьба : исследование обрядового фольклора / Е. А. Самоделова. – Рязань : Статуправление, 1993. – 326 с.
9. **Шуляев, А. Д.** Жизнь и песня : (поэтическая система традиционной народной лирики мордвы) / А. Д. Шуляев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. – 172 с.
10. **Центральный** государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). – Фонд Р-267. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 24 (об.).

Рогачева М.П., Рогачев В.И. (г. Саранск, Россия)

ПОЭТИКА СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЙ НЕВЕСТЫ (на примере текстовых материалов мордовской свадьбы)

Из жанров мордовской свадебной поэзии наибольшее распространение получили свадебные причитания – один из наиболее развитых видов семейно-обрядового фольклора. Причитания невесты в свадебной поэзии занимают столь значительное место, их функции так важны, что нельзя не отнести этот аспект к важным типологическим особенностям мордовской свадьбы. Ни у кого из соседних или дисперсно проживающих с мордвой народов – марийцев, татар, чувашей, башкир – в фольклоре не выявляется столь сильно развитого жанра свадебных, наполненных драматизмом причитаний, хотя они тоже имеют место в обряде [3, с. 98].

По степени художественного совершенства и силе эмоционального воздействия причитания не уступают другим произведениям мордовского устно-поэтического творчества. Роль и значение причитаний определяются не только их высокими поэтическими качествами, но и широким охватом, от-

ражением в них жизненных явлений, процессов, быта народа, его мировосприятия, социальных представлений, эстетических идеалов, нравственных установок [2, с. 5].

Наиболее интересными представляются причеты, в которых рассматриваются взаимоотношения между невесткой и родителями жениха. В вечерней причети-диалоге невеста с подругой или замужней женщиной сетуют на то, что *Сынст келзэст а чарькодыт, сынст валозст а содат* («Языка ты их не поймешь, слов их не знаешь») [1, с. 68].

Композиционно это причитание состоит из двух частей. Если в первой части основным мотивом является осуждение родителей жениха, то во второй – мотив жалости, переживания за судьбу невесты. Характерен в этом плане поэтический текст, иллюстрирующий взаимоотношения:

Маштыть прясо превинеть
Емить кургсто валынетъ,
Ловташкады кургсто валынетъ,
Ловташкады, парыям,
Якстерь умарь чаминеть...
[1, с. 68–69].

Пропадет твой ум в голове,
Пропадут с языка слова твои,
Станут невнятными слова твои,
Побледнеет, моя золовушка
Красная ягода личико твое...

Национальная свадебная поэзия находит адекватные способы выражения самых сложных человеческих состояний, как в этом случае. В данном причете используются такие приемы, как: инверсия (*Маштыть прясо превинеть*), синонимические параллели (*Маштыть...*, *емить* в значении «пропадут, исчезнут»), анафора (*Ловташкады...*), уменьшительно-ласкательные слова *превинеть*, *валынетъ*, сравнения *Якстерь умарь чаминеть*, *Паро калаця чачинеть* – «Как хороший калач щеки твои», *Паро пеняда телынетъ* – «Как печка хорошее тело твое» [3, с. 215].

Отрицательную окраску из уст невесты получает семья жениха, которая называется *ломань семиясь* («чужая семья»), *Чинезензэ лепият* («Задохнешься в ее запахе»). Из уст невесты, в ее высказываниях звучит оценка поведения семьи, ее отношению к новому члену:

Бути ютат, дугинем,
Кудонть кувалт эрекстэ,
Сестэ мери семиясь:
«Перекладнок синьдсынзе,
Ало мостнок меньдсынзе»
[1, с. 67].

Если пройдешь ты, голубушка,
По избе-то скорехонько,
Тогда скажет семья:
«Поломает перекладины,
Половицы прогнет».

Используемые глаголы *синдсынзе* («сломает»), *меньдсынзе* («прогнет») выражают отношение семьи и аттестуют невесту как обладающую разрушительным потенциалом. Невеста ставит себя в разные ситуации. Сложность и настороженность чужой семьи проявляется и в том случае, если *бути ютат урядна* – «если пройдешь тихонько». На этот раз чужая семья, по словам невесты, найдет другой изъясн и скажет:

А усксевить пильгензэ,
А кантлеви пирязо
[1, с. 67].
Не может ног таскать своих,
Не может голову носить.

В мордовском-эрзя языке выражения «*а усксевить пильгензэ, а кантлеви эсь пирязо*» имеют форму устойчивых словосочетаний, резко отрицательно характеризующих действия персонажа как человека ленивого, вялого, бездеятельного [3, с. 216].

Невеста в причитаниях ставит себя в разные жизненные ситуации и причитая, извещает собравшихся о том, что невозможно угодить нравам чужой семьи:

Икелев сыргат – пек бойкат,
Мекевекс кадоват – нузякшат,
Мартост молят – тон сёвнат
[1, с. 67].
Вперед пойдешь – ты бойка,
Позади останешься – ленива,
Вместе с ними идешь – ругаешься.

В своем причете невеста использует прием антитезы – противопоставления действий во времени и пространстве: *икелев сыргат...*, *мекевекс кадоват...*, *мартост молят...*, который дает слушателю представление о сложности взаимоотношений, что будут складываться у невесты в чужой семье.

В причетах невесты используется поэтический прием ступенчатого сужения:

Пиже лугасть куншкасо
Таргазь ашти таргань столь
Столеньт лангсо столешник,
Столешникенть лангсо сиянь блидине,
Блидиненть лангсо

Кавто садовойть яблочкат,
Колмо медовойть пряничкат.
[1, с. 244].

На середине лужка
Стоит накрытый стол...
На столе столешник
На столешнике серебряное блюдо
На блюде
Два садовых яблочка,
Три медовых пряничка.

Этот же прием используется в причете четвертого вечера при описании девичества.

Лисинь совинь оинень,
Тиринь тетянь кардазга.
Кардазонть вить пельсензэ
Чачозь мазы поляна,
Се полянанть куншкaso
Ашо мазы килея,
Кавтов аштить пирянзо.
Ве пирясонть калинат светить,
Омбоцесэнь малинат палыть.
Се килеенъ ало ялгинень
Тейтерьксчим ашти озадо
[1, с. 50–51].

Походила я голубушка
По двору родимого батюшки
На правой стороне двора
Видна красивая поляна,
На середине этой поляны
Белая красивая береза,
Вершина ее раздвоена
На одной из вершин калина цветет,
На другой – малина горит.
Под этой березой, подруженьки,
Мое девичество сидит.

Прием ступенчатого расширения образа используется в поэтических строчках, исполняемых невестой в момент расставания с родительским домом:

Чалган васень приступкас,
Яван тетястон, авастон.
Чалган омботькс приступкас,
Яван урястон, алястон,

Яван патыстон, сазорстон,
Чалган колмотькс приступкас,
Яван роднясто-раськестэ...

[1, с. 194].

Встану я на первую ступеньку,
Отделюсь от отца, матери,
Встану на вторую ступеньку,
Отделюсь от невесток и братьев,
От старших и младших сестер.
Встану на третью ступеньку
Отделюсь от рода-племени...

Подобный прием позволяет охватить и объяснить довольно сложный психологический процесс расставания с родительским домом, неотвратимого разрыва многочисленных родственных связей, привычных сложившихся отношений с подругами, окружением.

В плачах невесты активно используется символика. Устойчивым символом, олицетворяющим невесту и ее девичество, является образ белой березы, «помеченной» *умарины* (яблони), «с красиво цветущими ветвями». Этот символ довольно подвижен в своей эмоциональной окраске и зависит от действия и этапа свадьбы, то он выступает в виде березы «с ветвями частыми, с листочками зелененькими», то «с раздвоенной верхушкой», «с обвислыми ветками», «с увядшими листочками», когда олицетворяет замужество и женскую долю [3, с. 218].

Душевное состояние, печаль невесты иногда может передаваться с помощью пейзажных зарисовок, сравнений с природными явлениями, их изображением (скрывшегося за облаками солнца, надвигающейся тучи и т. д.).

Природа, пейзажные зарисовки, сравнение и олицетворение с явлениями природы – неотъемлемая часть свадебной поэзии мордвы, поэтому столь часты типологически устойчивые сравнения: *виде килей сэрневан* («как стройная береза рост мой»), *мазы умарь тюскеван* («как красная ягода лицо мое»).

Часто невеста в своих причетах сравнивает себя с растениями, цветами:

Эли мон чачинь пиже луга лангс
Ожо пиря балагакс?
Эли мон касынь мазы луга лангс
Якстере пиря поцимканс?

[1, с. 188].

Или я родилась на зеленом лугу
Желтым цветочком?
Или я выросла на красивом лугу
Красноголовой сосулькой (клевером)?

Обращение к теме природы постоянно для свадебной поэзии. Так, приглашая предков на свадьбу-поминки, невеста, веря в их волшебство, просит

при входе в село, чтобы остаться незамеченными, перевоплотиться в птиц – *веле нармунькс прянк теинк* («в деревенскую птицу (имеется в виду домашнюю – *авт.*) превратите себя»); при входе во двор – *кардаз гулькакс прянк теинк* («в домашних голубей превратите себя»); при входе в избу – *кудо нимилявкс прянк теинк* («в комнатных бабочек превратите себя» [1, с. 188].

В причитаниях встречаются развернутые описания природы:

Кустим песэть, авакай,
Пиже лугань поляна,
Мазы лугань поляна.
Луганть лангсо авакай,
Грешной чувто – пой чувто,
Пайстомо чувто – пой чувто.
Тарадонзо чурынеть,
Лопинензэ ожинеть.

[1, с. 191].

У твоего крыльца, матушка.
Из зеленого луга поляна,
Из красивого луга поляна.
На этом лугу, матушка,
Несчастное дерево – осина,
Обездоленное дерево – осина.
Ветки ее реденькие,
Листочки желтенькие.

Эпитет «грешной», используемый по отношению к осине, русского происхождения и связан с известной религиозной трактовкой роли этого дерева в судьбе библейских персонажей. Но в мордовском варианте происходит переосмысление известного определения и появляется новый смысловой оттенок – «грешной» не означает, как в русском языке «греховное дерево», а наоборот, обозначает дерево несчастное, обездоленное, достойное жалости, как это и переводится нами на русский язык: слово «грешной» означает «несчастный».

Описание природы подчинено центральному замыслу – раскрытию образа невесты. Последующие строки, а также используемый прием олицетворения позволяют слушателю постичь всю сложность положения невесты, ее смятение перед неизведанной жизнью:

Чувтость прясо, авакай,
Грешной куко кукорды,
Пайстомо куко кукорды.
Тарадс чалгазь пильгезэ
Цюцевс кундазь кедензэ.
Се кукось, авай, мон улян

[1, с. 192].

На вершине этого дерева, матушка,
Несчастливая кукушка кукует,
Бездольная кукушка кукует.
На ветку наступил она ногами,
За маковку уцепилась руками
Эта кукушка, матушка, я.

Как и в первом случае, эпитет «грешной», но теперь уже со словом куко («кукушка» переводится как «несчастливая птица»). В данном случае кукушка выступает как олицетворение горестного одиночества девушки. Все остальные качества птицы как бы остаются незамеченными, на втором плане, кроме тех, что необходимы для создания поэтического образа. Подобный подход можно наблюдать в «Слове о полку Игореве», в котором многие образы восходят к устному народному творчеству: «На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкою безвестною рано кукует: «Полечу, – говорит, – кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, утру князю кровавые его раны...» [4, с. 93]. И в первом, и во втором случаях кукушка – вещая птица, символ одиночества, символ трагических предощущений, печали.

В приведенном нами случае из мордовской свадебной поэзии кукушка – олицетворение невесты – не только сообщает о ее состоянии, но и вещает о предстоящей безрадостной жизни, полной одиночества в чужой семье.

В использовании образов, связанных с природой и выстроенных в ассоциативный ряд имелись некоторые региональные особенности. Так, в предсвадебной поэзии с. Старый Байтермиш Клявлинского района Самарской области в причетах, исполняемых на сиротской свадьбе, девушка в многочисленных сравнениях считает себя *пизэнь-ашконь розницякс*, *кадыцякс* («птицей, разрушающей, бросающей гнездо»), *кардазонь кады голубакс* («голубкой, покидающей родимый двор»), *латонь кады цянавакс* («ласточкой, оставляющей крышу»), *шабрань кады шекишатакс* («дятлом, покидающим соседей»), *вирень кады куковокс* («кукушкой, бросающей лес»), *лугань кады цёковокс* («соловьем, покидающим луг»), *велень кады панзеекс* («жаворонком, оставляющим село»), *паксянь кады локсеекс* («шмелем, улетающим с поля»), *тветкань кады нимлявкс* («бабочкой, улетающей с цветка» [3, с. 223–224]. В качестве сравнения невеста прибегает к такому растению, как *мако лопат* («маков цвет»).

В причетах самарской мордвы-эрзи, записанных в советское время в 50–60-х гг. XX в., особенно часты поэтические пейзажные зарисовки. Обращаясь к подругам, невеста с сожалением причитает о том, что она уже выданная девушка – *максанька*. И подруги теперь уже без нее будут ждать лета:

Кизз мазы порыне
Кода ашо ловинесь ней солы,
Пиже лугась ней штаты,
Пиже вирнесь ней орши

[5, с. 47].

Летней красивой порушки
Скоро растает белый снежок,
Тогда лужок зеленый покажется,
Тогда лесок зеленый оденется.

Развивая эту тему, невеста продолжает:

Тутадо вирев-укшторов,
Виев роса поране.
Вирьга-укшторга якамсто,
Вить пильгиненк чалгинка –
Эсь росыненк правтынка.
Керш пильгененк чалгинка –
Монь росыненць тувтынка.
[5, с. 47].

Вы пойдете во лесочек
В пору сильной росы.
По лесу прохаживаясь,
Правой ноженькой ступите –
Свою росинку оброните.
Левой ноженькой ступите –
Мою росинку оброните.

Типология возникновения образов, включение пейзажей объясняется тем, что материальная и духовная культура мордвы изначально формировалась в лесной и лесостепной зоне Среднего Поволжья и тесно связана с окружающей природой.

Язык причитаний мордовской свадьбы отличается от разговорного, хотя и строится на его основе путем тщательного отбора слов, который сложился благодаря многовековой традиции и творческой интуиции народа. В этом отношении язык причитаний свадьбы характеризуется своей образностью и гармоничностью средств выразительности. Традиции народа опираются на ценности, добытые опытом прежних поколений. Вырастая на почве народного языка, поэтика свадебных причитаний в той или иной степени своим словарем отражает быт мордовского народа, его обычаи и нравы, образы и верования, интересы, думы и чаяния, окружающий мир и природу с ее богатствами – лесами, лугами, реками и озерами, животным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Евсевьев, М. Е.** Мордовская свадьба / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 384 с.
2. **Кавтаськин, Л. С.** Мордовские обряды и причитания при похоронах девушки / Л. С. Кавтаськин // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. – Саранск, 1972. – С. 186–191.

3. **Рогачев, В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор (историко-этнографические, мифологические, региональные и языковые аспекты) / В. И. Рогачев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2004. – 384 с.

4. **Слово** о полку Игореве / вступ. ст. и прим. Д. С. Лихачева. – М. : Дет. лит., 1980. – 221 с.

5. **Устно-поэтическое** творчество мордовского народа : в 18 т. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. – Т. 6 : Эрзянская свадебная поэзия. – Ч. 1. – 471 с.

Таранеўскі В.У. (з. Віцебск)

«ШЧАСЦЕ ЯК ШКЛО, А ШКЛО ЯК ШЧАСЦЕ» (Віцебшчына ў мемуарах Я.У. Пачобута-Адлянiцкага)

Словы Пачобута, вынесеныя ў назву гэтага артыкула, магчыма найлепей перадаюць лёс, рух і душу чалавека, які паўжыцця аддаў службе Марсу і нічога для сябе ў гэтай службе не даслужыўся, хіба застаўся ў нашай памяці дзякуючы свайму ўнутранаму жаданню працягнуць сваё духоўнае рэнаме не шабляй, а пяром.

Я.У. Пачобут-Адлянiцкі (1640–1703) пакiнуў выдатныя ўспамiны аб грамадска-палiтычнай, ваеннай і дамовай сiтуацыi ў Рэчы Паспалiтай за 1640–1684 гг. пад назвай «Notacyje moje i diariusz mojej sluzby wojennej...». Польскi даследчык мемуараў Б. Крулiкоўскi «Запiскi» Пачобута назваў «знакамітымі», «якiя ў многiх месцах могуць раўняцца з Паскавымі», хоць застаюцца малазнанымi, як і асоба самога аўтара. У Беларусi яны ўпершыню былі надрукаваны ў часопiсе «Полымя» ва ўрыўках [1]. У Польшчы iх надрукаваў яшчэ Ю. Крашэўскi ў 1877 г., а ў наш час з’явілася iх новае выданне, падрыхтаванае і пракаменцiраванае А. Рахубам. Польскiя лiтаратуразнаўцы першымi ацанiлі працу Пачобута. У. Чаплiнскi, займаючыся жанравай спецыфiкай даўнейшых мемуараў, назваў «Запiскi» выдатнай гiстарычнай крынiцай з выразнымi элементамi нарацыi і заўважыў, «што хоць яны і выкладзены ў форме дыярыўша, але не з’яўляюцца дыярыўшам *sensu scripto*». Я. Рытэль залiчыла «Запiскi» да аўтабiяграфiй цi мемуараў з перавагаю аўтабiяграфiчных элементаў, а пазней прызнала iх «дыярыўшам з агенчыкам мемуарнай нарацыi». А. Сайкоўскi назваў iх «дыярыўшам ваеннай службы», што можна было б і прыняць, калi б у Пачобута была iнфармацыя выключна пра яго вайсковыя справы, якiя ён спыніў у 1667 г., пайшоўшы з войска і вядучы свае запiсы – запiсы сталi цывiльнымi – яшчэ 17 гадоў.

Праца Я.У. Пачобута-Адлянiцкага – сiнкрэтычнага характару: гэта «дыярыўш-мемуары», з наяўнасцю элементаў і дыярыўша, і мемуараў цi сюжэтаў з больш развiтымi праявамi яркага апавядальнiцтва. Несумненна

і іх гістарычная каштоўнасць. Слушна пісаў Чэслаў Хернас, заўважаючы, «што Пачобут у сваіх дамашніх і мілітарных мемуарах падаў многа знамянальных рыс да зборнага шляхецкага партрэта і ў апісанні авантурнага жыцця жаўнера, і ў яго расчараванні, што да нічога ў службе Айчыне не даслужыўся, і ў паказе яго забабоннасці, якая ўплывала на яго ўчынкi». Як бы падагульняючы значэнне працы Я.У. Пачобута-Адлянцкага, Эдвард Менда прыйшоў да высновы, што яны запаўняюць шмат прабелаў у мемуарыстыцы XVII ст.

Сапраўды, без Пачобута нельга найпаўней уявіць ратную кампанію 1658–1667 гг. на ўсходніх рубяжах Рэчы Паспалітай.

Упершыню Пачобут пра сваё знаходжанне на тэрыторыі сучаснай Віцебшчыны піша пад датаю 19 жніўня 1660 г., калі яго атрад, рушыўшы з-пад Вільні на дапамогу віленскаму ваяводу Паўлу Яну Сапегу, разграміў каля Лепеля «дзве харугвы маскоўцаў... і абедзве харугвы ўзялі, за што няхай будзе Пану Богу пахвала» [2, с. 138].

У гэты ж самы дзень, як сведчыць мемуарыст, «папакідалі мы свае вазы на рацэ Пліса, а самі пайшлі конна», а 25 жніўня Пачобут быў ужо каля Лукамля, дзе яго напаткала бяда, бо ў гэты ж дзень уцяклі ад яго два яго гайдукі, трэці – хлопец і парабкі, як лемантуе Ян Уладзіслаў, нарабіўшы нямала шкоды.

27 жніўня войска, а разам з ім і Пачобут прыйшлі да Оршы, сталі пад ракой Оршай для далейшых распараджэнняў і волі ягамосці пана вялікага гетмана (Вінцэнта Корвіна Гансеўскага. – *В. Т.*), адкуль назаўтра, «узяўшы сабе на дапамогу Пана Усевышняга», з пэўнымі камільтонамі Пачобут вярнуўся аж да Полацка, да нейкага пана Лісоўскага ў якога быцам бы знаходзіліся ўцекачы з-пад Оршы, і якіх патрэбна было вярнуць, што «з ахватаю і зрабіў пан палкоўнік Лісоўскі».

Далей Пачобут піша пра падзеі, у якіх ён не браў удзел: «26 жніўня ягамосць пан ваявода рускі, з ласкі Божай і за сваёй фартуны нагалаву разбіў тры тысячы маскоўскай конніцы, пад Друцкам як сеў на іх, аж да самага Талачына мерцвякамі заслаў» [2, с. 138]. Сам Пачобут 29 жніўня быў ужо пад Друцкам, ад якога ішлі на Талачын, пры гэтым, як сведчыць гусар, «паўмілі пабоішчам, засланым маскоўскім мерцвяком».

«Дыярыўш» Я.У. Пачобута нерэгулярны, таму наступны запіс, які датычыцца Віцебшчыны, датуецца 6 лістападам 1660 г., калі Пачобутава харугва стала на кватэрах у вёсцы Буднікі каля Бешанковіч, іншыя па розных вёсках каля Вяжышчаў, а пан рэйментар у саміх Вяжышчах. Пачобут не піша, чым ён займаўся ў гэты час, можна толькі здагадацца, маючы на ўвазе яго авантурны характар, імкненне пастаяць за сваё месца ў харугве, з-за чаго ён неаднаразова паядынкаваў і, на сваё шчасце, з поспехам для сябе.

Наступныя запісы, якія датычацца Віцебшчыны, ужо датуюцца 10 студзеня 1661 г. «...рушылася наша дывізія харугвамі пад Глыбокае, з-пад

Глыбокага на Браслаў». Сам мемуарыст ад'ехаў у ашмянскі край да сваіх прыяцеляў, адкуль, мажліва, вярнуўся і раней, але запісаў, што 17 лютага «не бавячыся дома, а толькі ў прыяцеляў, вярнуўся ў харугву згодна з універсаламі, разасланымі да нас ад пана Міхала Казіміра Паца, каб таварыства найхутчэй вярталася да харугваў». «На што, – засведчыў мемуарыст, – старшыя, ветэраны, не дбалі: застаючыся ў сваіх дарогах, дзе хто ехаў, а нам малодшым, такая штуковіна не выходзіла, мусілі мы вярнуцца і сталі каля Дрысвят, а гэта ўжо дзеля таго, што ягамосць пан рэйментар, захацеўшы папалохаць Паліухтава, які ішоў з часткаю маскоўскага войска ад Дынабурга, збіраў вайсковых» [2, с. 138]. «Дзе мы, – піша мемуарыст, – і запусты ў вялікім голадзе і холадзе адсвяткавалі, дай Божа, будучае лепшым. А да гэтага хадзілі мы за дзве мілі; да станцыі на вахту пляцовую, і пад час якой 28 гэтага ж месяца ў саміх Дрысвятках сцята на возеры райтара, які забіў пана Наркусага, таварыша казацкай роты пана польнага гетмана» [2, с. 139].

Далейшы рух нашага героя такі: «5 сакавіка рушылася ўсё наша войска конна, без вазоў і без пяхоты пад Дынабург, дзе ў гэты ж дзень і сталі, потым пад Дрысвяты» [2, с. 139].

На гэтым і скончыўся 1660 г. Далей Пачобут стасуецца з Віцебшчынай аж у 1661 г.: «13 лістапада мой воз упаў з высокай гары ў глыбокую раку Дрысу. Цэлага войска вазы прайшлі, а мой з усім патануў, толькі коней, сняўшы пастромкі, уратавалі. Праз што меў я на паўтараста злотых шкоды, так мяне Пан Бог з Ласкі сваёй адведаў, то каня забілі, а тут яшчэ і воз патануў» [2, с. 139].

Няшчасці часта спадарожнічалі Пачобуту, бо сам казаў, «чалавек страляе, а Бог кулі носіць». Асабліва трагічным для яго стаў 1662 г.: «Месяца студзеня, пачаўшы гэты год, дай Езус, шчасліва ў Мядзелі, выехаў я адтуль у Докшыцы, дзе назаўтра стаў для збірання хлебных грошаў (задатку. – В. Т.), якія за тры тыдні сабраўшы, 24 гэтага ж месяца выехаў адтуль у Вільню, якія мне, за мае страты, брацтва даравала, як збыднеламу і ў іх вачах страчанаму таварышу, хоць нямнога таго, аднак і некалькі соцен злотых добра, за што няхай ім Пан Бог заплаціць» [2, с. 169].

У гэтым годзе Пачобут ледзьве не развітаўся з жыццём. 13 студзеня, як сам адзначыў, «Пан Бог наведаў мяне да канца, з ласкі сваёй найсвяцейшай, ад нікчэмнага чалавечка, на жалобу сэрца майго, калі з ім ужо звадзіўся і меў яго ў руках, могучы забіць, калі б хацеў забіў, але не захацеў, адступіўся», а той з боку прыпаў і выцяў мемуарыста плашмя шабляю ў лоб, у бок галавы, што не застаўся гусар і на нагах. Потым, як сам сведчыць, «...тры дзесяткі касцей з ілба вылезла і малюсенька не развітаўся я з гэтым светам... Аднак для хвалы імя Пана Бога і збавіцеля, які болей цярэў і другія ад мяне цярпелі, на сённяшні дзень адступіў той боль, ахвярую гэта пану Богу за грахі мае...» [2, с. 173].

Нельга казаць, што Пачобутавы ваенныя выправы цалкам праягалі па землях сённяшняй Віцебшчыны. На старонках яго мемуараў гучаць назвы дзясяткаў беларускіх гарадоў і вёсак: Магілёў, Кобрын, Пінск, Слонім, Жыровічы, Ашмяны, Навагрудак – не пералічыць усіх. Акрамя гэтага, шлях жаўнера ляжаў і ў Курляндыю, і ў Масковію, у Вялікую Польшчу. Апошняе, што звязвае яго ўспаміны з Віцебскам, гэта запіс ад 31 сакавіка 1664 г. Пачобут занатаваў, што ў гэты дзень «прыйшоў ад ягамосці пана гетмана загад, каб мы рушылі з-пад Смалян насустрач Хаванскаму, які ўжо на беразе Дзвіны, каля Віцебска заклаў абоз» [2, с. 210].

Гэта ўжо пра польска-маскоўскую летнюю кампанію 1660 г., кульмінацыяй якой стала бітва на рацэ Басі. Пачобут удзельнічаў у гэтай бітве, сам у ёй не вызначыўся, аднак пажартаваў з Альбрэхта Канстанцы Цеханоўскага, аршанскага маршалка, які ў час бітвы «зваліўся з каня, а потым апраўдваўся, што гэта да яго нядобрая хвароба прыпала ад атруты» [2, с. 145]. «Здаецца мне, – зрабіў вывад Пачобут, – што нядобрая, але ад страху, а не ад атруты, бо за сталом, пры віне, не было лепшага жаўнера» [2, с. 145].

Смех – не вельмі характэрная для Пачобут квінтэсэнцыя, як і для большасці нашых мемуарыстаў. Халодны і аднастайны віцебскі ваявода Ян Антоні Храпавіцкі, заўсёды ў клопатах і нараканнях Ф. Еўлашоўскі. Аднак, здаецца, што Пачобут ужо сябраваў з гумарам, якога ў яго час хапала. Дзякуючы сваёй задзірыстасці, Пачобут быў чалавекам неардынарным, рэдкім. Ніхто з мемуарыстаў-жаўнераў не паядынкаваў так часта і з добрым для сябе вынікам, як ён. Калі гэта было, каб малазнаны ў краі таварыш гусарскай харугвы быў выкліканы на паядынак самім вялікім гетманам Вялікага Княства Літоўскага Казімірам Янам Сапегам! Не кожны асмеліўся б кінуць у вочы магнату такога рангу словы, падобныя Пачобутавым: «Дзеля Бога, прашу перадаць ягамосцю..., каб мяне ён на паядынак не выклікаў, бо калі мяне паб'е, то невялікую будзе мець славу, што Сапега Пачобута пабіў, але, барані Божа, Пачобут Сапегу паб'е, то ўся дзяржава яго шчасце і перамогу бачыць будзе...» [2, с. 232].

ЛІТАРАТУРА

1. **Запiцкi** i дыярыуш Яна Уладзiслава Пачобута-Адлянiцкага / пер. з польск., прадм. i камент. В. У. Таранеўскага // Полымя. – 1998. – № 1. – С. 128–173 ; № 2. – С. 180–190.

2. **Poczobut, J. W.** Pamiętnik : (1640–1684) / Jan Władysław Poczobut Odlanicki ; oprac. Andrzej Rachuba. – Warszawa : Czytelnik, 1987. – 429 s.

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ИГРЫ, ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ВОСПИТАНИЯ

В ХХI в. проблема возрождения, сохранения и развития традиционной народной художественной культуры приобретает все большую актуальность. В наши дни понятие детской культуры становится все шире и все активнее участие в ней взрослых, поэтому и возрастает интерес ко всему, что касается жизни ребенка. Именно поэтому возникает вопрос о воспитании детей средствами народной педагогики. Данную тенденцию можно объяснить тем, что в настоящее время исчезают многие ценности, которые были выработаны нашими предками в течение многих веков. В числе факторов, пагубно влияющих на нормальное психическое и нравственное развитие личности ребенка, можно считать: разрушение культа семьи, потерю семейного авторитета и т. д. Многие считают, что такой пласт народной педагогики, как детский фольклор, в сложившихся условиях не нужен. Но это не так. Ведь именно в праздниках и традициях заложены все основы, так необходимые в наше время.

История русского фольклора начинается вместе с историей новой русской литературы в XVIII в. Однако отдельные проявления интереса к фольклору наблюдались и раньше. В летописях сохранились народные пересказы и легенды о происхождении славян и их расселении, об основателях Киева, о походах на Византию. Фольклор присутствует в «Слове о полку Игореве», в повестях XVI–XVII вв. («О Петре и Февронье», «О Фроле Скобееве», «О Карле Сутулове», «О Шемякином суде») [1].

В XVI–XVII вв. появляются рукописные сборники пословиц и поговорок, загадок, заговоров, народных примет. XVIII в. знаменует новое отношение к народной поэзии и народной культуре. Петр I указом 1722 г. восстанавливает в правах народную песню. Народные песни звучат при дворах Петра I, Елизаветы, Екатерины II. Старинная традиция продолжает существовать во всех слоях общества, причем как в бытовом плане, так и в литературном.

Рассматривая данный аспект, нам необходимо понимать, что фольклор (от англ. folk-lore «народная мудрость») – народное творчество, чаще всего устное. Художественная, коллективная, творческая деятельность народа, отражающая его жизнь, воззрения, идеалы, принципы. Важнейшей особенностью фольклора является его традиционализм и ориентация на устный способ передачи информации. Носителями обычно выступали сельские жители (крестьяне) [1]. В свою очередь, под детским фольклором следует понимать специфическую область устного народного творчества, которая объединяет произведения, отличающиеся друг от друга по своему художественному своеобразие. Художественная форма детского фольклора весьма специфич-

на: для него характерна своя образная система, тяготение к ритмизованной речи и игре [2].

С раннего детства (с рождения) каждый ребенок знакомится с фольклором через колыбельные, потешки, пестушки, загадки, сказки. Фольклор вносит неоценимый вклад в развитие личности, так как это богатейший жизненный и исторический опыт народа, нравственно-этические, социальные, семейно-бытовые, правовые, религиозные воззрения которого можно обнаружить в бытующих повсеместно малых фольклорных жанрах [5].

К произведениям детского фольклора следует относить: считалки, дразнилки, мирилки, жеребьевки, уловки, небылицы, заклички и приговорки. Все они в той или иной степени связаны с игровым и неигровым фольклором.

Еще в конце XIX в. каждый крестьянский ребенок знал не менее десятка приговорок – обращений к радуге, дождю, улитке. Дети вполне разделяли заботы своих родителей и их надежду на хороший урожай, а с ним и достаток. Независимо от своего возраста они верили, что смогут песенкой, словом заставить дождь поливать весь день ячмень, просо, овес.

Многие современные дети считают приговорки и заклички неким элементом, который свойственен только нашим бабушкам. Сегодня практически не встретишь на улице ребенка, который смог хотя бы проговорить закличку или приговорку, не говоря о том, чтобы ее спеть. А ведь не просто так наши предки «орали» на улице.

Современными медиками доказано, что у детей в возрасте 5–10 лет происходит активное развитие голосового аппарата. Поэтому в этом возрасте необходимо как можно больше говорить, петь и даже кричать. Эмпирическим путем пришли к пониманию этого наши предки [4].

Белгородскую область нельзя рассматривать отдельно от культуры всей страны. Однако на территории нашей области в силу исторического развития сложились некоторые особенности. Близость некоторых районов области к Украине отразилась в фольклоре. Так, в ряде сел Ровеньского, Грайваронского районов бытовала такая колыбельная песня:

Ой, во зеленом бору
Ходит дед в вечеру,
Ходит дед по траве
Носит сон в рукаве.
Всем детишкам продает,
А Ванюше так дает [2].

В ходе этнографических поездок по селам Белгородской области мы выяснили, что игры двух-, трехлетних малышей проходили с «няньками» и были просты и непритязательны. Все игры этого периода основывались на считалках и небыличках:

Раз, два, три, четыре,
Меня грамоте учили.
Не читать, не писать,
Только в куколки играть.
Я куколку разорила,
Меня маменька побила.

Игровой репертуар «нянек» с четырех-, пятилетними детьми был гораздо сложнее. Это можно объяснить тем, что дети, вовлекаемые в игру с более сложным сюжетом, должны развивать память, смекалку, ловкость. Как отмечают жители ряда сел Грайворонского района, это были игры-ловушки, исчезнувшие из современного детского репертуара:

Селезень утку загонял,
Молодой серу загонял.
Ходи, утица, домой,
Ходи, серая, домой.

В шесть – семь лет дети играли в игру «Бояре», распространенную только в селах с украинским населением (Грайворонский, Алексеевский, Ровеньский районы).

По мнению М.С. Жирова, дети более старшего возраста водили хороводы, движение в которых происходило по кругу, в центре находился «пан» (также просматривается влияние украинской культуры). В процессе игр типа «Мы посеяли ленок», «Дрема» дети приобщались к крестьянской работе, к известным в крестьянском мире навыкам, знаниям, умениям [2, с. 112].

В результате анализа собранного этнографического материала нами был выявлен еще один жанр календарного детского фольклора – приговорки насекомым, птицам, животным, растениям. Например, в селах Шебекинского района широко бытовали приговорки божьей коровке с пожеланием «полететь на небко», мышке – с просьбой заменить выпавший зуб новым и крепким. Незатейливые приговорки, обращенные к дождю, чтобы он перестал лить или еще «пуще» лил, к солнышку, чтобы оно выглянуло, к радуге – не что иное, как языческие заклинания, своеобразные волшебные формулы:

Дождик, дождик, пуще!
Дадим тебе гущи,
Хлеба краюшку.
Дадим тебе ложку
Хлебай понемножку!

(с. Графовка Шебекинского района)

Дождик, дождик, перестань!
Я поеду на Ердань.
С ключиком-замочком,
С аленьким цветочком.

А ты радуга-дуга!
Отворяй-ка ворота
Ключиком-замочком,
Аленьким цветочком!

(с. Айдар Ровеньского района)

Таким образом, мы можем предположить, что современным детям, озлобленным и воспитанным на культуре Запада, необходимо вводить с детского сада элементы национальной культуры для того, чтобы подрастающее поколение гордилось своими традициями, обычаями и обрядами. В школах также необходимо вводить предметы, изучающие народную культуру, – как все наследие национальной культуры, так и историю малой родины. Ведь незнание своих корней пагубно сказывается на формировании сознания современных детей.

Проходя все ступени физического, психического, умственного, нравственного, эстетического воспитания в рамках фольклорной традиции ребенок постепенно входит в большую народную культуру, тем самым становясь полноправным преемником духовного наследия своих отцов и дедов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аникин, В. П.** Русское устное народное творчество : учебник / В. П. Аникин. – Москва, 2001. – 721 с.
2. **Богатырев, П. Г.** Русское народное творчество / П. Г. Богатырев. – Москва, 1996. – 146 с.
3. **Жиров, М. С.,** Жирова, О. Я. Традиционные народные праздники и обряды Белгородчины : учебное пособие / М. С. Жиров, О. Я. Жирова. – Белгород : БелГИК, 2002. – 164 с.
4. **Круглов, В. П.** Детский фольклор / В. П. Круглов. – Москва, 2000. – 694 с.
5. **Мир** детской традиционной культуры / автор-сост. С. Р. Айвазян. – Москва, 1994. – 196 с.

Храпунович А.И. (г. Витебск)

ОБРАЗ ЭТНОГРАФА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА» В. КОРОТКЕВИЧА И «ДАГЕРРОТИП» Л. РУБЛЕВСКОЙ

Этнология занимает особое место в ряду гуманитарных и исторических наук. Современная этнология изучает этническую историю, этногенез, миграционные процессы, конфликты, религии, этнические особенности функционирования семьи, гендерную специфику в прошлом и настоящем [1, с. 314]. Но в нашей работе мы избрали особый объект исследования – лич-

ность этнографа в художественной литературе. Актуальность исследования в рамках выбранной нами темы несомненна, так как в наше время растет популярность этнологии как науки: в вузах республики появились кафедры, на которых стали преподаваться предметы этнологического цикла. Роль и место этнологии видится не только значимой и существенной в теоретическом плане, но и важной для решения практических задач сферы культуры, поэтому было бы неверным недооценивать художественное исследование вопросов в области этой дисциплины, которая также обладает весомым научно-педагогическим потенциалом [1, с. 318]. Актуальность исследования образа этнографа в литературе объясняется еще коммуникативной и моделирующей функциями литературы как искусства слова.

Цель нашей работы заключается в исследовании художественных образов этнографов в повести В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» и романе Л. Рублевской «Дагерротип» путем применения приемов описательно-аналитического и сравнительно-типологического методов. Выбор произведений мотивирован наличием в них образа этнографа, мотивов обретения и познания себя через познание окружающего мира, изображением реалий XIX в.

Долгое время белорусская культура находилась под сильным влиянием польской и русской культур, что объяснялось как общественными условиями нахождения сначала в составе Речи Посполитой, а потом Российской империи, так и сознательной политикой руководящих кругов этих государств, которые целенаправленно действовали в пользу денационализации белорусского этноса как такового. Только после шляхетского восстания 1830–1831 гг. царское правительство всерьез задумалось о вытеснении польского языка и культуры. Полонизация сменилась и дополнилась русификацией на белорусских землях. В конце XVIII – начале XIX в. Беларусь в научном понимании являлась неизученным краем. Не существовало никаких исследований о языке, фольклоре, этнографических границах расселения белорусов и о самой истории Беларуси. Не было даже единого названия народа и территории. Так, название «Беларусь» в то время закрепилось только за восточными губерниями – Витебской и Могилевской. Минская, Гродненская, Виленская носили название «Литва». Условия развития культуры Беларуси тесным образом связаны с процессом становления белорусской нации, формированием творческой интеллигенции, начавшей дело национально-культурного возрождения, возникновением нового научного направления – белорусоведения [5]. В то время народ предельно нуждался в пробуждении национального самосознания, чему и способствовала деятельность собирателей и исследователей фольклора, лингвистов, историков, этнографов.

Именно с таким молодым этнографом того времени мы встречаемся в повести В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Андрей Белорецкий

сначала предстает перед читателем стариком, полным знаний, которыми он желает поделиться с другими людьми, «ведь никакая книга не сможет дать читателю того, что видел собственными глазами главный герой, Андрей Белорецкий» [4]. Благодаря воспоминаниям героя мы знакомимся с молодым человеком, одержимым жадой научных открытий и познания Беларуси. Где его народ? Кто он? – вот основные вопросы, которые волновали главного героя в юности и способствовали его интересу к этнографии. Андрей Белорецкий отмечал, что в молодые годы для него «значительно важнее было понять, кто я, каким богам должен молиться. Я родился, как говорили в те времена, с “польской” фамилией – хотя до сих пор не знаю, что в ней такого мазовецкого было, – в гимназии (а это было тогда, когда еще не забылся черной памяти попечитель Корнилов, сподвижник Муравьева) называли нас, беря за основу язык отцов, “древнейшей ветвью русского племени, чисто-кровными, истинно русскими людьми”. Вот так, даже более русскими, чем сами русские!» [4].

Этнография не развивалась бы по сути, если бы не существовали такие энтузиасты, как описываемый Короткевичем Андрей Белорецкий. В то время данный вид деятельности считался опасным для существовавшего политического порядка, поэтому только огромный энтузиазм поддерживал начинающих ученых-фольклористов в их нелегком труде. Они по крупицам собирали материал и акцентировали этнические особенности народа, которому власть отказывала в праве на существование. Белорецкий считал, что в XIX в. Беларусь была настоящим раем для этнографов: «Это было – мое. За два года я обошел и объехал Минскую, Могилевскую, Витебскую, часть Виленской губернии. И повсюду я видел слепых нищих, видел горе моего народа, дороже которого – я теперь знаю это – у меня не было ничего на свете» [4]. Глазами Белорецкого показано духовное и физическое вымирание шляхты. В изображении этого сословия писатель был в основном верен духу своего времени, обращая внимание на антагонизм «шляхетское – мужицкое». Песни белорусских женщин для Белорецкого олицетворяют белорусское горе, но он верит в то, что не только стон слышится в наших песнях. Изучение белорусского края стало для молодого этнографа важным этапом национальной идентификации.

Образ этнографа у Короткевича идеализирован, его Белорецкий – человек умный, воспитанный, порядочный. Этическое и профессиональное в нем тесно связаны. Чтобы выделить моральные императивы Андрея, автор сопоставил его с идейным единомышленником Андреем Светиловичем и моральными антиподами Дубатовком и Вороной.

В декадансном романе Л. Рублевской «Дагерротип» одним из эпизодических героев является молодой этнограф Давид Масевич. Подобно Андрею Белорецкому, он также энтузиаст. В любой момент Давид готов часами рас-

сказывать о своем, «этнологическом», к примеру о записанных от разговорчивых старичков байках о местных оборотнях. Любой раритет, любая крохотная история от бабушки из глубинки приводит молодого человека в неописуемый восторг. Другие герои этого романа порой не могут понять его чувств и не придают таким вещам особого значения. Давида поразила коллекция графов Каганецких: «Глядзі, там далей, злева, Хорс! Далібог, выява Хорса! — Давыд саскочыў з брычкі і, паперхваючы, пашкандыбаў да чарговага рарытэту, на гэты раз драўлянага — пачарнелы патрэсканы слуп з падабенствам конскай морды наверху. Міхаіл Калоцкі, кусаючы ад нецярпення пульхныя вусны, падагнаў за сябруком гнядога каня, цяплялівага і панылага, якім толькі можа быць бяспраўны найміт, які бясконца мяняе часовых гаспадараў. Студэнты разглядалі злавесны слуп, быццам наведнікі Мулен-Руж красуньку, якая танцуе канкан» [2, с. 36].

Так же, как и у Андрея Белорецкого, у Давида Масевича болит сердце за народ, среди которого он вырос, и его волнуют те же проклятые вопросы: «Вы проста не ведаеце свайго народа! — тонкі, трохі хрыплы голас Масевіча дрыжэў ад абурэння. — Тое, да чаго мае дачыненне сабраанае тут — толькі адзін бок фальклору. А колькі мудрасці, дабрыні, прыгажосці і розуму можна знайсці ў народных песнях і легендах, казках і прымаўках!» [2, с. 44]. Щуплый парень, с хриплым от волнения голосом, дрожит от возбуждения, когда при разговоре с кем-либо тема касается белорусского народа и его культуры: «Дзе на зямлі яшчэ можа быць такое скрыжаванне культур? І для чалавека, які сам знаходзіцца на такім скрыжаванні, які шукае свае месца — тут яно знойдзецца. Павярніся да гэтай зямлі, шчодро палітай крывёй, ад якой адракаюцца нават родныя дзеці, і ты не будзеш чужынцам у самоце яе» [4]. Масевич — человек, духовно близкий Белорецкому, правда, более эмоциональный. Он еврей, а не белорус, но он любит белорусскую культуру, искренне стремится быть полезным людям. Он чужак и в то же время очень деятельная натура. Характер восторженного и самоотверженного Давида главным образом раскрывается через сопоставление с имморальным и прагматичным Калоцким, через его отношение к Богуславе, которой угрожала смертельная опасность.

Владимир Короткевич заложил в повести «Дикая охота короля Стаха» основы поэтизации и романтизации этнографов в белорусской прозе. Этнограф (в трактовке Короткевича) — человек-эрудит, открывающий миру неизвестное, непонятное для широких слоев общества существо. В романе «Дагерротип» подчеркивается, что этнограф в конце позапрошлого века воспринимался обществом прежде всего как чужак, на первый взгляд, отрешенный от жизни. Людмила Рублевская отказалась от предложенного Короткевичем ракурса репрезентации этнографа. В ее изображении этнограф — живой человек, не лишенный достоинств и недостатков.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Институт** белорусской культуры и становление науки в Беларуси : к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2012. – 769 с.
2. **Рублеўская, Л. Р.** Дагератып / Л. Р. Рублеўская // Дзеяслоў. – 2014. – № 3. – С. 15–71 ; № 4. – С. 74–143.
3. **Короткевич, В.** Дикая охота короля Стаха / В. Короткевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/SU/BELORUS/KARATKIEVICH/ohota.txt>. – Дата доступа: 05.10.2015.
4. **Культурная** жизнь. Развитие научных познаний о белорусском народе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refsurf.ru/333241653.html>. – Дата доступа: 09.10.2015.

Шулика М.В. (г. Белгород, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ К КУЛЬТУРЕ

Социокультурная ситуация характеризуется целым рядом негативных процессов, которые наметились в сфере духовной жизни общества. За последние несколько десятилетий можно наблюдать разрушение и подмену ценностей традиционной культуры, что прослеживается во всех сферах жизнедеятельности – начиная с семьи и заканчивая образовательными учреждениями. В связи с этим перед преподавателями возникает проблема, направленная на сохранение, возрождение и приобщение к народной культуре подрастающего поколения.

З.И. Файнбург под ценностными ориентациями понимает сложный социально-психологический феномен, характеризующийся направленностью и содержанием активности личности, которая является составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам [3].

В свою очередь, А.Г. Здравомыслов рассматривает ценностные ориентации личности как своеобразную ось сознания, в зависимости от которой находятся другие компоненты данной структуры [1].

Опираясь на концепцию Д.А. Леонтьева, мы можем заключить, что всякая ценность характеризуется двумя свойствами – значением и личностным смыслом. Значение ценности есть совокупность общественно значимых

свойств, функций предмета или идей, которые делают их ценностями в обществе. Личностный смысл ценностей – это их отношение к потребностям человека; он, в свою очередь, может определяться как объектом, выполняющим функцию ценности, так и зависит от самого человека [2].

Таким образом, ценностные ориентации – выборочное отношение человека к материальным и духовным ценностям, определяющее характер этого отношения, мотивы деятельности индивида, его поведение, убеждения, идеалы.

Ценностные ориентации не являются врожденными качествами личности, они формируются, изменяются под воздействием разнообразных объективных и субъективных факторов. При формировании ценностных ориентаций, безусловно, важную роль играют объективные факторы, в частности социальные условия, в которых происходит жизнедеятельность человека.

В рамках преподавания дисциплины «Художественное краеведение» нами была предпринята попытка сформировать ценностные ориентации к культуре края у студентов, вовлекая их в научно-поисковую и творческую деятельность. Так как в исследовании участвовали студенты, обучающиеся по двум направлениям подготовки, мы сформулировали следующие задачи:

- выявить базовый уровень ценностных ориентаций к культуре у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Народная художественная культура» (НХК);
- рассмотреть значение базового уровня ценностных ориентаций к культуре у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Искусство и гуманитарные науки» (ИГН), у которых отсутствует данная дисциплина в учебном плане;
- провести сравнительный анализ полученных результатов.

Реализация задач осуществлялась в течение семестра и предусматривала следующие методы:

- наблюдение за научно-поисковой и творческой активностью и отношением к ценностным ориентациям на занятиях;
- фиксация изменений когнитивного, мотивационного и личностно-деятельностного критериев.

В исследовании приняли участие 29 студентов. Участники были распределены по двум группам: первая группа – студенты НХК, вторая группа – студенты ИГН.

В ходе выявления когнитивного компонента в начале нашего исследования студентам в обеих группах были заданы следующие вопросы:

- Какие особенности формирования культуры края знаешь?
- Какое значение имеют культурные традиции?
- Хотел бы ты узнать об этапах заселения края, его культуре, имеющихся памятниках прошлого?

Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Отношение студентов к ценностным ориентациям культуры
на начальном этапе**

№ п/п	Наименование вопроса	Группа НХК		Группа ИГН	
		кол-во	%	кол-во	%
1	<i>Какие особенности формирования культуры края знаете?</i>	12 человек		17 человек	
	Ассимиляция культур славянских народов	5		4	
	Исторические этапы заселения края	1		0	0%
	Ничего об этом не слышал	6		13	
2	<i>Какое значение имеют культурные традиции для Вас?</i>	12 человек		17 человек	
	Огромное, так как это наше прошлое	4		5	
	Никакого значения. Это только нужно для бабушек и дедушек	2		9	
	В нашей семье есть свои традиции, они мне близки, а все остальное неважно	6		3	
3	<i>Хотели бы Вы узнать об этапах заселения края, особенностях культуры края, имеющихся памятниках прошлого?</i>	12 человек		17 человек	
	Да, это очень интересно	7		3	
	Нет, мне это не пригодится	2		10	
	Можно, конечно, но не в этом году	3		4	

Для анализа сформированности у студентов ценностных ориентаций к культуре мы использовали систему критериев оценки: «низкий», «средний», «высокий», которые позволили выявить влияние преподаваемой дисциплины на данный процесс. Это дало возможность сравнить результаты в начале и конце обучения.

В группах НХК осуществлялась систематическая работа со студентами, направленная на формирование ценностных ориентаций к культуре. В ходе проведения занятий мы осуществляли руководство научно-поисковой и творческой деятельностью, а также выявили отношение студентов к ценностным доминантам культуры. Полученные данные приведены в табл. 2.

Таблица 2

Отношение студентов к ценностям культуры края

Группа НХК	Группа ИГН
Студенты принимают активное участие в осмыслении ценностей культуры, пытаются самостоятельно сформулировать проблему, для решения которой посещают отдел краеведения в Государственной универсальной научной библиотеке. При этом 12% студентов выходят на осмысление в результате обсуждения категорий с преподавателем	Студенты готовы принимать участие в осмыслении ценностей культуры родного края, но только при непосредственном участии педагога. Тем самым они проявляют безынициативность и не могут выйти на новый уровень восприятия

Анализируя результаты, полученные в ходе преподавания дисциплины «Художественное краеведение», мы разработали систему оценок, по-прежнему используя три уровня: низкий, средний и высокий (табл. 3).

Таблица 3

Система оценок студентов

Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Студенты ничего не знают о ценностях, традициях, обычаях и обрядах края	Студенты имеют представление о традициях, обычаях и обрядах края. Могут дать краткую характеристику историческим и культурным процессам края	Студенты знают о традициях, обычаях и обрядах края. Развернуто могут дать характеристику любому культурно-историческому событию края, начиная с этапов заселения и формирования особенностей культуры до настоящего времени

В конце изучения дисциплины «Художественное краеведение» мы провели повторное анкетирование и задали те же вопросы. Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

№ п/п	Наименование вопроса	Группа НХК		Группа ИГН	
		кол-во	%	кол-во	%
1	<i>Какие особенности формирования культуры края знаете?</i>	12 человек		17 человек	
	Ассимиляция культур славянских народов	7		6	
	Исторические этапы заселения края	4		2	
	Ничего об этом не слышал	1		9	

2	Какое значение имеют культурные традиции для Вас?	12 человек		17 человек	
	Огромное, так как это наше прошлое	9		7	
	Никакого значения. Это только нужно для бабушек и дедушек	1		8	
	В нашей семье есть свои традиции, они мне близки, а все остальное неважно	2		2	
3	Хотели бы Вы узнать об этапах заселения края, его культуре, имеющихся памятниках прошлого?	12 человек		17 человек	
	Да, это очень интересно	9		6	
	Нет, мне это не пригодится	1		7	
	Можно, конечно, но не в этом году	2		4	

Полученные данные говорят о том, что формирование ценностных ориентаций к культуре является важным моментом в процессе знакомства с культурным наследием через традиции, обычаи и обряды.

Таким образом, являясь одним из важнейших компонентов внутренней структуры индивида, ценностные ориентации выступают своеобразным критерием оценивания личностью явлений, предметов окружающего мира, при этом наблюдается определенная степень осознания ценности явлений материальной и духовной культуры общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслов, А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. – 223 с.
2. Леонтьев, Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – М., 1992. – 17 с.
3. Файнбург, З. И. Ценностные ориентации личности в социальных группах социалистического общества / З. И. Файнбург // Личность и ее ценностные ориентации. Информ. бюллетень ИКСИ АН СССР. – 1969. – № 25/40.

КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЁСТАНОВЫ Ё СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

Бубен А.Н. (д. Добея, Шумилинскі раён)

ИСТОРИЯ ДОБЕЙСКОГО КРАЯ: ПОИСКОВО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕКИ

Франциск Скорина пісал: «Як ад нараджэння звяры, што ходзяць у пустыні, ведаюць ямы свае; птушкі, што лётаюць у паветры, ведаюць гнёзды свае; рыбы, што плаваюць па моры і ў рэках, чуюць віры свае; пчолы і тым падобныя баронаць вулі свае, – так і людзі, дзе нарадзіліся і ўскормлены, да таго месца вялікую ласку маюць».

Любовь к своей земле, прежде всего, связывается с тем местом, где человек родился, где проходит его сознательная жизнь. Чем полнее и содержательнее получены знания о родном крае, его людях, его прошлом и настоящем, тем больше будет человек испытывать гордость за свою малую родину.

Краеведение сегодня по праву считается одним из основных направлений в работе библиотек. Оно играет огромную роль в возрождении духовной культуры, исторического самосознания, содействует формированию интереса к истории родных мест и своим родословным.

В д. Добея Шумилинского района, на родину своих предков, я переехала из Витебска. И, конечно же, мне захотелось узнать историю этой земли. Вначале были только опросы старожилов, поездки в Шумилинский историко-краеведческий музей, изучение книг, статей из районных и областных газет. Но сведений было мало.

Работая с 2008 г. в Добейской сельской библиотеке, усиленно занялась краеведением. Читатели, прослышав о моей работе, несли свои семейные архивы, фотографии, документы.

Изучала книги Антона Параскевина (Улютенко Виктора Васильевича) – шумилинского краеведа и писателя. В последние годы много материалов на историческую тему было напечатано в районной газете «Герой працы».

Большие возможности по изучению истории в сельской местности открылись с появлением Интернета. В 2012 г., после областных курсов повышения квалификации, где была подробно раскрыта роль краеведения в работе библиотек, мной была создана группа «Добея. Земляки» на сайте «Одноклассники» (<http://ok.ru/dobilas>). В этой группе любой желающий может познакомиться с историей края, поделиться своими воспоминаниями, материалами, фотографиями, больше узнать о нашей деревне сегодня. Груп-

па стала достаточно популярной среди земляков (и не только). На данный момент в ней 196 постоянных зарегистрированных участников.

Мы всегда рады гостям. К нам приезжали участники проекта из Центрального научно-исследовательского радиотехнического института им. академика А.И. Берга г. Москвы. Они готовили к изданию книгу об известном ученом-изобретателе Вадиме Викторовиче Мацкевиче, внуке священника Добейской церкви Мацкевича Льва Николаевича. Вадим Викторович Мацкевич является автором книги «Солдат империи, или История о том, почему США не напали на СССР». Вот что он пишет о своей семье: «...Отец моего папы был знаменитым священником в селе Добея Витебской губернии (Белоруссия). На его проповеди и исцеления собирались сотни людей не только из Белоруссии, но и из России. Ему, простому сельскому священнику, за его просветительскую и целительскую деятельность было присвоено дворянское звание. Благодаря этому его сыновья, в том числе и мой отец, получили право учиться в Варшавском университете». Много интересного рассказали москвичи, было чем поделиться и нам.

Хотелось бы упомянуть сайт «Шумилинщина.рф» (<http://xn--80apaanekb1c9br.xn--plai/>). С участниками этого сайта, людьми, не равнодушными к истории своего края, мы обменивались информацией и электронными адресами исторических документов, выкладывали собранные материалы для чтения всем желающим (http://xn--80apaanekb1c9br.xn--plai/dobeyskiy_selsovet.html).

Особенно плодотворным выдался 2013 г. В Шумилинской ЦБС был объявлен смотр-конкурс написание истории библиотеки «Это наша с тобой биография...». Много материалов по истории Добейской избы-читальни, которая открылась 21 января 1921 г., нашла в Государственном архиве Витебской области, а также помогли коллеги-библиотекари.

В этом же году в Добейской сельской библиотеке было создано любительское объединение «Земляки». Сейчас в нем 9 человек разного возраста, профессий и образования, которых объединяет любовь к своей малой родине. Цель его – сбор, изучение и сохранение краеведческой информации, организация досуга, общения и отдыха жителей деревни Добея. Для земляков проводятся посиделки, беседы, литературно-музыкальные и тематические вечера и т. д.

История библиотеки неразрывно связана с историей края. Старожилы говорили, что название деревни Добея произошло от времен Отечественной войны 1812 г., **добили** здесь отряд французов. Но, изучая документы, получила совершенно другие сведения.

У деревни оказалась очень богатая христианская история. В томе 3 книги «История русской церкви» автор Макарий, митрополит Московский и Коломенский пишет, что «...в Витебске – два монастыря: Богородицкий и существовавший в Добее погост близ Витебска, 1406 г.». По другой за-

писи, в приложении 3, в списке древних монастырей, основанных на Руси в 1240–1448 гг., есть Полоцкий Добейский мужской монастырь. Эти сведения дают основание считать годом первого упоминания нашей деревни 1406-й.

В 1752 г. существовала деревянная униатская церковь, в 1793 г. – каменная православная церковь Сошествия Святого Духа, в 1884 г. в ней было 1803 прихожанина. Разрушена она была в годы войны. На основании этих исследований мы установили крест и памятную надпись на месте Добейской церкви Сошествия Святого Духа за счет собранных земляками средств. В ноябре 2013 г. к нам приезжали учащиеся воскресной школы при храме Святого преподобномученика Афанасия Брестского из г. п. Шумилино с целью ознакомления с историей края и Добейской церкви.

Упоминается Добея и в книге «Важнейшие селения европейской России» 1886 года выпуска. Сколько нового и интересного нашла, изучая «Писцовые книги», «Памятные книжки Витебской губернии», «Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской», книгу Алексея Парфеновича Сапунова «Витебская старина» и другие оцифрованные документы и карты.

В «Историко-юридических материалах» 1901 года в 29 выпуске есть документ: «Инвентарь Бешенковической слободы, или «предместья задвинского» и фольварков на Российской стороне, принадлежавших к Бешенковическому имению графа Литтаво-Хрептовича», составленный 28 сентября 1781 г. В нем указано Соснянское войтовство, где упоминаются многие деревни нынешнего Добейского сельского совета, списочный состав проживавших людей. Так поиск материалов расширился от одной деревни до всей территории сельского совета.

С участием неравнодушных жителей был собран и оформлен краеведческий материал об истории Добейского края и отправлен на республиканский конкурс «Бібліятэка – асяродак нацыянальнай культуры», где занял второе место в номинации «за пошукавую і даследчую працу». Для популяризации собранного материала среди населения создала фильм-презентацию «История Добейского края», который был показан в Добейском сельском совете на собрании граждан.

Со всей страной мы отпраздновали 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Не было на нашей земле семьи, которая не понесла бы в этой войне тяжелой утраты. Сейчас, с помощью нашей группы на сайте, активизировался поиск родственников погибших в годы Великой Отечественной войны. Обращались из Казахстана, Якутии, из разных уголков России. Почти каждый год к нам приезжают родные и близкие люди тех, кто увековечен на Добейском братском захоронении. На митинге 9 мая присутствовали родственники рядового Попова Ивана Андреевича, Першаева Михаила Павловича. Племянница Першаева Михаила Павловича Халькина Екатерина из

г. Клина Московской области вышла на меня через страничку группы «Добя. Земляки» в «Одноклассниках» и приехала с сыном и матерью.

Те, кто не может приехать, просят прислать фото захоронения. А нам, по желанию, присылают фото своих родственников-солдат, захороненных на нашей земле. В этом году с просьбой возложить венок и цветы, выслать фотографии к нам обратилась семья рядового Сычёва Якова Павловича.

Краеведческая работа – это как поиск ценного клада: чем глубже копаешь, тем больше находишь. Я рада, что смогла докопаться до истоков истории своего края и написать его летопись, а продолжение – до бесконечности.

Иногда невольно задаешь себе вопрос: а надо ли это кому-то? И сама даешь на него ответ: «Надо!». Ведь все больше людей разного возраста приходят в библиотеку, чтобы прочитать историю своей малой Родины.

Хотелось бы напомнить слова белорусского поэта Пимена Панченко:

Той дзень прапаў і страчаны навекі,
Калі ты не зрабіў таго, што мог;
Калі не паспрыяў ты чалавеку,
Няшчыры быў, зманіў, не дапамог.
Той дзень збыднёў, зліняў на сотню радуг
І попелам пасыпаны, сканаў,
Калі не падзяліў з суседам радасць
І больш за дзень узяў ты, чым аддаў.

Воднева И.П., Смирнова Т.Р. (г. Полоцк)

КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ ПО ТЕМЕ «ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ГОРОДА ПОЛОЦКА» КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Культурно-образовательная деятельность Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (НПИКМЗ) направлена на формирование всесторонне и гармонично развитой личности, подготовленной к самостоятельной жизни и деятельности в обществе, способной в будущем разделить и приумножить культурные ценности, правильно воспринимать язык современной культуры. Формирование личности происходит у человека, начиная с момента его рождения. В первые десятилетия жизни закладываются основы и идет активное формирование общечеловеческих качеств, которые способствуют появлению полноценной личности. По многолетним наблюдениям основной категорией посетителей полоцких музеев являются

дети и взрослые в возрасте от 5 до 35 лет. Поэтому одной из главных задач культурно-образовательной деятельности музея является грамотно организованная работа с потенциальным посетителем, направленная на формирование высокоорганизованной личности, способной взаимодействовать в контексте современного общества.

В наши дни проблема соотношения человека и общества поднимается на более высокий уровень рассмотрения. Непрерывное изменение социальной среды, коренная переориентация во всех областях материальной и духовной жизни требуют от каждого человека наиболее продуктивного использования индивидуальных возможностей [1, с. 9]. Плодотворность, реализация социальных и духовных ценностей прямо зависят от того, закрепятся ли они в установках образования и воспитания подрастающего поколения. Другими словами, все участники культурно-образовательного процесса должны создать систему условий, реализация которой приведет к успешной социально-психологической адаптации в нашем обществе [7, с. 44–49].

Возможность целенаправленного формирования общественного блага как смысла жизни возникает с момента появления самосознания. Известный педагог А.Г. Ковалев отмечает, что потребность в самовоспитании возникает тогда, когда личность сознательно относится к деятельности, к своим обязанностям, начинает смотреть далеко в будущее и намечать план жизни, понимая, что реализация этого плана требует определенных внутренних качеств от человека. Интерес к своему внутреннему миру и стремление изменить самого себя с учетом требований общества, избранной профессии заставляют человека заниматься самовоспитанием. Все это показывает, что в подростковом возрасте начинается новый, высший этап в развитии личности человека. Школьников интересует уже человек как носитель определенных свойств личности [3, с. 362].

И музеи могут стать той площадкой, где подростки познакомятся с предками, рассказывающими о жизни и деятельности выдающихся людей. В качестве примера, мы решили рассмотреть коллекцию материалов по теме «Почетные граждане города Полоцка».

Традиция почетного гражданства зародилась на белорусских землях еще во времена Российской империи. Почетные граждане как сословная группа городского населения Российской империи существовали в XIX–XX вв. Главным критерием присуждения звания являлось не столько имущественное положение, сколько заслуги перед Отечеством на гражданской службе, в религиозной сфере, науках или изящных искусствах.

Почетное гражданство разделялось на личное, пожизненное, прекращающееся со смертью, и потомственное, передаваемое по наследству. Права и привилегии почетного гражданства можно было по судебному приговору или в случае злостного банкротства утратить навсегда.

Кроме «общеимперского» почетного гражданства существовало почетное гражданство городов, которое появилось во второй половине XIX в. Почетными гражданами в городах становились люди, чьи выдающиеся заслуги перед городом были очевидными и неоспоримыми. Эти люди обладали высоким уровнем образованности, компетентностью в решении поставленных задач, были талантливыми организаторами.

В конце 1917 г. почетное гражданство было упразднено. К сожалению, сегодня сотрудники НПИКМЗ не располагают сведениями о почетных гражданах города Полоцка времен Российской империи.

В 1960-е гг. в Советском Союзе были предприняты попытки возрождения звания «Почетный гражданин города». В 1962 г. впервые решением Полоцкого городского совета депутатов заочно оно было присвоено двум советским космонавтам А.Г. Николаеву и П.Р. Поповичу. Но документы о почетном гражданстве в Полоцке были официально приняты только спустя пять лет.

В 1967 г. постановлением бюро ГК КПБ и исполкома Полоцкого горсовета за долголетний и плодотворный труд на благо Полоцка звание «Почетный гражданин города Полоцка» было присвоено 10 полочанам – В.С. Борейко, А.А. Добровольскому, И.П. Дейнису, И.М. Лихачеву, В.А. Пеньковскому, Г.С. Петрову, С.П. Портнову, Н.Ш. Симоновскому, В.С. Свирко, З.М. Тусноловой-Марченко [2]. В 1970 г. в связи с 25-летием Великой Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, учитывая большие заслуги в восстановлении и развитии народного хозяйства города звание «Почетный гражданин города Полоцка» было присвоено еще двум полочанам – С.А. Пашкевичу и И.Ф. Козлову. В 1979 г. произошло очередное награждение. Как отмечалось в документах, «в связи с 50-летием образования СССР и КПБ, а также за большие заслуги перед городом» звания «Почетный гражданин города Полоцка» были удостоены А.В. Глебов и Н.А. Клепацкая.

В список почетных полочан в 1987 г. вошли еще шесть человек, посвятивших свою трудовую деятельность родному городу в самых разных профессиональных сферах – управление (П.Г. Яковлевич), медицина (А.М. Лебедева), образование (П.К. Пацей), химическая промышленность (Л.И. Григорьева, О.П. Кундалевич), литература (А.А. Савицкий). П.Г. Яковлевич, бывший 1-й секретарь Полоцкого горкома КПБ, и Л.И. Григорьева, бывший директор завода «Стекловолокно», были удостоены этого звания посмертно. В 1990-е гг. это звание получил лишь один полочанин – заслуженный учитель Беларуси Н.М. Петренко.

В 2003 г. по инициативе горисполкома Полоцкий городской Совет депутатов утвердил новое Положение о присвоении звания «Почетный гражданин города Полоцка». Согласно этому документу звание учреждалось в целях «признания выдающихся заслуг граждан перед Полоцком, поощрения деятельности, направленной на рост социально-экономического развития,

обеспечения благополучия, повышения авторитета города» [4]. Почетный гражданин получал нагрудный знак, Памятную ленту, удостоверение и свидетельство о присвоении звания. Он имел право на бесплатный проезд в общественном транспорте г. Полоцка, бесплатное посещение культурных и спортивных мероприятий города и внеочередное медицинское обслуживание. С 2003 по 2014 г. это звание получили Н.И. Счастливая, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет, архиепископ Полоцкий и Глубокский Феодосий, Н.С. Солодка, К.М. Погорелая, В.А. Клейменов, В.С. Точило, П.И. Тимошенко, Н.Я. Гальперович.

Музеи НПИКМЗ, выполняя свои главные функции по комплектованию, сохранению и презентации историко-культурного наследия, еще с 1960-х гг. стали собирать материалы по теме «Почетные граждане города Полоцка». Самая многочисленная коллекция – это материалы Героя Советского Союза З.М. Тусноловой-Марченко, которой в Полоцке посвящен мемориальный музей, расположенный в доме, где ранее жила участница Великой Отечественной войны, сумевшая после тяжелейших ранений и операций найти в себе силы стать активным членом общества, примером мужества и силы духа. Более 200 предметов, характеризующих не только личную жизнь, но и историю всего города, собрано в коллекции педагога и краеведа, «летописца полоцкой земли» И.П. Дейниса. Также большая коллекция материалов, рукописей и авторских записей находится в личном фонде педагога и самодеятельного композитора Н.М. Петренко.

Музейным предметам, которые были связаны с выдающимися личностями, всегда отводится большая роль в образовательной деятельности музея. Используя интерактивные стороны музейной коммуникации, научные сотрудники организуют совместную деятельность в работе с подростками так, чтобы они познали содержание представленного музейного предмета, извлекли из него информацию, эмоционально пережили события прошлого, которые связаны с жизнью той или иной личности. В процессе познания у подростков активно развивается один из сложных психологических процессов – память, которая связывает в единую логическую цепь результаты человеческой деятельности – прошлой, настоящей и предполагаемой будущей. Память объединяет в единое целое познавательные процессы не только отдельного человека, но и человечества в целом, что находит отражение в формировании понятия «культурная память». Она является не хранилищем информации, а некой сложной и постоянно меняющейся и развивающейся субстанцией [5, с. 263]. Информация о почетных гражданах города, визуально представленная с помощью подлинников, актуализирует культурную память полочан, позволяет осмыслить свои личностные качества. Ведь ответственность за развитие своих способностей и таланта несет сам человек. Подростки на данном этапе определяются в жизни, ищут свое место в ней [6, с. 71–77].

Представленной информацией, наглядными примерами музеи дают каждому посетителю возможность усвоить новые для себя ценности. В процессе музейной коммуникации происходит формирование нравственных убеждений, моральных принципов, ценностных ориентаций, что побуждает подростка к благородным поступкам по отношению к близким и незнакомым людям.

В экспозициях шести полоцких музеев, которые являются специально организованной предметно-пространственной средой, сегодня представлены наиболее интересные предметы из коллекций о почетных гражданах города Полоцка. Так, в Детском музее в комплексе, посвященном изобретению фотоаппарата, можно увидеть фотографии И.П. Дейниса, И.М. Чистякова, З.М. Тусноловой-Марченко, С.А. Пашкевича, Н.М. Петренко. В Краеведческом музее фотографии С.П. Портнова и И.Ф. Козлова показывают становление личности человека в годы Первой мировой войны. В Музее боевой славы рассказ об освобождении города в июле 1944 г. не обходится без упоминания о генерал-полковнике И.М. Чистякове, под руководством которого бойцы 6-й гвардейской армии героически сражались в годы Великой Отечественной войны. На примере работ художницы и скульптура Н.И. Счастной, представленных в экспозиции Художественной галереи, подростки учатся «входить» в картину, чувствовать настроение художника, эмоционально реагировать на сюжет и понимать диалог художника с ними. А экспонаты мемориального музея-квартиры З.М. Тусноловой-Марченко способствуют формированию восприятия подростками человеческого подвига и героизма.

Экспозиции музеев НПИКМЗ и представленные в них экспонаты не оставляют равнодушными ни одного посетителя. Во время экскурсий и занятий научные сотрудники наблюдали, что при восприятии информации о выдающихся личностях многие подростки проявляли интерес к сложному внутреннему миру героя, стремились поставить себя на место этого человека, чтобы прочувствовать его переживания, познать творческое мировосприятие автора художественной концепции экспозиции музея.

Таким образом, в силу своей специфики музеи как учреждение культуры обладают мощным потенциалом для формирования гражданской позиции, что особенно важно в процессе развития подрастающего поколения. Культурно-образовательная деятельность музея строится на передаче социального опыта, аккумулированного в памятниках духовной и материальной культуры разных эпох [8, с. 101]. Современные интерактивные формы позволяют сегодня экспериментировать в музейном пространстве, искать новые подходы к организации музейной коммуникации в процессе взаимодействия с подростками. Музейная среда помогает устанавливать тесные контакты с посетителями по нескольким направлениям: информирование, обучение, познание, досуг, развитие творчества.

В настоящее время ведется планомерная работа по укомплектованию музейного собрания по теме «Почетные граждане города Полоцка». Налажена работа с родственниками Почетных граждан и с самими знаменитыми полоцканами. Научными сотрудниками Краеведческого музея в 2015 г. начата работа по подготовке к выставке, приуроченной к 50-летию начала присвоения звания «Почетный гражданин города». Полувековой юбилей даст возможность не только проанализировать работу отделов НПИКМЗ по сбору, сохранению и презентации исторического наследия, но и разработать новые формы коммуникации с подростками, принять активное участие в формировании у подрастающего поколения высоких общечеловеческих качеств. Такое партнерство приведет к успешной социальной адаптации молодежи в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Котко, А. Н.** Развитие творческой индивидуальности старшего дошкольника : учебно-методическое пособие / А. Н. Котко. – 2-е изд., доп. – Минск : Академия последипломного образования, 2006. – 320 с.
2. **Лихачёв, В. И.** Почётные граждане города Полоцка / В. И. Лихачёв. – Минск : Полымя, 1978. – 16 с.
3. **Немов, Р. С.** Психология : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 3 кн. / Р. С. Немов. – 5-е изд. – Москва : Гуманитарный издательский центр «Владос», 2004. – Кн. 1 : Общие основы психологии. – 687 с.
4. **Положение** о звании «Почётный гражданин города Полоцка». – Полоцк, 2003.
5. **Столяров, Б. А.** Художественный музей в образовательном процессе / Б. А. Столяров. – СПб., 1989. – 319 с.
6. **Чеснокова, А. А.** Преодоление подростками трудных ситуаций в школе и социальном окружении: опыт американских исследований / А. А. Чеснокова // Адукацыя і Выхаванне. – 2004. – № 9.
7. **Шуман, С. Г.** К вопросу о формировании гениальности / С. Г. Шуман // Псіхалогія. – 2003. – № 4.
8. **Юхневич, М. Ю.** Музей и личность / М. Ю. Юхневич. – Москва, 2001. – 186 с.

Гаўрылава С.В. (г. Полацк)

РУКАПІС ЯНКІ ЛІПАЎКІ З ФОНДАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА

Навукова-даследчая дзейнасць – адзін з асноўных кірункаў дзейнасці музея, які вызначаецца задачамі назапашвання дакументальных крыніц, іх апрацоўкі і ўвядзення ў навуковы абарот. Пісьмовыя крыніцы, рукапісныя і друкаваныя з’яўляюцца падмуркам гістарычных, філалагічных, літаратурна-знаўчых даследаванняў. Асаблівую каштоўнасць для даследчыкаў маюць

аўтографы, якія нясуць у сабе адбітак таго гістарычнага кантэксту, у якім ствараўся рукапіс, і як першакрыніцы раскрываюць творчую манеру аўтара.

У фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка захоўваецца калекцыя матэрыялаў былога выкладчыка Полацкага педагагічнага тэхнікума Івана Сямёнавіча Шчаснага і педагога-метадыста Марыі Андрэеўны Шчаснай. І.С. Шчасны з 1928 па 1936 г. выкладаў у педтэхнікуме беларускую мову і кіраваў літаратурным гуртком, у якім займаліся і рабілі першыя творчыя крокі маладыя пісьменнікі Полаччыны. Яшчэ ў сакавіку 1925 г. на базе студыі пры гэтай установе ўзнікла Полацкае акруговае аддзяленне сталічнага аб'яднання «Маладняк», якое ў 1928 г. было рэарганізавана ў Беларускаю асацыяцыю пралетарскіх пісьменнікаў (БелАПП). У ліку полацкіх маладнякоўцаў былі такія вядомыя беларускія пісьменнікі, як П. Броўка, А. Дудар, Т. Хадкевіч, А. Звонак, Э. Самуйлёнак, Я. Скрыган і інш. Зразумела, што сярод сяброў «Маладняка», а пазней БелАПП былі і студэнты педагагічнага тэхнікума, як, напрыклад, Тарас Хадкевіч.

У калекцыі І.С. Шчаснага знаходзіцца агульны сшытак з успамінамі і твораў студэнта Полацкага педтэхнікума Янкі Сымонавіча Ліпаўкі (КП009449). Рукапіс датуецца канцом 1920-х гг. Зыходзячы з датавання твораў, ніжняй крайняй датай можна лічыць 1929 г. Змест рукапісу ўмоўна дзеліцца на дзве часткі – прадмову і зборнік твораў. Прадмова ў сваю чаргу падзяляецца на тры главы: успаміны аўтара, як ён сам пазначае, «аўтабіяграфія», пасляслоўе да аўтабіяграфіі і прадмова да творчасці, пажаданне і падзяка. Створаны рукапіс быў па замове І.С. Шчаснага, але мэту вызначыць сёння даволі складана. Абапіраючыся на ўскосныя дадзеныя з тэксту прадмовы, можна зрабіць выснову, што Іван Шчасны меў намер сабраць біяграфічныя звесткі і зрабіць па магчымасці поўны збор твораў сяброў «Полацкай філіі», для чаго ім было прапанавана адказаць на пытанні анкеты, якія тычыліся жыцця і творчасці літаратараў.

У прадмове Янка Ліпаўка змясціў біяграфічныя звесткі, якія перамяжоўваліся ўспамінамі аб бацьках, дзяцінстве, юнацтве. Янка нарадзіўся 14 кастрычніка 1908 г. у в. Клімаўшчына Дрысенскага павета Віцебскай губерні (на момант стварэння рукапісу – Валынецкага раёна Полацкай акругі) у сялянскай сям'і. Ён быў адным з дзевяці дзяцей. Як пісаў Я. Ліпаўка, размаўлялі ўсе на «звычайнай вясковай мове, якая на 90% была беларускай». У васьмігадовым узросце хлопчык пайшоў у школу ў роднай вёсцы. На другі год яго перавялі ў Боркавіцкую прыходскую двухкласную школу. Вучыўся ён з перапынкамі, бо наймаўся на працу, каб зарабляць грошы і дапамагаць сям'і. Нягледзячы на гэта, Янка многа чытаў, асабліва творы А. Пушкіна, М. Гоголя, Л. Талстога і інш. З 1920 па 1924 г. вучыцца яму ўвогуле не давялося. Супраць волі бацькі шаснаццацігадовы хлопец паступіў у сямігодку ў мястэчку Валынцы, што знаходзілася за 12 вёрст ад вёскі. За гады вучобы Янка «беларускую літаратуру прачытаў амаль усю, за выключэннем тэй, якую нельга было дастаць».

У 1927 г., пасля знаёмства з тэорыяй вершаскладання, Я. Ліпаўка напісаў свой першы твор, за што быў прыняты ў літаратурны гурток, арганізаваны ў школе настаўнікам мовы Сымонам Аляксеевічам Хурсікам – сакратаром полацкага філіяла аб’яднання «Маладняк». Менавіта С. Хурсік падтрымаў маладога паэта, калі таго раскрытыкавалі гурткоўцы, і падштурхнуў яго пісаць далей. У пазнейшы час, калі Я. Ліпаўка паступіў у Полацкі педтэхнікум, яго творчая асоба фарміравалася ўжо пад уплывам І.С. Шчаснага.

У сшытак, які сёння знаходзіцца ў фондах НППГКМЗ, Я. Ліпаўка запісаў усе свае творы, якія захаваліся, бо многія ён сам знішчаў, калі лічыў, што твор не варты ўвагі грамадства: «Лічу, што і друку вершы і апавяданні не патрэбны. Яны патрэбны для грамады і мая мэта навучыцца пісаць, каб даць што-небудзь цікавае, рэальнае і каштоўнае для грамады».

Рукапіс утрымлівае 43 вершы і 2 апавяданні, напісаныя ў 1927–1929 гг. З 11 вершаў, напісаных у 1927 г., 6 адзначаны аўтарам як надрукаваныя ў газеце «Чырвоная Полаччына»: «Па-над гаем», «Ліпень сонцавейны...», «Дні цудоўныя, дні грымотны...», «Дзяўчына», «У ліпнёвы вечар», «Зімовае» (надрукаваны ў сакавіку 1928 г.). З вершаў, напісаных у 1928 г., аўтар адзначыў толькі адзін – «Вечар. Сьмех на прызьбе...», які друкаваўся ў газеце са зменамі. Нам удалося ўстанавіць, што верш «Ноч», які аўтар не пазначыў у шэрагу апублікаваных, быў змешчаны ў «Чырвонай Полаччыне» (№ 56 ад 21.07.1928 г.). Яшчэ адзін верш – «Шэлест новых дзён», які аўтар падпісаў «Полацк, 12 г.», быў надрукаваны ў сакавіку 1929 г. Ва ўсім рукапісе 9 вершаў і 1 з 2 апавяданняў падпісаны «Полацк, 12 г.», «Клімаўшчына, 12 г.» ці, напрыклад, «5/1–12 г.». Па нашай версіі, лічбай «12» Я. Ліпаўка пазначаў 1929 г., які з’яўляецца 12-м паслярэвалюцыйным годам. На карысць гэтага гаворыць той факт, што творы, датаваныя такім чынам, не парушаюць агульны храналагічны парадак і змешчаны пасля твораў 1928 г.; акрамя таго, ні адзін з твораў не падпісаны датай «1912», а толькі лічбай «12». Аднак пытанне датавання на сённяшні дзень застаецца адкрытым. Адзіным творам, падпісаным аўтарам 1929 г., з’яўляецца апавяданне «Скідыш».

У пачатку 1930-х гг. прыхільнікаў развіцця нацыянальнай культуры залічылі ў «ворагі сацыялізму». Многія з былых маладнякоўцаў, якія не ўваходзілі ў склад БелАПП, былі рэпрэсаваны: А. Дудар, А. Звонак, Я. Скрыган, С. Хурсік і інш. У 1936 г. «як махровы нацдэм» быў звольнены з працы ў педтэхнікуме І.С. Шчасны. Як склаўся лёс Я. Ліпаўкі, на сённяшні дзень не вядома.

Творчая спадчына Янкі Сымонавіча Ліпаўкі – пейзажная, інтымная, сацыяльная, філасофская лірыка, побытавыя апавяданні – яшчэ чакае свайго даследчыка. Сшытак з яго твораў экспануецца ў Краязнаўчым музеі – філіяле НППГКМЗ і рэпрэзентуе ўздым нацыянальнай культуры перыяду беларусізацыі.

КРАЗНАЎЧАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ БІБЛІЯТЭК ДУБРОВЕНСКАГА РАЁНА

Вывучэнне гісторыі роднага краю спрыяе духоўнаму станаўленню чалавека, фарміраванню яго светапогляду, матывацыі ў прафесійнай дзейнасці. Краязнаўства з'яўляецца адным з галоўных напрамкаў работы публічных бібліятэк Дубровенскага раёна, што пацвярджаецца шэрагам рэалізаваных праектаў адпаведнай тэматыкі. Так, на працягу некалькіх гадоў спецыялістамі Дубровенскай цэнтральнай раённай бібліятэкі былі створаны зборнік гісторыі вёсак Дубровеншчыны «Калі хочаш край свой зведаць» (2013), бібліяграфічны паказальнік пра знакамітых спартсменаў-землякоў «Спартыўны гонар» (2012), біябібліяграфічны паказальнік «Войной истерзанные души», прысвечаны воінам-інтэрнацыяналістам – уладжэнцам раёна (2012), буклет «Подвиг не ради славы: Александр Иванович Казарский» (пра героя руска-турэцкай вайны, камандзіра брыга «Меркурий», 2011). У рамках праекта «Праз кнігу да добра і свету» супрацоўнікамі Будскай сельскай бібліятэкі сумесна з аддзелам бібліятэчнага маркетынгу і рэкламы цэнтральнай бібліятэкі былі падрыхтаваны буклеты па гісторыі вёсак, якія ўваходзяць у зону абслугоўвання бібліятэкі: «Гісторыя вёскі Шабаны» (2013), «Гісторыя вёскі Жабыкі» (2013), «Буда. Позірк у мінулае» (2013).

У 2015 г. сумесна з адказным сакратаром Дубровенскага раённага савета Беларускага грамадскага аб'яднання ветэранаў і краязнаўцам Аляксеем Якаўлевічам Гаўруцікавым аддзелам маркетынгу і рэкламы былі сабраны звесткі аб 22 ганаровых грамадзянах г. Дуброўна і Дубровенскага раёна, сярод якіх Аляксей Канстанцінавіч Габрусеў (удзельнік Вялікай Айчыннай вайны, Герой Савецкага Саюза, палкоўнік запasu), Анатоль Аляксандравіч Галаўко (доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь, удзельнік Вялікай Айчыннай вайны, удзельнік вызвалення Дубровенскага раёна), Марыя Фёдараўна Смірнова (маці Героя Савецкага Саюза Юрыя Смірнова), Аляксей Ануфрыевіч Дударэў (беларускі драматург, уладжэнец Дубровеншчыны), Мікалай Васільевіч Мартынаў (беларускі прадпрыемальнік, заснавальнік, уладальнік і генеральны дырэктар СТАА «Марка») і інш. Зборнік быў распаўсюджаны па ўстановах культуры раёна.

Сярод бібліятэк Дубровенскай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы ў 2012 г. быў праведзены конкурс на напісанне лепшага летапісу-хронікі прадпрыемства або арганізацыі г. Дуброўна ці Дубровенскага раёна. Пераможцам стала работа цэнтральнай раённай бібліятэкі «Летапіс-хроніка працоўнай славы ААТ “Дубровенскі лёнозавод”», якая ў 2013 г. стала лаўрэатам абласнога тура конкурсу «Бібліятэка – асяродак нацыянальнай культуры» ў

намінацыі «Пошукавая і даследчая дзейнасць», а на рэспубліканскім узроўні была вызначана заахвочвальнай прэміяй.

Асноўнай мэтай складання летапісу было адлюстраванне гісторыі прадпрыемства, садзейнічанне выхаванню патрыятычных пачуццяў, гонару за працоўную славу землякоў. Матэрыял выдання прадстаўлены ў храналагічным парадку – з дня заснавання прадпрыемства да нашых дзён, яго структура прадстаўлена асноўнымі раздзеламі: «Кіраўнікі прадпрыемства», «Лепшыя гады – роднаму заводу», «Нашы перадавікі – наш гонар», «Дынастыі – асноўнае ядро калектыву», «Гісторыя фабрыкі “Дняпроўская мануфактура”».

Пры напісанні летапісу-хронікі былі выкарыстаны матэрыялы гісторыка-дакументальнай хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі «Памяць. Дубровенскі раён», артыкулы з абласных і рэспубліканскіх перыядычных выданняў, раённай газеты «Дняпроўская праўда», а таксама ўспаміны ветэранаў прадпрыемства.

У 2014 г. аддзелам бібліятэчнага маркетынгу і рэкламы цэнтральнай раённай бібліятэкі была распачата работа па стварэнні камбінаванай базы даных «Дубровеншчына ў імёнах» і друкаваных выданняў аднайменнай серыі. Асноўнай задачай гэтай работы з’яўляецца збор матэрыялаў аб вядомых ураджэнцах і жыхарах Дубровенскага раёна. На дадзены момант выйшлі выданні: «Ольга Максимовна Бабакова – заслуженный учитель БССР», «Маісей Хапенка» (пра дырэктара першай музыкальнай кансерваторыі г. Тэль-Авіва (Ізраіль), ураджэнца мястэчка Ляды), «Груцо Алексей Петрович» (пра доктара педагагічных навук, прафесара, лаўрэата Дзяржаўнай прэміі СССР), «Рабби Шнеур-Залман бар-Барух из Ляд» (пра заснавальніка хасідскага руху Хабад, жыхара мястэчка Ляды), «Хасидские истории. Рабби Шнеур-Залман бар-Барух из Ляд» (змяшчае гісторыі хасідаў пра Алтер Ребе), «Фарыд Ярулін» (татарскі кампазітар, аўтар музыкі да балета «Шурале», камандзір стралковага ўзвода, лейтэнант), «Дзімітрый Уласенкоў» (святшчэннапакутнік), «Ганна-Эстэр Тумаркіна» (першая ў Еўропе жанчына-прафесар філасофіі), «Уладзімір Фёдаравіч Ладысеў» (доктар гістарычных навук, прафесар, беларускі гісторык), «Іван Пятровіч Старавойтаў» (саветнік МЗС Расіі, намеснік старшыні Савета Маскоўскай гарадской арганізацыі былых непаўналетніх вязняў фашызму). Дзякуючы цеснаму супрацоўніцтву з заслужаным дзеячам культуры РСФСР Валерыем Ціханавым, да кожнага выпуску серыі «Дубровеншчына ў імёнах» былі напісаны вершы, прысвечаныя вядомым ураджэнцам.

У бягучым годзе бібліятэкі Дубровенскай ЦБС рэалізуюць яшчэ два кразнаўчыя праекты: «Ляды. Ведай свой край» і «Ішоў мой край дарогамі вайны», прысвечаны 70-годдзю вызвалення раёна ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

З мэтай збору і захавання інфармацыі пра зніклыя вёскі Дубровенскага раёна, папулярызацыі кразнаўчай дзейнасці і выхавання патрыятычных

пачуццяў у 2013 г. быў створаны зборнік матэрыялаў па гісторыі зніклых вёсак «Зніклыя старонкі Дубровенскага летапісу». У 2014 г. выданне стала пераможцам абласнога тура рэспубліканскага конкурсу «Бібліятэка – асяродак нацыянальнай культуры» ў намінацыі «Пошукавая і даследчая дзейнасць» і вылучана на рэспубліканскі тур.

Пры рабоце з кнігай «Памяць. Дубровенскі раён» і пры вывучэнні шматлікіх картаграфічных дакументаў было выяўлена і ўключана ў спіс зніклых і знішчаных вёсак 114 населеных пунктаў, у тым ліку фальваркі, хутары і за-сценкі. Акрамя агульнай інфармацыі пра даты ўзнікнення, асноўныя падзеі і лічбавыя паказчыкі колькасці жыхароў дададзены тлумачэнні паходжання тапонімаў. Напрыклад, назва в. Валкалакава звязана з легендай пра здольнасці жыхароў Верхняга Падзвіння і Падняпроўя (крывічоў) ператварацца ў ваўкоў. Раней аб гэтым пісаў Герадот, называючы іх неўрамі. Назва в. Мамонькі ўтворана ад прозвішча цюркскага паходжання з сэнсавым значэннем асновы «маўклівы», «глухі», бо месца знаходзіцца ў лесе.

Трэба адзначыць, што пры вывучэнні картаграфічных дакументаў, можна сутыкнуцца з тым, што назвы населеных пунктаў у розныя гістарычныя перыяды змянялі свой марфемны склад, гэта тлумачыцца ўздзеяннем часавых і гістарычных абставін. Так, в. Заградна мела назву Заградзіца, вёска Кісялі называлася Кісялёва, в. Ліпіца мела назву Ліпнае.

З дапамогай спісаў населеных пунктаў Магілёўскай губерні, Горацкага і Аршанскага павятаў ад 1910 г., якія знаходзіліся на тэрыторыі сучаснага Дубровенскага раёна, высвятлялася іх адміністрацыйная прыналежнасць. У зборніку прадстаўлены спісы населеных пунктаў Баяўскай, Дубровенскай, Сваташыцкай і Холбнянскай воласці Горацкага павята, а таксама Высоцкай і Нова-Гухінскай воласці Аршанскага павята.

У зборніку таксама прадстаўлена інфармацыя пра вядомых ураджэнцаў або пра людзей, якія здзейснілі ваенныя подзвігі на тэрыторыі населеных пунктаў Дубровеншчыны ў час Вялікай Айчыннай вайны. Напрыклад, вёска Літвінава з’яўляецца радзімай паэта Сяргея Ракіты, а ў в. Дабрыно пражываў адзін з лепшых пчаляроў Магілёўскай губерні – Рэйнгольд, які трымаў у г. Дуброўна аптэку, а ў 1870 г. адкрыў кумыса-лячэбную ўстанову, у якую прыязджалі на лячэнне хворыя з розных куткоў краіны. Па дадзеных, якія прыводзіць А.С. Дэмбавіцкі ў сваёй кнізе «Опыт описания Могилевской губернии», працэнт выздараўлення хворых быў вельмі высокі. Таксама вядома, што ў в. Усвяты жыў адзін з лепшых дактароў Магілёўшчыны Георгій Дзмітрыевіч Цэкрт, які ў 1839 г. лячыў імператара Аляксандра II у час яго падарожжа па заходніх губернях. Лекару быў уручаны ордэн Святога Уладзіміра IV ступені і пярсцёнак з дыямантам.

У в. Гарошкава нарадзіўся Герой Савецкага Саюза, палкоўнік Аляксей Канстанцінавіч Габрусеў, а в. Трафіменкі з’яўляецца радзімай Героя Савецкага Саюза, камандзіра авіяцыйнай эскадрылі Мікіты Іванавіча Смарчкова.

Трэба адзначыць, што зборнік змяшчае інфармацыю і пра цікавыя мясціны Дубровеншчыны, напрыклад, жыватворную Кіраеўскую крыніцу, якая знаходзіцца каля былога фальварка Барадзінцы.

Сярод падзей, якія ўскалыхнулі некалі жывыя вёскі Дубровеншчыны, уражае і гісторыя пра раскулачванне 30 сямей з в. Дзёмкіна, якую расказала ўраджэнка вёскі Ксенія Мікітаўна Ілына. Вёска Новае Сяло ў 1943–1944 гг. стала арэнай жорсткіх і кровапралітных баёў. Тут загінула каля 3000 савецкіх воінаў. Дзякуючы артыкулам настаўніка гісторыі М.А. Шкадава, апублікаваных раённай газетай «Дняпроўская праўда», і перапісцы аднапалчан 188-га артылерыйскага палка мы маем дакладныя апісанні падзей, якія адбываліся ў час баёў на тэрыторыі вёскі.

Для больш дакладнага вывучэння дадзенай тэмы было знойдзена і прааналізавана мноства картаграфічных дакументаў, на якіх адлюстравана пэўная мясцовасць. Напрыклад, карта 1780 г., Вялікая карта Расійскай Імперыі 1812 г., складзеная для Напалеона, карта 1821 г., Ваенна-тапаграфічная карта Расійскай Імперыі 1846–1863 гг. (створаная пад кіраўніцтвам Ф.Ф. Шуберта і П.А. Тучкова), Карта Еўрапейскай Расіі Стрэльбіцкага 1871 г., Нямецкая ваенная карта Другой сусветнай вайны 1941 г., Тапаграфічная карта СССР 1984 г., Амерыканская карта Расіі і СССР 1950 г. У выніку бібліятэкарамі была складзена ўласная карта з адлюстраваннем амаль усіх вядомых населеных пунктаў Дубровенскага раёна з колеравым раздзяленнем на жылыя і нежылыя вёскі і ўмоўным раздзяленнем на воласці.

Падчас работы з інтэрнэт-крыніцамі на сайце прэзідэнцкай бібліятэкі імя Барыса Мікалаевіча Ельцына былі знойдзены спісы населеных месцаў Магілёўскай губерні па паведах, парафіях, яўрэйскіх таварыствах са звесткамі пра іх размяшчэнне і народанасельніцтва ад 1857 г., прадстаўленыя ў выглядзе табліцы са слупкамі «Названия обитаемых мест и обозначения их (город, слобода, село, деревня, починок, хутор)», «При какой находится воде (реке, ручье, озере, пруде, источнике и пр.)», «Число прихожан обоого пола (в каждом месте)», «Какого племени прихожане (Великороссияне, Белоруссы, Мордва и пр.)», «Какого ведомства (Казенного, удельного, помещичьего)».

На сайце Расійскага дзяржаўнага архіва літаратуры і мастацтва знойдзены фотаздымкі, якія маюць вялікую гістарычную каштоўнасць для Дубровенскага раёна. Сярод іх фотаздымак дома ў маёнтку Г.Д. Цэкерта Усвяты (канец 1910-х гг.), фотаздымак з акварэльнага партрэта ўладальніка маёнтка (сяр. XIX ст.) і фотаздымак саней Напалеона I, якія захоўваліся ў маёнтку да 1881 г.

Для больш зручнага карыстання зборнікам складзены тэрміналагічны слоўнік, які тлумачыць значэнне незразумелых слоў і архаізмаў, а таксама геаграфічны паказальнік.

У 2014 г. у выніку цеснага супрацоўніцтва з раённай інспекцыяй прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя быў выпушчаны тыражом

у 70 экз. экалага-краязнаўчы даведнік «Прыродная спадчына Дубровеншчыны», на выпуск якога абласной інспекцыяй было вылучана 10 млн руб. Выданні пабачылі свет у студзені 2015 г. і былі распаўсюджаны па сельскіх і школьных бібліятэках раёна, а таксама па іншых установах культуры і адукацыі раёна. Дапамогу ў стварэнні зборніка аказалі работнікі сельскіх бібліятэк, прадставіўшы фотаздымкі прыродных аб'ектаў сваёй мясцовасці.

Зборнік змяшчае інфармацыю аб 77 рэках і рачулках Дубровенскага раёна, тлумачыць паходжанні іх назваў, распавядае пра 4 возеры і легенды, звязаныя з імі. Акрамя гэтага, дададзена інфармацыя аб сажалках і кар'ерах.

Зборнік паведамляе пра 5 крыніц, якія б'юць на Дубровенскай зямлі, да агульнага матэрыялу дададзены аналіз вады і легенды. Дзякуючы сайту беларускага ўфалагічнага камітэта была сабрана інфармацыя аб незвычайных камянях Кіраеўскага гаю і навукова абгрунтавана іх паходжанне.

У зборніку сабрана інфармацыя аб парках і аляях, якія засталіся на тэрыторыях былых сядзіб, дрэвах, абхват камля якіх больш за 3 м. Усе месцы былі наведаны бібліятэкарамі або супрацоўнікамі аддзела маркетынгу і сфатаграфаваны. Акрамя гэтага, у зборніку размешчана інфармацыя аб усіх заказніках мясцовага значэння і тарфяных радовішчах, якія знаходзяцца на тэрыторыі раёна.

Апошні раздзел зборніка распавядае аб раслінах, жывёлах, птушках і рыбах, якія занесены ў Чырвоную кнігу, змяшчае інфармацыю аб іх ілюстрацыйны матэрыял.

Такім чынам, у 2015 г. зборнік стаў пераможцам абласнога тура XXIII Рэспубліканскага конкурсу «Бібліятэка – асяродак нацыянальнай культуры» ў намінацыі «Пошукавая і даследчая дзейнасць».

У 2015 г. грамадскае аб'яднанне «Беларускі фонд міра» выдзеліла сродкі на выпуск 500 экз. зборніка «Дубровеншчына. Прырода, гісторыя, сучаснасць», які змяшчае кароткія звесткі аб Дубровенскай зямлі і накіраваны на інфармаванне гасцей і жыхароў Дубровеншчыны.

Пры супрацоўніцтве з абласным упраўленнем спорту і турызму Віцебскага аблвыканкама аддзелам маркетынгу быў падрыхтаваны і выпушчаны ў друк тыражом у 1000 экз. зборнік «Легенды Дубровенскага краю». Матэрыял прадстаўлены ў выглядзе 3 раздзелаў: легенды, тапаніміка і 10 прычын наведаць Дубровеншчыну. Інфармацыя збіралася з розных крыніц: з расказаў мясцовых жыхароў, з мастацкай літаратуры, перыядычных выданняў. Дзякуючы зборніку, можна даведацца аб тым, як Напалеон перапраўляўся праз р. Мярэю ў мястэчку Ляды, аб незвычайных камянях у Кіраеўскім гаі, аб маўклівым возеры на поўнач ад Асінторфа, аб цудадзейнай крыніцы ў Грутавым рове, аб тым, як Кацярына II страціла на Дубровеншчыне свае скарбы і інш. Выхад зборніка быў дастаткова шырока асветлены ў перыядычных выданнях і ў сетцы Інтэрнэт.

Для папулярызацыі распрацаваных намі зборнікаў на бібліятэчную старонку ў сацыяльнай сетцы «ВКонтакте» быў распрацаваны пост «Края-

знаўчая хвілінка на БС», які з'яўляецца з пэўнай перыядычнасцю і змяшчае цікавыя звесткі аб Дубровенскім раёне. Такім чынам, бібліятэка распаўяла каля 500 сваім сябрам аб героях Алеі славы і легендах Дубровеншчыны.

На лёс жыхароў Дубровеншчыны выпала шмат бедстваў, была знішчана амаль уся гістарычная спадчына, але бібліятэкары сеткі публічных бібліятэк раёна імкнуцца аднавіць страчаныя звесткі, даследаваць і папулярызаваць гісторыю роднага краю.

Ермалёнак В.А. (г. Мёры)

РУКАПІСНЫЯ І СТАРАДУКАВАНЫЯ КНІГІ Ў МУЗЕІ КНІГІ І ДРУКУ ДУА «МЁРСКАЯ СЯРЭДНЯЯ ШКОЛА № 3»

Урачыстае адкрыццё музея адбылося 16 студзеня 2009 г. Ён размешчаны ў будынку школы на другім паверсе з агульнай плошчай экспазіцыі 100 кв. м. Колькасць экспанатаў складае 12 тыс., з іх навукова-дапаможнага фонду – 4 тыс. За апошнія тры гады музей папоўніўся трыма тысячамі новых экспанатаў.

Кіраўніком музея разам з вучнямі – удзельнікамі археолага-краязнаўчага гуртка «Арганаўты мінулага» распрацаваны 17 экскурсій, што адпавядае колькасці раздзелаў экспазіцыі. Экскурсіі праводзяцца на пяці мовах: беларускай, рускай, польскай, англійскай, нямецкай.

У першым раздзеле «Вытокі пісьма» знаходзяцца муляжы шырокай бычынай косткі і кавалка шоўку з кітайскімі іерогліфамі, гліняных шылдачак з Міжрэчча, старажытнарымскіх васковых таблічак. Побач захоўваюцца муляжы драўляных дошчачак з воскам, на якіх можна прачытаць надпіс на стараславянскай мове. Дарэчы, літары на такіх своеасаблівых старажытных аркушах выводзіліся спецыяльнымі пісаламі, спачатку касцянымі, драўлянымі, а пазней і бронзавымі, жалезнымі, сярэбранымі і нават залатымі. У гэтай экспазіцыі змешчаныя арыгінальны егіпецкі папірус, каменная прасліца са скандынаўскімі рунамі XII ст., адзінкавая падобная знаходка ў Беларусі.

У раздзеле «Старая беларуская кніга» большасць экспанатаў выдадзена пасля 1905 г. Сярод іх – Першае і Другое чытанні для дзетак-беларусаў, а таксама «Нёманаў дар» Якуба Коласа, творы Алеся Гаруна, Я. Фарботкі, М. Гарэцкага, В. Ластоўскага, П. Простага і інш.

Асабліва багаты рознатэматычнымі экспанатамі раздзел «Духовная літаратура». І гэта не дзіўна, бо, нягледзячы на шматгадовае панаванне ідэалогіі атэізму, сярод мясцовага насельніцтва ніколі не згасала шчырая вера ў Бога; іконы, малітоўнікі, Евангеллі перадаваліся з пакалення ў пакаленне. Тут захоўваюцца, напрыклад, выданні Бібліі рознага фармату

на лацінскай, польскай мове, ёсць і пратэстанцкая, выдадзеная па-нямецку гатычным шрыфтам. Цікавым з’яўляецца рэдкае выданне Старога Запавету на яўрэйскай мове. Сярод малітоўнікаў варта адзначыць дзіцячую ўкраінскую кнігу 100-гадовай даўнасці.

У раздзеле «Сусветная літаратура» можна пазнаёміцца з польскамоўным выданнем твораў Г. Сінкевіча, кнігамі 1875 г. на літоўскай мове, а таксама на сербскай мове другой паловы XIX ст., таго часу, калі Сербія заваявала сваю незалежнасць. Ёсць тут і вершы англійскіх паэтаў-мадэрністаў, разнастайныя выданні на шведскай мове першай паловы XX ст.

Багатым на выданні XIX – пачатку XX ст. з’яўляецца раздзел «Руская літаратура». Акрамя мастацкіх кніг Пушкіна, Някрасава, Бялінскага, Лермантава, Тургенева ў экспазіцыі змешчаны выданні па медыцыне, гісторыі, юрыдычнай літаратуры. У раздзеле «Старыя падручнікі» захоўваюцца дапаможнікі XIX – пачатку XX ст. па географіі, фізіцы, іншых навук на лацінскай, польскай, рускай, латышскай, французскай, нямецкай мовах XIX–XX стст., пачынаючы ад падручнікаў для народных вучылішчаў і заканчваючы вучэбнымі дапаможнікамі для ўніверсітэтаў Расійскай Імперыі.

Раздзел «Падручнікі савецкай школы» змяшчае ў сабе школьныя дапаможнікі, у асноўным падручнікі сярэдзіны XX ст. Але найбольш унікальным экспанатам з’яўляецца «Робоча-сялянскі буквар для дарослых» 1920 г.

З творамі пісьменнікаў і паэтаў, ураджэнцаў Мёршчыны, можна пазнаёміцца ў раздзеле «Літаратурная Мёршчына». Гэта творы С. Панізніка, Ф. Сіўко, Я. Гушчы, А. Масла, С. Даргеля і дзясяткаў іншых твораў з нашай мясцовасці. У раздзеле «Часопісы» шмат розных тэматычных польскамоўных часопісаў для настаўнікаў, моладзі, жанчын, рэлігійныя выданні, часопісы савецкага часу. Рарытэтным выданнем з’яўляецца часопіс «Наш глос» Дзісенскай гімназіі 1938 г., а самым старым французскі «Ваенны часопіс» 1797 г.

Шмат унікальных экспанатаў у раздзеле «Газеты». Сярод іх, напрыклад, – нумар газеты «Пчала» за 1882 г., які выдаваўся для пчальароў на нямецкай мове, «Апошнія навіны з Венгрыі» на нямецкай мове 1905 г., газета «Кур’ер Віленскі», газета «Гатцука» 1882 года, гадавая падшыўка «Беларускай крыніцы» за 1927 г. і шмат інш. Цікавыя экспанаты з розных краін свету захоўваюцца ў раздзелах «Календары і каляндарыкі», «Паштоўкі», «Рэклама», «Паштовыя маркі». Самаму старому «доўгажыхару» з іх налічваецца 130 гадоў. У 2013 г. быў створаны новы раздзел «Філуменія», які апавядае аб этыкетках на запалках розных краін свету XIX–XX стст.

Рукапісныя кнігі з’явіліся яшчэ ў старажытнай Грэцыі і Рыме і асабліва былі распаўсюджаны ў Еўропе ў часы Ранняга і Высокага Сярэднявекі. Нават вынаходніцтва кнігадрукавання Іаганам Гутэнбергам у 1445 г. і яго паслядоўнікамі, у тым ліку і беларускім першадрукаром Францыскам Скарынам, не замяніла цалкам рукапісныя кнігі. На тэрыторыі Беларусі першыя рукапісныя кнігі з’явіліся ў часы Полацкага княства.

Самай старой рукапіснай кнігай з нашай мясцовасці, якая захавалася, з’яўляецца Евангелле XVI ст. з в. Мікалаёва. У нашым музеі знаходзяцца копіі заставак, літар і арнаментаў, якія ўпрыгожваюць гэту кнігу – сапраўдны твор мастацтва. Сама кніга знаходзіцца ў аддзеле рукапісаў бібліятэкі Вільнюскага ўніверсітэта.

Большасць кніг у музеі «Кнігі і друку» перапісаны стараверамі ў XVIII–XIX стст. Падчас праследавання іх у Расіі яны ратаваліся ў Рэчы Паспалітай, у тым ліку і на тэрыторыі Мёрскага раёна. Да сённяшняга дня яны жывуць у вёсках Кублішчына, Ніўнікі, Моцеўка, Дзеверках і інш. Яны заснавалі і маленьныя дамы ў Кублішчыне і Ніўніках.

У нашым музеі самай старой рукапіснай кнігай з’яўляецца «Месяцаслоў» сярэдзіны XVIII ст., які напісаны на стараславянскай мове. Здзіўляе сваёй прыгажосцю афармленне загаловых літар, выведзеных чырвоным чарнілам. Драўняныя вокладкі кнігі абцягнутыя скурай, што надавала кнізе больш трываласці і моцы, дазволіла ёй пераадолець шлях у два з паловай стагоддзі. Кніга неаднойчы дапаўнялася і дапісвалася рознымі перапісчыкамі. Апошні запіс быў зроблены ў 1846 г. Выдатным помнікам майстэрства рукапіснай кнігі, змешчанай у нашай экспазіцыі, з’яўляецца «Цветнік», перапісаны ў XVIII – пачатку XX ст. па арыгінале кнігі з Пачаеўскай лаўры. Назва «Цветнік» азначае ў рэлігійнай літаратуры збор павучальных рэлігійных твораў, якія выходзілі ў веруючага чалавека высокія маральныя якасці, асуджалі такія заганы, як распуста, хлусня, сквапнасць і іншыя. Асабліва шмат у нашым выданні павучанняў Іаана Багаслова. Ёсць у кнізе выпіскі з Пацерыка егіпецкага Кірылы Філасафа, яго прароцтвы, таксама змешчаны прароцтвы Сібілы, жыцці святых, павучанні «Аб спакусе бесамі, падзенні Арцёмідзіны», «Аб вылечванні святым Іаанам Багасловам моравай хваробы», «Аб выгнанні беса-воўка з вострава», «Аб жрэчаскім сыне, задужаным у лазні, якога ўваскрасіў Іаан Багаслоў». У выданні змешчаны казанні «Аб з’яўленні анёлаў у пустыні святому Макарыю». Дзякуючы пячатцы на кнізе, мы ведаем, што яна ў мінулым належала Коласаву з маёнтка Марозькі. Вядома, што прадстаўнікі гэтага роду былі святарамі стараверскай царквы ў Кублішчыне. Добра захавалася і рукапісная кніга «Обіход» канца XVIII ст. Гэта зборнік песнапенняў, патрэбных падчас богаслужэння. Выклікае цікавасць напісанне нот у тыя часы.

Кніга «Номаканон» хоць і не самая старая рукапісная кніга ў нашым музеі, але пераўзыходзіць іншыя па сваёй пабудове. Яе назва паходзіць ад зборнікаў царкоўных правіл, складзеных яшчэ ў VI–VII стст. і зацверджаных імператарамі і патрыярхамі. Наша выданне з’яўляецца ўнікальным таму, што, па-першае, у ім шмат дапаўненняў, напісаных у XX ст., часта на вокладках польскіх кніг або ў звычайных вучнёўскіх сшытках, дакументах, нават на старых пісьмах. Так з аднаго ліста мы даведваемся, што нехта пазычыў кнігу «Аб агідзе і запущенні» і не вярнуў яе ўладальніку

Елампію Фёдаравічу Аксенцьеву з в. Пазнякова. Аўтар ліста слёзна просіць вярнуць пазычаную кнігу, бо калісьці за яе заплаціў 20 руб. (за такія грошы ў пачатку ХХ ст. можна было набыць дзве каровы). Напэўна, кніга была вернута ўладальніку, бо мы знаходзім перапісаныя ад рукі старонкі запатрабаванай кнігі. Па-другое, гэта кніга з нашага музея мае высакаякаснае мастацкае аздабленне, у ёй шмат цікавых заставак і загалюўных літар, змешчана шмат павучальных твораў для вернікаў, напісаных і падшытых у звычайных вучнёўскіх сшытках. Напрыклад, аповесць свяшчэннадыякана Фёдара, малітвы на Блажавест, павучанні дзецям духоўным.

Выдатнай па аздабленні рукапіснай кнігай з'яўляецца факсімільнае выданне рукапісу 1679 г. рускага асветніка К. Істоміна «Кніга Любаві знак у пачэсны брак». Яна была напісана ў гонар шлюбу Пятра I і Елізаветы Лапухіной. Выданне ўпрыгожана шматлікімі малюнкамі і застаўкамі. Аўтар заклікае да кахання, вернасці і іншых высокіх маральных якасцяў у шлюбе. Рукапісная кніга, напісаная ў пачатку ХХ ст., без заставак, «Погребеніе мірян» – гэта зборнік малітваў і песень падчас пахавання нябожчыка.

У экспазіцыі змешчаны шкляная і бронзавая чарніліцы XVIII ст. Ёсць і падсвечнікі як абавязковы аtryбут таго часу, калі чыталі і перапісвалі кнігі пры васковых свечках. Таму многія старонкі старых кніг у васковых плямах.

Старадрукамі мы ўмоўна называем раздзел у нашым музеі, дзе змешчаны друкаваныя выданні з XVII да першай паловы XIX ст. Самая старая з кніг, змешчаная ў нашай экспазіцыі, перадрук выдання «Часоўніка» маскоўскай сінадальнай друкарні 1640 г. Надрукавана яна кірылічным шрыфтам, ёй карысталіся ў сваіх богаслужэннях стараверы. Менавіта яны прызнаюць толькі тыя выданні, якія існавалі да рэформы Нікана 1654 г. Па сваім шрыфце яна вельмі нагадвае рукапісныя кнігі. Яе драўняныя вокладкі абцягнутыя скурай. «Часоўнік» мае прыгожыя застаўкі з раслінным арнаментом, загалюўныя літары надрукаваны чырвоным колерам. Фаліянт вялікіх памераў. «Сачыненні Іаана Багаслова» надрукаваны ў Віленскай друкарні ў 1809 г. Цікава, што на форзацах вокладак выдання захаваліся надпісы аб яго куплі-продажы. Апошні запіс выкананы ў 1925 г. Ён сведчыць, што кніга была набыта Фёдарам Міхайлавічам Івановым з вёскі Талочкі ў Савелія Калітончыка за 30 злотых, вялікую на тыя часы суму грошай.

Самае старое выданне на лацінскай мове Рымскі імшал 1751 г. Як мы ведаем, на тэрыторыі Рэчы Паспалітай, як і ў папярэднія часы, у XVIII ст. богаслужэнне ў касцёлах праводзілася на лацінскай мове. Таму імшал быў адной з самых запатрабаваных кніг каталіцкіх святароў. Тэкст выдання таксама ўпрыгожаны застаўкамі, літары вельмі нагадваюць рукапісны варыянт лацінскага пісьма. Імшал падараваў музею краязнавец з Даўгаўпілса Мікола Паўловіч, але падобнымі выданнямі карысталіся ў тыя часы і ксяндзы Мёрскага або Пагосцкага касцёлаў.

Сапраўдным фаліянтам вялікіх памераў і таўшчынёй амаль у паўтары тысячы старонак з'яўляецца шыкоўнае выданне на польскай мове 1768 г. «Календар бенедыкцінскі», частка 1–2. Фаліянт надрукаваны ў Вільні ў друкарні каталіцкага манаскага ордэна піяраў. З гісторыі мы ведаем, што бенедыкцінцы былі першым каталіцкім манаскім ордэнам, заснаваным у Італіі ў 530 г. Бенядзіктам, адсюль і назва. Ордэн адыграў выключную ролю ў распаўсюджванні каталіцызму ва ўсім свеце. Яго статут прадугледжваў паслушэнства, утрыманства, працу, беднасць, пастаяннае пражыванне ў кляштары. На тэрыторыі ВКЛ бенедыкцінцы пачалі будаваць свае кляштары ў XVII ст. Найбольш вялікі з іх быў у Бярозе. Пазней названы ў гонар ордэна Картузскім. У нашым календары змешчана апісанне жыцця святых і благаслаўлёных манахаў гэтага ордэна на кожны месяц і кожны дзень. Той, хто чытаў з дня ў дзень прыклады ахвярнасці ў служэнні Богу, прасякаўся высокімі маральнымі якасцямі. Кніга паходзіць з касцёла Провіда Божага ў Слабодцы, а першапачаткова наша выданне знаходзілася ў дамініканскім кляштары ў Друі.

Некалькі кніг на польскай мове XVIII ст. паходзяць з бібліятэкі Успенскага касцёла ў Мёрах і касцёла Святой Троіцы ў Новым Пагосце [2; 3]. Адна з іх – Яна Пашакоўскага «Казанні на цэлы год» (1752 г.) захавалася ў дрэнным стане. Ёй карысталіся каталіцкія святары падчас складання казанняў для нядзельнай імшы. Унікальнае выданне – кніга «Ваенная гісторыя» ў перакладзе на польскую мову Фелікса Ёдкі. Яна была надрукавана ў каралеўскай друкарні ў Гродне ў 1779 г. Аб распаўсюджванні асветніцтва на нашых землях сведчыць знойдзены намі ў в. Каменполле 16-ты том сачыненняў Жан-Жака Русо. Выданне ўбачыла свет у швейцарскім г. Базель у 1795 г. На тытульным лісце знаходзіцца аўтограф Шаўмана, уладанні і маёнтка якога знаходзіліся ў в. Стэфанова. Рэдкім з'яўляецца і брашура Х. Пшэчытанскага «Казанне», якая з'явілася ў Варшаве ў 1806 г. у друкарні ордэна піяраў. Менавіта гэты ордэн адыграў вялікую ролю ў развіцці адукацыі і асветы ў Рэчы Паспалітай. Магчыма, у наш музей і трапілі многія кнігі з бібліятэкі піярскай школы ў Лужках. А вось кніга на польскай мове «Пачаткі архітэктуры», надрукаваная ў Вільні ў 1828 г. і напісаная прафесарам Віленскага ўніверсітэта К. Падзанскім, сведчыць аб тым, што некаторыя айчыныя прадстаўнікі шляхты вучыліся ў Віленскім універсітэце. Кніга каштоўная і тым, што на ёй змешчаны аўтограф прафесара гэтай навучальнай установы. Знаходзілася яна хутчэй за ўсё ў бібліятэцы маёнтка Навалака, які належаў славутому роду Клётаяў.

Аб цікавасці да навукі і глыбокіх ведах шляхты ў нашым краі сведчаць навуковыя выданні. Напрыклад, «Астранамічныя даследаванні» на нямецкай мове, надрукаваныя ў Кёнігсбергу ў 1841 г. А яшчэ кніга вядомага французскага вучонага, даследчыка прыроды Бюфона (5 том), выдадзеная ў Маскве ў 1814 г. Яна была спецыяльна прызначана для моладзі. У ёй папулярна даецца апісанне расліннага свету, цікава апавядаецца аб паходжанні

назваў разнастайных раслін, выкарыстоўваюцца шматлікія паданні і міфы аб прыродзе. Выданне таксама, напэўна, знаходзілася ў бібліятэцы Лужкоўскай школы піяраў. Але не толькі рэлігійнымі, навуковымі і асветніцкімі кнігамі цікавіліся ў XVII – пачатку XIX ст. у нашым краі.

У экспазіцыі знаходзіцца і мастацкая літаратура. Прыкладам з’яўляецца аповесць французскага аўтара Паўля дэ’Коцка «Малочніца і пустэча, дабыня і нявіннасць», надрукаваная ў Варшаве ў 1835 г. Пераклад яе выканаў вядомы польскі пісьменнік Францішак Дмахоўскі. Сентыментальны змест гэтай кнігі павінен быў выхоўваць высокія маральныя якасці ў маладых людзей. З маёнтка ў Забалоцці, радзімы славутага скульптара і паўстанца Генрыка Дмахоўскага, знаходзяцца ў нашай экспазіцыі таксама некалькі кніг на польскай мове. Гэта пяты том сачыненняў Ігнація Красіцкага, які быў надрукаваны ў Віленскай друкарні А. Марціноўскага ў 1819 г. Другая кніга, таксама на польскай мове, была надрукавана ў Парыжы ў 1846 г. Яе назва «Польшча пад Божым Провідам» аўтара Валерыя Велаглаўскага. Кніга была прывезена з эміграцыі нашым слаўным земляком Дмахоўскім у 1861 г. Каштоўнасць гэтых выданняў і ў тым, што гэта адзінаквыя асобнікі, якія засталіся ад бібліятэкі Дмахоўскіх, бо іх віленскі дом, куды былі перавезены кнігі з Забалоцця, згарэў у вайну з усёй маёмасцю [1]. Частка выданняў знаходзіцца ў экспазіцыі нашага музея кнігі і друку і невялікая частка выданняў змешчана ў навукова-дапаможных фондах. Усяго ў нашым музеі налічваецца 65 выданняў рукапісных і старадрукаваных кніг. Але асноўная частка кніжнага мора, якое было ў нашых мясцінах сотні гадоў таму, знікла бяследна. З архіўных крыніц мы ведаем аб вялікіх кнігазборах у маёнтках шляхты ў Лявонпалі, Каменполлі, Дзедзіна, Міжрэччы, Забалоцці, Навалацы і іншых. Шмат было выданняў пры касцёлах і цэрквах. Толькі кнігі не камяні, іх лёгка знішчалі падчас шматлікіх войнаў і пажараў, рэшткі вывозілі ворагі як каштоўны скарб, шмат было знішчана ў XX ст. падчас рэвалюцыі, двюх сусветных войнаў, барацьбы з рэлігіяй. Многія выданні з нашай мясцовасці з’яўляюцца ўпрыгажэннем для музеяў і бібліятэк Польшчы, Расіі, Беларусі. Зараз кнігі сталі для многіх крыніцай спасы. Вось чаму дзякуючы экспанатам з раздзела «Старадрукі» мы можам пацвердзіць высокі ўзровень культуры нашых продкаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Lietuvos** mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka [Электронный ресурс]. – Stan Kosciola Miorskiego. – 1783. – F. 43. – № 454. – S. 24. – Режим доступа: <http://www.mab.lt/>.
2. **Lietuvos** mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka [Электронный ресурс]. – Inwentarz plebanii pohoskbe. – 1783. – F. 43. – № 452. – S. 19. – Режим доступа: <http://www.mab.lt/>.
3. **Aftanazy, Roman.** Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. – Wrocław, 1993. – S. 447.

АДДЕЛ БЕЛАРУСКАЙ І КРАЯЗНАЎЧАЙ ЛІТАРАТУРЫ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

**(да 80-годдзя з часу заснавання Магілёўскай
абласной бібліятэкі імя У.І. Леніна)**

У аснове дзейнасці аддзела беларускай і краязнаўчай літаратуры Магілёўскай абласной бібліятэкі з пачатку заснавання ляжыць прапаганда нацыянальнай духоўнай спадчыны беларускага народа, прыярытэтнымі накірункамі якой з’яўляюцца збор, захаванне і распаўсюджванне краязнаўчай кнігі, творчасці мясцовых літаратараў.

Аддзел пачаў сваю дзейнасць у 1967 г. у новым будынку бібліятэкі па адрасе: вул. Крыленкі, д. 8 у складзе трох супрацоўнікаў пад кіраўніцтвам Шаўцовай Раісы Іванаўны (1966–1973).

На 1 красавіка 1967 г. фонд аддзела налічваў 3115 экз. і складаўся з кніг беларускіх пісьменнікаў, літаратуры аб Беларусі і Магілёўшчыне, камплектаў абласной газеты «Магілёўская праўда» за ўсе пасляваенныя гады і раённых газет, пачынаючы з 1957 г., а таксама плакатаў і бібліяграфічных матэрыялаў па краязнаўчай тэме. Рэгулярна паступаў абавязковы экзэмпляр мясцовых друкаваных выданняў. Захоўваліся рэдкія кнігі, сярод якіх – «Баркулабовская летопись» (1910), «Опыт описания Могилевской губернии...» (1882–1884), «Памятная книжка Могилевской губернии...» (1909, 1911) і інш. Праводзілася работа па папаўненні фонду. Пасля звароту ў іншыя бібліятэкі краіны ў аддзел паступілі кнігі з абменных фондаў бібліятэк Масквы, Ленінграда, Кастрамы, Горкага, Таліна, Рэспубліканскай дзяржаўнай бібліятэкі БССР імя У.І. Леніна.

У краязнаўчай картатэцы адлюстроўвалася літаратура пра Магілёўшчыну незалежна ад мовы, месца і формы выдання з фонду бібліятэкі, а таксама краязнаўчая літаратура, якую можна знайсці ў іншых бібліятэках. У 1968 г. у аддзеле стварылі каля 30 тэматычных краязнаўчых папак, выканалі больш за 300 даведак па краязнаўстве, у тым ліку для чытачоў – жыхароў іншых раёнаў вобласці, якія маглі карыстацца краязнаўчай літаратурай праз міжбібліятэчны або завочны абанемент.

Сярод выдадзеных бібліяграфічных дапаможнікаў – «Каляндар знамянальных і памятных дат па Магілёўскай вобласці...», штоквартальнік «Новая літаратура аб Магілёўскай вобласці» за 1969 г., «Мемориальная летопись: рекомендательный указатель литературы о памятниках Могилевщины» (1970), рэкамендацыйны спіс «Магілёўскія мсціўцы» (1967) і інш. Бібліяграфічныя і метадычныя матэрыялы па краязнаўстве дасылаліся ў фонды раённых бібліятэк вобласці.

Пад кіраўніцтвам Гейдэка Святланы Андрэеўны (1973–1978) працягвалася праца па папаўненні краязнаўчага фонду аддзела рэдкімі выданнямі.

Пасля звароту на старонках мясцовых газет да жыхароў вобласці з просьбай прадаставіць бібліятэцы каштоўныя выданні пра Магілёўшчыну для здымання копій фонд папоўніўся копіямі рарытэтных краязнаўчых кніг: «Хроника белорусского города Могилева» А. Трубніцкага (1887 г.), «Наполеон в пределах Могилевской губернии» А.П. Лучыны (1912 г.), «Город Климовичи Могилевской губернии» С.І. Яраслаўцава (1914 г.) і інш.

Выдаваліся рэкамендацыйныя паказальнікі і спісы літаратуры: «Магілёўшчына літаратурная» (1974); «Генеральная рэпетыцыя (Магілёўшчына ў час Першай рускай рэвалюцыі 1905–1907 гг.)» (1975), «Они заслужили людскую благодарность»: рекомендательный указатель литературы о заслуженных врачах и работниках здравоохранения Могилевщины (1976) і інш.

Праводзілася пошукавая работа. Супрацоўнікі аддзела ў 1978 г. былі камандзіраваны ў г. Мінск у Дзяржаўны архіў БССР і Дзяржаўную бібліятэку БССР імя У.І. Леніна з мэтай выяўлення матэрыялаў па гісторыі бібліятэкі, а таксама для сустрэчы з былым кіраўніком магілёўскай падпольнай арганізацыі «Комитет содействия Красной Армии» К.Ю. Мэтэ для ўдакладнення звестак аб удзеле бібліятэкі ў барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

У 1979–1986 гг. аддзел, які ўзначальваў Дашкоўскі Мікалай Захаравіч, абслугоўваў вучоных, журналістаў, рабочых, студэнтаў, школьнікаў і займаў невялікую залу, дзе стаялі некалькі сталоў і шматлікія стэлажы з кнігамі, брашурамі, часопісамі, падшыўкамі газет. У фондзе была сканцэнтравана літаратура пра Беларусь па розных галінах ведаў, а таксама творы беларускіх пісьменнікаў, сярод якіх шмат кніг з аўтографамі аўтараў: Аркадзя Куляшова, Кастуся Кірэнкі, Рыгора Барадуліна, Аляксея Пысіна, Раісы Баравіковай, Віктара Карамазова і інш. Даведчна-бібліяграфічны апарат складаўся з сістэматычнага каталога на кнігі пра Беларусь, сістэматычнай картатэкі артыкулаў, краязнаўчага каталога.

Супрацоўнікі аддзела афармлялі кніжныя выставы да памятных дат, праводзілі ў працоўных калектывах горада тэматычныя вечары, сустрэчы з літаратарамі, аказвалі метадычную дапамогу раённым бібліятэкам, рэгулярна складалі бібліяграфічныя паказальнікі і спісы літаратуры.

За перыяд кіраўніцтва Катлёнак Аліны Андрэеўны (1986–2005) аддзел перайшоў на новую ступень работы па фарміраванні даведчнага краязнаўчага апарата, назапашванні інфармацыі ў электронныя базы, навучанні кадраў, аказанні метадычнай і практычнай дапамогі бібліятэкам рэгіёна.

Штат супрацоўнікаў павялічыўся больш чым у 3 разы (1986 г. – 3 супрацоўнікі, 2001 г. – 10 супрацоўнікаў); колькасць чытачоў – у 7 разоў (1967 г. – 857 чытачоў, 1997 г. – 6102 чытачы); фонд аддзела – на 5368 экз. (1994 г. – 13 249 экз., 2004 г. – 18 517 экз.).

Была створана сістэма краязнаўчых бібліяграфічных дапаможнікаў, якая складалася з бягучага ўніверсальнага навукова-дапаможнага пака-

зальніка «Новая літаратура аб Магілёўскай вобласці», краязнаўчых календароў, рэкамендацыйных і навуковых дапаможнікаў: «Прырода роднага краю», «Даследчыкі роднага краю», «Магілёўшчына ў творах мастацтва і мастацкай літаратуры», «Народная асвета Магілёўшчыны» і інш. Адметнай падзеяй з’явіўся выпуск бібліяграфічнага паказальніка «Пісьменнікі Магілёўшчыны» (1993 г.), дзе ўпершыню сабраны звесткі пра 185 мясцовых літаратараў.

З 1993 г. працавала аматарскае аб’яднанне «Вытокі», у рамках якога праходзілі літаратурныя вечары, сустрэчы з пісьменнікамі, прэзентацыі новых кніг. У гэтым жа годзе аддзелу было вылучана асобнае памяшканне пад чытальную залу на 100 пасадкавых месцаў.

Па ініцыятыве аддзела з 2003 г. праводзіўся абласны конкурс «Мой край – Магілёўшчына», вынікам якога з’явілася стварэнне поўнатэкставай электроннай базы даных па гісторыі рэгіёна. Былі наладжаны цесныя сувязі з краязнаўцамі і пісьменнікамі, навучальнымі ўстановамі.

У 2001 г. у аддзеле быў выдзелены сектар краязнаўства ў складзе трох супрацоўнікаў, які ўзначаліла Гурковіч Людміла Яўгеньеўна. За гады працы ў аддзеле (1994–2013) яна даследавала сотні краязнаўчых матэрыялаў, стварыла паказальнікі: «Гісторыя вёсак Магілёўшчыны», «Археалагічныя помнікі Магілёўшчыны», «Мовазнаўцы Магілёўшчыны», «Вуліцы горада расказваюць... Ч. 2», «Географы і геологі – урадженцы Магілёўскай вобласці», «Сводный каталог литературы о Могилевской губернии». З 1994 па 2009 г. з’яўлялася складальнікам і рэдактарам штоквартальніка «Новая літаратура аб Магілёўскай вобласці», на працягу 17 год (1995–2012) складальнікам «Календара знамянальных і памятных дат па Магілёўскай вобласці...», аўтарам рэкамендацый для сельскіх бібліятэк «Краязнаўчы даведачна-бібліяграфічны апарат сельскай бібліятэкі і яго ўдасканаленне» (1999). Дапамагала пісьменнікам, гісторыкам-краязнаўцам у рэдагаванні і складанні бібліяграфічных спісаў літаратуры. Зрабіла велізарны ўнёсак у стварэнне карткавага краязнаўчага каталога і электроннай базы даных «Краязнаўства», якую пачалі весці ў аддзеле з 1995 г.

З верасня 2005 г. аддзел працуе пад кіраўніцтвам Калінінай Тамары Міхайлаўны. Працягваецца папаўненне дакументальна-інфармацыйнага банка даных аб вобласці. Ствараюцца бібліяграфічныя рэсурсы ў аўтаматызаваным рэжыме. Сістэма краязнаўчых бібліяграфічных дапаможнікаў дапоўнена паказальнікамі «Каляндар знамянальных і памятных дат па Магілёўскай вобласці...» (2005–2015), «Янка Купала, Якуб Колас і Магілёўшчына» (2007), «Выпускнікі і навучэнцы Магілёўскай мужчынскай гімназіі 1809–2009» (2009), «Они освобождали Могилевщину. Герои Советского Союза, принимавшие участие в освобождении Могилевской области от немецко-фашистских захватчиков (1943–1944)» (2009), «Библиотека в печати» (2010), «Пясняр свайго часу» (2014) і інш.

На пачатак 2015 г. фонд аддзела складаў 26 520 экз., у ім прадстаўлены кнігі і перыядычныя выданні, якія ўсебакова адлюстроўваюць гісторыю і сучаснае жыццё Беларусі. Краязнаўчы фонд налічваў 4185 экз., сярод якіх каля 500 экз. рэдкіх выданняў. Створаны фонд электронных копій рэдкіх краязнаўчых кніг і фотадакументаў. Пачатак электроннай калекцыі дарэвалюцыйных выданняў пакладзены ў 2007 г. і папаўняецца штогод дзякуючы даследчай і пошукавай дзейнасці, супрацоўніцтву з музеямі, бібліятэкамі, краязнаўчымі арганізацыямі, гісторыкамі, пісьменнікамі Магілёўшчыны і замежных краін. Звесткі аб рэдкіх краязнаўчых выданнях бібліятэкі ўпершыню абагульнены і сістэматызаваны ў бібліяграфічным паказальніку «Краеведческие раритеты Могилевщины» (2013).

Значная ўвага надаецца папулярызацыі ведаў па гісторыі, культуры Беларусі і Магілёўшчыны праз сацыякультурную дзейнасць, стварэнне віртуальных выстаў, тэматычных прэзентацый, рэкламаванне ў сродках масавай інфармацыі. З 2007 г. у бібліятэцы ладзяцца фотаэкспазіцыі краязнаўчай тэматыкі: «Магілёў пачатку XX стагоддзя», «Іх подзвіг жывы, непаўторны і вечны», «Вайна. Перамога. Памяць», «Дні і ночы мужнасці: 70 год абароны Магілёва», «Магілёўскія краявіды», «Наша слава і наша памяць», «Моладзь Магілёўшчыны: традыцыі і будучыня».

З мэтай павышэння якасці абслугоўвання, найбольш поўнага раскрыцця бібліятэчнага фонду і задавальнення патрабаванняў аддаленых карыстальнікаў ствараюцца віртуальныя выставы «Вернутая спадчына» (2009–2011), «Ганаровыя грамадзяне Магілёва» (2010), «Магілёўская бітва 1941 года: хроніка мужнасці: да 70-годдзя абароны Магілёва» (2011), «Могилевская губерния на страницах печатных изданий» (2012), «Янка Купала і Якуб Колас у творчасці пісьменнікаў Магілёўшчыны» (2012), «Шляхам служэння Беларусі» (2013), «Магілёўшчына ў гады Першай сусветнай вайны» (2014).

Большасць мерапрыемстваў краязнаўчай тэматыкі ладзіцца ў рамках работы гісторыка-краязнаўчага клуба «Спадчына», які пачаў дзейнічаць у 2008 г. і ставіць мэтай фарміраванне ў моладзі грамадзянскай пазіцыі і нацыянальнай годнасці праз вывучэнне гісторыі сваёй Бацькаўшчыны, выхаванне павагі і любові да роднай мовы, народных традыцый, інтарэсу да сучаснага жыцця і адказнасці за будучыню. Клуб працуе па краязнаўчых праграмах: «Полымя нязгаснай славы» (2010), «Мой непаўторны родны край» (2012), «Вечны агонь Перамогі» (2014–2015).

Сярод мерапрыемстваў – тэматычны вечар «Легенда і паэма» да 80-годдзя выхаду паэмы Я. Купалы «Магіла льва» (2007), прэзентацыя «Энцыклапедыя жыцця Магілёўшчыны» (2009), прысвечаная перавыданню кнігі «Опыт описания Могилевской губернии...», бенефіс кнігі «Баркалабаўскі летапіс – нацыянальная каштоўнасць беларусаў» (2013), арганізаваная сумесна з гісторыка-патрыятычным пошукавым клубам «Віккру» прэзен-

тацыя дакументальна-публіцыстычнай экспазіцыі «Імёны, вернутыя з забыцця» (2014), выстава-прэзентацыя вырабаў народнага майстра Рэспублікі Беларусь В.М. Якавенкі «Мелодыі роднай зямлі» (2014), а таксама відэаролік «Могилевские гостинцы» пра ўнікальныя рамёствы і промыслы, якія адроджаны сучаснымі майстрамі Магілёўшчыны, вечар-сустрэча «Вайна ў гісторыі майё сям’і» (2015) і інш.

З 2010 г. ладзяцца Пысінскія чытанні, у рамках якіх аддзел падрыхтаваў і правёў наступнае: паэтычны вечар «Пяшчотаю прасветленае слова» (2010 г.), вечар-сустрэчу «З любоўю да роднай зямлі» (2012 г.), літаратурна-музычную кампазіцыю «Паэзія праўды і мужнасці» (2013 г.), паэтычны вечар «З вайной, як з асколкам, у сэрцы» (2014–2015 гг.), паэтычны конкурс «У нашай памяці жыве» (2015 г.) сумесна з Магілёўскім аддзяленнем Саюза пісьмennisкаў Беларусі.

Аказваецца метадычная і практычная дапамога бібліятэкам рэгіёна. Створаны метадычныя рэкамендацыі «Бібліяграфічная база даных “Краязнаўства”»: метадычныя парады па фарміраванні і папаўненні электроннага рэсурсу» (2014).

Інфармацыя аб дзейнасці аддзела пастаянна асвятляецца ў часопісах «Бібліятэчны свет», «Бібліятэка прапануе», «Роднае слова», «Библиотечное дело», рэспубліканскіх і мясцовых газетах, зборніках «Могилевский поисковый вестник», «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць».

Вядзецца актыўная пошукавая і даследчая дзейнасць, вынікі якой змешчаны ў дакладах Т.М. Калінінай, прадстаўленых на міжнародных навукова-практычных канферэнцыях і семінарах: «Дзейнасць Магілёўскай абласной бібліятэкі па фарміраванні краязнаўчых рэсурсаў рэгіёна» (Мінск, 2012), «Рэдкія выданні ў краязнаўчым фондзе Магілёўскай абласной бібліятэкі» (Магілёў, 2013), «Бібліятэкі Магілёўшчыны на старонках мясцовых выданняў другой паловы XIX – XX стагоддзя» (Мінск, 2013), «Могилев в судьбе священномученика Сергия Увницкого» (Могилев, 2015).

Аддзел адзначаны дыпламамі: I ступені за комплексны падыход да ўдзелу ў аглядзе-конкурсе «Славяць край свой у прозе і вершах» (2013 г.) на лепшае комплекснае мерапрыемства бібліятэкі па папулярызацыі творчасці пісьмennisкаў – ураджэнцаў Магілёўшчыны; II ступені – за ўдзел у конкурсе «Рэха вайны незабытай...» на лепшую кніжную выставу сярод аддзелаў бібліятэкі ў рамках святкавання 70-годдзя вызвалення Магілёўскай вобласці (2014).

Такім чынам, за акрэслены перыяд супрацоўнікі аддзела зрабілі значны ўнёсак у папаўненне, захаванне і папулярызацыю гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі і Магілёўшчыны.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА «НАГУЕВИЧИ»

Одной из лучших форм сохранения природного и культурного наследия является организация музеев-заповедников. Это также способствует развитию регионального туризма с посещением достопримечательных мест, связанных с творчеством выдающихся деятелей культуры. Среди таких регионов в Украине выделяется Львовская область, где функционирует историко-культурный заповедник в с. Нагуевичи (Дрогобычский район) на родине классика украинской литературы, выдающегося ученого и мыслителя, общественного деятеля И.Я. Франко (1856–1916).

Истоки создания комплекса восходят к первой половине XX ст., когда в 1934 г. в родном селе писателя местные жители выступили с инициативой открыть памятник И. Франко. Из-за тогдашней политической ситуации эта идея не была осуществлена. Тогда же культурно-просветительское общество «Робітня громада ім. І. Франка» в г. Дрогобыче предложила в селе, где стояла хата родителей писателя, создать музей [7].

Народный комиссариат образования УССР 26 декабря 1940 г. принял план мероприятий по празднованию 85-летия со дня рождения И. Франко. Отдельным пунктом предусматривалось выполнить проект дома писателя и собрать этнографический материал [9, с. 397–401].

В 1946 г. в хате племянника писателя Н.З. Франко открыт музей, экспозиция которого разместилась в двух комнатах, а с 1951 по 1986 г. была перенесена в другое помещение, состоявшее из пяти комнат. В 1949 г. открыт памятник И. Франко. В 1951 г. архитектором С. Несвицким изготовлен макет усадьбы родителей писателя отца Я. Франко (1802–1865) и матери М. Франко (1832–1872). Хата родителей была построена в конце XVIII в. Она сгорела в 1885 г., и на ее месте отчим писателя Г. Гаврылик поставил новую, которая также сгорела в 1935 г. В 1956 г. на месте усадьбы возведена мемориальная арка, демонтированная в 1980 г. А в 1966 г. открыт новый памятник И. Франко, выполненный скульптором Е. Дзындрю. В том же году на месте, под дубом возраста более 300 лет, где писатель периодически отдыхал и написал рассказ «Оловець» (1879), установлена мемориальная стелла [3; 6; 10; 12].

Окончательное оформление художественно-мемориального комплекса приходится на 1981–1986 гг. Деятельное участие в финансировании проекта, а также его осуществлении сыграла Львовская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Пластические композиции расположены по дороге из г. Дрогобыч и охватывают села Лешня, Нагуевичи и Ясеницу Сольную (в этом селе И. Франко в 1862–1863 гг. ходил в школу). Общая протяженность экскурсионного маршрута со-

ставляет 27 км и предусматривает 11 остановок. Выделяются шесть взаимосвязанных и одновременно самостоятельных тематических зон: «Дорога Ивана Франко», «Тропа Ивана Франко», «Франкова сказка», «Музей-усадьба родителей Ивана Франко», «Сад славы Каменяра», «Дорога Малого Мирона».

Инициаторами тропы в с. Нагуевичи стали В.Н. Кушнир, И.И. Чайковский, М.Ф. Торский, К.Ф. Гофтанюк. Протяженность тропы составляет 1700 м, ширина 3 м. Также лесничими разработан эколого-познавательный экскурсионный маршрут. На нем расположены деревянные скульптуры по мотивам произведений И. Франко, выполненные студентами Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства (ныне Львовская Национальная Академия Искусств) под руководством скульптора, народного художника УССР профессора Э.П. Мыська, архитектора доцента С.П. Мыгалья и преподавателя И. Кметика. Консультировали работы сотрудники Нагуевичского и Львовского литературно-мемориального музея И. Франко (основан в 1940 г.) В.Л. Бонь и М.А. Оркуш. К 100-летию со дня выхода в печать повести «Борислав сміється» в 1981 г. создана групповая скульптурная композиция «Ріпники» («Нефтяники») [1; 2; 4; 5; 11].

К 125-летию со дня рождения писателя сотрудники Львовского литературно-мемориального музея предложили воссоздать усадьбу отца писателя. Проект разработал кандидат искусствоведения, инженер И.В. Сенив на основе этнографического очерка писателя «Моя вітцівська хата» (1913), «Кадастральних мап с. Нагуевичи за 1853 г.», а также автобиографических рассказов И. Франко «У кузні (Із моїх споминів)» (1902), «Під оборогом» (1905). Постройка осуществлена бригадой строителей под руководством С.В. Тимчишика и тогдашнего директора Львовского музея народной архитектуры и быта Б. Рыбака. Воссозданная усадьба (реставрационная реконструкция) открыта для посетителей 27 августа 1981 г. [13; 14, с. 12–13]. Постройка воссоздает архитектурные традиции бойковского традиционного строительства. Этнограф А.Г. Данилюк во время экспедиции в село зафиксировал традиционное жилище бойков, построенное в 1905 г. [8].

В 1986 г. к 130-летию со дня рождения писателя напротив усадьбы родителей открыт новый литературно-мемориальный музей, а возле него размещена скульптурная композиция «Иван Франко и деятели мировой литературы». Авторами являются народный художник УССР Э.П. Мысько, заслуженный деятель искусств УССР О.А. Садовский, архитектор С.П. Мыгаль. Рядом со зданием музея в 2006 г. построен Дом литератора.

Также в селе была деревянная церковь Св. о. Николая Чудотворца, построенная в 1760 г., где крестили И. Франко, но во время пожара 1996 г. она сгорела. Сейчас строится новый храм. До наших дней сохранился деревянный храм Перенесения мощей Св. о. Николая, построенный в 1801 г. Он является типичным образцом культового народного зодчества Прикарпатья. С 1996 г., после проведенных реставрационных работ, в церкви возобновлена служба.

Кабинет Министров Украины 10 марта 1994 г. принял постановление № 154 «Про Державний історико-культурний заповідник «Нагуєвичі» на батьківщині Івана Франка». А соответствующее положение утверждено 13 января 1995 г. на Сессии Львовского областного Совета народных депутатов.

После пожара, возникшего в 2001 г. на территории усадьбы, в том же году проведены восстановительные работы в помещениях стайни и хаты. Реконструкция «Тропы...» проведена при финансовой поддержке ВАТ НПК «Галичина».

В связи с современной социально-экономической ситуацией отсутствуют регулярное прямое автомобильное сообщение между г. Дрогобычем и с. Нагуевичи, что негативно сказывается на возможность посещения заповедника. Также практически не осуществляются систематические экскурсии. Периодически это происходит весной и летом для отдыхающих в санаториях г. Трускавца. Постоянными экскурсантами заповедника являются дети и школьники близлежащих сел.

Таким образом, этот в своем роде уникальный заповедник литературно-мемориального, художественного, архитектурно-этнографического и природного характера играет важнейшую культурно-просветительскую роль в регионе. Ему необходимо придать статус национального. В связи с тем, что основными объектами музейного показа выступают памятники, выполненные из недолговечного материала (дерево, солома), необходимо периодически проводить мероприятия по их защите от неблагоприятных природных факторов, а также противопожарные и противоаварийные работы.

Все фотографии сделаны в 2014 г. автором статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бадяк, В. П.** Каменярева стежка. З досвіду створення художньо-меморіального комплексу «Стежка Івана Франка» на Львівщині / В. П. Бадяк. – Львів : Львівське обласне правління НТТ лісової промисловості і лісового господарства ; Дрогобицький лісгоспзат Львівського облупрлісгоспазу ; Львівський державний інститут прикладного та декоративного мистецтва, 1982. – 12 с.
2. **Бадяк, В. П.** Сотня стежина / В. П. Бадяк // Пам'ятники України. – 1986. – № 3. – С. 12–13.
3. **Бонь, В.** Музей Івана Франка у рідному селі (Путівник) / В. Бонь, М. Кривко. – Львів : Каменярь, 1970. – 96 с.
4. **Бонь, В. Л.** Музей Івана Франка : путівник / В. Л. Бонь, М. О. Оркуш. – Дрогобич : Добре серце, 2003. – 24 с.
5. **Бонь, В. Л.** Стежка Івана Франка : фото путівник по художньо-меморіальному комплексу / В. Л. Бонь, М. О. Оркуш. – Львів : Каменярь, 1984. – 64 с.
6. **Григор'єва, Т.** Франкіана України / Т. Григор'єва, В. Войналович // Пам'ятники України. – 1986. – № 3. – С. 15–16.
7. **Гром, Г.** Франкові Нагуєвичі / Г. Гром. – Дрогобич : Відродження, 2004. – 282 с.

8. **Данилюк, А. Г.** Давнє народне будівництво на батьківщині Івана Франка (кінець XIX – початок XX ст.) / А. Г. Данилюк // Народна творчість та етнографія. – 1986. – № 5. – С. 80–81.

9. **Іван Франко** : документи і матеріали / відп. ред. З. Т. Франко. – Київ : Наукова думка, 1966. – 544 с.

10. «**І знову** бачу тя, село моє родинне...» : (вибрані праці Івана Франка про Нагуєвичі) / упор., передмова і коментарі В. Галика. – Дрогобич : Коло, 2007. – 144 с.

11. **Кравченко, Я.** Увічнення пам'яті І. Я. Франка на його батьківщині / Я. Кравченко, В. Одрехівський // Образотворче мистецтво. – 1986. – № 4 (липень – серпень). – С. 16–19.

12. **Ломова, М. Т.** Етнографічна діяльність І. Франка / М. Т. Ломова. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1957. – 120 с.

13. **Прибега, Л. В.** Охорона та реставрація об'єктів архітектурно-містобудівної спадщини України : методологічний аспект : монографія / Л. В. Прибега. – Київ : Мистецтво, 2009. – 304 с.

14. **Шляхами** Івана Франка на Україні : путівник / упор. М. О. Мороз. – Львів : Каменяр, 1982. – 127 с.

Корникова Н.В. (г. Гомель)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПОЗИЦИИ В МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОЖАН

В начале XXI в. приоритетное внимание в культурной политике белорусского государства уделяется сохранению народных традиций. Познание и осмысление важности ценностей национальной культуры имеет огромное значение для культурной преемственности в современном обществе. Нельзя не отметить, что немаловажную роль в этнокультурном просвещении играет популяризация знаний по этнографии. Серьезную работу в данном направлении на современном этапе осуществляют музейные учреждения, которые через свои экспозиции демонстрируют самобытность культурного наследия различных регионов Беларуси. В начале XXI в. городские жители в силу широкого влияния урбанизационных процессов на их культурные традиции и образ жизни обладают специфичным восприятием музейной действительности, рассказывающей о традиционной культуре. Поэтому представляется интересным выявить, каковы же восприятие и оценка значимости этнографических экспозиций в музеях Беларуси именно современными горожанами.

В начале XXI в. этнографические экспозиции, представленные в отечественных музеях, способствуют реализации важной просветительской миссии, приобщая широкую аудиторию к наследию традиционной матери-

альной и духовной культуры белорусов. Вместе с тем не стоит забывать, что ценнейшим источником, знакомящим нас с культурными традициями белорусского народа являются работы целого ряда этнографов XIX – начала XX в., например Е.Р. Романова [4], П.В. Шейна [5], И.А. Сербова [1] и многих других. Среди этой плеяды одним из крупнейших исследователей материальной и духовной культуры также можно выделить Н.Я. Никифоровского. Сегодня его работы по праву считаются настоящей энциклопедией быта и традиций белорусов [2; 3].

Целью исследования является характеристика восприятия этнографических экспозиций в музеях Беларуси в представлении современных горожан.

Новизна работы заключается в том, что изучение представлений и особенностей восприятия этнографических собраний Беларуси в среде современных горожан проводится на основе оригинальных и ценных свидетельств – материалов полевых этнографических исследований.

Источниками для написания работы послужили результаты опросов, проведенных в городских населенных пунктах Гомельского региона. В круг респондентов были включены представители различных возрастных и профессиональных групп. Всего были опрошены 67 человек в возрасте от 22 до 69 лет.

В результате исследования выявлено, что все респонденты, участвовавшие в опросах, неоднократно осматривали разнообразные этнографические экспозиции в различных музейных учреждениях региона и республики. Среди этнографических музеев, которые посетили опрошенные горожане, были названы Могилевский музей этнографии, Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций имени Ф.Г. Шклярова, Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта, музейный комплекс «Дудutki», этнографический комплекс «Мельница» в историко-культурном музее-заповеднике «Заславль», Музей народной культуры Мозырщины «Палеская веда», Глубокский, Наровлянский, Чечерский историко-этнографические музеи, Музей традиционного ручного ткачества Поозерья, Оршанский этнографический музей «Млын». Также респонденты вспомнили об этнографических экспозициях, увиденных ими в исторических и краеведческих музеях. В частности, были названы Национальный исторический музей Республики Беларусь, Гродненский государственный историко-археологический музей, Туровский, Калинковичский, Речицкий краеведческие музеи, Светлогорский, Жлобинский историко-краеведческие музеи.

Говоря о своих впечатлениях, полученных от посещения этнографических экспозиций в различных музейных учреждениях Беларуси, опрошенные горожане в подавляющем большинстве сошлись во мнении, что коллекции указанной тематики, представленные на постоянных и временных выставках, вызывают у них значительный интерес, а также выделяются на фоне других экспонатов в музее своим колоритом и самобытностью. Так,

Корнилов М.А., учитель географии, 1982 г. р., из Мозыря высказал мнение: «Посещение этнографических выставок интересно для меня, так как это очень познавательно и дает возможность саморазвития. Вместе с тем, я – учитель, поэтому посещение этнографических экспозиций в разных районах и регионах страны дает мне возможность использовать полученные знания и впечатления на уроках, чтобы рассказать больше ученикам о культуре и традициях нашей страны». В свою очередь Дубрава Е.В., врач-гистолог УГОКОД, 1972 г. р., из г. Гомеля рассказала: «Этнографические экспозиции, безусловно, близки и интересны мне. Я считаю, что народная культура – это часть истории нации. Каждый человек должен ее знать, чтобы сохранить и передать своим детям».

Результаты исследования показали, что участвовавшие в опросах представители городского населения посещали преимущественно этнографические экспозиции по тематике, посвященной традиционной культуре белорусского народа. Большая часть опрошенных связала это с тем, что подобные постоянные или временные выставки наиболее широко представлены в музеях Беларуси. Как наиболее распространенные экспонаты в этнографических коллекциях музеев Беларуси респонденты называли национальные костюмы, рушники, предметы домашнего быта и традиционных ремесел. К примеру, Селюжитская А.А., 1969 г. р., учитель СОШ № 11, из г. Речицы отметила: «Наибольшее внимание в этнографических экспозициях привлекают у меня рушники и предметы национального костюма. Они так красиво расшиты – похожие вещи я видела только у моей бабушки. Это прекрасные вещи, которые созданы вручную, а не на фабриках. В них прослеживаются традиции нашего народа». Среди наиболее запомнившихся экспозиций, увиденных в посещенных музейных учреждениях, респонденты называли выставки Ветковского музея народного творчества и его гомельского филиала («Магія зімовых святаў», «Ветковская буква», «Белая птица – невеста»); Могилевского этнографического музея («Земли родной круговорот» и др.), экспозицию, организованную в этнографическом комплексе «Мельница» (дом извозника, мельница, кузница), выставку, посвященную городскому быту конца XIX – начала XX в. в Национальном историческом музее, экспозиции народных костюмов и рушников в Оршанском этнографическом музее «Млын», Глубокском, Чечерском, Наровлянском историко-этнографических музеях. Некоторая часть опрошенных особенно отметила свои впечатления от посещения школьных этнографических музеев. Рыженкова Н.В., инженер ГОУРТ, 1966 г. р., из Гомеля отметила: «Мне довелось побывать в музее СОШ № 44 г. Гомеля, от чего у меня остались самые позитивные впечатления. Он устроен в конце одного из классов и выглядит как хатка из дерева, где можно увидеть рушники ручной работы, самовары, деревянные ложки и множество других замечательных вещей».

В отношении личных предпочтений в тематике этнографических экспозиций музеев большая часть опрошенных отметила, что их интерес привлекают преимущественно выставки, посвященные народной культуре. Остальные высказали мнение, что считают интересными для себя собрания музеев, освещающие городской быт в прошлом и современности. Так, Парашенко М.М., инженер, 1987 г. р., из Гомеля отметил: «Выставки, посвященные народной культуре, интересуют меня больше всего, так как всегда хочется узнать о чем-то близком и родном, хотя другие этнографические экспозиции также вызывают у меня внимание, особенно если они красочно и эффектно оформлены». В свою очередь Фролов А.Е., учитель истории СОШ № 37 г. Гомеля, высказал мнение: «С познавательной точки зрения мне очень интересны этнографические экспозиции, посвященные городскому быту, так как они представляют большой спектр предметов обихода, интерьера. Мне любопытно сравнивать современную индустриальную среду с городской атмосферой прошлых столетий».

Показательными оказались мнения респондентов в отношении тематики этнографических выставок, которые им хотелось бы увидеть в музейных учреждениях региона и республики. Большая часть респондентов отметила, что считает познавательными оригинальные выставки, связанные с народной культурой. Значительный интерес вызвали бы экспозиции, рассказывающие как о материальной, так и духовной культуре белорусов: о народных музыкальных инструментах, традиционной резьбе по дереву, интерьере народного крестьянского жилища, национальной белорусской кухне, свадебной обрядности, традиционных поверьях, детской культуре. Некоторая часть опрошенных также высказала интерес к выставкам, посвященным городскому быту XIX – начала XX в.

Ведущими этнографическими музеями республики большинством респондентов были отмечены Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта, музейный комплекс «Дудutki», Могилевский музей этнографии, а также Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций имени Ф.Г. Шклярова.

Подавляющее большинство респондентов сошлось во мнении, что этнографические экспозиции имеют неоспоримую важность для просвещения широких слоев населения. Особенно была отмечена актуальность и значимость этнографических собраний для этнокультурного воспитания в современном обществе. Еленич А.С., педагог, 1990 г. р., из Лельчицкой СОШ высказал мнение: «Считаю, что этнографические выставки очень важны для популяризации знаний о традиционной культуре. Трудно переоценить их значение в трансляции ценностей народной культуры».

Большая часть респондентов высказала мнение, что этнографические коллекции достаточно широко представлены в музеях республики, они полно характеризуют традиционную культуру Беларуси, однако целесообразно было бы некоторое тематическое расширение имеющихся собраний.

Значительная часть респондентов отметила, что одной из самых интересных и актуальных форм организации этнографических экспозиций в начале XXI в. является создание музеев под открытым небом, посвященных традиционной культуре. Косенко А.С., юрист Гомельского облисполкома, 1989 г. р., рассказал: «Очень интересным мне показался визит в «Дудutki». Там, на мой взгляд, белорусская традиционная культура представлена посетителям ярко и современно. Экспонаты были представлены очень широко: начиная от технологии ткачества и заканчивая кузнечным ремеслом. Очень запомнилась действующая «Корчма» – интересный ход со стороны руководителей музея. Также более половины опрошенных высказали мнение о том, что считают актуальной формой работы для современных этнографических музеев проведение мастер-классов и реконструкций традиционных праздников, так как это в значительной мере может способствовать популяризации народной культуры.

Таким образом, в результате исследования были изучены особенности восприятия этнографических экспозиций в музеях Беларуси современными горожанами. По мнению опрошенных, этнографические экспозиции достаточно широко представлены в музейных учреждениях республики и дают полное представление о традиционной культуре белорусского народа. Наибольший интерес и отклик среди респондентов вызывают материалы коллекций, посвященных различным аспектам материальной культуры белорусов XIX – начала XX в. Принявшие участие в опросах горожане высоко оценивают просветительский и воспитательный потенциал этнографических экспозиций музеев Беларуси, а также их роль в этнокультурном образовании населения в начале XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Материалы** для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края : [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. – СПб. : Тип. императорской АН, [1887–1902]. – Т. 3 : Описание жилища, одежды, обуви, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. – 535 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук ; Т. 72, № 4).
2. **Никифоровский, Н. Я.** Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губернская типография, 1895 – 552 с.
3. **Никифоровский, Н. Я.** Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский – Витебск : Губерн. Типо-Литограф., 1897. – 30 с.
4. **Романов, Е. Р.** Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Вып. 8 : Быт белоруса. – Вильно : Типография А. Г. Сыркина, 1912. – 600 с.
5. **Сербаў, І. А.** Вічыньскія паляне: матэрыял. культура : этнагр. нарыс Бел. Палесся / І. А. Сербаў. – Мінск : БФК, 2005. – 88 с.

ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА ТАВАРЫСТВА «УЗДЫМ» У ДАЎГАЎПІЛСЕ

Распад Савецкага Саюза паспрыяў абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці і стварэнню розных таварыстваў для абароны сваіх нацыянальных інтарэсаў. У лютым 1990 г. у Даўгаўпілсе ствараецца аддзел Балта-Славянскага таварыства. Кіраўнік Л.Ф. Каралёва энергічна пачала спрыяць стварэнню нацыянальных суполак. Вясной было створана літоўскае таварыства, а восенню надышла чарга і да беларускага таварыства. Праз гарадскую газету беларусы Даўгаўпілса былі запрошаны 27 лістапада 1990 г. на першае пасяджэнне. Пасля ўзаемнага знаёмства было вырашана стварыць беларускі клуб пры Балта-Славянскім таварыстве.

На першае пасяджэнне нечакана прыйшлі беларусы, якія актыўна ўдзельнічалі ў беларускім руху ў даваенны час. Упершыню мы даведаліся аб багатай і цікавай гісторыі беларусаў Латгаліі. Гэта паспрыяла інтарэсу таварыства да збору інфармацыі па гісторыі беларускай дыяспары горада і раёна.

У лютым 1992 г. пры дапамозе гарадской улады і Балта-Славянскага таварыства была праведзена беларуская канферэнцыя, якая адбылася ў зале гарадской управы. Навуковы супрацоўнік Даўгаўпілскага краязнаўчага музея Арнольд Гулбэ расказаў у сваім рэфератах аб гісторыі беларусаў і латышоў на берагах Даўгавы. Госць з Мінска пісьменнік Сяргей Панізнік распавёў аб жыцці беларусаў у Даўгаўпілсе ў даваенны час. Пазнаёміў з кнігамі і матэрыяламі аб дзейнасці беларускай гімназіі ў Даўгаўпілсе. Апавядаў, якія цікавыя матэрыялы ён знайшоў у Латвіі для беларускіх музеяў і архіваў. А мы чым горш?

Пасля канферэнцыі вырашылі больш актыўна збіраць гістарычныя матэрыялы і інфармацыю, вывучаць розныя крыніцы па гісторыі дыяспары. Было таксама прынята рашэнне стаць самастойным таварыствам, падрыхтаваць статут і правесці ўстаноўчы сход, разгледзець асноўныя напрамкі дзейнасці. Вопытам утварэння і працы таварыстваў падзяліліся прадстаўнікі польскага і літоўскага таварыстваў. Аднак недахоп грошай зацягнуў рэгістрацыю нашага таварыства «Уздым».

10 мая 1993 г. прайшла падрыхтаваная рэдактарам гарадской газеты «Дынабург» Паўлам Бурым і таварыствам «Уздым» сустрэча беларусаў Рыгі і Даўгаўпілса. Было вырашана, што таварыствы павінны абараняць і прадстаўляць інтарэсы беларусаў у Латвіі. Госць сустрэчы – прэзідэнт Асацыяцыі беларусаў-прадпрымальнікаў Рыгі Янка Кабановіч – ахвяраваў 20 тыс. руб. на рэгістрацыю таварыства.

6 ліпеня 1993 г. таварыства «Уздым» афіцыйна зарэгістравана ў Міністэрстве юстыцыі Латвійскай Рэспублікі. Старшынёй быў выбраны Мікалай

Паўловіч. У ліку 11 заснавальнікаў згуртаваліся нашчадкі беларусаў Латвіі і Беларусі.

Правялі пэўную працу ў архівах Латвіі па выяўленні маёмасці былых беларускіх арганізацый і ўстаноў. Але нічога патрэбнага не знайшлі. Сутыкнуліся з іншым: аказалася, што ў многіх мясцовых беларусаў захаваліся значныя гістарычныя багацці ў выглядзе дакументаў, фотаздымкаў, рэчаў, якія як крыніцы выдатна адлюстроўваюць гісторыю нашых папярэднікаў. Прайшлі вайна і рэпрэсіі. Але рэпрэсіі датычыліся большай часткай латышоў і заможнага класа. Беларусы, якія жылі ў мясцовасцях, дзе не было значных ваенных дзеянняў, амаль не пацярпелі. Да прыкладу, кіраўнік хору беларускай гімназіі Гаўбштэйн паспяхова кіраваў харамі і пры немцах, і пры Саветах. Аднак боязь рэпрэсій прымусіла яго сям'ю знішчыць усё, што тычылася даваеннай дзейнасці.

Пасля выступлення сяброў таварыства ў мясцовым друку, па тэлэбачанні і радыё людзі пачалі прыходзіць і званіць у таварыства. Нехта запісваўся да ўдзелу ў справах, а нехта перадаваў беларускія матэрыялы ці дзяліўся ўспамінамі. Потым мы ўжо этанакіравана расшуквалі нашчадкаў мясцовых беларусаў, запісвалі ўспаміны, збіралі калекцыі фотаздымкаў і дакументаў. Бракавала толькі, што час бярэ сваё, шмат якім унукам і праўнукам старое непатрэбна. Дакументы выкідваліся на сметнік ці спальваліся. У 1980–1990 гг. прыязджалі з Мінска навукоўцы, шмат чаго знайшлі і вывезлі ў архівы і музеі. Але ўвядзенне граніц, безграшовасць беларускіх устаноў паставілі крыж на гэтым пытанні.

Па магчымасці я збіраю з дапамогай сяброў таварыства матэрыялы, але не заўжды на гэта хапае часу. Тое, што ўдалося сабраць, утварыла значны фонд па гісторыі беларусаў Латвіі, які актыўна выкарыстоўваецца таварыствам для арганізацыі выстаў, лекцый і публікацый. У гэты фонд паступілі матэрыялы як ад саміх удзельнікаў беларускага руху, так і ад іх нашчадкаў з сем'яў М. Талеркі, К. Александровіча, І. Фёдарова, А. Барткевіча, Э. Вайвадзіша, Э. Цынгеля, В. Васільевай, Я. Камаржынскага, С. Саўкант і інш. Самыя рэдкія матэрыялы перададзены ў музеі і архівы Мінска, Браслава, Мёраў, Краславы, Даўгаўпілса і інш. Гэта рукапісы, шкляныя негатывы, кнігі і дакументы, тэатральныя афішы, паштоўкі і інш.

Напрыклад, настаўнік і пісьменнік Эдвард Вайвадзіш па даносе ў 1942 г. быў арыштаваны немцамі і памешчаны ў канцлагер на востраве Руген, дзе быў прымушаны працаваць на заводзе па вырабе ракет «ФАУ-1». Беларусы Даўгаўпілса падняліся ў абарону свайго вядомага дзеяча, і немцы былі вымушаны даць яму свабоду. Бірку з нумарам з канцлагера ён захоўваў усё сваё доўгае жыццё. Пасля смерці беларускага пісьменніка дачка аддала гэты артэфакт на захоўванне ў таварыства. Такую рэдкасць вырашылі перадаць у беларускі архіў літаратуры і мастацтва.

У Даўгаўпілсе ў міжваенны час актыўна працавала беларускае тэатральнае таварыства. Са спектаклямі і пастаноўкамі аматары тэатра аб'ехалі

ўсю Латгалію. На спектакле ў Рызе прысутнічаў нават знакаміты латышскі пісьменнік Я. Райніс. Матэрыялы пра дзейнасць беларускага тэатра былі таксама перададзены ў таварыства «Уздым». З гэтай вялікай калекцыі ўсё, што датычылася беларускага класіка Я. Купалы, было падаравана музею Я. Купалы ў Мінску.

У Браслаўскі музей падараваны паштоўкі стогадовай даўніны з краявідамі Відзаў і Браслава, рарытэтнае выданне паэтычнага зборніка Снудоўскага, прысвечанага Браслаўшчыне.

У музей Вітальда Ермалёнка ў Мёрах падараваны таксама цікавыя матэрыялы, звязаныя з гісторыяй Мёршчыны, знойдзеныя ў беларусаў Латгаліі.

Рэдкія матэрыялы даводзілася знаходзіць нават на сметніках. Пры рамонце дома на Грыве (мікрараён Даўгаўпілса) сярод выкінутых старадаўніх здымкаў быў знойдзены рарытэтны здымак салдата беларускага асобага батальёна 1919 г.

Таварыства працягвае працу над пошукам і выяўленнем новых артэ-фактаў, звязаных з дзейнасцю беларускай дыяспары ў Латвіі. Пра знаходкі былі публікацыі ў «Браслаўскіх сшытках», «Павеце», у гарадскіх газетах г. Даўгаўпілса («Наша газета», «Сейчас»), у зборніках кряззнаўчага таварыства Даўгаўпілса. Па матэрыялах збору былі напісаны некалькі студэнцкіх работ пра беларусаў Латвіі. У рамках конкурсу «Беларусы Латвіі. Мінулае і сучаснасць» (2014) Саюза беларусаў Латвіі была надрукавана работа члена маладзёжнай групы таварыства «Уздым» Вадзіма Сінякова, прысвечаная дзейнасці тэатральнага дзеяча і настаўніка К. Александровіча.

У зборніку «“Уздым” на пачатку ХХІ стагоддзя», прысвечанаму 20-годдзю дзейнасці таварыства, па матэрыялах збору змешчаны расказ пра беларускія мясціны Даўгаўпілса. Зборнік выйшаў у 2015 г.

Рафеева М.С. (г. Гомель)

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕКИ: ДИАПАЗОН ИДЕЙ И ПРАКТИК

Каждый город, край, как и человек, имеет свой неповторимый облик, позволяющий выделить его из множества других, казалось бы, похожих.

Гомельская областная библиотека как крупнейшая региональная библиотека обладает достаточно большим массивом документов о крае. В отделе краеведения создана и постоянно пополняется краеведческая коллекция произведений местной печати: все районные газеты с 1969 г., областная газета «Гомельская правда» с 1945 г., есть отдельные издания «Известий Гомельского Губернского Комитета Российской Коммунистической Партии» за

1919–1926 гг. В отделе редкой книги можно познакомиться с краеведческими изысканиями конца XIX в. Краеведческий фонд библиотеки насчитывает более 25 тыс. экз. различных изданий.

Сотрудниками ведется работа по сбору краеведческих публикаций о крае из республиканской, российской, местной прессы, сборников научно-практических конференций и круглых столов. Полученные материалы являются основой для составления справочно-библиографического аппарата (СБА), краеведческих библиографических изданий, баз данных. По ним созданы полнотекстовые базы данных для ряда предприятий и учреждений области: Мозырского нефтеперерабатывающего завода, Гомельского вагоностроительного завода, ОАО «Гомельский химзавод», ОАО «Гомельхлебпром», Лоевского и Рогачевского отделов идеологической работы, культуры и по делам молодежи, областной таможни и др. Старейший текущий библиографический указатель универсального содержания «Гомельшчына ў друку» издается ежегодно с 1967 г. Более 30 лет и ежегоднику «Старонкі гісторыі Гомельшчыны. Каляндар дат і падзей на ... год».

Результатом исследовательской работы специалистов библиотеки стала серия библиографических пособий, посвященных становлению музейного дела на Гомельщине: «Гомельскі абласны краязнаўчы музей», «Музейная справа вобласці ў друку», «Веткаўскі краязнаўчы музей». Работа над созданием данных пособий строилась на основе сотрудничества с учреждениями науки, музеями, архивами, общественными организациями.

Персональные библиографические указатели «Ирина из рода Воронцовых-Дашковых», посвященный И.И. Паскевич, «Мікалай Пятровіч Румянцаў на Гомельскай зямлі» стали первыми работами, собравшими воедино все публикации об именитых владельцах нашего города, их вкладе в его развитие и просвещение.

Биобиблиографические указатели литературы, изданные в последние годы, посвящались жизни и творчеству знаменитого белорусского художника Гавриила Харитоновича Ващенко – «Натхнёны сын Палесся», белорусского писателя Виктора Афанасьевича Козько – «Спавадальнае слова», славянского церковного деятеля, мыслителя «Кірыл, епіскап Тураўскі: жыццё, спадчына, светапогляд : да 900-годдзя з часу нараджэння».

15-летию Международного фестиваля хореографического искусства «Союзкі карагод» также посвящен одноименный библиографический указатель.

Результаты реализации «Государственной программы возрождения и развития села» на Гомельщине отражены в указателе «Агрогородки: становление, опыт, перспективы».

Ценность региональной периодической печати как источника краеведения неоспорима. Содержательный анализ материалов местной и республиканской периодики позволяет в хронологической последовательности про-

следить развитие событий, всесторонне и объективно исследовать историю предприятий, учреждений, организаций в контексте экономической, политической и культурной жизни региона.

Гомельщина привлекает своей богатой историей и уникальными, сохранившимися до наших дней памятниками и народными традициями. На территории области находится 2540 памятников истории и культуры, архитектуры и археологии. Многие из них внесены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Фактографическая база данных «Памятники Гомельщины» содержит сведения об авторах и создателях памятников, описание их внешнего вида, историческую справку, фотоизображение. Историческая справка дополнена списком публикаций о памятниках. Предусмотрен поиск по видам памятников, времени создания, месту расположения.

Гомельская земля является родиной видных государственных деятелей, ученых, педагогов, актеров. Многим талантливым людям, чьи имена известны далеко за ее пределами, она стала родиной. О них база данных «Знаменитые люди Гомельщины», содержащая информацию о 600 персоналиях и около 6000 библиографических записей. В качестве объекта – личность, представляющая исторический, научный, культурный или социальный интерес. Поиск осуществляется по видам деятельности, фамилии, псевдониму, месту проживания и т. д.

В электронных музеях, посвященных писателям-землякам Ивану Шамякину, Ивану Мележу, Ивану Науменко, Борису Саченко, Андрею Макаёнку, с максимальной полнотой собраны материалы, отражающие их жизнь, творчество, общественную деятельность, отношение к литературе и литературным процессам, связь с современниками. Материал группируется тематическими комплексами, наиболее характерными для данной личности. К каждому разделу прилагаются дополнительные библиографические списки литературы. Создание электронных ресурсов, обеспечивающих равные возможности для всего населения региона в доступе к краеведческой информации, одновременно решает задачи сохранения и распространения документального наследия территории.

Логическим продолжением электронных музеев стал традиционный литературный музей «Литературная Гомельщина». Его созданию предшествовала тесная дипломатическая работа сотрудников библиотеки с родными и близкими писателей. Отдел краеведения украшает музейная экспозиция «Слова роднага майстар», посвященная жизненному и творческому пути народного писателя Беларуси, нашего земляка Ивана Науменко. В ней содержатся неопубликованные рукописи писателя, литература о нем, вещественно-предметная коллекция, фотографии из семейного альбома, предоставленные библиотеке семьей писателя. В мае 2015 г. открыта экспозиция, посвященная 100-летию русского поэта, переводчика Дмитрия Ковалева. Готовятся музейные экспозиции к юбилеям Ивана Шамякина и Ивана Мележа.

Изучение фонда краеведческой литературы, особенно работа с мемуарами, дневниками, воспоминаниями, письмами позволяет восстанавливать множество фактов дореволюционного и довоенного времени: «Деятельность Евдокима Романова по созданию музеев в Белоруссии»; «Журналисты и писатели – участники освобождения Гомельщины»; «Деятельность научного кружка Николая Петровича Румянцева в Гомеле» и др.

Исследовательская работа по изучению истории библиотечного дела области воплотилась в выпуски издания «Библиотечное дело Гомельщины: история становления и развития». Каждый район представлен двумя очерками, рассказывающими об истории центральной и сельской библиотек. Они содержат архивные данные, воспоминания, ссылки на опубликованные документы. В изданиях использованы фотоснимки из архивов областной и центральных районных библиотек. К сожалению, работа по написанию и изданию истории областной библиотеки пока не закончена. Планируем осуществить ее к ближайшему 90-летию библиотеки, приходящемуся на начало 2018 г.

С целью распространения знаний о крае библиотека готовит различные историко-краеведческие мероприятия: тематические выездные читальные залы, циклы информационно-познавательных лекций «Я этот город знаю, я в этом городе живу» или «Музей в чемодане», когда экспонаты «сами идут» к экскурсантам, выставки экспонатов из собрания городских коллекционеров «Гомельчане в годы Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн», премьеры и презентации книг, литературные вечера, которые являются прекрасным средством популяризации краеведческого материала. В начале ноября на протяжении ряда лет библиотека превращается в творческую площадку фестиваля «Славянские литературные дожинки», инициируемого Гомельским областным отделением Союза писателей Беларуси.

В художественной галерее имени Валентина и Марии Егоровых, открытой в библиотеке два года назад, проходят выставки мастеров искусства и молодых талантливых авторов: «Дорогие мои гомельчане», «Гомель под мирным небом» и др.

Только за 10 месяцев 2015 г. сотрудниками библиотеки проведено более 100 мероприятий историко-краеведческой направленности, из них свыше 20 городского и областного уровня.

Системность и тематико-содержательную четкость нашей работе придают проекты и комплексные целевые программы.

70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящен краеведческий литературно-художественный проект Гомельской областной библиотеки «Живая память моей семьи». Его основой стала книга рассказов, написанных сотрудниками библиотеки – членами Союза писателей Беларуси Олегом Ананьевым, Юрием Максименко и молодым литератором Юрием Рачинским. Исходным материалом послужили воспоминания участников,

свидетелей Великой Отечественной войны, собранные библиотекарями нашей области. В оформлении книги использованы живописные, графические и скульптурные произведения более 20 художников Гомельщины.

41 рассказ книги – 41 эпизод жизни реальных людей. Правдивые истории (в художественной обработке) о Героях Советского Союза – активном участнике гомельского подполья Тимофее Бородине, погибшем в фашистских застенках за месяц до своего 25-летия; летчике Василии Серегине, почетном гражданине Парижа, сражавшемся в прославленной эскадрильи «Нормандия-Неман», явившемся прототипом капитана Тарасенко в исполнении Николая Рыбникова в одноименном советском фильме; детях из бесчеловечного донорского концентрационного лагеря «Красный берег»; вернувшейся из эвакуации «раненой» книге из фонда библиотеки Паскевичей (хранящейся в музее редкой книги областной библиотеки) и многих других переданы с документальной достоверностью и выразительной эмоциональностью. Материалы дополнены авторскими стихами.

Параллельно с изданием книги (книга объемом в 260 с. напечатана в «Лидской типографии» тиражом 1800 экз.) шла работа по ее театрализованной постановке. Постановка с успехом прошла 9 мая в рамках программы областных и городских праздничных мероприятий, 3 июля в программе празднеств в г. Добруше, в Гомельском областном лицее и других учреждениях образования Гомеля. Спектакль по книге в исполнении библиотечного театра областной библиотеки – народного любительского театра «Грачи», работающего в библиотеке уже более 16 лет, и в котором выступают только сотрудники нашей библиотеки, отмечен дипломом «За уникальное раскрытие темы Великой Отечественной войны» на XIII Международном фестивале молодежных театров «Славянский перекресток» в Брянской области (июнь, 2015 г.).

Благодаря финансовой поддержке проекта, приобретено звуковое и световое оборудование для актового зала библиотеки. А 9 октября на родине героев, в Урицкой сельской библиотеке Гомельского района, состоялось открытие музейной экспозиции, посвященной братьям Кричевцовым – семейному танковому экипажу, совершившему первый в истории Великой Отечественной войны танковый таран (26 июня 1941 г. в день подвига Гастелло).

26 ноября мы отмечаем 72-ю годовщину освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков. Мероприятия, приуроченные этой дате, подведут итог годовой работы по проекту.

Распространение краеведческих знаний – вот цель, преследуемая нами при организации всей работы. Мы ориентируемся на то, чтобы массовые мероприятия не просто включались в разряд краеведческих по территориальному признаку, а обязательно несли краеведческую информацию, будь то еженедельный обзор книжных новинок на новом региональном телеканале «Беларусь-4», который готовят молодые сотрудники нашей библиотеки, или экскурсия по музею редкой книги.

Краеведение – это тот неисчерпаемый источник вдохновения, который позволяет нам, библиотекарям, творить, используя различные формы и виды деятельности, получать огромное удовлетворение от совершаемого и полезности своего труда.

Семенов Д.Ю. (г. Ульяновск, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ «ВИННОВСКАЯ ГОРА» ЦЕНТРА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА № 6

Музей образовательного учреждения – важный, самостоятельный и неотъемлемый элемент в системе полноценного обучения и воспитания.

В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ в статье 8 говорится, что развитие образования должно осуществляться с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов Российской Федерации. Полноценная реализация этого требования возможна только при наличии в образовательных учреждениях краеведческих музеев. Таким образом, современный образовательный процесс требует максимальной интеграции преподавания учебных дисциплин с музейной работой.

Идеальная цель музея образовательного учреждения должна заключаться в формировании у обучающихся естественно-научного и патриотического мировоззрения на основе комплексных краеведческих материалов.

Музеи образовательных учреждений в нашей стране начали формироваться преимущественно в 60-е гг. XX в. К сожалению, экспонаты в таких музеях в большинстве случаев атрибутированы неправильно, что вызвано отсутствием в образовательных учреждениях профессиональных исследователей – историков, биологов, геологов и так далее, а также отсутствием связи с региональными и федеральными музеями. В дальнейшем такие ошибочно атрибутированные экспонаты могут сформировать у обучающихся искаженное представление о природных и исторических условиях региона их проживания, что в свою очередь негативно скажется на формировании патриотического мировоззрения.

В настоящее время в образовательных учреждениях г. Ульяновска доминируют музеи, посвященные подвигам военнослужащих: музей Героя Советского Союза М.П. Хваткова в МБОУ Луговская основная общеобразовательная школа; музей дважды Героя Советского Союза генерал-майора авиации И.С. Полбина в МБОУ СОШ № 46 им. И.С. Полбина; музей Героев Свири в МБОУ СОШ № 31 им. Героев Свири; музей Героя России гвардии лейтенан-

та Д.С. Кожемякина в МБОУ СОШ № 48 им. Героя России Д.С. Кожемякина; музей «Подвиг» в МБОУ СОШ № 62 и многие другие. Эти музеи имеют узкую направленность, так как они, как видно даже из их названий, посвящены исключительно конкретным персоналиям. Музейная экспозиция в таких музеях, как правило, отражает жизненный путь и подвиг героя, но при этом совершенно не раскрывается вопрос, что такое Родина (Patrie), ради которой человек совершил подвиг. Такие музеи обладают минимальной интеграцией с образовательным процессом, на их примере возможно изучение только небольшого исторического периода в рамках курсов истории и обществознания, но, тем не менее, они играют определенную роль в воспитательном процессе при формировании у обучающихся чувства «наивного патриотизма».

Комплексный эколого-краеведческий музей «Винновская гора» создан в МБОУ ДОД Центр детского творчества № 6 в 2003 году, в основу его коллекции положены экспонаты, собранные учащимися на территории Железнодорожного района г. Ульяновска. Основная цель музея «Винновская гора» заключается в максимальном освещении истории и природы малой Родины, без чего невозможно формирование у обучающихся чувства «осознанного патриотизма». С момента своего образования музей находится в тесной связи с профессорско-преподавательским составом Ульяновского государственного университета, Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова и Ульяновским областным краеведческим музеем им. И.А. Гончарова. Структурно музей состоит из двух основных разделов: естественно-научного (геология, палеонтология, флора, фауна) и историко-этнографического (каменный век, бронзовый век, железный век, средневековье, русская колонизация, империалистический период, Гражданская война, советский период). Музейная экспозиция составлена с учетом максимальной интеграции с образовательным процессом в средней общеобразовательной школе, на основе музейной коллекции возможно изучение с краеведческим акцентом как гуманитарных (история, обществознание, литература), так и естественно-научных (география, биология, химия) дисциплин, что в значительной степени способствует патриотическому воспитанию обучающихся.

В унисон к музейной экспозиции разработаны и реализуются следующие экскурсии по ООПТ «Винновская роща»: 1. Палеоэкология (геологические отложения, междуречье); 2. Гидроэкология (родники, пруд, Куйбышевское водохранилище); 3. Флора и фауна; 4. Литературные памятники (Гончаровские места, география романа «Обрыв»); 5. Исторические памятники (археологические памятники с палеолита до XIX в. н. э., места боев Гражданской войны, позиции зенитных пушек 1942–1943 гг.). Экскурсии позволяют осуществлять патриотическое воспитание не на вербальном уровне, а через практику, кроме того, они носят ярко выраженный эмоциональный и динамичный характер, что способствует более эффективному формированию патриотического мировоззрения у обучающихся.

Экскурсии по музею «Винновская гора» и по ООПТ «Винновская роща» проводятся с учетом возрастных особенностей обучающихся. Практикуются совместные с родителями экскурсии, что способствует более глубокому внутрисемейному обсуждению полученной информации и, как следствие, более прочному патриотическому воспитанию.

Таким образом, можно сделать вывод, что только в условиях комплексного музейного образовательного учреждения возможно полноценное формирование патриотического мировоззрения у обучающихся.

Струнчанка А.А. (г. Віцебск)

КРАЯЗНАЎЧАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ УСТАНОЎ КУЛЬТУРЫ АГРАГАРДКА МАЗАЛАВА ВІЦЕБСКАГА РАЁНА

Адносіны грамадзян да культуры свайго народа, да роднай мовы, да развіцця нацыянальных традыцый – гэта тое, што складае сёння маральнасць, патрыятызм, гатоўнасць да самастойнага будучага жыцця на карысць сваёй Радзімы. Таму адным з асноўных накірункаў работы ўстаноў культуры, як і ўстаноў адукацыі, з’яўляецца выхаванне і развіццё гуманнай асобы з уласцівымі ёй якасцямі грамадзяніна і патрыёта нашай дзяржавы. Пачэснае месца ў вырашэнні гэтай задачы належыць краязнаўству.

Ва ўстановах культуры аграгарадка Мазалава – Доме культуры, бібліятэцы і дзіцячай школе мастацтваў – склалася пэўная сістэма краязнаўчых спраў, накіраваных на вывучэнне, захаванне, папулярызацыю і памнажэнне гістарычнай і культурнай спадчыны Прыдзвіння.

Мадэль краязнаўчых спраў у названых установах культуры складаецца з работы клубных фарміраванняў; дзейнасці сельскай бібліятэкі; арганізацыі і правядзення народных святаў і абрадаў, краязнаўчых конкурсаў, добрачынных акцый, этнаграфічных экспедыцый, экскурсій, мерапрыемстваў (канцэртаў, выстаў, творчых сустрэч і г. д.); рэалізацыі праектаў; дзеяння этнаграфічнай выставы; даследчай дзейнасці і асвятлення інфармацыі па краязнаўстве ў СМІ і інш.

Зразумела, што прастора для краязнаўчай дзейнасці бязмежная, рухацца можна ў розных кірунках. Разгледзім асноўныя.

Адным з напрамкаў дзейнасці ўстаноў культуры з’яўляецца правядзенне сацыяльна-культурнай работы сярод насельніцтва. Своеасаблівай формай добраахвотнага аб’яднання грамадзян, якая прымыкае да існуючых формаў і ў той жа час мае свае спецыфіку і самабытнасць, пэўную гісторыю і традыцыю, спосаб нараджэння і рэалізацыі ініцыятыў, сёння з’яўляецца клубнае фарміраванне (аматарскае аб’яднанне ці клуб па інтарэсах, калектыв мастац-

кай самадзейнасці і г. д.). Так, напрыклад, на базе Мазалаўскага сельскага Дома культуры дзейнічае народны ансамбль народнай песні і музыкі «Вераснянка» – гонар Віцебскага раёна. Яго ўдзельнікі (культработнікі, настаўнікі сярэдняй школы і школы мастацтваў, пенсіянеры) у сваёй творчай дзейнасці выкарыстоўваюць песні народныя і мясцовых аўтараў. З удзелам гэтага калектыву праводзіцца шэраг вясельных абрадаў, заснаваных на традыцыйным рэгіянальным матэрыяле. Ужо колькі гадоў запар вяселлі ў беларускім стылі ладзіць «Вераснянка» ў музеі-сядзібе І. Рэпіна «Здраўнёва». Немагчыма ўявіць культурнага і адукаванага чалавека сучаснасці, які б не ведаў звычайў, абрадаў, традыцый свайго народа, не цікавіўся побытам, традыцыямі нацыянальнага беларускага адзення, разнастайнымі відамі беларускага дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва. У гэтым накірунку цікавай можна лічыць работу бібліятэкі і калектываў Дома культуры – ансамбля песні «Крыніцы», жаночага клуба «Залаты ўзрост», аматарскага аб’яднання «Родны край», у якіх знаёмства з абрадамі і звычаямі нашых продкаў праходзіць праз актыўны ўдзел жыхароў рознага ўзросту ў падрыхтоўцы і правядзенні святаў, выстаў вырабаў народных майстроў, майстар-класаў па розных відах рамёстваў, творчых сустрэч з носьбітамі фальклору і знакамітымі людзьмі.

Яшчэ адна візітоўка нашага населенага пункта – этнаграфічная выстава «З гарышчаў бабуль і дзядуль», па якой ладзяцца экскурсіі з інтэрактыўнымі элементамі. Тут змешчаны прадметы побыту беларусаў XIX–XX стст., якія знойдзены падчас этнаграфічных экспедыцый па аддаленых вёсках Мазалаўскага сельскага Савета.

Аграгарадок Мазалава (да 2011 г. – вёска) багаты на гістарычныя падзеі, якія з’яўляюцца часткай гісторыі ўсяго беларускага народа. Таму сёння стаіць важная задача – захаваць гэтую спадчыну. У дадзеным накірунку мазалаўскія культработнікі пачалі працаваць пяць гадоў таму, распрацаваўшы праект «Мазалаўская старонка: краязнаўчыя і этнаграфічныя таямніцы», рэалізацыя якога працягвалася на працягу трох гадоў. Дадзены праект складаўся з наступных этапаў: «Сем цудаў вёскі Мазалава і яе ваколіц», «Сем знакамітых асоб Мілага», «Вяселле па-беларуску, або мазалаўскае вяселле».

Праект быў створаны ў мэтах папулярызацыі краязнаўчых цэнтраў, якія маюць гістарычнае значэнне, і ўкаранення дадзеных аб’ектаў у турыстычны комплекс паслуг. Прапанаваная праграма была накіравана на папулярызацыю культурнай і гістарычнай спадчыны сваёй мясцовасці. Мерапрыемствы праекта былі шырока асветлены ў сродках масавай інфармацыі, што таксама паслужыла рэкламай населенага пункта. Вынікамі рэалізацыі праекта сталі: а) пашырэнне інфармацыйнай базы па краязнаўстве: сабраны ўнікальныя гістарычныя дакументы (былі знойдзены «Труды Імператарскага Вольнага Эканамічнага таварыства» за 1831 г., дзе змешчаны твор Ігната Манькоўскага, яго сачыненне 1830 года; гістарычны часопіс «Руская даўніна» 1871, 1882 гг., дзе маецца інфармацыя пра нашага героя); б) распрацаваны турыстычны маршрут для гас-

цей аграгарадка «Цікавыя месцы наваколя Мазалава»; в) створана пастаянна дзеючая выстава народных інструментаў на базе дзіцячай школы мастацтваў; г) штогод з 2010 г. на тэрыторыі помніка архітэктуры XIX ст. – былой сядзібы дзяржаўнага і грамадскага дзеяча Беларусі Ігната Манькоўскага – праводзіцца раённае свята гульняў і ігрышчаў «Мазалаўскі карагод гульняў», а ў яго межах раённы конкурс на лепшы рэцэпт прыгатавання славянскага квасу «Квасаўка», якое ў 2014 г. стала брэндам раёна і было добра прадстаўлена падчас правядзення абласнога свята-кірмаша працаўнікоў вёскі «Дажынкi-2014» у г. Гарадок.

Праект атрымаў высокую адзнаку журы ў абласным аглядзе-конкурсе інавацыйных праектаў па арганізацыі маладзёжнага адпачынку і быў прызнаны пераможцам у намінацыі «Патрыятычнае выхаванне моладзі».

На гэтым мазалаўцы не спыніліся і працягнулі праектную дзейнасць, стварыўшы новы праект па культурным супрацоўніцтве паміж аднайменнымі населенымі пунктамі – аграгарадкамі Мазалава Віцебскага і Мсціслаўскага раёнаў (Магілёўскай вобласці). Назва яго «Сцяжынкамі мазалаўскіх святых: ад Віцебска да Магілёва». Асноўным мерапрыемствам у межах праекта стала сустрэча прыдзвінскіх і мсціслаўскіх мазалаўчан у час правядзення раённага свята гульняў і ігрышчаў «Мазалаўскі карагод гульняў – 2014», што праводзілася ў рамках святкавання Года гасціннасці і было прысвечана 425-годдзю першай згадкі пра мястэчка Мазалава.

Новы праект «Дыялог народаў і культур», які пачаўся ў бягучым годзе, паставіў перад сабой наступныя мэты і задачы: фарміраванне і распаўсюджванне пазітыўнага іміджу Беларусі на міжнароднай арэне праз папулярызацыю культурных і гістарычных каштоўнасцяў сельскіх населеных пунктаў; садзейнічанне развіццю і стварэнню ўмоў для міжкультурнага дыялогу праз умацаванне і развіццё міжнацыянальных сувязяў, знаёмства з традыцыямі і культурай іншых краін; выхаванне пачуцця талерантнасці і павагі да прадстаўнікоў іншых культур.

Вядома, што дзейсным механізмам у сацыяльна-культурнай адаптацыі студэнтаў і ўсіх замежных грамадзян з'яўляецца своеасаблівы інстытут садружнасці, у які аб'ядноўваюцца нацыянальныя меншасці, што часова або пастаянна жывуць у нашай краіне. Так, у студзені на базе Мазалаўскага сельскага Дома культуры быў створаны клуб інтэрнацыянальных сяброў «Згода», у які ўвайшлі студэнты ВНУ Віцебска (кітайцы, ліванцы, палякі, іарданцы і інш.).

Культработнікі пачалі праект з комплекснай пазнавальна-забаўляльнай праграмы «Разам у Новы год». У яго межах былі праведзены дні кітайскай, арабскай культуры і мовы і інш.

З мэтай даследавання гісторыка-культурнай спадчыны, яе папулярызацыі ў межах мерапрыемстваў «Фэсту экскурсаводаў – 2015» быў распрацаваны новы экскурсійны маршрут «Мазалава – гістарычнае і сучаснае». Экскурсія ладзілася 18 красавіка, у ёй узялі ўдзел больш за 40 чалавек – мясцовыя жыхары і госці населенага пункта.

Такім чынам, сістэма краязнаўчых спраў на базе ўстаноў культуры аг. Мазалава, яшчэ раз падкрэслівае, што гісторыя і культура народа – найважнейшая частка нашай спадчыны, якая спрыяе фарміраванню нацыянальнай свядомасці будучых пакаленняў і дазваляе ўбачыць малюнкi жыцця нашых продкаў, паказаць вытокі сучаснасці. А добрая дзейнасць шмат у чым залежыць ад творчай працы арганізатараў, ад іх умення прапанаваць і рэалізаваць цікавыя праекты і захапіць людзей. Такі калектыў таленавітых, адораных і апантаных аднадумцаў сфарміраваўся ва ўстановах культуры аг. Мазалава, сумесная праца якіх дае добры вынік.

Труфанова Д.И. (г. Оренбург, Россия)

**РОЛЬ КРАЕВЕДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
(на примере деятельности музея истории
Оренбургского государственного университета)**

В условиях трансформации культуры на фоне инноваций в обществе, бурного развития электронных технологий и повсеместного внедрения интерактивных систем обучения особая роль в решении задач патриотического воспитания молодежи и формирования гармонично развитой личности отводится краеведческой деятельности музеев учебных заведений. Происходящие в нашей стране общественные преобразования в еще большей степени повышают актуальность комплексного использования краеведческого материала в культурно-образовательном и учебно-воспитательном процессах учебных заведений.

Краеведение – универсальная область исследования, представляющая огромное поле для изучения. Применение в учебно-воспитательном процессе элементов культурно-исторической памяти воздействует не только на интеллектуальные, волевые и эмоциональные сферы личности, но и формирует чувство сопричастности ко всему происходящему в обществе, пробуждает стремление принять в них самое активное участие [1, с. 24]. Их уникальность позволяет в ходе образовательного процесса приобщать подрастающее поколение к мировой и отечественной культурам. В музее учебного заведения любой желающий может выступить не только как посетитель, но и как его создатель. Краеведческая деятельность музея истории Оренбургского государственного университета (ОГУ), основы которой были заложены военным губернатором П.П. Сухтеленом еще в 1830 г., служит ярким тому подтверждением. По замыслу Павла Петровича, музей должен был «вмещать в себе все произведения Оренбургского края... в том числе коллекции одежд, оружия и всего, относительно домашнего быта и промышленности разных народов» [2, с. 63].

Оренбург – один из древних городов Южного Урала с многовековой историей и самобытной культурой. В городе жили многие выдающиеся личности: поэты, писатели, музыканты, историки, философы, которые принимали самое активное участие в сохранении исторического наследия, передавая в дар краеведческого музея личные вещи и документы. В целом история музейного дела в Оренбургском крае насчитывает более 200 лет. А началом научно-краеведческой работы послужило создание научного музея при Неплюевском военном училище, в котором П.П. Сухтелен занимался изучением «истории, природных ресурсов Оренбургского края, культуры, нравов, традиций, образа жизни местного населения, что по его глубокому убеждению должно было помогать властям более грамотно управлять многонациональной губернией, не совершать грубых ошибок». Свою главную задачу он видел в том, чтобы «очеловечивать знания»: раскрывать перед детьми силу и упорство в их добывании, в преобразовании с помощью научных знаний существующей действительности на благо простого человека, своего Отечества. На тот период в музее училища размещались не только уникальные этнографические и историко-археологические коллекции губернской архивной комиссии (многие экспонаты и документы из личной коллекции Сухтелена были связаны с домом Романовых), но и произведения изобразительного искусства, народного творчества. «Обширный Оренбургский край, – писал П.П. Сухтелен, – по разнообразному народонаселению, по заключающимся в недрах и на поверхности земли богатствам, по преданиям и достопамятным событиям прежних времен, по связям с соседними азиатскими странами и знатной торговле представляет изобильный источник для исследований ученых, политических и нравственных» [2, с. 71]. Участвуя в краеведческой деятельности научного музея, по мнению Сухтелена, учащиеся приобщают себя к научной деятельности, и это рождает чувство гордости [2, с. 75].

И сегодня краеведческая деятельность музея истории ОГУ является неотъемлемой составной частью системы непрерывного образования, обеспечивая социальную адаптацию, продуктивную организацию свободного времени подрастающего поколения края, является одним из определяющих факторов развития их базовых качеств формирования личности – активности, самостоятельности и инициативности. Перед преподавателями ОГУ одной из задач является формирование исторического сознания молодежи посредством вовлечения в краеведческую деятельность, поскольку именно историческая память обладает большой потенциальной силой, способностью формировать в сознании оценки прошлых событий, которые превращаются в ценностные морально-нравственные ориентиры сегодня. Музей истории ОГУ на современном этапе это не только научно-просветительское учреждение, где пересекаются интересы разных наук, место проведения конференций, семинаров, но и центр культуры, решающий задачи всестороннего развития и воспитания личности. Музей и музейные экспонаты имеют уни-

кальную возможность воздействовать на интеллектуальные, волевые и эмоциональные сферы личности молодежи одновременно, а каждая экспозиция представляет собой программу передачи знаний, навыков, суждений, оценок и чувств. Первоочередными задачами музея истории ОГУ по-прежнему являются бережное отношение к уже имеющимся в нем экспонатам – памятникам истории и культуры Оренбуржья, постоянное пополнение экспозиций, расширение коллекций, проведение на его базе различных выставок.

Например, в сентябре этого года в музее истории ОГУ открылась экспозиция «Образование и культура начала XX в. на фоне женской судьбы», главная героиня которой, родившаяся в конце XIX в., застала и Российскую империю, и Октябрьскую революцию, и гражданскую войну, и советскую власть. В основу данной экспозиции легла история советского педагога – тети завкафедры социальной психологии ОГУ Ирины Якиманской, Лидии Якиманской. Стоит отметить, что на выставке были представлены личные реликвии И.К. Якиманской: семейные документы, письма, фотографии и девичий дневник Л. Якиманской. Уникальные архивные документы свидетельствуют о том, что Лидия Якиманская с отличием закончила гимназию, а затем вечерние курсы при Казанском университете. Хотя стремление девушек к знаниям в том обществе особо не поощрялось: существовало мнение, что девушки должны «учиться быть хорошими женами», а не готовить себя к «какой-то научной деятельности». Но Лидия Якиманская все же осуществила свою мечту стать педагогом. «Такие люди никогда не отказывались от своих идей, – замечает директор музея истории ОГУ В.Б. Попов, – у них можно поучиться целеустремленности и вере в лучшее при любых жизненных обстоятельствах. Несмотря на то, что все они разные, но у них есть общие качества, которые отличают каждого педагога – их гражданская позиция, осознание своего высокого долга перед обществом».

Современное общество в условиях социокультурных преобразований и глобальной информатизации предъявляет принципиально новые требования к профессиональной подготовке преподавателя. Возможность сохранять и развивать музейное дело, помня о достижениях и культурных традициях предыдущих поколений, находится в ориентации на традиционные, проверенные временем ценности, что способно поднять и действительность, и самого человека на уровень великих задач нашей эпохи. Только сохранение традиционной для краеведения системы ценностей и приоритетов формирует личность, создавая основу для активной жизненной позиции, помогает обрести личностные смыслы и духовные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Асмолов, А.** Психология личности : культурно-историческое понимание развития человека / А. Асмолов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Академия, 2007. – 526 с.
2. **Памятная** книжка Оренбургской губернии на 1913 год. Издание Оренбургского статистического комитета. – Оренбург : Тип. бр. Маховых, 1913.

РЭЛІГІЙНАЕ ЖЫЦЦЁ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Базарэвіч Г.Х. (г. Браслаў)

СІНАГОГІ І ІЎДЕЙСКІЯ МАЛІТОЎНЫЯ ДАМЫ БРАСЛАЎШЧЫНЫ

Першыя звесткі пра яўрэяў на Браслаўшчыне адносяцца да XVI ст. Павелічэнне яўрэйскага насельніцтва ў рэгіёне не заўжды было раўнамерным: прадастаўленне правоў у самакіраванні, квітнеючыя гандаль і рамёствы буйных гарадоў былі спрыяльнымі для арганізацыі жыцця кагалаў. У перыяд абвастрэння ўнутранага крызісу Рэчы Паспалітай пагоршыўся эканамічны стан буйных адміністрацыйных цэнтраў, што выклікала міграцыю яўрэйскага насельніцтва ў невялікія мястэчкі і сельскую мясцовасць, дзе яно займалася дробным гандлем, арэндай корчмаў, ліхварствам.

Павелічэнне колькасці яўрэяў на Браслаўшчыне адносіцца да перыяду 60–80-х гг. XVIII ст. У 1783 г. у Браслаўскім павеце ўжо пражывала 1790 яўрэяў – каля 2,9% ад агульнай колькасці насельніцтва павета. Прыкладна праз стагоддзе ў мястэчках рэгіёна яўрэйскае насельніцтва мела колькасную перавагу: у Друі ў 1904 г. налічвалася 5,5 тыс. жыхароў, з іх – 3,5 тыс. яўрэяў, у Відзах у 1892 г. пражывалі 5283 жыхары, з іх – 4263 яўрэі, у Браславе ў канцы XIX ст. яўрэі складалі 80% ад агульнай колькасці жыхароў [8, с. 662]. Вялікай была доля яўрэяў у Дрысвятах, Опсе, Плюсах, Слабодцы, Іказні, Замошшы, Казянах.

Першай выяўленчай крыніцай, якая сведчыць пра лакалізацыю і ўмоўны знешні выгляд сінагогі ў Браславе, з’яўляецца акварэль Дзмітрыя Струкава, выкананая ў 1864 г. Адпаведна выяве ў другой палове XIX ст. сінагога знаходзілася на беразе в. Дрывяты каля падножжа Замкавай гары. Будынак меў простую прамакутную форму ў аб’ёме і шматсхільны дах і асабліва не вылучаўся на фоне месцаковай забудовы.

Вопісы Ковенскага губернскага праўлення за 1848 г. даюць інфармацыю аб наяўнасці сінагог і яўрэйскіх школ, а таксама некаторыя ўдакладненні. Адпаведна дакументальным крыніцам у 1848 г. у Браславе не было сінагогі, а мясцовае яўрэйства для агульнай малітвы збіралася ў прыватным доме яўрэя Арэха [2, арк. 46–47]. Такім чынам, можна падсумаваць: першая сінагога ў Браславе была пабудавана паміж 1848 і 1864 гг. Далейшая гісторыя іўдзейскіх культавых збудаванняў у Браславе прасочваецца ў 1884 г., калі ў Браславе паміж рознымі плынямі іўдаізму адбыўся канфлікт, які прывёў да спалення сінагогі. Узаемныя скаргі, якія накіроўваліся ва ўрад, справакавалі

закрыццё сiнагог у Браславе, але iх адбудова працягвалася. У 1896 г. сiнагогі ў Браславе былі зноў знішчаны ў выніку пажару.

Паводле плана браслаўскага гета 1942 г. сiнагагальны двор знаходзіўся на вул. Ленiнскай i складаўся са Старой сiнагогі, Новай сiнагогі i будынка «бэт – мiдраш». Яшчэ адна сiнагога «Пясчаная» знаходзілася ў iншай частцы горада, у Замкавым завулку, была пабудаваная ў 1885 г. [2]. Адпаведна iнвентарызацыйным справам (дамавым кнiгам) можна меркаваць пра стан сiнагог у 1940 г. Сiнагога па вул. Ленiнскай была драўляная, стаяла на падмурку з прыроднага каменю, унутры была атынкавана, а дах пакрыты дранкай, ацяплялася печкай з галандскай кафляй [2]. Пакуль вядомы толькі адзiн фотаздымак, які дазваляе меркаваць пра знешнiй выгляд гэтай сiнагогі: двухпавярховая, са шматсхiльным дахам, выразна вылучалася сярод жылой забудовы Браслава. Пасля вайны ў будынку размясціўся гатэль, на агульную малітву яўрэi збiраліся ў прыватным доме.

Адна з найбуйнейшых яўрэйскiх абшчын на Браслаўшчыне была ў Друi. Друiская сiнагога была самай буйной ва ўсiм рэгіёне. З'яўленне манументальнага будынка датуюцца канцом XVIII ст. Бытавалi аповеды старажылаў, якія тлумачылі з'яўленне выдатнага архiтэктурнага помнiка, дзякуючы шчыраму ахвяраванню Сапегаў – тагачасных уладальнiкаў Друi. «У графскай сям'i адзiн за адным памiралi нованароджаныя i сям'я была ў роспачы, што няма нашчадкаў. Графу паведамілі: у старой драўлянай сiнагозе Друi служыць равiн Мiхаль, які можа дапамагчы графу. Сапега прыйшоў у драўляную сiнагогу i папрасiў аб дапамозе... I роўна праз год нарадзіла панi Ядвiга сына – здаровага хлопчыка. Граф ахвяраваў равiну Мiхалю вялікі сасуд, напоўнены залатымі манетамi, але той узяў сабе адну манету i сказаў: «Усё, што адбылося, – воля Усявышняга» i перадаў усё золата, атрыманае ад графа, на будаўнiцтва новай сiнагогі» [6].

Друiская сiнагога добра апiсана спецыялістамi ў адмысловых даведнiках. Першая выява, на якой адлюстравана сiнагога, – гэта акварэль Дзмітрыя Струкава. Часта будынак з'яўляўся на паштоўках i фотаздымках пачатку XX ст. Выяўленчымі крыніцамi па гісторыi сiнагогі ў Друi з'яўляюцца фотаработы Яна Булгака – вядомага беларускага i польскага фатографа, які паходзіць з Навагрудчыны [3]. Стаяў будынак у вусці памiж рэчкамi Друйкай i Заходняй Дзвіна. Сiнагога была мураваная, дэкор фасадаў даволi стрыманы, вокны высокія з паўцыркульным завяршэннем.

Бясспрэчна, што сiнагога з'яўлялася славатасцю рэгіёна. Падчас правядзення будаўнiчых прац у в. Слабодка Браслаўскага раёна быў знойдзены скарб з шасці срэбраных рэчаў: пары гадзiннiкаў, лыжак i кубкі з гравіроўкамі кiдуша для асвятлення напоя напярэдаднi Шабату. На адным келiху знаходзіцца выява Друiскай сiнагогі.

Падчас сваёй экспедыцыi Ян Булгак зафіксаваў i ўнутраныя iнтэр'еры сiнагогі, i каштоўнасці. Асаблівай славатасцю Друiскай сiнагогі з'яўляўся

арон-кодэш – алтарная шафа для захоўвання скруткаў Торы, якая была аздоблена раслінным арнаментом, выявамі фантастычных жывёлаў і птушак. Даследчык культуры Віленшчыны Станіслаў Лорэнц узгадваў пра надпіс на арон-кодэшы, дзе пазначана імя выканаўцы разнаго шэдэўра: «Тыле сын Абрахама з Камаеў» [7, с. 46].

У сінагозе меліся бібліятэка з архівам, якія моцна пацярпелі падчас паводкі 1931 г., у той час былі моцна пашкоджаны скрутки Торы, якія, згодна з традыцыяй, пахавалі на мясцовых яўрэйскіх могілках. Ян Булгак зафіксаваў багатае абрадавае начынне: падсвечнік – «ханукія», кароны для аздаблення скруткаў Торы – «кетэры», указка для чытання Свяшчэннага пісання – «яд» [3]. Падчас акупацыі ў гады Другой сусветнай вайны ў Друі было створана гета. У фондах аб'яднання музеяў у Браславе захоўваецца дакумент – заява жыхаркі Друі ад 1 красавіка 1943 г. у павятовую ўправу з прашэннем прадаць ёй яўрэйскую сінагогу. Прашэнне было задаволена і будынак адыйшоў у прыватную ўласнасць [4]. У чэрвені 1943 г. падчас ліквідацыі гета ў Друі сінагога згарэла.

Акрамя Вялікай сінагогі ў Друі побач з мастом праз Друйку месцілася Малая сінагога, пабудаваная з цэглы. У першай палове 1990-х гг. там працавала грамадская лазня. Будынак захаваўся, зараз не выкарыстоўваецца.

Буйная яўрэйская абшчына знаходзілася ў Відзах – заштатным горадзе Ковенскай губерні. Звесткі пра сінагогі і іўдзейскія малітоўныя дамы змешчаны ў вопісе Ковенскага губернскага праўлення 1869 г. На той час у Відзах месцілася адна драўляная сінагога, пабудаваная ў 1750 г., і тры малітоўныя дамы, узведзеныя ў 1860-я гг. [1, арк. 29].

У мястэчку Слабодка да 1848 г. сінагогі не было, на агульную малітву яўрэі збіраліся ў карчме, якую арандаваў Зусман Русонік у памешчыка Мірскага [2, арк. 46–47]. Дакладна можна казаць пра лакалізацыю сінагогі ў міжваенны час, дзякуючы плану, складзенаму выхадцу са Слабодкі. У мястэчку Дубіна адпаведна дакументам сітуацыя была наступная: сінагога адсутнічала і ў прыватных дамах на агульную малітву яўрэі не збіраліся [2, арк. 46–47].

Такім чынам, у другой палове XIX – пачатку XX ст. амаль ва ўсіх вялікіх мястэчках на Браслаўшчыне дзейнічалі сінагогі і іўдзейскія малітоўныя дамы, а ў буйных – па некалькі. Да будаўніцтва сінагог у Браславе, Слабодцы, Дубіна яўрэі збіраліся на агульную малітву ў прыватных дамах. Амаль не захавалася выяўленчых крыніц, якія маглі б сведчыць пра знешні выгляд будынкаў, аднак некаторыя дакументыносяць апісальны характар і дазваляюць даведацца пра асноўныя характарыстыкі пабудовы. Як правіла, сінагогі і малітоўныя дамы рэдка вылучаліся з месцаковай забудовы, былі драўляныя, са сціплым аздабленнем. Выключэннем была галоўная славукасць яўрэяў рэгіёна – мураваная сінагога ў Друі, якая мела багатае начынне, архіў, бібліятэку. Падчас Другой сусветнай вайны будынкі сінагог

і малітоўных дамоў былі зачынены для вернікаў і часта выкарыстоўваліся акупацыйнымі ўладамі пад свае патрэбы. Пасля заканчэння Другой сусветнай вайны яўрэйскае насельніцтва стала малаколькасным і не мела адмысловага будынка для малітвы, таму некаторы час, пакуль можна было склікаць міньян, яўрэі збіраліся ў прыватных дамах.

ЛІТАРАТУРА

1. **Каўнаскі** павятовы архіў. – Фонд I-49. – Воп. 1. – Спр. 9516.
2. **Каўнаскі** павятовы архіў. – Фонд I-49. – Воп. 1. – Спр. 1861.
3. **Навукова-даследчая** ўстанова культуры «Браслаўскае раённае аб'яднанне музеяў». – Асноўны фонд. – 5КП 7018/1(17) : Калекцыя фотаздымкаў Я. Булгака.
4. **Навукова-даследчая** ўстанова культуры «Браслаўскае раённае аб'яднанне музеяў». – Асноўны фонд. – КП 008771 : Афіцыйны зварот жыхаркі в. Друя ў Міёрскую Павятовую Управу, г. Міёры, 1943 г.
5. **Навукова-даследчая** ўстанова культуры «Браслаўскае раённае аб'яднанне музеяў». – Інфармацыйна-метадычны фонд : Інвентарызацыйная справа жылых будынкаў, г. Браслаў, 1940 г.
6. **Подземный** ход в прошлое [Электронный ресурс] // Библиотека международного еврейского журнала «Мишпоха». – Режим доступа: <http://mishpoha.org/library/04/0406.shtml>. – Дата доступа : 12.10.2015.
7. **Шыдлоўскі, К.** Архітэктурная спадчына Браслаўшчыны : гістарычна-архітэктурны нарыс / К. Шыдлоўскі. – Мінск : Палымя, 1996. – 157 с.
8. **Яўрэі** на Браслаўшчыне // Памяць : Браслаўскі раён : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / [уклад. К. С. Шыдлоўскі]. – Мінск, 1998. – С. 660–662.

Буларты П.Ю. (г. Мінск)

ГРЭКА-КАТАЛІЦКАЯ ЦАРКВА НА ТЭРЫТОРЫІ ЛЯХАВІЦКАГА ГРАФСТВА ў КАНЦЫ XVII СТ.

9 кастрычніка 1596 г. была ўрачыста абвешчана Брэсцкая царкоўная ўнія. Новая царква стала называцца ўніяцкай, або грэка-каталіцкай. Кароль польскі і Вялікі князь літоўскі Жыгімонт III Ваза сваім універсалам ад 15 снежня 1596 г. зацвердзіў акт уніі і заклікаў беларусаў і ўкраінцаў прызнаць уніяцкіх епіскапаў. Унію прыняла значная частка праваслаўнага насельніцтва беларускіх зямель, але ў некаторых раёнах яна не замацавалася. Брэсцкая ўнія прымалася на аснове ўзаемных кампрамісаў: прызнавалася вяршэнства Папы Рымскага, у царкоўных догматах – сыходжанне Святога Духа не толькі ад Бога Айца, але і ад Бога Сына (каталіцкі догмат). У той жа час захаваліся ўсе праваслаўныя абрады, богаслужэнні і казанні

на царкоўнаславянскай (потым на беларускай, а ва Украіне – на ўкраінскай) мове.

Уніяцкая царква паступова распаўсюджвалася па ўсёй краіне, ахопліваючы ўсё новыя і новыя тэрыторыі. У царкве ствараўся свой адміністрацыйны падзел, які быў заснаваны на былым падзеле праваслаўных епархій. На чале Уніяцкай царквы стаяў мітрапаліт Кіеўскі, Галіцкі і ўсяе Русі, якому падпарадкоўваліся епіскапы. Тэрыторыя Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) падзялялася на епархіі, якія ў сваю чаргу дзяліліся на дэканаты (пратапопіі), а тыя – на прыходы. Адной з епархій грэка-каталіцкай царквы, дзе трывала ўсталявалася ўніяцтва, лічылася мітрапалітальная епархія, якая ахоплівала Віленскае, Троцкае, Наваградскае, Мінскае і Кіеўскае ваяводства [5]. Менавіта ў межах згаданай вышэй епархіі ў складзе Цырынскай пратапопіі знаходзілася Ляхавіцкае графства.

Тэрмінам графства ў ВКЛ абазначаўся пэўны вялікі маёнтак, які знаходзіўся ў магнацкай уласнасці. Да канца XVIII ст. графствы фактычна былі тэрытарыяльнымі адзінкамі, якія падпарадкоўваліся аднаму магнату з асобным апаратам кіравання. Як маёнтак, графства перадавалася ў спадчыну ў родзе ўладальніка або яго сваякам. Назвы графстваў звязаны з адпаведнымі тытуламі, якія атрымлівала арыстакратыя ад германскага імператара і якімі дазвалялася карыстацца ў ВКЛ [2]. Сярод іншых у ВКЛ існавала Ляхавіцкае графства, якое знаходзілася ва ўласнасці Хадкевічаў, а потым Сапегаў [3].

У 1555 г. Гераніму Хадкевічу і яго нашчадкам імператарам Фердынандам быў нададзены тытул графа Свяшчэннай Рымскай Імперыі, а ў 1569 г. магнат набыў у маёмасць Ляхавіцкую дзяржаву, якая з таго часу і да канца XVIII ст. называлася графствам [3].

На тэрыторыі Ляхавіцкага графства знаходзіліся два грэка-каталіцкія прыходы: Св. Юрыя ў Ляхавічах і Алекі Панны Марыі ў в. Голдавічы. Галоўнай крыніцай па даследаванні ўніяцкіх прыходаў з’яўляюцца іх візіты [1]. Візітацыя цэркваў праводзілася ў 1680–82 гг. Галоўнай яе мэтай было вызначэнне колькасці падуладнай паствы і парохаў пасля вайны з Маскоўскай дзяржавай 1654–1667 гг. Візіты ўтрымліваюць у сабе інфармацыю, звязаную з пэўным прыходам: апісанне царквы, яе начынення, кнігазбору, святароў і інш.

Ляхавіцкі прыход царквы Св. Юрыя ўпершыню згадваецца ў 1546 г. у сувязі з нараджэннем у ляхавіцкага святара Міхаіла сына Фёдара [4]. Пасля прыняцця Уніі прыход перайшоў да грэка-каталікоў. З візітацыі царквы [1], якая адбылася 9 снежня 1680 г., вядома, што царква была драўлянай са званіцай, дзе змяшчалася тры званы. Варта адзначыць, што падчас 13-гадовай вайны з Маскоўскай дзяржавай Ляхавічы былі адным з населеных пунктаў, які не быў захоплены, але значна пацярпеў пры абароне фартэцыі 1660 г. Большая частка горада была зруйнавана, але царква захавалася разам з яе багатым унутраным аздабленнем.

У візітацыі адзначана, што абразоў у царкве было дастаткова, іканастас прыбраны, у алтары знаходзіліся Святыя Дары з алавянай крышкай. Першачарговасць апісання іканастаса ў візіце сведчыць пра захаванне традыцый усходняй царквы [1]. Келіх у царкве меў наступны выгляд: верх срэбны залацісты, чаша бронзавая залацістая. Лыжачка была срэбнай, дыскас срэбны, звяздніца адна алавяная, другая – срэбная. Адзначаецца, што ў царкву прыбыў келіх срэбны, унутры залацісты. У храме знаходзіліся чатыры шоўкавыя харугвы і пафарбаваны крыж для памерлых.

У Ляхавіцкай царкве знаходзіўся каранаваны ў дзве срэбныя і пяць алавяных карон цудадзейны абраз Божай Маці. Сярод іншых ахвяраванняў на абраз адзначаюцца тры вялікія срэбныя табліцы, тры ручкі, два паўмесяцы, тры сэрцы, дваццаць малых таблічак, пяць срэбных крыжыкаў, два срэбныя кулоны, апраўленыя ў крышталь, і адзін бурштынавы ў срэбнай аправе, двое караляў (адны з перлін), маленькая срэбная зорка, пакрыты срэбрам пасак, тасьма залатая.

Адной з галоўных функцый уніяцкіх храмаў было збіранне і захаванне літургічнай літаратуры. Аб'ём царкоўнага кнігазбору ў Ляхавіцкай царкве досыць невялікі, але сярод прадстаўленых кніг былі пэўныя цікавосткі. Так, у царкве знаходзілася Святое Евангелле ў срэбнай аправе і зялёным аксаміце. На ім размяшчалася пяць таблічак, былі срэбныя зашчэпкі. Таксама ў пераліку літургічнай літаратуры адзначаюцца: Трэбнік, друкаваны Служэбнік, Кніга Псалмоў, два Асмагласнікі, друкаваны Часоўнік, Апостал, дзве Трыёдзі, пяць Міней, рукапісны Ірмалой, яшчэ адно друкаванае Евангелле і рукапісны Трэбнік, а таксама друкаваны Паўустаў. У царкоўным архіве захоўвалася метрыка і расклад службаў.

Сярод іншага багатага царкоўнага начынення Ляхавіцкай царквы згадваюцца: літонаў два, антымісы два (новы і стары), крыжы два (адзін драўляны ў срэбнай блясе, другі – алавяны), тры алавяныя ліхтары, латунная кадзільніца, алавяная мірніца Святымі Алеямі, алавяная ёмістасць для захавання вады і віна для Святой Еўхарыстыі, тры алтарныя званы, чатыры пярэднія заслоны алтара, італьянскіх ручнікоў вялікіх і малых шытых шоўкам адзінаццаць, медная чаша для Праскуры, імбрычак латунны для святой вады, белая кашуля для хлопчыкаў-прыслужнікаў.

Побач з царквой знаходзіліся агароджаныя могілкі, дзейнічала школа. Царкве Св. Юрыя належалі грунты ў в. Падлессе (тры валокі), а таксама дзве валокі і шэсць агородаў у саміх Ляхавічах. Святаром у царкве ў 1680 г. быў Аляксандр Далмацкі. Як адзначаецца ў візіце, плябанія знаходзілася ў занябанні. У яе склад уваходзілі хата, пякарня, свіран, два гумны.

Парафія царквы Св. Юрыя ўключала ў сябе Ляхавічы і навакольныя вёскі, якія ўваходзілі ў склад Ляхавіцкага графства, – Вялікае Падлессе, Шавялі, Зарытава, Жарабковічы, Мыслабаж. Агулам налічвалася 1200 душ прыхаджан.

Другой грэка-каталіцкай царквой на землях Ляхавіцкага графства з’яўлялася царква Апекі Панны Марыі ў в. Голдавічы (сёння такая вёска не існуе). Голдавічы былі цэнтральным дваром аднайменнага фальварка, які ўваходзіў у склад Ляхавіцкага графства. Маёнткам кіраваў харунжы Рэчыцкі, камендант ляхавіцкай фартэцыі Станіслаў Юдыцкі. У візітацыі ад 9 снежня 1680 г. [1] адзначана, што царква была пабудаванай па фундуш паноў Юрагаў, які быў зацверджаны паннай Хадкевічавай (можна меркаваць, што тут маецца на ўвазе Ганна Хадкевіч, дачка Яна Караля, якая валодала Ляхавіцкім графствам з 1621 г. і з’яўленне царквы ў в. Голдавічы можна аднесці да 1620-х гг. [3]). Візітацыя таксама адзначае, што будынак царквы ў Голдавічах новазбудаваны С. Юдыцкім. Верагодна, будынак, які быў тут раней, пацярпеў падчас вайны з Маскоўскай дзяржавай 1654–1667 гг.

Храм быў драўляны, са званіцай, дзе змяшчалася два званы – вялікі і малы. У царкве на алтары ў належным стане знаходзіліся Святыя Дары. У адрозненні ад царквы ў Ляхавічах тут першымі згадваюцца Святыя Дары, што сведчыць пра ўплыў у прыходзе посттрыдэнцкага заходняга хрысціянства, якое рабіла акцэнт на выключнай важнасці Еўхарыстыі ў літургіі [1].

У царкве Апекі Панны Марыі знаходзіўся абраз Божай Маці з дарамі, сярод якіх былі: пяць срэбных таблічак, дзве пары завушніц з шасцю пярлінамі, сэрца крышталёныя, плоскія бурштынавыя пацеркі, адзін срэбны пярсцёнак, чорны бранзалет, сэрцайка вышытае.

Начыненне Голдавіцкай царквы было не такім багатым як у Ляхавічах. Адзначаецца наяўнасць наступных рэчаў: літонаў два, антымід, два алавяныя келіхі, дыскас, лыжачка, звяздніца, пакроўцаў пяць: два вялікія і тры малыя, латунная кадзільніца, алавяная мірніца са Святымі Алеямі, драўляны крыж, два латунныя літары, пяць італьянскіх ручнікоў, адна хустка, пяць харугваў, адзін алтарны звон.

Сціплы ў Голдавіцкай царкве і збор літургічнай літаратуры. У храме змяшчалася пісанае Евангелле ў срэбным акладзе, якое ўласна належала капелану. Сярод іншых кніг адзначаецца пісаная Трэбнік і Служэбнік, друкаваны Асмагласнік і Псалтыр, а таксама пісаны Апостал і Ірмалой.

Голдавіцкай царкве належала дзве валокі зямлі. Каля царквы знаходзілася вялікая пляцоўка, на якой жыў падданы харунжага Юдыцкага.

Царкоўная плябанія была пабудавана з дрэва і ў яе ўваходзілі: хата з каморай, сянямі і пякарняй, свіран, гумно. Усё было ўзведзена за кошт прэсвітара, якім з’яўляўся айцец Ерафей Далмацкі.

У парафію Апекі Панны Марыі ўваходзілі наступныя вёскі, якія былі ў складзе Ляхавіцкага графства: Альхоўцы, Вялікае Падбор’е, Гарадзішча, Гасцілавічы, Гукова, Літоўка, Малое Падбор’е, Онкі, Пад’язяўля, Падгалле, Усілянне. Агулам налічвалася 350 душ прыхаджан.

Разгледзеўшы грэка-каталіцкія прыходы, якія знаходзіліся на тэрыторыі буйнога магнацкага маёнтка – Ляхавіцкага графства ў канцы XVII ст., можна зрабіць наступныя вынікі. На землях графства было два прыходы, якія значна адрозніваліся адзін ад другога, з’яўляючыся пэўным адлюстраваннем становішча спраў ва ўсім ВКЛ. Так, Ляхавіцкі прыход, які не быў разрабаваны падчас маскоўскай навалы, з’яўляўся багатым на розныя царкоўныя каштоўнасці і захоўваў традыцыі ўсходняй царквы. Голдавіцкі ж прыход, пацярпелы падчас вайны 1654–1667 гг., быў адноўлены, у ім назіралася прыхільнасць да традыцый заходняй царквы і ён не вылучаўся багатай культурнай спадчынай. Ацалелы Ляхавіцкі прыход з’яўляўся месцам захавання каштоўных узораў царкоўнай культурна-гістарычнай і мастацкай спадчыны. Таксама ўражвае і колькасць прыхаджан (больш за ўсе іншыя прыходы Цырынскага дэканата), прыхільнікаў грэка-каталіцкай царквы. Таксама варта адзначыць, што грэка-каталіцкая царква з’яўлялася цэнтрам асветы на землях графства, аб чым сведчыць наяўнасць школы пры царкве Св. Юрыя ў Ляхавічах.

Такім чынам, грэка-каталіцкая царква адыгрывала значную ролю ў жыцці грамадства ВКЛ канца XVII ст., а таксама рабіла ўнёсак у развіццё нацыянальнай культуры. Царква займала важнае месца ў рэлігійным жыцці і культуры беларускага народа, стварыўшы трывалыя традыцыі ў яго гісторыі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Візіты** ўніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг. : зборнік дакументаў / склад. Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. – 270 с.
2. **Грыцкевіч, А.** Графства / А. Грыцкевіч // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі* : у 6 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 1996–2003. – Т. 3 : Гімназіі – Кадэнцыі. – С. 117.
3. **Памяць** : гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна / гал. рэд. І. П. Шамякін [і інш.]. – Мінск : БелСЭ імя П. Броўкі, 1989. – 439 с.
4. **Свяжынскі, У. М.** «Гістарычныя запіскі» Фёдора Еўлашэўскага / У. М. Свяжынскі – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 123 с.
5. **Уніяцкая** царква на Беларусі ў XVII ст. і яе дзейнасць у галіне культуры [Электронны рэсурс]. – Мінск : Беларуская цифровая бібліятэка LIBRARY.BY, 17 февр. 2003. – Рэжым доступу: http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?ubaction=showfull&id=1045495339&archive=refhis1126089824&start_from=&ucat=&. – Дата доступу: 22.09.2015.

**МИТРОПОЛИТ ПАВЕЛ (ГАЛЬКОВСКИЙ) –
АРХИПАСТЫРЬ ИЗ УСВЯТ**

19 октября 2015 г. исполнилось 70 лет со дня кончины митрополита Павла Гальковского, уроженца Витебской губернии. Его имя и деятельность в епископском сане довольно широко освящены, однако начальный этап его священнического пути, связанный с Витебщиной, не нашел отражения в работах исследователей. Спорными являются вопросы о времени монашеского пострига и кончины владыки.

Хронологию деятельности Павла Гальковского до 1918 г. составлял священник Владимир Горидовец [4]. Биографические сведения о епископе Павле также содержатся в базе данных «Новомученики и исповедники русской православной церкви XX века» Свято-Тихоновского гуманитарного университета, на сайтах епархий, которые он в свое время возглавлял. Самарский период фрагментарно отражен в справочных изданиях, учебных пособиях и исторических описаниях Самарской епархии [8, с. 22; 10, с. 115–125]. Ценным источником являются архивные документы, среди них – заполненная лично владыкой Павлом анкета, в которой последовательно указаны места служения архиепископа с 1914 по 1927 г. [5, л. 172].

Павел Михайлович Гальковский родился 9 января 1864 г. в местечке Усвяты Витебской губернии. Его отец Михаил Гальковский служил диаконом, старший брат Дмитрий был священником, настоятелем одной из церквей Невельского округа. Рано оставшись без родителей, Павел, последовав примеру брата, получил духовное образование: окончил Витебское духовное училище, а в 1885 г. – Витебскую духовную семинарию. В этом же году он был рукоположен в диаконский сан. Павел Михайлович был женат, имел дочь, его супругу звали Мария Ивановна.

Первым местом служения о. Павла была церковь Святителя Николая в селе Езерище, а с 1886 по 1888 г. он трудился в Иоанно-Богословской церкви г. Витебска на должности псаломщика и учителя приходской школы.

30 августа 1888 г. диакон Павел был рукоположен в священника и два месяца послужил в Покровской церкви села Меховое Городокского уезда, а 1 октября 1888 г. был переведен в Тадулинский женский монастырь. На протяжении 12 лет отец Павел являлся священником обители, занимался делопроизводством монастыря, был законоучителем Тадулинского женского училища [9, л. 2–5].

После 1900 г. иерей, а позже протоиерей Павел Гальковский служил сначала в Христорождественской, потом в Воскресенской на Заручавье церквях города Витебска. В период 1914–1918 гг. был настоятелем Витебской Покровской церкви. Павел Михайлович отличался организаторскими способностями

ми, красноречием, был умным и интеллигентным человеком. Накануне и в первые послереволюционные годы (1909–1918) о. Павел активно занимался общественной и церковной деятельностью в городе. Он являлся членом Витебской Духовной Консистории и Витебского епархиального управления, членом приходских попечительств о богадельнях для престарелых женщин и мужской богадельне-приюте имени протоиерея Иоанна Кронштадтского, членом совета и ревизионной комиссии Витебского Свято-Владимирского епархиального братства. Павел Михайлович являлся председателем Покровского (приходского) ссудо-сберегательного общества. В 1910 г. участвовал в перенесении мощей святой Евфросинии Полоцкой [3; 4].

В 1913 г. Павел Гальковский стал одним из учредителей «Витебского русского народного потребительского общества», для деятельности которого предполагалось построить в Витебске народный дом. В нем планировалось устроить школу, книжную лавку, чайную, кинозал для просмотра фильмов духовно-патриотического содержания. Сам протоиерей Павел Гальковский разместил в своем доме частное одноклассное училище для глухонемых детей [3].

Павел Михайлович был активным членом, а позже и председателем Витебского губернского отдела Всероссийского Дубровенского отдела Союза русского народа (политическая монархическая организация). Однако по настоянию правящего епископа Витебского и Полоцкого Кириона 17 марта 1916 г. протоиерей Павел Гальковский вышел из Союза [2].

В июне 1917 г. о. Павел стал одним из основателей братского союза пресвитеров Полоцко-Витебской епархии. В 1918 г. Павел Гальковский на епархиальном съезде сделал сообщение о первом опыте социального служения церкви в новых, послереволюционных условиях – деятельности епархиального кооператива «Надежда» по обеспечению продовольственных и других нужд беднейшего населения.

В условиях антирелигиозной государственной политики большевистской власти церковный деятель с такой активной гражданской позицией подвергался многочисленным арестам, часто по фальсифицированным обвинениям.

Летом 1918 г. в газете Витебской губернии «Известия» публиковались заметки против протоиерея Павла Гальковского. В августе этого же года он был арестован по ложному обвинению в хищении имущества Духовной Консистории, а 21 февраля 1919 г. осужден Витебским губернским ревтрибуналом и отбывал заключение сначала в витебской тюрьме, потом до 1919 г. в Бутырской тюрьме Москвы. Впоследствии он был освобожден за отсутствием состава преступления [3].

Следует обратиться к вопросу о времени монашеского пострига Павла Гальковского. На этот счет есть разные мнения. Например, митрополит Манаул Лемешевский в своем труде «Русские православные иерархи», который

является первым фундаментальным собранием биографических сведений обо всех архиереях Русской православной церкви [7, л. 428], указывает на 1888 г. как год пострига Павла, при этом не упоминая период его служения в Тадулинском монастыре. Другие исследователи указывают на вероятность опечатки и предлагают датой пострига считать 1898 г., ссылаясь на смерть супруги о. Павла в 1896 г. (Мария Ивановна Гальковская похоронена на монастырском кладбище в д. Слобода, до настоящего времени на кладбище сохранился надгробный памятник) [8; 10]. На наш взгляд, наиболее вероятной датой монашеского пострига следует считать 1918 г. В пользу этого мнения служит тот факт, что в документах периода 1900–1917 гг. по отношению к Гальковскому употребляются термины «иерей» и «протоиерей», а если допустить факт пострига в 1888 или 1898 гг., то в этих случаях употреблялся бы термин «иеромонах». Косвенным подтверждением этого являются сведения о служении Павла Гальковского с 1919 по 1921 гг. духовником на Афонском подворье в Москве, а потом управляющим Петровским монастырем [5, л. 172].

5 июля 1921 г. иеромонах Павел Гальковский был рукоположен в епископа и переведен в Самарскую епархию, которой управлял до следующего ареста. Епископ Павел вел активную деятельность по борьбе с голодом в Самарской губернии, организовал и возглавлял епархиальный комитет помощи голодающим. Комитет в короткий срок собрал около 20 млн руб. на открытие столовых для голодающих, но на эти средства был наложен арест, деятельность комитета была прекращена, а епископ Павел арестован. Будучи в заключении, епископ Павел говорил: «Мне несколько обидно, что, желая прийти на помощь голодающим, я незаслуженно терплю тюремное заключение. Всекие протесты и беспорядки по поводу изъятия ценностей из храмов я осуждаю, не желаю, чтобы проливалась хоть капля человеческой крови» [10, с. 115–125]. Освободившись через две недели, владыка обратился в Самарский губисполком с просьбой разрешить деятельность комитета. Однако Губкомпомгол принял решение о закрытии епархиального комитета и передаче собранных средств в губфинотдел [8, с. 22; 11].

С августа 1922 г. началась кампания против епископа Павла. Ряд должностных лиц Самарской губернии составили меморандум в государственное политическое управление Республики, в котором епископ Павел характеризовался как отъявленный реакционер. Руководство губернии не скрывало, что приступило к сбору обвинительного материала на епископа Павла «для устранения такового». Для противодействия архиерею была организована «группа прогрессивного духовенства», состоящая из пяти человек, которая однако не нашла поддержки среди местных верующих и большинства духовенства [11, л. 20, 34–35].

В сентябре 1923 г. епископ Павел снова был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и заключен в Таганскую тюрьму Москвы. Три

последующих года владыка находился в ссылке в Средней Азии (в г. Красноводск), а с апреля по сентябрь 1927 г. – в г. Казани. 15 сентября 1927 г. был освобожден и получил возможность вернуться к церковному служению. С ноября 1927 по 31 декабря 1928 г. владыка являлся епископом Егорьевским, викарием Рязанской епархии, одновременно управлял Воронежской епархией, а с января 1929 г. являлся управляющим Владимирской епархией. В ноябре 1929 г. владыка Павел был возведен в сан архиепископа Иваново-Вознесенского, а в 1935 г. – в сан митрополита [5, л. 170–172].

8 марта 1936 г. владыка вновь был арестован. При проведении обыска у него были изъяты многочисленные документы личного характера, программные документы оппозиционных епископов, антисоветские стихи, списки священнослужителей и отчеты по епархии [1, л. 4–5]. При аресте ему было предъявлено обвинение в том, что он возглавил «контрреволюционную группу реакционного духовенства и верующих г. Шуи, деятельность которой выражалась в устройстве антисоветских соборщ, хранении и распространении религиозных книг, создании домашних нелегальных церквей, насаждении тайного монашества». Обвинялся митрополит Павел также в том, что «выступал против стахановского движения, в широких размерах распространял провокационно-клеветнические слухи об отсутствии в СССР свободы вероисповедания, в церковных проповедях допускал резкие выпады против советской власти и «инсценировал» во время богослужений раскаяния священников-обновленцев, поддерживал связь со ссылкой и оказывал ей материальную помощь». В деле содержался ряд подобных обвинений. Например, митрополиту Павлу вменялось в вину то, что в 1934–1935 гг. он принял на службу в Ивановскую епархию около десятка священнослужителей, вернувшихся из ссылки [1, л. 6–7].

В период с 9 по 21 марта было произведено 8 допросов владыки Павла, несколько свидетельских допросов и одна очная ставка со священником Николаем Романовским. Из протоколов следует, что во время допросов владыка держался мужественно, с достоинством отвечал на вопросы следователей, на просьбы назвать имена тех, с кем вел беседы или общался на острые темы, отказывался, ссылаясь на плохую память. На вопросы о своих политических взглядах подтверждал указанное в обвинении положение о том, что гражданские власти способствуют обновленцам в передаче им незаконным путем культовых зданий, а те в свою очередь помогают советской власти изнутри разлагать православную церковь. Хранение антисоветских документов и внутрицерковной оппозиционной переписки оправдывал исторической значимостью. На допросах владыка твердо отрицал свою вину в разжигании контрреволюционных настроений среди своей паствы, а также в инсценировке показных публичных антисоветских раскаяний священников-обновленцев, спокойно описывая каждое отдельно взятое событие и поясняя свои действия в сложившихся ситуациях [1, л. 24–71].

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 21 июня 1936 г. митрополит Павел был осужден по статье 58–10 ч.1 и приговорен к трем годам высылки в Казахстан. Первое время архиерей находился в Алма-Ате, откуда был переведен в г. Семипалатинск, предполагалась его пересылка в с. Семиарку Бескарачайского района. Из Семипалатинска 72-летний митрополит Павел обратился к председателю «Общества помощи политическим заключенным» Е.П. Пешковой с просьбой найти возможность оставить его в Семипалатинске, учитывая слабое здоровье и множество заболеваний. Просьбу владыки исполнили, он был оставлен в Семипалатинске [6, л. 75–78].

По одним сведениям, в 1937 г. владыка Павел, находясь в ссылке, был снова арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 28 ноября 1937 г. Однако в материалах уголовного дела сведений о применении к П.М. Гальковскому высшей меры наказания не имеется. Согласно записи в учетной карточке информационного центра УМВД России по Ивановской области митрополит Павел умер в заключении 19 октября 1945 г. от дистрофии [11, л. 20, 34–35]. В 1990 г. заключением прокурора Ивановской области митрополит Павел Гальковский был реабилитирован [2].

Таким образом, жизнь митрополита Павла Гальковского является примером мужества. Пройдя путь от простого сельского священника до митрополита, видного деятеля в церковной и общественной жизни, архиерей, несмотря на сложные социально-политические условия, сохранил верность пастырскому долгу.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Архив** УФСБ России по Ивановской области. – Д. № 8610-П (1936 г. производства).
2. **Архивная** справка Государственного архива Российской Федерации № 12416-Т от 13.05.2015 г.
3. **Горидовец, В. В.** Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины (1917–1990). По страницам архивных документов [Электронный ресурс] / В. В. Горидовец. – Электрон. текстовые дан. и ил. (107 Мб). – Витебск : Горидовец В. В., 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. **Государственный архив** Ивановской области. – Фонд Р-2953. – Оп. 1. – Д. 4.
5. **Государственный архив** Российской Федерации. – Фонд 8409. – Оп. 1. – Д. 1488.
6. **Лемешевский, М.** Русские православные иерархи, 992–1892 гг. : в 3 т. / митрополит М. Лемешевский. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2002. – Т. 2 : Иоанн – Симеон. – 607 с.
7. **Монастыри** самарского края (XVI–XX вв.) : справочник / сост.: В. С. Блок, К. А. Катренко. – Самара, 2002. – 216 с.
8. **Национальный исторический архив** Республики Беларусь. – Фонд 2617. – Д. 842.
9. **Новомученики** и исповедники русской православной церкви XX века : база данных // Сайт Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://martyrs.pstbi.ru>. – Дата доступа: 20.06.2015.

10. **Подмарицын, А.** Очерки истории Самарской епархии : учеб. пособие / А. Подмарицын. – Самара, 2008. – 152 с.

11. **Самарский** областной государственный архив социально-политической истории. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 726.

12. **Сегодня** день памяти митрополита Павла Гальковского – первого архиепископа Бузулукского викариатства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бузулукской епархии. – Режим доступа: <http://www.buzulukeparh.ru>. – Дата доступа: 14.06.2015.

Выдрин Е.В., Толмачева А.В., Бобрик И.Е. (г. Красноярск, Россия)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦЕРКОВНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

В современной российской науке и образовании наблюдается значительный рост интереса к историческому краеведению, что связано с рядом причин. С сентября 2015 г. в российских школах начал действовать Историко-культурный стандарт по истории России, главным в котором является принцип антропоцентричности истории. Согласно этому документу в школьном курсе возрастает доля локальной истории, а, соответственно, это влечет за собой увеличение региональных и краеведческих исследований.

Несмотря на достаточно давнюю историю красноярского краеведения, которое ведет свое начало с XIX в., некоторые направления локально-краеведческих исследований начали развиваться в Красноярском крае только с начала 1990-х гг. Это и биографические исследования [7], и исследования по истории купечества [3], в 2000-е гг. появился интерес к устной истории [12] и истории повседневности [4]. К таким мало изученным и находящимся в стадии становления направлениям в нашем регионе относится и церковное краеведение. Имеются работы, посвященные истории Русской православной церкви в регионе [9], истории монастырей и церквей края [6], истории миссионерской деятельности на территории Приенисейской Сибири [5]. Совершенно небольшой процент среди работ церковно-краеведческого характера занимают работы, содержащие исследования по некрополеведению. Среди них необходимо выделить работы О.П. Аржаных по изучению и описанию Троицкого кладбища г. Красноярска [2]. В г. Минусинске уже пару лет функционирует интернет-сайт «Минусинский некрополь».

Церковное краеведение как в самом крае, так и в г. Красноярске находится на начальном этапе развития. В своей статье мы хотели обозначить проблемы и перспективы развития данного направления локально-краеведческих исследований в регионе.

До Октябрьской революции 1917 г. в г. Красноярске было 17 церквей [8], из которых до наших дней осталось существовать 5. Были разрушены крупнейшие церковные учреждения – Кафедральный Богородице-Рождественский Собор, Воскресенский Собор, Всехсвятская церковь [10; 11]. История данных церквей до сих пор не написана в полном объеме, что открывает новые перспективы для изучения.

При этом были уничтожены две кладбищенские церкви г. Красноярска – Всехсвятская и Воскресенская. Вместе с ними перестали существовать и кладбища, на которых похоронены сотни известных жителей г. Красноярска и России. К примеру, на территории Воскресенского кладбища был похоронен почетный житель г. Красноярска П.И. Кузнецов, на деньги которого получил художественное образование В.И. Суриков. Бесследно утеряна могила командора Николая Резанова.

С 2015 г. кафедра музеологии и культурного наследия Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева совместно со Студенческим научным обществом исторического факультета начали работу по восстановлению кладбищ г. Красноярска. Проект включает в себя несколько направлений:

1. Сбор информации и издание сборника по захоронениям на красноярских кладбищах участников русско-японской войны 1904–1905 гг. и периода Первой мировой войны.

2. Сбор информации и создание сборников по уничтоженным кладбищам г. Красноярска (Всехсвятское и Воскресенское кладбища). Данные кладбища были полностью уничтожены в XX в. Восстановление их возможно при детальном анализе метрических книг церквей, памятных книжек Енисейской губернии, что в итоге будет оформлено в виде каталогов либо интернет-ресурсов, посвященных разрушенным некрополям.

3. Издание подробного сборника Троицкого кладбища г. Красноярска. Несмотря на то, что обширная работа по истории Троицкого некрополя была проделана Ольгой Павловной Аржаных, полной истории захоронений не создано до сих пор. Троицкое кладбище является многослойным, на его территории находится более 40 тыс. захоронений, что открывает достаточно перспективную работу в рамках церковного краеведения г. Красноярска.

Интерес к церковно-краеведческим исследованиям все больше возрастает в последние годы, связано это со многими как политическими, так и духовными факторами в современной жизни России. Роль церковного краеведения велика в образовательном процессе, что обеспечивает требования Историко-культурного стандарта по истории России. Исследования в области церковного краеведения могут быть положены в основу создания элективных курсов в основной общеобразовательной школе, а также использованы для активизации самостоятельной работы учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аржаных, О. П.** Выплечусь памятью о родной земле / О. П. Аржаных. – Красноярск, 2008. – 191 с.
2. **Аржаных, О. П.** Троицкий некрополь : памятник истории и культуры под открытым небом / О. П. Аржаных. – Красноярск : КаСС, 2004. – 1 л.
3. **Быконя, Г. Ф.** Енисейское купечество в лицах (XVII – начало XX в.) / Г. Ф. Быконя. – Новосибирск : СО РАН, 2012. – 316 с.
4. **Васильев, А. Д.** Из истории повседневности Туруханского монастыря / А. Д. Васильев // Енисейская провинция : альманах. – Красноярск, 2007. – Вып. 3. – С. 51–57.
5. **Выдрин, Е. В.** Туруханская походная церковь в системе подобных учреждений севера Сибири / Е. В. Выдрин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2014. – № 1. – С. 180–183.
6. **Иверский** (Христорождественский) монастырь : сборник / ред., сост. В. И. Царев. – Красноярск, 1994. – 64 с.
7. **Киселев, Л. В.** Гадаловы : историческая литература / Л. В. Киселев. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2012. – 206 с.
8. **Краткое** описание приходов Енисейской Епархии. – Красноярск, 1995. – 243 с.
9. **Малашин, Г. В.** Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ : 1861–2011 гг. / Г. В. Малашин. – Красноярск : Восточная Сибирь, 2011. – 480 с.
10. **Малашин, Г. В.** 150 лет со дня освящения Кафедрального Богородице-Рождественского собора г. Красноярска / Г. В. Малашин // Край наш Красноярский : календарь знаменательных и памятных дат на 2011 год. – Красноярск, 2010. – С. 119–121.
11. **Погребняк, А. И.** Судьбы красноярских храмов и монастырей / А. И. Погребняк // XII Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения : материалы и доклады. – Красноярск, 2012. – С. 198–208.
12. **Устная** история: человек в повседневности XX века : воспоминания и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни) / ред.: Н. И. Дроздов, Б. Е. Андюсов. – Красноярск, 2011.

Карпекін К.Р. (г. Віцебск)

ІЎДЗЕЙСКІЯ АБШЧЫНЫ МЯСТЭЧКА ЛЁЗНА Ў 1920–30-я гг.

Адной з нацыянальных меншасцяў, якія пражывалі на беларускіх тэрыторыях, з’яўляліся яўрэі. Іх удзельная вага сярод насельніцтва паступова ўзрастала і з канца XVIII ст. да канца XIX ст. павялічылася з 10% да 14,1%, прычым прадстаўнікі яўрэйскай нацыянальнасці пражывалі пераважна ў гарадах і мястэчках. Адметнасцю гісторыі іўдзейскіх абшчын м. Лёзна з’яўлялася тое, што ў 1782–1801 гг. у дадзеным населеным пункце знаходзілася рэзідэнцыя Шнеера-Залмана (Шнеерсона) – падзіка, заснавальніка любавіцкага хасідызму (адной з плыняў у межах іўдзейскай рэлігіі). Менавіта на ўказаны перыяд прыходзілася найбольш актыўная барацьба

паміж хасідамі і прыхільнікамі рабінскага іўдаізму на чале з віленскім Гаонам [17, с. 396]. Адносна мірнае суіснаванне разнастайных кірункаў іўдзейскай рэлігіі ў XIX – пачатку XX ст. было парушана ўсталяваннем савецкай улады, якое актывізавала супрацьстаянне паміж вернікамі і прыхільнікамі атэістычнага светапогляду.

Мэта дадзенага даследавання – прасачыць гісторыю іўдзейскіх абшчын м. Лёзна ў 1920–1930-я гады.

Напярэдадні кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. у м. Лёзна налічвалася каля 1,5 тыс. яўрэяў (60% насельніцтва) [18, с. 418], функцыянавала 5 сінагог. У даследуемы перыяд мястэчка з такой колькасцю іўдзейскіх культавых будынкаў было дастаткова тыповым (у 50% гарадоў і мястэчак Беларусі налічвалася ад дзвюх да дзевяці сінагог і малітоўных дамоў). Усе лёзенскія сінагогі былі пабудаваны з дрэва ў XIX – пачатку XX ст.: Ісакаўская – у 1830 г., Аўрамаўская – у 1875-м, Ізраільская – у 1890-м, Нова-Слабодская – у 1895-м, Якаўлеўская – у 1906-м [14, арк. 22]. Некаторыя культавыя будынкі мелі па дзве назвы, у прыватнасці, Ісакаўская сінагога таксама называлася Мала-Ісакаўскай, а Якаўлеўская – Янавіцкай [7, арк. 16 адв.].

Сінагогі Ісака і Якава размяшчаліся на Школьным завулку, Аўрама – на Школьным двары. Паводле іншых звестак, адна з пералічаных сінагог знаходзілася на Бабінавіцкай вуліцы (зараз – вуліца Гагарына), на беразе р. Машна. Сінагога Ізраіля была пабудавана на Калышанскай (Калышанска-Нова-Слабодскай) вуліцы (праходзіла ў раёне сучаснай Камсамольскай вуліцы) [11, арк. 490, 493, 498, 501; 21, с. 44], Нова-Слабодская сінагога – на тэрыторыі квартала Новая Слабада [10, арк. 18].

Першыя спробы закрыцця сінагог у м. Лёзна з боку мясцовых органаў савецкай улады адносяцца да пачатку 1922 г. Адна з іх была занята ячэйкай РКСМ: у ёй былі размешчаны клуб і бібліятэка, а 3 кастрычніка 1922 г. будынак зноў быў перададзены абшчыне. У канцы кастрычніка таго ж года адна з лёзенскіх сінагог была зачынена і прыстасавана пад склад. 23 кастрычніка 1922 г. старшыня Лёзенскага валаснога выканаўчага камітэта абвясціў пра намер часова выкарыстаць для аналагічных мэт яшчэ адзін культавы будынак мястэчка [2, арк. 72–74].

Паводле стану на 8 снежня 1922 г. у м. Лёзна налічвалася сем дзеючых іўдзейскіх малітоўных будынкаў: пяць згаданых вышэй сінагог і дзве малітоўні, якія размяшчаліся ў прыватных жылых памяшканнях [10, арк. 18]. Такая сітуацыя была характэрна для ўсёй тэрыторыі БССР, калі ў сувязі з антырэлігійнай палітыкай, ажыццяўляемай савецкай уладай, існавала пастаянная пагроза закрыцця малітоўных будынкаў.

У 1923 г. усе іўдзейскія абшчыны мястэчка паспяхова прайшлі рэгістрацыю ў мясцовых органах улады, што давала ім законныя падставы для далейшай дзейнасці. Кожная з абшчын мела ўласны кіруючы орган – прыходскі савет. Старшынёй савета Ісакаўскай абшчыны з’яўляўся Цыперсон

Мендаль Беркавіч, Якаўлеўскай – Рогін Менахем, Ізраільскай – Бялоў Борух, Аўрамаўскай – Хаскін Борух, Нова-Слабодскай – Ценкін Ш.Б. [12, арк. 56 адв., 90 адв.].

У тым жа годзе ў м. Лёзна налічвалася чатыры служыцелі іўдзейскага культу. Рабінам мястэчка з’яўляўся Масарскі Якаў Ізраілевіч (1858 года нараджэння), які быў сябрам Ісакаўскай абшчыны і займаў гэту пасаду з пачатку XX ст. Акрамя таго ў м. Лёзна меліся рэзнікі, якія па ўсёй верагоднасці былі сваякамі: Глазаў Гершан Ізраілевіч (1853 г. н.), Глазаў Іцка Гершанавіч (1888 г. н.) і Глазаў Гейша-Ізраіль Гершанавіч (1871 г. н.). Першыя двое з’яўляліся сябрамі Ізраільскай абшчыны, а апошні абслугоўваў Нова-Слабодскую абшчыну [4, арк. 1187; 11, арк. 491].

Нягледзячы на афіцыйны дазвол дзейнасці рэлігійных абшчын, органы савецкай улады і камітэты КП(б)Б ажыццяўлялі пастаянныя антырэлігійныя мерапрыемствы. Напрыклад, у 1923 г. падчас восеньскіх навагодніх святаў у м. Лёзна прайшлі антырэлігійныя мітынгі-канцэрты, арганізаваныя мясцовымі партыйнымі ячэйкамі [16, арк. 64]. У тым жа годзе Віцебскі губвыканкам даручыў Лёзенскаму валвыканкаму знайсці ў мястэчку памяшканне для навучальнага пункта па ваеннай падрыхтоўцы. У студзені 1924 г. у якасці найбольш зручнага будынка для згаданых мэт быў прапанаваны «камунальны дом» (былая сінагога), які з нядаўняга часу выкарыстоўваўся мясцовай ячэйкай РКСМ [3, арк. 50].

Восенню 1924 г. у мястэчку адбылося чарговае мерапрыемства, скіраванае супраць іўдзейскіх абшчын, сутнасць якога заключалася ў правядзенні падчас рэлігійных святаў гутарак, дакладаў і палітычнага суда атэістычнага зместу [15, арк. 24].

У пачатку 1925 г. быў знішчаны адзін з сінагагальных будынкаў, які размяшчаўся на Школьным завулку. Да гэтага часу ён ужо выкарыстоўваўся як камунальная школа (паводле іншых дадзеных – у якасці клуба піянераў). 20 студзеня 1925 г. для агляду будынка былой сінагогі прыбыла адмысловая камісія, якая канстатавала, што збудаванне «безгаспадарчае і разбураецца», а яго вартасць для далейшага выкарыстання складала толькі 60%. Драўляны будынак меркавалася прадаць, і мерапрыемствы па продажы былі прызначаны на 28 студзеня. Жадаючых набыць будынак не знайшлося, таму аўкцыён быў перанесены на 14 лютага, але і ён прайшоў безвынікова. Яшчэ раней зацікаўленасць будынкам сінагогі выказаў загадчык школы в. Замошша (вёска знаходзіцца за некалькі кіламетраў ад м. Лёзна). Ён прапаноўваў за кошт сінагагальнага збудавання павялічыць плошчу школы, каб яе маглі наведваць вучні з суседніх вёсак Ушыўка і Прудзішча. Паколькі ніхто з жыхароў Лёзенскага раёна будынак сінагогі не набыў, у сакавіку 1925 г. ён быў перавезены ў в. Замошша [6, арк. 13–16].

У тым жа 1925 г. была ліквідавана міква (басейн для рытуальных амавенняў), якая размяшчалася ў грамадскай лазні. Лёзенскі райвыканкам,

не папярэдзіўшы іўдзейскую абшчыну, за 75 руб. прадаў лазню прыватнай асобе. Яўрэі-вернікі мястэчка пад кіраўніцтвам рабіна Кляцкіна Абрама Герцавіча сабралі 80 руб. і заключылі дамову на набыццё лазні і арэнду прылягаючай тэрыторыі абшчынай тэрмінам на 12 гадоў і 4 месяцы. Насуперак падпісанаму дакументу райвыканкам у жніўні 1925 г. вывез кацёл, помпу і трубы – усё абсталяванне, неабходнае для функцыянавання лазні. З мэтай вярнуць сабе мікву сябры іўдзейскіх абшчын паскардзіліся пракурору Віцебскай акругі і старшыні ЦВК БССР А.Р. Чарвякову, але прашэнне ніякіх вынікаў не мела [19, арк. 190–193].

У 1929–1930-м гг. у БССР была праведзена масавая кампанія па закрыцці культавых будынкаў усіх канфесій, якая закранула іўдзейскія абшчыны м. Лёзна. Вясной 1929 г. мясцовая ячэйка Саюза ваяўнічых бязбожнікаў узяла пытанне пра ліквідацыю ў мястэчку трох сінагог. Дадзеную ініцыятыву падтрымалі сябры прафсаюза працаўнікоў зямлі і леса, а таксама прафсаюза будаўнікоў: яны звярнуліся ў райвыканкам з хадайніцтвам перадаць яўрэйскія малітоўныя будынкі «культурным і грамадскім арганізацыям з мэтай адкрыцця ў іх клубаў» [1, с. 2].

Па ўсёй верагоднасці, частка богаслужбовай маёмасці з зачыненых сінагог патрапіла ў Віцебскі губернскі музей, у якім у 1929 г. быў арганізаваны адмысловы яўрэйскі аддзел. З мэтай збору экспанатаў у верасні 1929 г. у м. Лёзна быў накіраваны супрацоўнік музея [13, арк. 75].

Да восені 1929 г. з лёзенскіх сінагог былі вывезены метрычныя кнігі (яны захоўваліся ў местачковым Савеце). Згаданыя кнігі ўтрымлівалі запісы пра нараджэнні за 1854–1857, 1859–1860, 1864–1865, 1876–1877, 1881–1883, 1885–1886, 1888–1894, 1896–1898, 1900, 1902–1904, 1906, 1908–1911, 1913–1916, смерці – за 1854–1858, 1860, 1863–1864, 1871–1872, 1877–1912, 1914–1916, шлюбны за 1860, 1863–1865, 1872, 1876–1877, 1879–1916 і разводы за 1878, 1892, 1900 гг. [5, арк. 48].

У канцы 1920-х гг. значна ўскладнілася становішча служыцеляў іўдзейскага культа, што было выклікана спагнаннем з іх падаткаў на прыбытак, які яны, паводле меркавання прадстаўнікоў мясцовых фінансавых органаў, атрымлівалі ад членаў іўдзейскіх абшчын за ажыццяўленне рэлігійных абрадаў. Пры гэтым некаторыя служыцелі культа сцвярджалі, што іх паслугамі вернікі ўжо не карыстаюцца, таму іх абкладанне падаткам з’яўляецца незаконным.

У прыватнасці, 23 ліпеня 1929 г. у фінансавы аддзел Віцебскага акруговага выканкама паступіў ліст ад Я.І. Масарскага. Ён сцвярджаў, што займаў пасаду рабіна да 1924 г., а затым цалкам адышоў ад рэлігійнай дзейнасці па прычыне дрэннага здароўя. Адзінай крыніцай свайго існавання былы рабін назваў грошы, што дасылаў яму сын. У пацвярджэнне прадстаўленай інфармацыі Я.І. Масарскі сабраў подпісы 29 жыхароў м. Лёзна [9, арк. 2–3].

Былы местачковы рэзнік Г.Г. Глазаў 10 кастрычніка 1929 г. падаў скаргу ў Народны камісарыят фінансаў БССР. Ён пісаў, што ажыццяўляў рытуальны забой жывёлы для патрэб іўдзейскай абшчыны толькі да 1922 г., а затым да 2 сакавіка 1928 г. працаваў звычайным мясніком. Дадзенае сцверджанне Г.Г. Глазава падлягае сумненню, бо звесткі пра яго як пра рэзніка былі ўнесены ў спіс сяброў іўдзейскай абшчыны за 1923 г. Паводле звестак, прадстаўленых самім Г.Г. Глазавым, пасля 1928 г. ён жыў за кошт грошай, якія дасылаў яму з Масквы сын. У той жа час, паводле сведчанняў сяброў Лёзненскага местачковага Савета, Г.Г. Глазаў на працягу ўсіх 1920-х гг. не пакідаў рэзніцкай дзейнасці. Разгледзеўшы дадзеныя абставіны, 30 кастрычніка 1929 г. інспектар па падатках Віцебскага акрвыканкама пастанавіў пакінуць скаргу Г.Г. Глазава без задавальнення [8, арк. 1–10].

Да 1937 г. у м. Лёзна дзеючых сінагог не засталася: усе чатыры будынкі выкарыстоўваліся не па прамым прызначэнні (у тым ліку як жыллыя памяшканні). Тым не менш у канцы 1930-х гг. у мястэчку назіралася пэўная актывізацыя дзейнасці іўдзейскіх абшчын, што адпавядала агульнарэспубліканскім тэндэнцыям і было выклікана прыняццем у 1937 г. Канстытуцыі БССР, у якой абвешчалася пра свабоду адпраўлення рэлігійных культаў. У прыватнасці, былы рабін мястэчка Рабіновіч, які на той час працаваў вартаўніком, заклікаў вернікаў патрабаваць адкрыцця сінагог, некаторыя рабочыя-яўрэі не выходзілі на працу па суботах, абгрунтоўваючы гэта іўдзейскімі традыцыямі [20, арк. 29–30].

Падчас Вялікай Айчыннай вайны іўдзейскія абшчыны м. Лёзна панеслі велізарныя страты: у ліпені 1941 г. у выніку артылерыйскага абстрэлу згарэла тры чвэрці забудовы мястэчка, у тым ліку будынкі сінагог, у лютым 1942 г. фашыстамі было расстраляна каля 600 яўрэяў м. Лёзна [21, с. 13, 98].

Такім чынам, 1920–30-я гг. для іўдзеяў м. Лёзна з’яўляліся складаным перыядам, на працягу якога была ліквідавана матэрыяльная база абшчын, ажыццяўляўся пастаянны ідэалагічны ціск на вернікаў. У выніку савецкай антырэлігійнай палітыкі і падзей Вялікай Айчыннай вайны яўрэйская абшчына м. Лёзна, якая мела багатыя рэлігійныя традыцыі, фактычна спыніла сваё існаванне. У сувязі з гэтым даследуемы перыяд варта лічыць заключным этапам у гісторыі іўдзейскай супольнасці мястэчка.

ЛІТАРАТУРА

1. Будаўнік. Першы пачын (Лёзненскі раён) / Будаўнік // Заря Запада. – 1929. – 3 апр.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 104. – Воп. 1. – Спр. 49.
3. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 104. – Воп. 1. – Спр. 98.
4. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 104. – Воп. 2. – Спр. 15.
5. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 160. – Воп. 1. – Спр. 40.
6. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 160. – Воп. 2. – Спр. 6.
7. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 289. – Воп. 1. – Спр. 76.
8. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 449. – Воп. 4. – Спр. 1487.

9. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 449. – Воп. 5. – Спр. 1534.
10. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1821. – Воп. 1. – Спр. 142.
11. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1821. – Воп. 1. – Спр. 193.
12. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1821. – Воп. 1. – Спр. 693.
13. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1947. – Воп. 1. – Спр. 47.
14. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 2356. – Воп. 1. – Спр. 31.
15. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 10050-п. – Воп. 1. – Спр. 205.
16. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 10050-п. – Воп. 1. – Спр. 438.
17. **Дубнов, С.** История хасидизма / С. Дубнов. – Москва : Иерусалим, 2014. – 616 с.
18. **Зельцер, А.** Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917–1941 / А. Зельцер. – М. : РОССПЭН, 2006. – 478 с.
19. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 2424.
20. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4-п. – Воп. 1. – Спр. 11867.
21. **Шульман, А. Л.** Местечко Марка Шагала : очерк / А. Л. Шульман. – Минск : Медисонт, 2010. – 108 с.

Качарагіна Л.А. (в. Палата, Полацкі раён)

ПРАВАСЛАЎЕ І МУЗЕЙ КАЛЯНДАРНА-АБРАДАВЫХ ТРАДЫЦЫЙ БЕЛАРУСАЎ

О Христе мне хочется сказать,
Как Господь послал на землю благодать,
Как учил, дарил свою любовь,
На кресте пролил за нас святую кровь.
Не умельца я, я только лишь учусь.
Хочется познать Христа – к нему стремлюсь.
Я слаба еще, но к Богу дух влечет...

Гэта радкі з верша былой выпускніцы школы Лучыны Таццяны, прысвечаныя нашаму Збавіцелю Ісусу Хрысту. Прыняўшы ўсе пакуты, ён Уваскрэс. Яго слаўнае Уваскрэсенне стала сімвалам вечнасці вучэння, якое Ён прапаведаваў.

Канцэпцыя Нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь уяўляе сабой сістэму сучасных поглядаў на асноўныя праблемы абароны жыццёва важных інтарэсаў асобы, грамадства і дзяржавы ва ўмовах існуючых рэальных

і ўзнікнення патэнцыяльных пагроз унутранага і знешняга характару. Пры гэтым толькі маральнае, Божае вучэнне, прапаведанае Хрыстом, здольнае ўнесці тыя пачаткі, якія робяць мажлівым чалавечае жыццё, даюць магчымасць працаваць і выходзяць грамадства і ў ім ствараць эфектыўную правахоўную сістэму [5, с. 5].

У аснове традыцыйнага беларускага выхавання заўсёды ляжала праваслаўнае веравучэнне, а марныя пошукі нечага іншага прывялі да разбурэння нацыянальнай самасвядомасці, асобы чалавека. Але прыйшоў час, і людзі зразумелі, што трэба мяняць свае адносіны ў стаўленні да Бога, у цэлым да праваслаўя.

Пачынаючы з пятага класа, на ўроках беларускай літаратуры вучні знаёмяцца з Бібліяй, біблейскімі паданнямі «Стварэнне свету», «Прытча пра блуднага сына», і кожны захацеў больш шырока даведацца пра нашага Збавіцеля, пра святых зямлі Беларускай, Анёлаў, пра тое, што такое грэх, што азначае крыж, якому святому маліцца, як паводзіць сябе ў храме. Для вучняў былі арганізаваны факультатывы «Асновы праваслаўнай культуры» і «Жыццё святых». На занятках выкарыстоўваліся матэрыялы Бібліі, Евангелля, жыцця святых, праводзіліся сустрэчы са святарамі, рыхтаваліся невялікія паведамленні пра жыцці святых, завочныя падарожжы па мясцінах, якія звязаны з іх жыццём.

Вучні знаёміліся з цудоўнымі апавяданнямі Л.М. Талстога, К.Д. Ушынскага. Цікавымі з'яўляюцца апавяданні Б. Ганага («Детям о слове», «Детям о вере»), В. Малягіна («Первая исповедь», «Новые друзья»). Добрымі дарадцамі сталі перыядычныя тэматычныя выданні «Ангелочек», «Мир с Богом», спецыяльныя выпускі «Со светлой Пасхой», «С Рождеством Христовым».

Вось таму і звярнуліся да праваслаўя як да сродка рознабаковага выхавання, які фарміруе свабодную, духоўную і творчую асобу. Падчас экскурсій вучні знаёміліся з гісторыяй Полацка, яго архітэктурнымі помнікамі, праваслаўнымі храмамі: Сафійскім, Пакроўскім і Богаяўленскім саборамі, Спаса-Еўфрасіннеўскім манастыром. Выкарыстоўваючы багацейшы краязнаўчы матэрыял, вучні маюць магчымасць даведацца пра свае карані, адчуць духоўную сувязь з мінулым і адказнасць за будучыню.

Адбываюцца сустрэчы і заняткі са святарамі, якія знаёмяць з тым, як трэба паводзіць сябе ў храме ў час службы, як рыхтавацца да таінства споведзі, якую праваслаўную літаратуру чытаць.

На гэтых сустрэчах разам знаходзім адказы на пытанні, якія цікавяць. Вядома, не ўсё адразу становіцца зразумелым, але пройдзе час – і прабелы знікнуць.

Пры дзяржаўнай установе адукацыі «Палатоўскі дзіцячы сад – сярэдняя школа Полацкага раёна» створаны музей каляндарна-абрадавых традыцый беларускага народа. Усе традыцыі і рытуалы падпарадкоўваюцца праваслаўнаму календару і прымеркаваныя да такіх галоўных праваслаўных свят, як

Нараджэнне Хрыстова, Стрэчанне Гасподняе, Светлае Хрыстова Уваскрэсенне, Дзень Святой Тройцы, Нараджэнне Іаана Хрысціцеля, Праабражэнне Гасподняе, Пакроў Прасвятой Багародзіцы.

Роля музея каляндарна-абрадавых традыцый заключаецца ў тым, каб дапамагчы вучням і наведвальнікам знайсці адказы на пытанні, якія іх цікавяць.

Для дасягнення абазначанай мэты выкарыстоўваюцца розныя формы работы: знаёмства з асновамі праваслаўя, духоўныя гутаркі са святаром, наведванне царквы, удзел у царкоўнай службе, удзел у народных праваслаўных святах.

Музей таму і стаў пляцоўкай, дзе праводзяцца святы, прысвечаныя нараджэнню Ісуса Хрыста, Стрэчанню Гасподняму, Светламу Хрыстову Уваскрэсенню, Дню Святой Тройцы, Праабражэнню Гасподняму, Узвіжанню Крыжа Гасподняга, Пакрову Прасвятой Багародзіцы. На святах прысутнічаюць не толькі вучні, але і мясцовае насельніцтва, госці. Праводзяцца святы і на школьнай сцэне – бо ўсё залежыць ад колькасці ўдзельнікаў і гледачоў.

Да свята нараджэння Ісуса Хрыста і Светлага Уваскрэсення Хрыстова праводзяцца выставы праваслаўнай літаратуры, конкурсы малюнкаў, вырабаў і выцінанак, святочных кампазіцый. Гэтыя мерапрыемствы вызначаны ў школьным праекце духоўна-маральнага выхавання на праваслаўных традыцыях беларускага народа «Дарога да храма». У распрацоўцы праекта прымалі ўдзел і школьнікі старэйшых класаў, а таксама іерэй Георгій царквы «Нечаянная радасць» Наваполацка.

У музеі захоўваюцца царкоўныя кнігі, абразы Божай Маці. Яны прыдатны для правядзення экскурсій, прысвечаных Пакрову Прасвятой Багародзіцы, Успенню Прасвятой Божай Маці, Дню Маці і сям'і і Ісусу Хрысту. У іх ідзе апавед пра нараджэнне Збавіцеля, уваход Госпада ў Іерусалім, Яго пакуты і Уваскрэсенне, Праабражэнне Гасподняе і гэтак далей. З'яўляючыся экскурсаводам, я з вялікім задавальненнем раскажваю пра абраз Божай Маці «Млекопитательница». Да гэтага абраза звычайна звяртаюцца за дапамогай матулі, якія кормяць дзяцей. Лічыцца, што яна мае асаблівую ласку абараняць маці і дзяцей.

Матэрыялы музея натхняюць на пошукава-даследчую работу. Хацелася даведацца, ці была ў мінулым у нашай мясцовасці царква. Старажылы паведамілі, што ў былым маёнтку Барсучына (так у мінулым называлі нашу вёску), на месцы цяперашніх могілак знаходзілася невялікая цэркаўка. Пра гэта сведчаць людзі, якія капалі ямы для магіл і натыкаліся на рэшткі фундамента. Вядомы даследчык мінулага А. Сапуноў у сваёй працы «Спіс населеных месц Віцебскай губерні» адзначае, што ў вёсцы сапраўды была царква [6, с. 322]. У кнізе «Памяць» Полацкага раёна ёсць запіс аб тым, што ў 1835 г. быў пабудаваны Барсучынскі праваслаўны храм [4, с. 690].

Калі праводзім пошукавую работу, ставім наступныя задачы: знаёмства з асновамі праваслаўя, падрыхтоўка матэрыялаў па праваслаўным краянаўстве да друку ў сродках масавай інфармацыі, арганізацыя гутарак са святаром, наведванне царквы і ўдзел у богаслужэннях, падтрымка валанцёрскага руху.

Мяне зацікавілі адносіны вучняў школы і людзей аграгарадка Палата да царквы. У мястэчку жывуць прадстаўнікі дзвюх канфесій: праваслаўнай і каталіцкай. Паміж людзьмі розных канфесій ніколі не бывае ніякіх непаразуменняў: усе жывуць у міры і згодзе. Было праведзена апытанне, з вынікамі якога можна пазнаёміцца ў прадстаўленай табліцы.

№ п/п	Назва	Колькасць школьнікаў (35 вучняў 7–11 кл.)	Колькасць насельніцтва (35 чалавек)
1	Верую ў Бога	23	23
2	Не верую ў Бога	4	7
3	Не ведаю, што адказаць	8	5
4	Наведваю царкву	12	18
5	Знаёмлюся з праваслаўнай літаратурай	11	12
6	Ёсць уласная праваслаўная бібліятэка	7	9
7	Праваслаўныя веруючыя	22	20
8	Каталікі	1	3

Такое сацыялагічнае апытанне праводзілася і раней, але адказы, у параўнанні з мінулым, сведчаць пра тое, што старэйшае пакаленне і моладзь у большай ступені сталі верыць у Бога. Гэтаму паспрыяла тое, што ў аграгарадку з’явілася царква прп. Сергія Раданежскага. У 2014 г. споўнілася 700 год з дня нараджэння прападобнага Сергія Раданежскага, мудрага падзвіжніка і заснавальніка аднаго з буйнейшых манастыроў – Свята-Троіцкай Лаўры; аднаго з найбольш любімых святых, які шануецца як абаронца зямлі рускай, заступнік воінства, дзяцей, якія імкнуцца да асветы [1, с. 242]. Сталі больш наведваць царкоўныя службы як дарослыя, так і моладзь. Царква яшчэ не поўнаасцю абсталявана, але дарослыя і школьнікі аказваюць дапамогу ў добраўпарадкаванні царкоўнай тэрыторыі, даглядаюць крыжы, якія ўстаноўлены ў пачатку і ў канцы вёскі.

Расказваючы ў час экскурсій пра жыццё беларуса ў мінулым, паказваем царкоўнае выданне «Новага Запавету», выдадзенага прыкладна ў пачатку мінулага стагоддзя, якое выпадкова знайшлі ў адной старэнькай нежылой хаце, і належала яно, як высветлілі, Шылка Таццяне, якая даўно памерла. Можна меркаваць, што жанчына была пісьменнай. Тэкст пададзены на стара-славянскай і рускай мовах. Год выдання не ўстанавілі, бо вокладка і першыя старонкі адсутнічаюць. Стан кнігі не вельмі добры.

Цікава і тое, што перадалі нам і факсімільнае выданне 1901 г. «Первая книжка по Закону Божию для детей» з малюнкамі, перавыдадзенае ў 1990 г. у Санкт-Пецярбургу. Кніга таксама пашкоджаная, але яна ў даступнай форме паведамляе аб стварэнні Сусвету, заповедзях, жыцці Ісуса Хрыста, знаёміць з малітвамі.

У музеі пачалі ствараць невялікую экспазіцыю, прысвечаную праваслаўю. Пачатак ёсць – іконы, праваслаўная літаратура, выданне «Новага Запавету», выцінанкі і вырабы, прысвечаныя Раству Хрыстову, Вялікадню, сцэнарыі праваслаўных свят, фотаздымкі.

Кожны, хто дакранаецца сёння да святыні, бачыць, што людзі ў мінулым жылі ў суладдзі з Богам, усе дзеянні былі накіраваны на выкананне заповедзяў. Крэда нашых продкаў – «жыць у суладдзі з прыродай, з Богам, у адпаведнасці з Божым прадбачаннем, у рамках Божага патурання» [2, с. 5–6].

Надзейным кірункам з’яўляецца шчырая вера ў Бога. Менавіта яна дапамагае кожнаму выхаваць высокія маральныя якасці, неабходныя ў нашым грамадстве, пераадолець розныя жыццёвыя цяжкасці. Шлях няпросты. Чалавек, сэрца якога напоўнена нязгаснай любоўю да Бога, па-іншаму глядзіць на сябе, на людзей, на Радзіму. Для яго духоўныя арыенціры істотней за матэрыяльныя. Яму Радзіма заўсёды будзе даражэй, чым нейкія часовыя замежныя матэрыяльныя выгады ці каштоўнасці.

Народная мудрасць вучыць: добра быць у дарозе, якую сам сабе выбіраеш. Галоўнае, каб гэты выбар быў правільны, каб абраны шлях прывёў да шчасця і радасці. Галоўнае – не збочыць з гэтай дарогі.

Бог надзяліў чалавека розумам, бессмяротнай душой і вялікім дарам – свабоднай воляй паміж дабром і злом. Таму кожны чалавек адказвае за свае справы, учынкi, за сваё жыццё. Сэнс чалавечага жыцця – пазнаваць Бога, славіць яго, дзякаваць і прыпадабняцца Яму. Гэта значыць станавіцца ўсё лепш, наследаваць Жыццё Вечнае [3, с. 5].

«Без выхавання няма духоўнасці, без духоўнасці няма асобы, без асобы няма народа як гістарычнай супольнасці», – пісаў акадэмік Г.М. Волкаў. Гэтыя словы прымушаюць задумацца аб будучыні нашых дзяцей, кожнага чалавека ...

Сёння вера святая – святло сярод ночы!

Паратуе яна, дапаможа ў бядзе.

Той, хто з верай жыве, той ніколі не збоча

З пуцявіны, якая да Бога вядзе.

С. Давідовіч

ЛІТАРАТУРА

1. **Барадзіна, А. В.** Асновы праваслаўнай культуры : (слоўнік-даведнік) / А. В. Барадзіна. – Москва, 2010. – 280 с.

2. **Палавінкін, А. І.** Праваслаўная духоўная культура / А. І. Палавінкін. – Москва : Просвещение, 2003. – 285 с.

3. **Палачанін, Ф. А.** Школьнікам аб праваслаўнай веры / Ф. А. Палачанін. – Мінск : Беларусь, 2006. – 104 с.

4. **Памяць:** Полацкі раён : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. С. С. Чарняўская. – Мінск : Выш. шк., 1999. – 700 с.

5. **Радков, А. М.** Выступление на заседании Координационного Совета Министерства образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви. 12.02.2010 г.

6. **Сапуноў, А.** Спіс населеных месц Віцебскай губерні / А. Сапуноў. – Віцебск, 1906.

Леаненка С.П. (з.п. Бешанковічы)

СВЯТА-МІКАЛАЕЎСКАЯ ЦАРКВА Ў ЗАДЗВІНСКАЙ СЛАБОДЦЫ МЯСТЭЧКА БЕШАНКОВІЧЫ

30 жніўня 1898 г. у мястэчку Бешанковічы пабывалі знакамітыя людзі – члены камісіі па наглядзе за Віцебскім епархіяльным царкоўна-археалагічным старажытнасховішчам: беларускі гісторык, архівіст, археограф, крыніцазнавец, аўтар прац па гісторыі гарадоў і мястэчак Беларусі, складальнік, рэдактар, удзельнік выдання «Гісторыка-юрыдычных матэрыялаў», актаў Віленскай камісіі, «Беларускага архіва» Дзмітрый Іванавіч Даўгяля [1, с. 66]; беларускі этнограф і фалькларыст, правадзейны член таварыства аматараў прыродазнаўства, антрапалогіі і этнаграфіі Маскоўскага ўніверсітэта, аўтар каля 20 прац па этнаграфіі, фальклору і гісторыі Віцебшчыны Мікалай Якаўлевіч Нікіфароўскі [2, с. 342]; аматар-фатограф, выкладчык Віцебскай мужчынскай гімназіі, а з 1905 па 1908 г. загадчык Віцебскай Аляксееўскай жаночай гімназіі Іван Юр’евіч Сабін-Гус [4, с. 32; 5, с. 108]. Прыехалі яны для агляду і фатаграфавання Свята-Мікалаеўскай царквы ў Задзвінскай слабодцы мястэчка Бешанковічы, даведаўшыся аб тым, што царкоўныя ўлады Полацкай духоўнай кансісторыі (указ ад 31 снежня 1897 года № 12911) прызначылі будынак старой царквы, якая знаходзілася на правым беразе Заходняй Дзвіны, аварыйным. Яна падлягала да зносу [3, с. 1, 2].

«Какое тоскливое чувство овладевает сердцем при встрече с достойными всякого уважения предметами, про которые знаем, что данное свидание с ними есть последнее!... Такие именно чувства пережили мы в конце лета 1898 года при посещении одинокой, подошедшей к полным руинам, деревянной церкви во имя св. Николая, находящейся в слободе на правой стороне реки Зап. Двины, против местечка Бешанкович, Лепельскаго уезда», – з такіх слоў пачынаецца кніга, прысвечаная вышэйзгаданаму храму, выдадзеная ў Віцебску М.Я. Нікіфароўскім і Д.І. Даўгяля ў 1899 г. [3, с. 1]. Скарыстаўшыся апісаннем Свята-Мікалаеўскай царквы, зробленым М.Я. Нікіфароўскім,

і іншымі матэрыяламі я хачу расказаць, чаму ж гэты храм выклікаў такую цікавасць вучоных мужоў.

Апісанне Свята-Мікольскай царквы

Прыехаўшыя з Віцебска даследчыкі ўбачылі аднапавярховы, крыжападобны ў плане будынак з абпіленага сасновага бруса на нізкім падмурку з васьмігранным паўкупалам у сярэдзіне. Вуглы царквы былі абшалаваны вертыкальнымі дошкамі. Шчыліны паміж брусамі абмазаны глінай і вапнай. Увесь будынак да самай страхі ў мінулым быў выбелены вапнай. Царкоўны дах пакрыты гонтам, глава царквы – жалезам, а рызніца і панамарня – дранкай. [3, с. 11, 12]. Унутраная прастора добра асвятлялася 11 вокнамі: адно – над прытворам; тры вакны з паўднёвага боку; тры з паўночнага; чатыры на купале. Панамарня асвятлялася двума круглымі вокнамі. Рызніца мела адно вялікае акно, якое закрывалася дзверкамі. [3, с. 12]. Асобна ад царквы з паўднёва-заходняга боку стаяла званніца. Яна ўзяўля сабой звычайную чатырохскатную страху на чатырох стаўбах з перакладзінамі для званоў, увенчаную жалезным крыжам. [3, с. 20]. Для епархіяльнага музея былі адабраны 49 абразоў з выявамі Бога Бацькі, Госпада Саваафа, Святой Троіцы, Збавіцеля, Богамаці, Івана Прадцечы, пр. Іллі, пр. Осіі, апосталаў Паўла і Лукі, Мацвея і Іаана, Сімяона і Філіпа, Марка і Фамы і інш. і дзве старыя харугвы з выявамі Уваскрэсення Хрыстова, Узнясення Гасподня, Богамаці, св. велікамучаніцы Варвары. [3, с. 14–18].

З’яўленне царквы ў Бешанковіцкай слабодцы

У 1772 г. адбыўся першы падзел Рэчы Паспалітай, у Задзвінскай слабодзе мястэчка Бешанковічы, якая адышла да Расійскай Імперыі, ствараецца руская мытня. Чыноўнікі, якія прыехалі некалькі год карысталіся для набажэнстваў хатняй царквой, пакуль хадзіла па дзяржаўных інстанцыях пададзенае імі прашэнне аб будаўніцтве праваслаўнай царквы ў слабодцы. Нарэшце грошы былі выдаткаваны і царква пабудавана. Як палічыў Нікіфароўскі, гэта падзея адбылася ў 1778 г. «На этот именно срок построения слободской церкви указывает дата, помещенная на железном кресте купола – “Rok 1778”», – піша ён ў сваёй кнізе [3, с. 6]. Будаўніцтва Свята-Мікалаеўскага храма ўкосна паўплывала і на з’яўленне ў Бешанковічах і другой праваслаўнай царквы – Свята-Міхайлаўскай. Гісторык І.С. Рабінін у артыкуле «Местечко Бешенковичи (Витеб. Губ.)», змешчаным у другім выпуску «Полацка-Віцебскай старыны», выдадзенай у 1912 г., апавядае аб тым, што пасля правядзення кардону адбываліся частыя сутычкі паміж польскімі жаўнерамі і праваслаўнымі жыхарамі Бешанковічаў, якія накіроўваліся праз мяжу, што праходзіла па Дзвіне, у Свята-Мікалаеўскую царкву, асвечаную ў 1776 г. З гэтай прычыны ўпраўляючы Бешанковіцкім маёнткам Ігнацы Амульскі звярнуўся да графа І.Л. Храбтовіча за дазволам аб пабудове праваслаўнай царквы ў Бешанковічах. У сваім лісце ад 1 чэрвеня 1789 г. ён піша: «Удо-

влетворение религиозных нужд православного населения лежит в интересах самого графа; в гор. Бешенковичи находятся более сотни домов очень состоятельных православных граждан и почти столько же православных хозяев наберется в деревнях, входящих в состав Бешенковичского и Холопеничского имений; лишиться этого населения было бы очень убыточно» [7, с. 220].

Французско-русская война 1812 года

Аб падзеях вайны 1812 г. Нікіфароўскі распавядае так: «Французское хозяйничанье в Бешенковичах отразилось на судьбе Задвинской слободы и приходской церкви роковыми событиями: а) все слободские дома выжжены французами; б) в разных направлениях по слободским усадьбам построены батареи, из коих явственно уцелела поныне одна, по направлению с запада на восток, вплоть до Двины...; в) церковь св. Николая, единственное, уцелевшее от пожара здание, было разграблено и обращено в ночлежный притон для людей, соорудивших батареи...» [3, с. 8].

Захаваліся і іншыя звесткі, аб падзеях таго часу ў Бешанковічах, самымі цікавымі з якіх з'яўляюцца малюнкi мастака-аматара Хрысціяна Вільгельма Фабэра дю Фор, вюртэмбергскага афіцэра-артылерыста, удзельніка вайны 1812 года на баку Напалеона. Ён некалькі дзён пражыў у Бешанковічах, ахоўваючы пантонны мост праз Заходнюю Дзвіну і ў вольны час рабіў замалёўкі нашага мястэчка. Створаная ім серыя малюнкаў аб вайне 1812 г. у 1827–1830 гг. была гравіравана і выдадзена ў Штутгарце ў 1831 г. пад назвай «Лісты з майго партфеля, замалёваныя на месцы ў час кампаніі 1812 года ў Расіі» («Blätter aus meinen Portefeuille im Laufe des Feldzugs 1812...», Stuttgart, 1831). Падрабязныя тлумачэнні да гравюр склаў Ф. Каўслер (яго саслужывец) [6, с. 185].

На літаграфіі пад назвай «Каля Бешанковічаў на берагах Дзвіны. 29 ліпеня 1812 года» мастак намалёваў чудоўную панараму нашага мястэчка і ўсе культавыя пабудовы таго часу, у тым ліку і Свята-Мікалаеўскую царкву. Каментарый да яе Ф. Каўслера распавядае: «Форсированными маршами мы прибыли в Бешенковичи, что на левом берегу Двины, ибо император, желая помешать противнику продолжать отступление, неустанно преследовал его. Мы предали огню расположенное на правом берегу предместье, чтобы соорудить на его месте предмостное укрепление, которое в случае неудачи обеспечивало бы нам отступление. Черный вихрь дыма взмыл к небесам, и скоро дома русских, построенные из дерева, превратились в кучу пепла. Для прикрытия моста одну пушку, что у дороги, из Круковичей направили на место, где река делает поворот» [8].

Адзін са сваіх малюнкаў Фабэр дю Фор прысвячае непасрэдна Свята-Мікалаеўскай царкве, назваўшы яго «Прыгарады Бешанковічаў, на правым беразе ракі Дзвіны, 29 июля 1812 года». Каментарый да яе распавядае: «Для прикрытия моста через Двину сочли необходимым построить на правом берегу предмостное укрепление, в результате чего была уничтожена большая

часть соседнего предместья. Среди прочих строений, ставших добычей пламени, была красивая деревянная церковь, которую мы пытались спасти, что и изображено на этом рисунке» [9].

Падчас напалеонаўскага нашэсця ў Задзвінскай слабодцы ўцалела толькі адна Свята-Мікалаеўская царква – усе астатнія пабудовы былі спаленыя або разабраныя. Мікалай Якаўлевіч Нікіфароўскі з гэтай нагоды піша, што царква была «...подспорная к батареям защита и прикрытие от российских орудий, быть может рассчитанная на то, что в такое прикрытие не станут стрелять религиозные россияне» [3, с. 8].

Імператар Аляксандр І у Бешанковічах

Пасля вайны 1812 г. царква ў Задзвінскай слабодцы была пазбаўлена свайго прыходу і нейкі час знаходзілася ў заняпадзе, але, як адзначыў М.Я. Нікіфароўскі: «...в 1821 храм сей был в куполе расписан и доведен до изящества в отделке. Для возобновленной церкви дан был антиминс из белой шелковой материи, освященный в 1822 г. Иоасафом архиепископом Могилевским и Витебским» [3, с. 8]. Справа ў тым, што Свята-Мікалаеўскай царкве пашчасціла ўбачыць яшчэ аднаго імператара, цяпер ужо расійскага – Аляксандра І, які прыехаў у м. Бешанковічы 16 верасня 1821 г., каб правесці тут агляд гвардзейскага корпуса. Мерапрыемства павінна было адбыцца на вялікай раўніне левага берага Дзвіны, якраз насупраць Свята-Мікалаеўскай царквы, і мясцовым уладам прыйшлося пастарацца, каб яе дрэнны выгляд не папсаваў настрою «Гасудара». Шчыра кажучы, традыцыя пускаць пыл у вочы, гэта не сучаснае вынаходніцтва, яна мае глыбокія гістарычныя карані.

Заклучэнне

Пасля ад'езду Аляксандра І сітуацыя ніякім чынам не змянілася. Царква так і засталася без прыгляду: «По внешнему и, особенно, внутреннему украшению храм затмевал окрестные; но всегда закрытый, безприходный, он мог служить лишь попутным надобностям немногих ярмарочных посетителей, а в редкие годовые праздники здесь совершалась православная служба местечковым причтом, отпевались перед погребением покойники Задвинской стороны» [3, с. 10]. Апошняя літургія ў царкве была праведзена вясной 1893 г., а ў красавіку 1897 г. зняты званы і перавезены ў местачковую – Свята-Ільінскую царкву.

Пасля таго, як царкву разабралі, было вырашана паставіць у яе гонар памятны знак, у якасці якога і выкарысталі прыгожы, васьмівугольны, па мастацку аздаблены купальны крыж. Яго замацавалі на вялікім пляскатым валуне і пакінулі на тым месцы, дзе была Свята-Мікалаеўская царква. Ведаючы аб тым, колькі мастацкіх каштоўнасцей згублена за апошнія 100 гадоў войнаў, рэвалюцыйных ліхалеццяў, ваяўнічага атэізму і проста вандалізму, душа радуецца таму, што 250-гадовы каваны крыж дажыў да нашага часу і стаіць сябе амаль на тым жа месцы, што і раней, у агародзе дома № 7 па вуліцы Героя Савецкага Саюза Рыгора Іванавіча Спольніка

ў гаспадара Юдовіна Аляксандра Абрамавіча. Крыж толькі адцягнулі на дзясятка метраў убок, на мяжу, каб не замінаў араць агарод.

ЛІТАРАТУРА

1. **Беларуская** энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн, 1998. – Т. 6 : Дадаізм – Застава. – 576 : іл.
2. **Беларуская** энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн, 2000. – Т. 11 : Мугір – Паліклініка. – 560 : іл.
3. **Никифоровский, Н. Я.** Никольская церковь в Задвинской Слободке м. Бешенковичи Лепельского уезда: с фасадом и планом ее, сделанным с фотографии И. Ю. Сабин-Гуса / Н. Я. Никифоровский, Д. И. Довгялло. – Витебск : Губернская Типо-Литография, 1899.
4. **Памятная** книжка Виленского учебного округа на 1902/1903 учебный год. – Вильна, 1902. – С. 32.
5. **Памятная** книжка Виленского учебного округа на 1906/1907 учебный год. – Вильна, 1906. – С. 108.
6. **Подлипский, А. М.** Славного времени год героический / Аркадий Подлипский. – Витебск : Витеб. Обл. тип., 2013. – 224 с.
7. **Полоцко-Витебская** старина : вып. 2 / издание Витебской ученой Архивной Комиссии. – Витебск : Типо-Лит. Насл. М. Б. Неймана, 1912. – 367 с.
8. **Інтэрнэт-праект «1812»** [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.museum.ru/1812/Painting/Fore/part01.html>. – Дата доступу: 01.11.2015.
9. **pro100-mica** 29 июля 1812 года. День за днём.. / pro100-mica // pro100-mica.livejournal [Электронны блог]. – Рэжым доступу: <http://pro100-mica.livejournal.com/138801.html>. – Дата доступу: 01.11.2015.

Урванцева Н.Г. (г. Петрозаводск, Россия)

РЕЛИГИОЗНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО И ЭКСКУРСИИ УЧАЩИХСЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (по материалам «Олонецких епархиальных ведомостей»)

Неотъемлемой частью образовательного процесса в церковных школах в конце XIX – начале XX в. было религиозное воспитание детей. В рассматриваемый период в России сложилась система церковно-школьного образования, которая имела свои принципы (отличные от светской школы) в обучении и воспитании детей.

Начальные церковные школы, согласно Правилам о церковно-приходских школах (1884), в первую очередь «утверждали в народе православное учение веры и нравственности христианской». Исходя из этого, определялся весь строй жизни церковных школ в дореволюционный период. Церковно-школьная система имела достаточно широкий спектр воспитательных

средств: посещение храма, организация школьного хора, народных чтений, праздников, дисциплинарные меры.

Воспитательную функцию имели устраиваемые отдельными церковными школами, училищами и Олонецкой духовной семинарией религиозные поездки и экскурсии. Церковно-школьное управление поощряло проведение подобных мероприятий, но они почти во всех епархиях устраивались редко, на что неоднократно указывалось в отчетах центральных и местных властей. Информация о паломнических поездках находила отражение на страницах неофициальной части журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898–1918).

Статьи об экскурсиях могли печататься в 2–3 номерах журнала [5; 9]. Такие публикации представляли собой отчеты священников, благочинных, иеромонахов, смотрителей и участников поездки по святым местам. Особенность их состоит в том, что авторами статей были не праздные путешественники, а религиозные люди, отправившиеся вместе с учащимися поклониться христианским святыням.

В статьях описывалась природа, погода и достопримечательности. Авторы подробно рассказывали о состоянии храмов, монастырей, часовен, колоколен, описывали религиозное наследие – библиотеки, архитектуру, чудотворные иконы. Здесь же приводились топонимические предания, религиозные легенды об исцелении больных.

Религиозные поездки и экскурсии воспитанников церковно-приходских школ и училищ к святым местам и монастырям являлись частью образовательного процесса. Они совершались в воспитательных, образовательных и познавательных целях в мае – июле, когда заканчивался учебный год.

Совместное паломничество преподавателей и учеников было чрезвычайно важно для общего настроения духовной школы. Организаторами и руководителями были заведующие и учителя школ, смотрители училищ. При устройстве религиозных экскурсий они сталкивались с бытовыми трудностями: отсутствием денег, непростой дорогой, проблемами при размещении, организации питания, обеспечении транспортом и другими сложностями, которые могло преодолеть только горячее стремление начальствующих, учащихся и учащихся. Поездки организовывались на средства попечителей и духовного училища. Так, например, в 1910 г. попечители Сулажгорской церковно-приходской школы М.А. Лейманов и Ф.А. Тиханов выделили на паломничество учащихся в Климецкий монастырь 10 руб. Такую же сумму имела в своем распоряжении организатор – учительница И.А. Костина [3].

Для экскурсий в основном выбирали места поклонения святым чудотворцам и монастыри – Свято-Троицкий Клименецкий монастырь, Александро-Ошевенский монастырь, Кирилло-Челмогорский монастырь, Александро-Свирский монастырь, Палеостровский монастырь.

В религиозных поездках участвовало от 7 до 70 человек, и длились они два-три дня. Перед началом обычно совершался напутственный молебен «в

путь путешествующим». Свои наставления давали зрители, преподаватели и служащие школ и училищ. К религиозным экскурсиям готовились заранее: изучалась история святых мест, составлялись программы, учащиеся узнавали об истории и духовных традициях монастырей и храмов, особенностях богослужения, святых и подвижниках благочестия, чья жизнь и деятельность были связаны со святынями, входящими в паломнический маршрут.

К паломнической поездке могли присоединиться светские лица. В 1900 г. в поездке в Александро-Ошевенский монастырь приняли участие 58 человек. Паломниками были ученики и ученицы Заручьевской церковно-приходской школы, Верхнечурьевского земского училища и Пашальгской школы грамоты, законоучитель, священник Верхнечурьевского прихода Александр Поповский и учительница Пашальской школы грамоты Аполлинария Ивановская. «Из сочувствия к ним присоединились два-три человека крестьян, принадлежавших к деревенской интеллигенции: волостной писарь, сельский писарь, крестьяне – любители церковного чтения и пения и 3 женщины. Все они прошли 25 верст пешком, чтобы в обители угодника Божия, покровителя Каргопольского края, исповедаться и причаститься Св. Тайн» [1].

Участники, отправляющиеся в паломническую поездку, использовали различные средства транспорта для достижения пункта (пунктов) прибытия. Путешествия к святым местам могли совершаться пешком. Пешее паломничество учеников Каргопольского духовного училища в Александро-Ошевенский монастырь в 1911 г. автор статьи С. называет подвигом, так как «многим пришлось пройти пешком такой путь – в обе стороны 84 версты – в первый раз в их жизни, да и вообще пешком путешествовать некоторым впервые» [7].

Паломничество учеников Каргопольского духовного училища в Кирилло-Челмогорский монастырь в 1912 г., «ввиду довольно значительного расстояния до монастыря, утомления учеников во время экзаменов, незначительного количества участников путешествия (28 учеников в обоих классах) и особенно знойной погоды» [6] совершалось на лошадях в обыкновенных телегах.

Использовался и водный транспорт. В 1914 г. паломническая поездка воспитанников Петрозаводского духовного училища в Палеостровский монастырь была совершена на пароходе «Кивач», а в 1915 г. учащиеся Петрозаводского духовного училища приехали в Александро-Свирский монастырь на пароходе «Петроград».

Для воспитанников Олонецкой духовной семинарии устраивались проповеднические поездки. Их инициатива принадлежала архиепископу Олонецкому и Петрозаводскому преосвященнейшему Никанору (в миру – Николаю Надеждину), «с благословения которого и начали совершаться проповеднические поездки воспитанников в Перми, а теперь и в Олонию» [2].

13 марта 1910 г. дети посетили село Сельгу Петрозаводского уезда, стоящее в 11 верстах от Петрозаводска. В селе находился храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Автор статьи М.В. писал, что «поездка оставила пре-

красное впечатление у экскурсантов. Она, хотя на время вырвала их из обычной ученической жизни, но дала много и очень много их уму и сердцу» [4].

В храме для местных жителей певчие Олонецкой духовной семинарии продемонстрировали за всенощным богослужением партесное пение. Воспитанники-проповедники произносили проповеди. В школе устраивались религиозные беседы под руководством отца-миссионера.

Заканчивались религиозные поездки благодарным молебном за благополучное окончание путешествия.

М. С-о в статье «Несколько слов о паломничестве учеников сельских школ по ее обителям» писал, что «паломничества школьников должны быть организованы по всей епархии одновременно, а священникам не право будет предоставлено устраивать эти паломничества “благообразно и по чину”, но и в долг вменяться» [8].

Церковный настрой, отношение воспитанников и учащихся к святым местам, к аскетическому подвигу имели значение не только для духовной школы в целом, но и для всей Русской Православной Церкви. Это еще одна заметная страница в истории религиозного образования и туризма Олонецкой губернии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ильинский, В.** Паломничество учеников сельских школ в Ошевенский монастырь / В. Ильинский // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1900. – № 12. – С. 466–467.
2. **Иоанн.** Проповедническая поездка (5-ая) воспитанников семинарии / Иоанн // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 7. – С. 108–109.
3. **Л-н И.** Паломничество учащихся Сулажгорской церковно-приходской школы в Климецкий монастырь / Л-н И. // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1900. – № 16. – С. 585–586.
4. **М. В.** Проповедническая поездка воспитанников духовной семинарии / М. В. // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1910. – № 10. – С. 193–194.
5. **Паломничество** учеников Каргопольского духовного училища в Александро-Ошевенский монастырь // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 20. – С. 345–346 ; № 21. – С. 363–367 ; № 22. – С. 377–385 ; № 23. – С. 399–403.
6. **Сергиевский, Г. П.** Паломничество учеников Каргопольского духовного училища в Кирилло-Челмогорский монастырь / Г. П. Сергиевский // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 23. – С. 405.
7. **С.** Паломничество учеников Каргопольского духовного училища в Александро-Ошевенский монастырь / С. // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 23. – С. 403.
8. **С-о М.** Несколько слов о паломничестве учеников сельских школ по ее обителям / С-о М. // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1900. – № 16. – С. 587.
9. **Участник** поездки. Паломническая поездка учеников Петрозаводского духовного училища в Александро-Свирский монастырь // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1915. – № 18. – С. 331–335 ; № 19. – С. 357–360 ;

ДОРОГА К ХРАМУ: ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Не секрет, что дети получают разное по своему качеству воспитание. Для большей части подрастающего поколения учителем является сама жизнь: отношения детей с внешним миром часто опосредуются телевизионными передачами, мультфильмами и фильмами, компьютерными играми, имеющими низкое качество с точки зрения нравственности. Дети живут в ценностном пространстве, создаваемом родителями, которые пережили противоречивость ценностных тенденций в обществе в 1990-е гг. Все это привело к тому, что общество приобрело новые черты: информированность, критичность, требовательность к уровню жизни. А доступ к получению грамотного и правильного воспитания в целях духовно-нравственного становления существенно ограничен.

Имя святой Евфросинии Полоцкой, которое носит средняя школа № 18 г. Полоцка, определяет ее миссию – воспитание духовности и нравственности у подрастающего поколения.

29 октября 2013 г. Председателем Полоцкого райисполкома Н.Н. Шевчуком и архиепископом Полоцким и Глубокским Феодосием был открыт Евфросиниевский зал – духовно-просветительский культурный центр. Одним из приоритетных направлений его работы является православное краеведение – мощный источник духовно-нравственного воспитания в школе.

В мире 18–20% всех путешествующих руководствуются религиозными мотивами. В нашей стране существуют места паломничества и святыни различных религий. Православие – это исторический фундамент, на котором основываются традиционные ценности нашего народа.

Полоцкая епархия ведет свою историю от 992 г., когда здесь была учреждена первая на Белой Руси епископская кафедра. Это событие относится ко времени правления князя Изяслава, сына равноапостольного Владимира и полоцкой княжны Рагнеды. В Полоцке родилась небесная защитница Беларуси, просветительница, первая женщина в Беларуси, причисленная к лику святых, – Евфросиния Полоцкая.

Учащиеся и учителя нашей школы совершают паломничества к святыням полоцкой земли. Основная цель паломничества – поклонение христианским святыням, присутствие на богослужениях и участие в церковных Таинствах, посещение святых источников.

Традиционным стало посещение Спасо-Евфросиньевского женского монастыря – признанного центра белорусского православия и духовности. Паломники едут, чтобы приложиться к мощам святой Евфросинии и поклониться воссозданному Кресту Преподобной – символу возрождения

белорусской духовности, настоящей сакральной святыне, посетить Спасо-Евфросиньевскую церковь с уникальными фресками XII в. В монастыре хранятся чудотворные образы Божией Матери «Красностокская» и «Скоропослушница».

Беседа с насельниками монастыря, учащиеся задают много вопросов, касающихся духовной жизни, понимания молитвы, отношения к людям, дисциплины.

Настоящим центром духовности является кафедральный собор Богоявления, наиболее чтимой святыней которого является образ Божией Матери «Всех скорбящих радости».

В центре города находится еще один действующий храм – Свято-Покровская церковь. Восстановленная в 2004 г., по архитектурным формам она представляет собой типичный ретроспективно-русский стиль. В храме находится чудотворная икона Божией Матери «Призри на Смирение», к которой верующие обращаются за утешением и помощью.

Накануне праздника Воздвижения Креста Господня педагоги нашей школы совершили паломническую поездку по святым местам Полоцкой епархии. Были посещены святыни городов Глубокое, Браслава, Дисны.

Собор Рождества Пресвятой Богородицы в городе Глубокое – памятник архитектуры республиканского значения, один из немногих сохранившихся образцов раннего барокко в Беларуси. Подвал монастыря имеет подземный ход протяженностью более 3 км. Во время своего знаменитого похода на Москву в 1812 г. Наполеон Бонапарт был в храме. По легенде, этот храм настолько понравился французскому императору, что перед отъездом он бросил на него прощальный взгляд и произнес: «Жаль, что не могу взять его с собой в Париж. Нотр-Даму не стыдно было бы иметь его по соседству». В храме хранится икона Божией Матери «Достойно есть», подаренная афонскими иконами в начале XX в.

В Глубоком был посещен Березвечский женский монастырь. К святыням монастыря – иконам святого Тихона Задонского и преподобной Евфросинии Полоцкой, преподобной Матроны Московской и новомученика Сергия Серпуховского с частицами их святых мощей педагоги приложились в церкви в честь святого Тихона Задонского.

В Браславе были посещены храм в честь Успения Пресвятой Богородицы и Свято-Пантелеимоновский женский монастырь. В монастыре имеются особые святыни – обновленная икона Божией Матери Казанской, список чудотворной иконы Божией Матери Владимирской, чудотворная икона святителя Николая, иконы небесных покровителей Браславского монастыря – святого великомученика Пантелеимона и преподобной Евфросинии Полоцкой с частичками их святых мощей.

Значимое место в духовной жизни Полоцкой епархии занял небольшой городок Дисна, в котором находятся мощи новопрославленного белорусско-

го святого священномученика Константина (Жданова), пресвитера Шарковщинского. В храме Воскресения Христова хранится также чудотворная икона Матери Божьей «Одигитрия». Она написана на деревянной основе в XV в. Считается, что в Дисну икона приплыла по водам Западной Двины. Для нее был сооружен храм на православном кладбище, но в настоящее время чудотворный образ находится в Воскресенском храме. 10 августа каждого года совершается многолюдное шествие с иконой по городу из Воскресенской церкви в Одигитриевскую и обратно. В храме Воскресения Христова педагоги нашей школы присутствовали на вечерней службе.

Духовно-нравственное воспитание через краеведение способствует формированию личности, проявлению уважения к ближнему, развитию интереса к памятникам истории и культуры, к труду людей их создавших, осознанию необходимости их сохранения.

Учителями начальных классов и учителями истории С.А. Шавель, И.В. Недокуновой и Ю.Е. Скурат ведутся факультативные курсы «Введение в Полоцковедение» (1–4 классы) и «Полоцковедение» (5–8 классы). Значительное место в них занимает православное краеведение.

Цель проведения занятий заключается в воспитании высоконравственной личности на основе ценностей родного края и православной культуры. Таким образом, раскрывается роль православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций. Формируется активная жизненная позиция, социальная ответственность учащихся, бережное отношение к историко-культурному наследию своего края. Создаются условия для последовательного приобщения учащихся к духовно-нравственным ценностям.

Темы факультативных курсов предусматривают знакомство с историей создания древних и современных храмов, монастырей, часовен, исторических памятников, а также с судьбами исторических лиц, связанных с ними. Центральное место в этом занимает личность Евфросинии Полоцкой. Имя известной полочанки знакомо каждому белорусу, но для многих она представляется героиней рассказа, так и оставшегося в далеком прошлом. Учащимся важно не только знать этапы ее жизни, но и понимать смысл ее духовного подвига. Евфросинию называют преподобной потому, что в своей земной жизни она максимально уподобилась Богу в любви, доброте, трудолюбии и терпении. На занятиях учащиеся знакомятся и с другими святыми полоцкой земли.

Исследовательская работа – одно из направлений деятельности духовно-просветительского центра. В 2014 г. школа приняла участие в областном конкурсе «Православное краеведение». Методический сборник с материалами учреждения образования по православному краеведению в рамках системы работы по духовно-нравственному воспитанию был отмечен дипломом I степени.

В ноябре 2014 г. в ходе работы секции педагогов Полоцка и Полоцкого района в рамках XIII Республиканских Свято-Евфросиниевских педагогических чтений учитель русского языка и литературы И.И. Ветрова поделилась опытом работы по формированию гражданско-патриотических качеств выпускников. Среди учащихся была отмечена работа В. Юлдашева «Патриотическое воспитание и духовно-нравственное становление личности учащегося в условиях общеобразовательной школы».

10 июня 2015 г. на базе духовно-просветительского центра состоялись II детско-взрослые Евфросиниевские чтения, приуроченные ко Дню памяти Преподобной Евфросинии Полоцкой. На Чтениях был представлен не только опыт педагогов и учащихся г. Полоцка по духовно-нравственному воспитанию, но и литературно-художественные композиции, лирические произведения собственного сочинения, песни, мини-спектакли.

От нашего учреждения образования была представлена работа ученицы 8 «Г» класса Марченко Владиславы «Непридуманная история» (учитель Шавель С.А.), посвященная нелегкой судьбе священника Александра Иосифовича Навысоцкого и его семьи. В процессе работы над проектом были систематизированы биографические данные из семейного архива В.В. Бондарева, правнука отца Александра, найдены и изучены документы и материалы, рассказывающие о его судьбе, жизни жены и детей, проведена параллель между судьбой семьи и судьбой страны.

В работе делается акцент на том, что духовно-нравственное воспитание – это важный фактор в формировании личности, гражданина своего Отечества, патриота своей Родины, носителя веры, благочестия и духовно-нравственных традиций.

Духовно-нравственное воспитание личности зависит от многих факторов, а именно от эффективности социальных влияний, направленных на приобщение учащихся к традиционным культурно-историческим и духовно-нравственным ценностям народа, на формирование нравственных идеалов, критериев оценки нравственного и безнравственного, знание нравственных правил и формирование соответствующих поведенческих моделей. Это дает возможность сориентировать ребенка на настоящие нравственные ценности, любовь к Родине и своему народу.

В Полоцке святые и святые всегда занимали особое место. Творческая группа учителей и учащихся работает над проектом «Дорога к храму. Путеводитель по святым местам Полоцкой епархии: Полоцкое благочиние». Это электронный ресурс, который содействует воспитанию молодежи, развитию ответственности за возрождение и сохранение историко-культурного наследия малой родины через исследование, анализ и систематизацию документов.

Электронный образовательный ресурс направлен на:

– восстановление духовных ценностей, ознакомление детей с основами и ценностями православия;

– формирование у детей и их родителей бережного отношения к истории и традициям края, приобщение молодого поколения и детей к истокам духовности, сохранение преемственности поколений;

– активизацию совместной просветительской деятельности всех заинтересованных структур.

Путеводитель создан в ходе реализации инновационного проекта «Внедрение модели формирования ценностно-смысловых компетенций участников образовательного процесса посредством духовно-просветительских центров», в котором принимает участие наша школа.

В настоящее время необходим подъем духовно-нравственной культуры и традиций белорусского народа, которые всегда положительно влияли на духовное воспитание детей. Проект является одной из форм реализации Программы сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью в сфере общего среднего образования. Он призван оказать помощь педагогам и учреждениям образования, желающим организовать у себя духовно-образовательные и воспитательные проекты. В ходе реализации проекта ожидаются повышение уровня воспитанности участников образовательного процесса и существенные положительные изменения в их духовно-нравственном мире.

Огромную роль в работе центра по развитию социокультурной среды, ориентированной на традиционные ценности отечественной культуры, основанной на историческом фундаменте Полоцкого региона, играет созданный интернет-ресурс, размещенный в Сети по адресу: www.schl8-educational-center.guo.by.

На сайте центра размещена разнообразная информация: нормативные акты республиканского и локального уровней, планы проведения часов духовности, тематических недель, методические разработки к ним, справочная информация о Евфросинии Полоцкой (изображения Спасо-Евфросиниевской церкви, изображения Креста, икон, рисунков), виртуальные путешествия по городу и святым местам, фотографии мероприятий и видеоматериалы в помощь учителям и классным руководителям.

Можно сказать, что на сегодняшний день в школе сложилась система работы по духовно-нравственному воспитанию учащихся посредством православного краеведения, а собранные материалы востребованы как в образовательном, так и в воспитательном процессах.

**«ПОЛОЦКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»
КАК СРЕДСТВО ВНУТРИ ЦЕРКОВНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Во второй половине XIX в. на территории Российской империи существенно усложняется социальное взаимодействие. Его потребностям в полной мере не отвечали существовавшие на протяжении веков такие устойчивые формы организации, как община или сословие. В 1860–70-х гг. проходят реформы, направленные на уменьшение сословных барьеров и ограниченное вовлечение в управление более широких слоев населения. В силу этого изменялись требования к получаемой информации. От нее ожидали новизны, актуальности, разнообразия. Возникла потребность в создании соответствующих информационных каналов. Наиболее значимыми были печатные издания: газеты и журналы.

Одним из таких коммуникативных проектов стали епархиальные ведомости. Решение Св. Синода об их издании было принято в конце 1859 г. Тогда же и утвердили унифицированную программу. 30 июля 1873 г., в ответ на прошение Полоцкого епископа Саввы (Тихомирова), Св. Синод распорядился об издании «Полоцких епархиальных ведомостей». 1 января 1874 г. вышел первый номер. В нем была опубликована программа издания. Согласно ей номер должен был состоять из официальной и неофициальной частей. Первая предназначалась для публикации царских манифестов и указов, касающихся церкви, распоряжений Св. Синода, епархиального руководства, «местных семинарского и училищных правлений по предметам заслуживающего общего внимания; сведений об определении и увольнении начальных лиц и наставников, о вакантных кафедрах, о пробных лекциях, о повышении, наградах и отличиях, приеме и увольнении воспитанников и под.), некрологов, извлечений из отчетов консистории, семинарии, епархиального попечительства, губернского присутствия по обеспечению духовенства и некоторых других учреждений.

В неофициальной части предполагалось публиковать тексты богословского содержания, проповеди и поучения, «статьи религиозно-нравственного содержания преимущественно по предметам, выяснение которых вызывается духом времени и местными потребностями», «описание местных праздников и обычаев религиозного характера», «замечательных церковных памятников, документов и прочего, описание монастырей и храмов, монографии по истории церкви, преимущественно местной», биографические и библиографические материалы, «известия и выдержки из периодической печати по предметам русской церковно-религиозной жизни и быта духовенства, а в конце разные объявления, имеющие общий и в частности для духовенства практический интерес». Со своей стороны редакция отмечала, что «издание предпринято по желанию местного духовенства на местные

епархиальные средства. Поэтому ведомости должны прежде и паче всего удовлетворять местным потребностям духовенства и епархии» [1, с. 1–3, 26].

Исходя из опубликованных программных положений, можно сделать выводы о том, что, во-первых, издание должно было стать фактором более эффективной административной коммуникации. Это подразумевало ее регулярность и определенную открытость. Подчиненные должны были видеть, благодаря периодичности ведомостей, постоянное присутствие и внимание к ним начальства. Во-вторых, ведомости предполагались как значимое средство адаптации региональных структур православной церкви к изменяющимся общественным реалиям, должны были содействовать обновлению или выработке новых подходов и практик взаимодействия на уровне приходов.

Рассматривая программу издания, можно отметить несколько наивное предположение, будто необходимость адаптации требует полного единства и большего количества, прежде всего, административной информации. Скорее наоборот, ведомости должны были стать способом разделения управления и социального действия. В первом случае предполагалось выполнение своих обязанностей и вертикальная система распределения власти, во втором – соучастие в жизни епархии (в том числе и на уровне принятия решений), при том не только духовенства, но и мирян, то есть всех заинтересованных лиц. В результате уже на уровне программы было заложено фундаментальное противоречие: с помощью количественного увеличения и унификации информации содействовать сохранению традиционных, коллективно-корпоративных способов взаимодействия внутри клира, клира и мирян и, шире, церкви и общества.

Вместе с тем ведомости как печатное, информационного характера периодическое издание подразумевали обновляемость, разнообразие, актуальность данных. Не сложно заметить, что административной, богословской или исторической информации было не достаточно. Указанное выше противоречие проявлялось в сложностях технического характера. Например, в актуальности материала. С формальной стороны все выглядело благополучно. Периодичность составляла два раза в месяц, а с 1 июля 1907 г. газета стала выходить еженедельно. В условиях региональной коммуникации того времени этого было достаточно. Объем – около 40 страниц. Его хватало для размещения всей необходимой информации. Существовали разные рубрики: кафедральные известия, церковная хроника, местные распоряжения, иное-епархиальные распоряжения, разные известия и заметки, объявления, местные известия, миссионерский отдел, ответы редакции, летопись ведомостей, из церковно-общественной жизни и некоторые другие.

Тем не менее программа издания была ограничена узко понимаемой (с позиции пастыря) церковно-духовной сферой и официальной доктриной, выдержанной в духе «православие, самодержавие, народность». Это существен-

но сужало информационное поле и аналитические возможности ведомостей. Кроме того, широко использовался перепечатываемый материал, а значит информация существенно запаздывала. Публикуемые отчеты о различных съездах духовенства имели дублирующий характер, поскольку духовенство, являвшееся подписчиком ведомостей, и принимало в них участие.

В условиях конкуренции с общегосударственными изданиями важен был поиск информационной ниши, в которой можно было бы утвердиться. Притом со временем проблема только усугублялась, поскольку общественная жизнь становилась все более насыщенной и многообразной. Так, редакция «Полоцких епархиальных ведомостей» в № 3 за 1903 г. писала, что газета должна быть «исключительно местного характера» и отражать «главнейшие проявления текущей местной религиозно-церковной жизни и дать самый широкий простор всем трудам по местной церковной истории и археологии» [2, с. 53–54]. Разумеется, этой ниши было бы достаточно, если бы газета стала действительно средством коммуникации и участия всех заинтересованных групп. Однако подобный сценарий не предполагался, поэтому никаких кардинальных изменений не произошло.

Актуальность издания во многом зависела от профессионализма редакции. При этом речь идет не столько о качестве издания, сколько о том, являлась ли журналистика основным профессиональным занятием. В большинстве случаев редакции состояли из священнослужителей и действовали при духовной консистории. Первый состав редакции включал священника Витебской Ильинской церкви М. Красавицкого и законоучителя Витебской губернской гимназии протоиерея Д. Преображенского. Люди, для которых издательская деятельность была дополнительной работой, не могли ей полностью посвятить себя. Кроме того, преобладание духовенства в редакциях приводило к конфликту интересов духовной и журналистской деятельности. Для журналиста основная цель – сбор и производство информации, при этом характер ее не принципиален, важна актуальность. Духовенство же было ограничено соображениями статуса и церковной дисциплины. Назидательная составляющая издания уже на уровне самих редакторов являлась главенствующей, явно подавляя и подчиняя информационную. Как отмечает В.И. Шимолин, в епархиальных ведомостях второй половины XIX – начала XX в. не существовало газетно-журнальных жанров в современной их классификации [4, с. 96].

Профессиональные проблемы проявлялись и в недостатке корреспондентов. Между тем развитие корреспондентской сети – важнейший элемент успешности периодического издания. Редакция пыталась использовать те ограниченные ресурсы, которые у нее были. Во-первых, значительную часть издания составляли материалы, получаемые из епархиального центра. Во-вторых, предполагалось, что священники и станут той сетью, которая будет поставлять необходимую информацию [1, с. 26–28]. Однако расчет на то, что

потребители станут одновременно и производителями социальной информации, оказался ошибочным. Священство и церковнослужители, выполнявшие многочисленные обязанности в связи со своей основной деятельностью, не стремились к активному участию в корреспондентской работе, несмотря на настойчивые приглашения [3, с. 10–12, 37]. В лучшем случае такие приглашения могли стать лишь незначительным подспорьем в работе над изданием, но не более.

Важнейшим и тесно связанным с предыдущими фактором успешности проекта являлся вопрос его независимости: административной, политической и финансовой. Только при таком условии потребитель является непосредственным участником коммуникации, поскольку от его спроса зависит перспектива издания. С этой точки зрения ведомости были существенно ограничены. Создавались они по инициативе Св. Синода и имели унифицированную программу. Руководство редакцией осуществлялось с помощью директив и устных указаний, а также путем отчета редактора на представительных собраниях церковной власти [4, с. 41].

Тем не менее административная зависимость лишь в самых общих чертах ограничивает деятельность редакции. Гораздо большее значение имеет политическая свобода, то есть отсутствие некой извне сформулированной сверхцели издания. Между тем такая цель была – служить средством более эффективного администрирования. Поскольку его успешность определяется готовностью выполнять распоряжения и консенсусом по поводу административных полномочий, то в таком случае любая позиция, которая не соответствует положениям, сформулированным высшей администрацией, не должна озвучиваться. Не случайно в редакции отмечалось, что она «полемики во всех родах будет избегать» [1, с. 28]. Слишком уж она не совпадает с требованием «единодушия». Наглядным выражением политической зависимости издания являлось наличие цензуры. В каждой епархии была должность цензора. Очевидно, что подобный род зависимости был ключевым, поскольку устанавливал посредника между изданием и потребителем информации. В результате процесс коммуникации искажался, поскольку потребитель понимал, что не является ее действительным участником.

Значимым фактором независимости является финансовая составляющая. Изначально предполагалось, что издание будет осуществляться на епархиальные средства. Очевидно, под ними подразумевалась и подписка. Однако суммы, собираемые по подписке (5 руб. в год), не покрывали расходов и газета была убыточной. Разумеется, недостающие средства покрывались из епархиальных доходов. Определенным источником дополнительных средств, хотя и недостаточным, была реклама. В начале века половина объема «Полоцких епархиальных ведомостей» составляли рекламные приложения.

Трудности в вышеизложенных областях суммарно выражались в низкой востребованности издания. Об этом свидетельствовала обязательность

подписки для причтов и некоторых других епархиальных структур. Кроме того, даже на страницах издания в корректной форме проявлялась низкая заинтересованность духовенства. Примером может служить информация о заслушивании на съезде духовенства епархии отчета редактора священника М. Красавицкого об улучшении содержания газеты. В итоговом документе отмечалось, что Полоцкие епархиальные ведомости «не хуже, не меньше и не дороже других». Редактору рекомендовалось сократить количество объявлений о подписке, а на освободившейся площади «перепечатывать из других изданий побольше статей, интересных и полезных для духовенства ...» [4, с. 41].

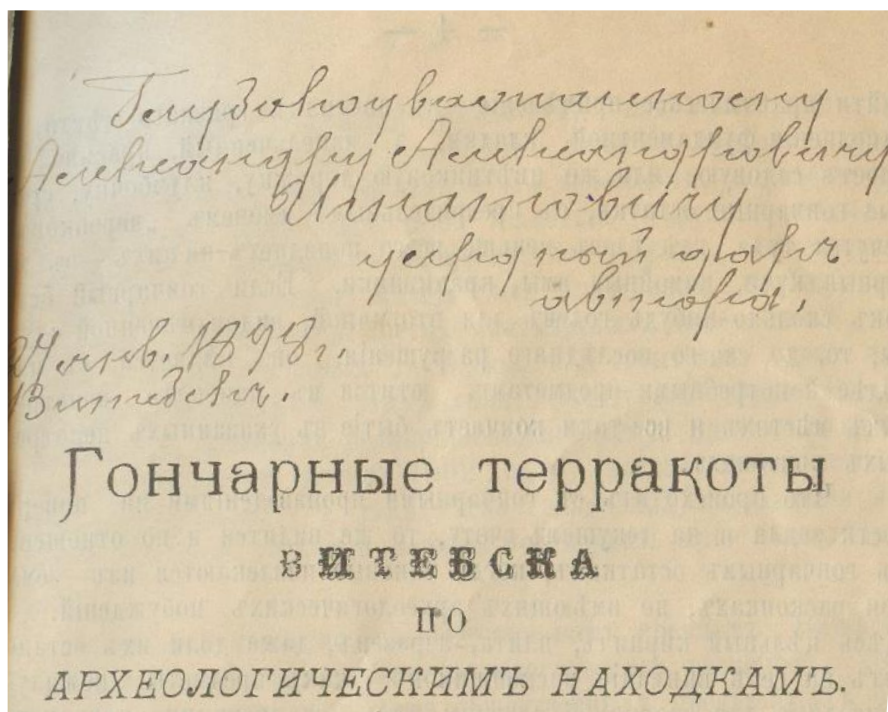
Таким образом, появление «Полоцких епархиальных ведомостей» ознаменовало собой вступление православной общины региона в новую коммуникативную эпоху. Для нее характерен массовый, стандартизированный характер информации, ориентация на индивидуальное, а не коллективное восприятие, участие в обмене ею всех групп населения. «Полоцкие епархиальные ведомости» испытывали общие для такого рода изданий проблемы. В их основе было противоречие между характером ведомостей как печатных средств массовой информации и целевыми установками, ориентированными на сохранение роли церкви в качестве основного источника информации об обществе. Это вело к ряду проблем при функционировании издания. Среди них — недостаточная актуальность, сложность в поисках «собственного лица», ограниченность специфическими духовными вопросами, непрофессионализм и зависимость редакции, скромное финансирование, узость аудитории, фактический запрет на дискуссии. Однако указанные проблемы лишь подчеркивают масштабы усилий редакций, которые в сложнейших условиях (до 1918 г.) находили возможность реализации данного информационного проекта. Современные же исследователи способны оценить их уникальный вклад в сохранение духовного наследия края.

ЛИТЕРАТУРА

1. **От редакции** Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1874. — № 1. — С. 1–4, 28.
2. **От редакции** Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1903. — № 3. — С. 53–54.
3. **От редакции** Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1905. — № 1. — С. 10–12.
4. **Шимолін, В. І.** У истоках белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX — начала XX в. / В. І. Шимолін. — Минск : БГУ, 2010. — 199 с.

ДАДАТКИ

Да матэрыялу А.М. Падліпскага

Аўтограф М.Я. Нікіфароўскага

Да матэрыялу Н.Ю. Шаркоўскай

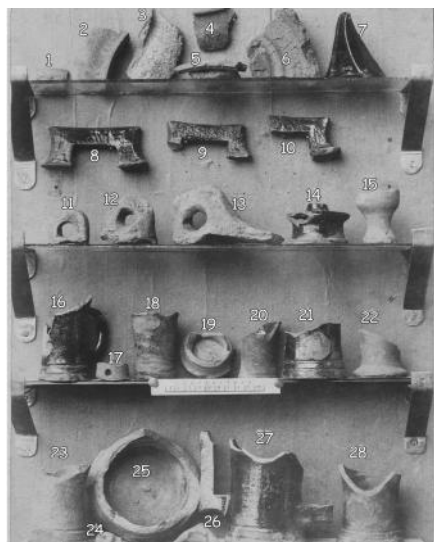

Табл. I: 1–28 (ВОКМ КП 026119/12)

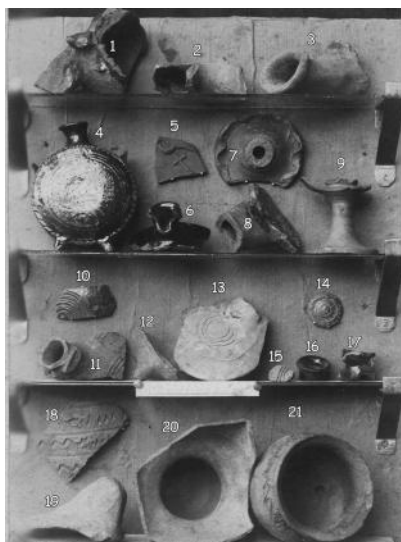

Табл. II: 1–21 (ВОКМ КП 026119/11)

Табл. III: 1–18 (ВОКМ КП 026119/13)

Фото 1. Копилка («копильница»)
(ВОКМ КП 734) (табл. III: 15)

Фото 2. Сосуд маломерный (ВОКМ КП 740)
(табл. III: 8)

Фото 3. «Гляк» (ВОКМ КП 733)
(табл. III: 16)

Фото 4. Куфли – сосуды для питья XVII–XVIII вв. Из раскопок конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. на территории Витебска. Археологическое собрание УК «ВОКМ». Аналогичный предмет на табл. I

Фото 5. Светильники XVII–XVIII вв. Из раскопок конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. на территории Витебска. Археологическое собрание УК «ВОКМ». Аналогичный предмет на табл. II: 9

Фото 6. Чернильница XVII в. Из раскопок 70-х гг. XX в. на территории Витебска. Археологическое собрание УК «ВОКМ». Аналогичный предмет на табл. I: 14

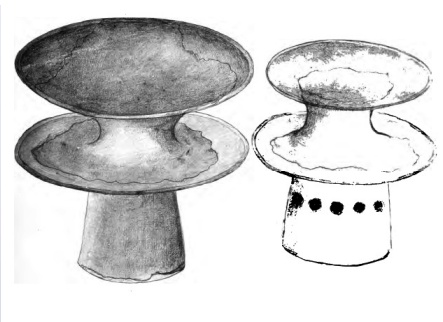

Фото 7. «Жертвенные сосуды из раскопок Киева», опубликованные И.А. Хойновским (табл. XIV: 102, 103).

Да матэрыялу М. Паўловіча

Беларуская пачатковая школа, вул. Ковенская, 98. 1929 г.

Беларуская пачатковая школа

Беларускі інтэрнат

Беларускія настаўніцкія курсы. 1922 г.

Будынак беларускай гімназіі, вул. Варшаўская, 16

Выступленне беларусаў на свяце, вул. Варшаўская, каля будынка гімназіі

Да матэрыялу М.А. Ляшчынскага

Песня «Казарская»

Отличился бригъ нашъ хватомъ,
 Въ восемьсотъ двадцать девятомъ
 Вотъ любо-да люли,
 Въ восемьсотъ двадцать девятомъ!
 Бричекъ по морю гуляетъ,
 Бричекъ крейсруеть.
 Вотъ любо-да люли,
 Въ восемьсотъ двадцать девятомъ!
 Мертвый въ море штиль стоитъ,
 По морю туманъ лежить.* (далее текст без припева)
 Такой туманъ замечай,
 Что хоть свайкой ковырай.
 Капитанъ по шканцамъ ходить
 Командирскимъ окомъ водить.
 Часовые лишь кричатъ
 Ничего что не видать.
 Вымпель вдругъ зашевелило
 Ветромъ море зарябило

А туманъ какъ разнесло,
 Бригъ нашъ къ туркамъ принесло... (припев*)
 Межъ двухъ кораблей бриченоекъ,
 Какъ межъ двухъ слоновъ орленокъ.*
 Съ Капитанъ-Пашей мы дрались,
 На славушку отличались.*
 Самъ Турецкій Адмиралъ,
 Намъ сдаваться приказалъ.*
 А Казарскій пистолеть,
 Показалъ ему въ ответъ.*
 Въ воздухъ дескать мы взлетимъ,
 Русский флагъ не посрамимъ.*
 Матрозы поместамъ стоять,
 Казарскому ура кричатъ.*
 Съ командиромъ мы такимъ,
 Жить и умереть хотимъ.*
 Бусурманъ остервенель
 И палить по насъ велель.*
 Пушки вдругъ загрохотали,
 Турки другъ въ друга стреляли.*

Чрезъ рангоутъ наш, въ корабль свой,
Палить Турокъ как шальной.*
Меркурій флагъ спустить не хочетъ,
Кораблямъ баргоутъ щекочетъ.*
Нехристь столько въ насъ палилъ,
Что все море задымилъ.*
Въ дыму какъ въ тумане бродить,
Да въ своихъ из пушекъ содить.*
А того не разгляделъ,
Что давно бригъ улетель.*
Мы межъ двухъ огней стояли
Лишь команду исполняли.*
Вдоволь какъ ни потешались,
Въ паруса обволокались.*
Где тебе съ Казарскимъ драться,
За орломъ слону не гнаться.*
Турокъ самъ как разардилъ,
Изъ подъ рукъ бригъ упустилъ.*
Мы знатно Турокъ посрамили.
Себе славу заслужили.*
Царь спасибо намъ сказалъ,
По Георгію прислалъ.*
Бригъ тотъ будетъ вечно жить,
Флагъ Георгіевскій носить.*
А мы на него глядеть,
Громко славу ему петь
Вотъ любо да люли,
Въ восемьсотъ двадцать девятомъ! (30 куплетов с припевом)

Да матэрыялу Д.У. Кепіна
Государственный историко-культурный
заповедник «Нагуевичи» (г. Львов, Украина)

Въездные ворота

Деревянные
скульптуры

Усадьба И. Франко

Восстановленная
усадьба

Здание литературно-
мемориального музея
И. Франко

Памятник
И. Франко

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Агееў Аляксандр Рыгоравіч	Дацэнт Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова, к. г. н., дацэнт
Аляксеева Таццяна Уладзіміраўна	Старшы выкладчык кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Аніськовіч Марына Маратаўна	Старшы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка
Арпенцьева Марыям Равільеўна	Дацэнт кафедры псіхалогіі развіцця і адукацыі Калужскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя К.Э. Цыялкоўскага, к. псіхал. н., дацэнт (Расія)
Атапін Віктар Барысавіч	Выкладчык Віцебскай праваслаўнай духоўнай семінарыі
Базарэвіч Ганна Хасеніеўна	Галоўны захавальнік фондаў Браслаўскага раённага аб'яднання музеяў
Бараненка Таццяна Валер'еўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка
Бараноўскі Аляксандр Віктаравіч	Студэнт 5-га курса гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Бараноўскі Андрэй Леанідавіч	Галоўны бібліёграф навукова-даследчага аддзела бібліяграфіі інфармацыйнага цэнтра Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі
Белюкоў Дзмітрый Анатольевіч	Дэкан сацыяльна-гуманітарнага факультэта Вяліка-лукскай дзяржаўнай акадэміі фізічнай культуры і спорту, к. г. н., дацэнт (Расія)
Бобрык Ілья Яўгенавіч	Студэнт 2-га курса гістарычнага факультэта Красна-ярскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя В.П. Астаф'ева (Расія)
Бубен Ала Мікалаеўна	Бібліятэкар Дабейскай сельскай бібліятэкі Шумілінскай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы
Булаты Павел Юр'евіч	Аспірант, магістр кіравання Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы
Бяспалава Алена Уладзіміраўна	Настаўнік гісторыі і грамадзнаўства Аболецкага дзіцячага сада – базавай школы Талачынскага раёна
Васіліцына Любоў Аляксандраўна	Архіварыус Свята-Успенскага жаночага манастыра в. Слабада Віцебскага раёна
Вінаградава Наталля Мікалаеўна	Настаўнік беларускай мовы і літаратуры Вымнянскага дзіцячага сада – сярэдняй школы Віцебскага раёна
Воднева Ірына Пятроўна	Загадчык Краязнаўчага музея Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка
Выдрын Яўген Віктаравіч	Старшы выкладчык кафедры музейлогіі і культурнай спадчыны Красна-ярскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя В.П. Астаф'ева (Расія)
Вялікая Наталля Мікалаеўна	Прафесар кафедры агульнай і айчынной гісторыі Армавірскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта, д. г. н., прафесар (Расія)

Ганчарова Анжаліка Віктараўна	Загадчык сектара рэтраспектыўнай бібліяграфіі навукова-даследчага аддзела бібліяграфіі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі
Гасанаў Эльнур Ляціф аглы	Ведучы спецыяліст Інстытута краязнаўства Гянджынскага аддзялення Нацыянальнай акадэміі навук Азербайджана, PhD. (д. ф. н.) па гістарычных навукках (Азербайджан)
Гаўрылава Аліна Алегаўна	Аспірантка кафедры педагогікі Валгаградскага дзяржаўнага сацыяльна-педагагічнага ўніверсітэта (Расія)
Гаўрылава Славіна Вячаславаўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка
Гужалоўскі Аляксандр Аляксандравіч	Прафесар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, д. г. н., дацэнт
Дударова Надзея Аляксандраўна	Загадчык аддзела маркетынгу і рэкламы Дубровенскай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы
Дулаў Анатоль Мікалаевіч	Загадчык кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. г. н., дацэнт
Ермалёнак Вітольд Антонавіч	Настаўнік гісторыі Мёрскай сярэдняй школы № 3
Калініна Тамара Міхайлаўна	Загадчык аддзела беларускай і краязнаўчай літаратуры Магілёўскай абласной бібліятэкі імя У.І. Леніна
Карпекін Канстанцін Рыгоровіч	Галоўны захавальнік фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, к. г. н.
Качарагіна Людміла Аляксееўна	Кіраўнік музея каляндарна-абрадавых традыцый беларусаў Палатоўскага дзіцячага сада – сярэдняй школы Полацкага раёна
Кепін Дзмітрый Уладзіміравіч	Навуковы супрацоўнік, вучоны сакратар Аддзела культурнай спадчыны Цэнтра помніказнаўства Нацыянальнай акадэміі навук Украіны і Украінскага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, к. г. н. (Украіна)
Корнікава Наталля Віктараўна	Асістэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
Корсак Вольга Валер’еўна	Аспірантка гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Леаненка Станіслаў Пятровіч	Галоўны захавальнік фондаў Бешанковіцкага раённага гісторыка-краязнаўчага музея
Лісаў Аляксандр Генадзевіч	Дацэнт кафедры агульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. мастацтвазнаўства
Лугаўцова Святлана Леанідаўна	Дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, к. г. н., дацэнт
Ляшчынскі Міхаіл Аляксандравіч	Намеснік старшыні Віцебскага абласнога савета ветэранаў
Марціновіч Сяргей Віктаравіч	Галоўны захавальнік фондаў Віцебскага раённага гісторыка-краязнаўчага музея

Маслоўская Марыя Уладзіміраўна	Старшы выкладчык Жытомірскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя І. Франко (Украіна)
Мацюшчанка Павел Пятровіч	Дацэнт кафедры гісторыі Расіі Кубанскага дзяржаўнага ўніверсітэта, к. г. н., дацэнт (Расія)
Мікалаенка Надзея Мікалаеўна	Аспірант кафедры педагогікі Жытомірскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя І. Франко (Украіна)
Мішын Павел Іванавіч	Старшы выкладчык Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта
Мішына Вера Іванаўна	Старшы выкладчык Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта
Нікіціна Людміла Канстанцінаўна	Загадчык аддзела спорту, турызму, экалогіі і краязнаўства Цэнтра дзяцей і моладзі Віцебскага раёна
Падліпскі Аркадзь Міхайлавіч	Краязнавец
Падстаўленка Віталь Феліксавіч	Дацэнт кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Паўловіч Мікола	Член Праўлення таварыства «Уздым», гісторык (Латвія)
Півавар Мікалай Васільевіч	Дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, выкладчык гісторыі Віцебскага кадэцкага вучылішча, к. г. н., дацэнт
Пушкіна Вольга Іванаўна	Старшы выкладчык кафедры агульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Рагачова Ларыса Іванаўна	Загадчык аддзела краязнаўчай літаратуры і бібліяграфіі Віцебскай абласной бібліятэкі імя У.І. Леніна
Рагачова Марыя Пятроўна	Настаўнік Саранскай сярэдняадукацыйнай школы № 13 (Расія)
Рагачоў Уладзімір Ільіч	Прафесар кафедры літаратуры і методыкі навучання літаратуры Мардоўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М.Я. Яўсеўева, д. філал. н., дацэнт (Расія)
Рафеева Марына Сяргееўна	Дырэктар Гомельскай абласной універсальнай бібліятэкі імя У.І. Леніна
Рогач Вера Валянцінаўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Скерынаў Віктар Уладзіміравіч	Студэнт Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Смірнова Таццяна Рафаілаўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка
Струнчанка Андрэй Андрэевіч	Вядучы метадыст Віцебскага абласнога метадычнага цэнтра народнай творчасці, магістрант кафедры агульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава

Сусед-Вілічынская Юліяна Самсонаўна	Дацэнт кафедры музыкі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. п. н., дацэнт
Сямёнаў Дзмітрый Юр'евіч	Метадыст па экалага-краязнаўчай адукацыі Цэнтра дзіцячай творчасці № 6, к. б. н., дацэнт (Расія)
Талмачова Ганна Валер'еўна	Дацэнт кафедры айчыннай гісторыі Краснаярскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя В.П. Астаф'ева, к.г.н., дацэнт (Расія)
Тамілаў Ігар Сяргеевіч	Лабарант Табольскай комплекснай навуковай станцыі Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук (Расія)
Таранеўскі Віктар Уладзіміравіч	Старшы выкладчык кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Трусава Алена Рыгораўна	Старшы выкладчык кафедры філасофіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Труфанова Джамілія Ілгізаўна	Студэнтка Аранбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта (Расія)
Урванцава Наталля Генадзеўна	Дацэнт кафедры філасофіі і культуралогіі Петра-заводскага дзяржаўнага ўніверсітэта, к. філал. н., дацэнт (Расія)
Храпуновіч Ганна Ігараўна	Магістрант Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Цітова Наталля Іванаўна	Настаўнік гісторыі і грамадазнаўства гімназіі № 9 г. Віцебска
Цяплінская Алена Мікалаеўна	Студэнтка Белгарадскага дзяржаўнага інстытута мастацтваў і культуры (Расія)
Шавель Святлана Аляксандраўна	Настаўнік гісторыі сярэдняй школы № 18 імя Еўфрасінні Полацкай г. Полацка
Шаркоўская Наталля Юр'еўна	Вядучы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Шаўкун Павел Віктаравіч	Дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных навук Віцебскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта, к. г. н.
Шкрабава Таццяна Аляксандраўна	Старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
Шуліка Марыя Уладзіміраўна	Старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі культуры Белгарадскага дзяржаўнага інстытута мастацтваў і культуры (Расія)
Юрчак Дзяніс Валер'евіч	Галоўны спецыяліст галоўнага ўпраўлення ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама, к. г. н.
Яшчанка Аксана Рыгораўна	Загадчык кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, к. г. н., дацэнт

ЗМЕСТ

Прадмова	3
----------------	---

ЖЫЦЦЁ І ДАСЛЕДЧАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ М.Я. НІКІФАРОЎСКАГА

Арпентьева М.Р. Фольклор как компонент исторической памяти	5
Вінаградава Н.М. Малая радзіма М.Я. Нікіфароўскага – вёска Вымна ..	10
Нікіціна Л.К. Выкарыстанне спадчыны М.Я. Нікіфароўскага ў музейнай справе на прыкладзе школьных музеяў Віцебскага раёна ...	16
Півавар М.В. Віцебшчына легендарная. Вандроўка па мясцінах, апісаных у творах М.Я. Нікіфароўскага	19
Подлипский А.М. Малоизвестные работы Николая Никифоровского ..	24
Пушкина О.И. Н.Я. Никифоровский как исследователь белорусской народной демонологии	29
Рагачова Л.І. Па старонках выданняў аддзела краязнаўства: фальклорна-этнаграфічныя доследы М.Я. Нікіфароўскага ў «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П.В. Шэйна	34
Сусед-Виличинская Ю.С., Скоринов В.В. Координация работы учреждений образования различных типов по использованию этнофольклорного наследия Н.Я. Никифоровского	40
Шарковская Н.Ю. Н.Я. Никифоровский как первый исследователь археологических «гончарных терракот Витебска»	44
Яценко О.Г. «Там и сям в черте города»: городская среда Беларусі пачатку ХХ в.	52

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Агееў А.Р. Дакументы Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова як крыніца па вывучэнні гісторыі грамадска-палітычных і культурных працэсаў ХХ ст.	57
Аниськович М.М. Краеведческое наследие Н.А. Маниса	62
Атапин В.Б. Витебские ручьи	65
Бараненка Т.В. Вытворчая дзейнасць полацкай кравецкай арцелі «Белкустар» у перыяд індустрыялізацыі (канец 20-х – пачатак 30-х гг. ХХ ст.)	70
Бараноўскі А.В. Кірыла Цімафеевіч Анікіевіч: краязнавец, этнограф, археолаг	75
Барановский А.Л. Лепельское пехотное училище (1940–1957)	77
Белюков Д.А. Из истории краеведения: А.А. Редик – автор исторических заметок о Великих Луках (1887)	82

<i>Ганчарова А.В.</i> Эпизоды из жизни председателей Виленской комиссии для разбора и издания древних актов П.В. Кукольника и И.А. Никитина	87
<i>Гужалоўскі А.А.</i> Гісторыя гарадоў на старонках часопіса «Наш край»	91
<i>Дулов А.Н., Юрчак Д.В.</i> Проект «Двина А.П. Сапунова»: итоги реализации в зоне затопления Витебской ГЭС	96
<i>Корсак О.В.</i> Памятные книжки Витебской губернии как источник по истории края (вторая половина XIX – начало XX в.)	101
<i>Лисов А.Г.</i> Еще раз о проекте Марка Шагала об организации Витебского народного художественного училища	105
<i>Луговцова С.Л.</i> Уездный список шляхты Лепельского уезда 1819 г. как исторический источник	111
<i>Марціновіч С.В.</i> 3 гісторыі Віцебскага кінатэхнікума (1932–1941)	116
<i>Матющенко П.П.</i> Кубанская школа и родиноведение – кубановедение в XIX – начале XX в.	121
<i>Миколаенко Н.Н.</i> Детские образовательные издания: становление и развитие	125
<i>Рогач В.В.</i> Петр и Павел Гусаревичи	131
<i>Паўловіч М.</i> Беларускія мясціны Даўгаўпілса	136
<i>Струнчанка А.А.</i> Адлюстраванне жыцця і дзейнасці І.А. Манькоўскага на старонках часопіса «Русская старина»	138
<i>Титова Н.И.</i> Записки из блокнота, или Прогулка по улице Чехова	142
<i>Томилов И.С.</i> Обрабатывающая промышленность в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	147
<i>Трусова Е.Г.</i> Воспоминания Григория Аронсона – источник о революционных событиях в Витебске	153
<i>Шкрабова Т.А.</i> Благоустройство жилья сельского населения Гомельской области в 1950–80-е гг.	158
<i>Юрчак Д.В.</i> К вопросу о локализации витебских порогов, указанных в книге А.П. Сапунова «Река Западная Двина»	163

ЛІТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА. ЭТНАГРАФІЯ. ФАЛЬКЛАРЫСТЫКА

<i>Аляксеева Т.У.</i> Паняцце рэгіянальнага ў літаратуры	168
<i>Беспалова Е.В.</i> Роль краеведения в гражданско-патриотическом воспитании в условиях сельской школы	171
<i>Великая Н.Н.</i> Эволюция традиционной культуры гребенского казачества в дореволюционный период	176
<i>Гаврилова А.О.</i> Этнокультурный компонент образования современного подростка	179

<i>Гасанов Э.Л.</i> О прикладных аспектах историко-этнографического исследования основных ремесленных традиций Гянджи второй половины XIX в.	184
<i>Лецинский М.А.</i> Образ командира брига «Меркурий»	
<i>А.И. Казарского (1798–1833)</i> в морской народной песне	188
<i>Масловская М.В.</i> Материальная культура Житомирского Полесья ..	195
<i>Мишин П.И.</i> Традиционная примета о встрече с волком и особенности ее бытования на Витебщине	199
<i>Мишына В.І.</i> Традицыйныя і новыя элементы ў сучасным вяселлі Віцебшчыны	202
<i>Падстаўленка В.Ф.</i> Праблема станаўлення асобы ў «ваенных» апавяданнях Уладзіміра Караткевіча	208
<i>Рогачев В.И.</i> Фольклорно-этнографические аспекты изменения прически невесты на свадьбе	213
<i>Рогачева М.П., Рогачев В.И.</i> Поэтика свадебных причитаний невесты (на примере текстовых материалов мордовской свадьбы)	216
<i>Таранеўскі В.У.</i> «Шчасце як шкло, а шкло як шчасце» (Віцебшчына ў мемуарах Я.У. Пачобута-Адлянцкага)	224
<i>Теплинская Е.Н.</i> Детский фольклор: игры, праздники и обряды как составляющая процесса воспитания	228
<i>Храпунович А.И.</i> Образ этнографа в произведениях «Дикая охота короля Стаха» В. Короткевича и «Дагерротип» Л. Рублевской	231
<i>Шулика М.В.</i> Значение дисциплины «Художественное краеведение» для формирования у студентов ценностных ориентаций к культуре	235

КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЎСТАНОВЫ Ў СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

<i>Бубен А.Н.</i> История Добейского края: поисково-исследовательская деятельность библиотеки	240
<i>Воднева И.П., Смирнова Т.Р.</i> Коллекция музейных предметов по теме «Почетные граждане города Полоцка» как средство формирования гражданской позиции личности в процессе музейной коммуникации	243
<i>Гаўрылава С.В.</i> Рукапіс Янкі Ліпаўкі з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка	248
<i>Дударова Н.А.</i> Краязнаўчая дзейнасць бібліятэк Дубровенскага раёна ..	251
<i>Ермалёнак В.А.</i> Рукапісныя і старадрукаваныя кнігі ў музеі кнігі і друку ДУА «Мёрская сярэдняя школа № 3»	256
<i>Калініна Т.М.</i> Адзел беларускай і краязнаўчай літаратуры: мінулае і сучаснасць (да 80-годдзя з часу заснавання Магілёўскай абласной бібліятэкі імя У.І. Леніна)	262

<i>Кепин Д.В.</i> История создания Государственного историко-культурного заповедника «Нагуевичи»	267
<i>Корникова Н.В.</i> Этнографические экспозиции в музеях Беларуси глазами современных горожан	270
<i>Паўловіч М.</i> Дзейнасць беларускага таварыства «Уздым» у Даўгаўпілсе .	275
<i>Рафеева М.С.</i> Краеведческая деятельность библиотеки: диапазон идей и практик	277
<i>Семенов Д.Ю.</i> Формирование патриотического мировоззрения у обучающихся на примере музея «Винновская гора» Центра детского творчества № 6	282
<i>Струнчанка А.А.</i> Краязнаўчая дзейнасць устаноў культуры аграгарадка Мазалава Віцебскага раёна	284
<i>Труфанова Д.И.</i> Роль краеведения в формировании личности в условиях современной социокультурной среды (на примере деятельности музея истории Оренбургского государственного университета)	287

РЭЛІГІЙНАЕ ЖЫЦЦЁ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

<i>Базарэвіч Г.Х.</i> Сінагогі і іўдзейскія малітоўныя дамы Браслаўшчыны .	290
<i>Булаты П.Ю.</i> Грэка-каталіцкая царква на тэрыторыі Ляхавіцкага графства ў канцы XVII ст.	293
<i>Василицына Л.А.</i> Митрополит Павел (Гальковский) – архипастырь из Усвят	298
<i>Выдрин Е.В., Толмачева А.В., Бобрик И.Е.</i> Проблемы и перспективы развития церковного краеведения в Красноярском крае. . .	303
<i>Карпекін К.Р.</i> Іўдзейскія абшчыны мястэчка Лёзна ў 1920–30-я гг. . . .	305
<i>Качарагіна Л.А.</i> Праваслаўе і музей каляндарна-абрадавых традыцый беларусаў	310
<i>Леаненка С.П.</i> Свята-Мікалаеўская царква ў Задзвінскай слабодцы мястэчка Бешанковічы	315
<i>Урванцева Н.Г.</i> Религиозное паломничество и экскурсии учащихся Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в. (по материалам «Олонецких епархиальных ведомостей»)	319
<i>Шавель С.А.</i> Дорога к храму: православное краеведение как фактор духовно-нравственного воспитания учащихся	323
<i>Шевкун П.В.</i> «Полоцкие епархиальные ведомости» как средство внутрицерковной коммуникации	328
Дадаткі	333
Звесткі пра аўтараў	344
Змест	348

Навуковае выданне

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Т. 1

Матэрыялы

Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 170-годдзю з дня нараджэння М.Я. Нікіфароўскага

5 лістапада 2015 г., Віцебск

Рэдактары Ж. К. Зяневіч, А. В. Шарпіла
Дызайн вокладкі К. В. Стральцовай
Камп'ютарная вёрстка Д. В. Макарэвіча

Падпісана ў друк 08.08.2016. Фармат 80х64^{1/16}. Гарнітура Times New Roman.
Лічбавы друк. Умоўн. друк. арк. 20,46. Улік. выд. арк. 19,98. Тыраж 50 экз. Заказ 676.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная бібліятэка Беларусі».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 1/398 ад 02.07.2014.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворца, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 2/157 ад 02.07.2014.

Пр. Незалежнасці, 116, 220114, Мінск.
Тэл. (+375 17) 293 27 68. Факс (+375 17) 266 37 23. E-mail: edit@nlb.by.